

Юрий
НИКИТИН

ВПЕРВЫЕ В ОДНОМ ТОМЕ!

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

ТРИЛОГИЯ

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Трое из Леса. Трилогия

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Никитин Ю. А.

Трое из Леса. Трилогия / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2019 — (Трое из леса)

ISBN 978-5-04-103805-2

В небольшой деревне в дремучем Лесу существует правило: «Кто не работает – тот не ест». А чтобы, на всякий случай, никого не заразить бездельем, лучше отправить лентяев подальше из деревни. Так и отправились в безвозвратное путешествие незадачливый волхв Олег и никудышный охотник Таргитай. И скучно им было вдвоем. Нашли они третьего бездельника с невеселым именем Мрак... Классика отечественной фэнтези. Первые три романа легендарного цикла впервые под одной обложкой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103805-2

© Никитин Ю. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Трое из Леса	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	50
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	80
Глава 9	88
Глава 10	97
Глава 11	105
Часть II	109
Глава 1	109
Глава 2	120
Глава 3	124
Глава 4	132
Глава 5	141
Глава 6	148
Глава 7	155
Глава 8	164
Глава 9	174
Глава 10	182
Глава 11	188
Глава 12	198
Часть III	204
Глава 1	204
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Юрий Никитин

Трое из Леса. Трилогия

© Никитин Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Трое из Леса

Часть I

Глава 1

Боромир отодвинул полог из медвежьей шкуры, и в дупло ворвался свежий утренний воздух. Тяжелые ночные запахи перепрелого дерева качнулись и, как донные рыбы, опустились, унося смутные видения и страхи.

Он высунул голову и, ослепленный ярким светом, задохнувшийся обжигающим воздухом, недоверчиво всматривался в мир. На земле свежие отпечатки волчьих лап, но это кто-то из своих, а вот на дереве напротив – следы когтей крупной совы. Недобрый знак...

Кряхтя, он полез наружу. Воздух был свежий и влажный, утоптанная земля блестела росой. Деревья-великаны окружили исполинскую поляну плотной стеной. Ветви над ней переплелись, в темной зелени постоянно шебаршится, шевелится, вниз то и дело падают чешуйки коры, листья, сыплются шерстинки и перья. Нередко окровавленные.

За ночь землю кое-где вспучило, а у могучего дуба, где в дупле живет семья Годовита, даже пробился зеленый росток. Если не уничтожить к вечеру, завтра война с Лесом будет куда труднее...

Дожили, подумал Боромир с облегчением. Самой большой заботой его племени было дожить до весны, до тепла, до солнца, которое видели нечасто, но все знали, что с весны оно начинает прогревать деревья и землю.

Из ямы, закрытой сверху стволами деревьев и пластами дерна, выползали голые дети Громобоя, Старшего Охотника. За ними тянулся запах нечистот и вони, все в толстой корке грязи, с бледными лицами, красными глазами и распухшими кровоточащими деснами. Старшие были в лохмотьях перепрелых шкур, но с такой же засохшей кровью на губах, слабые, блеклые. Едва вылезли, расселись, как воронята, на длинной валежине, ослабелые ноги держат худо.

Кто покрепче, ковылял до Реки. Лед давно сошел, вода бежала, прыгая по камням, чистая, как рыба, и дети, помогая друг другу, переходили по камням на ту сторону Реки. Там просто Лес, предтеча неведомого Чернолесья, куда не ступала нога человека, и в этом лесу дети, не отходя от берега и не теряя из виду приметные деревья, рылись в ворохе прошлогодних листьев, находили плоские стебельки лука, молодые листочки папоротника, крапивы, рвали и тут же старательно жевали, чувствуя, как живительные капли вливаются в ослабевшие тельца, поддерживают уже было затухшие искорки жизни. Как козы, объедали молодые веточки тальника и орешника, обагрив их кровью из десен.

Самые живые из них первыми находили в кустах гнезда с яйцами. Такие же гнезда виднелись и на деревьях, но после мучительной зимы, когда большая часть детей погибала, никто из уцелевших не смог бы взобраться даже на похляпое дерево. А так торопливо выпивали яйца, и первая краска прилиwała к щекам, а в груди наконец начинало стучать сердечко, совсем было замершее за долгую зиму.

Домой возвращались, как и положено, не с пустыми руками. Каждый нес стебли едомой травы, корни принесут потом, когда окрепнут, старшие тащили даже сухие ветви, ибо живое дерево убивать не разрешают боги.

Боромир побрел, опираясь на резной посох, от дерева к дереву, бил посохом по стволам, те отзывались гулким звуком, а то и сонными голосами. Грязные седые волосы волхва были

перехвачены на лбу полоской кожи, борода опускалась до пояса, а толстая медвежья шкура свисала с плеч до земли. На поясе висел широкий кремневый нож, но главным оружием Боромира был резной посох. Там сосредоточилась его мощь волхва, с его помощью он отгонял злых духов.

И сейчас не по-старчески острые глаза осуждающе осматривали дупла, землянки. Беспечны люди, беспечны! Супротив зверя любой выстоит, а незримому врагу препон никто не ставит. Надо наложить заклятия. Враг не дремлет, пролезает в любую щель!

Из дупла семьи Годовита донесся детский крик. Боромир остановился: строгость надобна, но зря детей сечь нельзя. Сегодня дети, завтра им кормить родителей, беречь покой. Должны знать, что мир строг, но справедлив.

– Ой, тятенька! – слышался голосок. – Ой, не буду!.. Медведь, косолапый медведь...

Боромир тут же зашагал дальше. Несмышлениш забыл новый закон, который намеренно установили волхвы: не зови бера, а то придет, и, когда отец вернулся с охоты, наверняка выбежал с воплем: тятенька, а бера не встретил?

Как и все мужики в деревне, Годовит бера не боялся, если один на один, в руке рогатина, а за поясом секира, но бер часто ходит ночью, пробирается к спящим через дупло, а кто живет в землянках, у тех разгребает бревна на крыше. Бер легко душит лося и несет в передних лапах, среди зимы разгребает твердую как камень, промерзшую землю, чтобы вытащить из норы мышонка... Поэтому волхвы повелели называть бера медведем, косолапым, топтыгиным. Пускай спит в своем логове бера, берлоге, не догадывается, что говорят о нем!

Скорее бы шли годы, подумал Боромир тревожно. Старики унесут опасное знание в вирий или к Ящеру, родство с берами забудется, а внуки даже знать не будут, что совсем недавно вышли из звериного мира. Надо лелеять солнечную каплю в сердцах, которую заронил бессмертный Род!

– Мир дому, – сказал он густым сильным голосом, медленно и опасливо спускаясь по земляным ступенькам, склизким от сырости, в просторную землянку старого Тараса. – Пусть Чур оградит тебя от Ящера!

– Слава Чуру и светлым богам, – прозвучал простуженный голос.

В землянке влажно и жарко, посерединке утоптанного земляного пола плоские камни, вбитые в землю, на них еще светятся багровым огнем крупные угли. Зловещие блики прыгают по неровным стенам, из которых свисают засохшие корни. Иные выпучиваются мощно и нагло, в них чувствуется шевеление, то ли холодные соки с силой прут из тайных глубин в толстые стволы, а оттуда к ветвям и листьям, то ли крупные черви и жуки в тепле и безопасности жрут мощно, спешат взматереть и наплодить потомство.

Древний дед Тарас сидел перед очагом, зябко вжимаясь спиной в теплую стену. На ногах короткая шкура бера, одной рукой Тарас пытался натянуть ее до подбородка, а другой нерешительно трогал последней щепочкой угли. Самый старый в деревне, он не умер потому лишь, что не решил, кем станет: домовым или лешаком. Добро бы в доме, за детьми нужен глаз да глаз, но всю нелегкую жизнь мечтал попасть к берегиням. Видел одну краем глаза в молодости, сердце зашло, но семья, дети, хозяйство, некогда на небо взглянуть! Теперь вот-вот высвободится из дряхлого тела... но и душа, видать, постарела. И к берегиням охота, и не меньше в охотку кус жареной печеночки, что бросают в угол домовому.

– Боромир, – спросил он осторожно, – а что жрут лешаки? Ежели лягух или пиявок...

Боромир грозно сверкнул очами, с грохотом ударил посохом о камни очага:

– О чем мыслишь? Ты жив. Помогай светлым богам в борьбе с темными! Вон у тебя дубина резьбой недоукрашена, охрой не расписана. Как без красоты воевать с Врагом? Лепота, Труд...

– Я помогаю, – перебил Тарас хриплым простуженным голосом. – Только уже не боец. Бе... медведя голыми руками ломал, как медовые соты, а теперя...

– Не боец? – удивился Боромир. – Все мы бойцы, поединщики! Если горшок не украсить волнистыми линиями, то оскудеешь едой, если одежду не обнарядить – Враг проберется к сердцу! А у тебя вон ложки не расписаны, петли на куртке оборваны... Хотя это можешь сделать?

Тарас кивал, кутался в шкуру, оголив желтые худые ноги. Ссохшийся, скрючившийся под старой шкурой с вытертым мехом, он уже теперь казался домовым. Волхв прав, Мара с ее дочками – а их у проклятушей двенадцать! – сгубила больше, чем лесные звери. Надо давать отпор, надо... Но у молодых сил больше, а ему бы успеть решить: домовиком или лешим? Ведь кроме берегинь и леших в Лесу бродит нежить, души чужих мертвяков. Этих зайд, забредших в Лес невесть откуда, убивали и закапывали. Теперь бродят по ночам, кидаются из темноты, пьют теплую кровушку. Тарас в молодости барсов давил, беру хребет ломал, но нежить, сказывают, смахивает на больших жаб, а лягух Тарас боялся и маленьких. У бера шерсть теплая, а у жаб – холодная, склизкая кожа. Даже от махонькой жабы бывают большие бородавки, а чего ждать от нежити?

Он коротко вздохнул, перевел глаза на волхва. Тот гремел на всю землянку, грозно потрясая жилистыми руками:

– ...все деревянное покрыть резьбой, так и скажи своим! Глину расписать цветами, куда невестки глядят? В дупле ли, землянке – должно быть чисто! Но следи, чтобы мусор не выносили, а жгли в очаге...

Он сердито умолк. Старик кивает, но глаза далеко. Лицо как печеное в золе яблоко, щурится в улыбке. Домовиком, дескать, нужнее. Возле берегинь – для себя, а домовиком, мол, послужит семье и после смерти, как подобает человеку. Жить, правда, придется похуже, но душа за детей будет покойна. Жароок, старшой, до седин дожил, а вспыхивает как береста. Семенко, середульный, еще крепче – первый кулачный боец, далеко ли до беды? Младшенький, Вырвидуб, был во всем хорош, но погиб на охоте, оставив двоих детей. Внуки вовсе нескладные, особенно старший, Таргитай... Девятнадцать весен минуло, а ему бы все играть на дуде да за девками бегать! Придется домовиком. Будет следить, дабы блюли обычаи пращуров, ухаживали за могилками, поминали в Навий день, помогали родне, соседям, сиротам...

– Сыновья на охоте? – рявкнул Боромир, грубо вторгаясь в думы.

– Пошли к Неустроихе... Ее дупло разваливается. Мужики собрались, помогают перебраться в землянку.

Боромир одобрительно кивнул. Враг давит по одному, но когда люди помогают один другому, отступает, скрежеща зубами!

– А внуки?

– Лесуют. Справные охотники.

– Даже Таргитай?

Тарас опустил голову, избегая смотреть волхву в глаза.

– Тоже в лесу.

– Охотится?

– Ну... как умеет.

Боромир едва не выругался, повернулся и ушел как можно быстрее. Лаз в землянку плотно притворил, чтобы не выпускать горячий воздух.

Землянка Тараса, которую он расширил, отбив у медведя, самая крайняя, дальше Лес, где всегда сыро, мрачно. Земля вздрагивает, когда падают подгнившие великаны, молодняк жадно теснится над покрытыми мхом исполинскими валежинами, вместо неба там переплетенные ветви.

Деревня стояла в излучине Реки. В сухое время заяц перескакивает, не замочив лап, но сейчас весна, Река бурлит, неся вешние воды, деревья на глазах выпускают молодые веточки,

тянутся через Реку, угрожая перешагнуть поток и вернуть себе отвоеванный людьми клочок земли.

Боромир остановился, вперил тяжелый взгляд в темную стену Леса. Жить в Лесу – видеть смерть на носу. Беры, барсы, рыси, а в эту весеннюю пору – страшнее всех лось или тур. Еще в Лесу много болот, где человека и зверя подстерегают холодные лапы упырей.

Берегинь почти нет, те лишь на берегу, а у болот темная вода постепенно переходит в жидкую грязь, где роится всякая мерзость, потом поверх грязи ложится толстая шкура зеленого мха, торчат кусты, иной раз одна-две каргалистые березки. Ступишь без опаски, мох прорвется, как гнилая шкура, и ухнешь в темную холодную воду, где нет дна. Засосет до преисподней, где правит подземным миром лютый Ящер!

Из Леса вышел и пошел через Реку рослый и широкий в плечах человек. Он выглядел грозным и сильным, на плечах лежал, свесив ноги и рогатую голову, крупный олень. На коротком поясе охотника висели два кремневых ножа, а в ременной петле хищно блестела тяжелая секира из гладкого отполированного гранита. Охотник был в душегрейке из волчьей шкуры мехом наружу, голые до плеч руки казались вырезанными из старого темного дуба. Он шагал широко, вспенивая воду высокими сапогами, одной рукой придерживал оленя.

За охотником по пятам брел светловолосый ясноглазый парнишка. У него были вскинутые брови, синие, как небо, глаза, лицо казалось удивленным. Он не отрывал от губ сопилку, звонко дудел, часто перебирая пальцами. Едва не упал – смотрел не под ноги, а в широкую спину.

Волхв с тревогой окинул взглядом охотника. Лучший стрелок, знаток Леса, умелец, но в деревне знают, что недолго Мраку жить среди людей!

Мрак подошел, передернул плечами, поправил сползающего оленя. Он был тяжел, могуч в плечах, а волосатая грудь так широка, что на ней разлегся бы барс. Черные, как крыло ворона, волосы падали до плеч, глаза были темные, цвета ночи. Дальняя родня бездельнику Таргитаю, который играет на дуде, но если Таргитай весь как очищенное яичко, то Мрак словно спал в саже. Суровое лицо, тоже будто из дуба вырезанное, – рябое, будто злые птицы поклевали, заметный шрам на подбородке.

Он сильно топнул ногами, стряхивая воду с сапог, кивнул Боромиру. За Мраком двигалась тяжелая густая тень. Боромир давно заметил, что тень всегда ходит за Мраком, какой бы день ни стоял, откуда бы свет ни падал.

– Привет служителю светлых богов, – прогудел Мрак густым темным голосом. – Лучшая часть оленя – тебе, Боромир.

– Не мне, а богам, – поправил волхв сердито. – Мои зубы не для жесткого мяса. Собьешь молодого рябчика, занеси... Тарх, ты не забыл, что завтра день Посвящения в Охотники?

Таргитай быстро-быстро закивал. Сопилку бережно прижимал к груди, глаза были преданные, чистые. Боромир зло сжал кулаки. Старший внук Тараса всегда смотрит преданно, но это самый ленивый из всего Народа. Увиливает от работы по дому, не умеет охотиться, не ловит рыбу, не ставит силки на зверя и птиц. Когда посылали за хворостом, пропадал весь день, а приносил одну-две веточки. Учили бортничать, но пугался пчел, учили тесать дерево – все шло вкривь и вкось. Не умеет выделывать шкуры, тесать камни, лепить горшки...

Боромир сказал язвительно:

– Оленя завалил ты, Таргитай? Мрак только помог нести?

Таргитай беспомощно оглянулся на огромного охотника. Мрак хмуро оскалил зубы. Свирепый и нелюдимый, он почему-то выделял Таргитая, слушал его дуду и нехитрые песенки, заступался. Мрака боялись. Никто не знал его полной мощи. В кулачных боях Мрак участия не принимал, но с легкостью давил бера, ломал хребет туру, у него был самый мощный лук и самые длинные стрелы, больше похожие на дротики.

– Завтра чтоб с утра, – сказал Боромир.

Он посмотрел на чистое личико Таргитая, что больше пристало девице, чем будущему охотнику, повторил со злой усмешкой:

– С первым щебетом птиц!

И ушел, грозно стуча посохом. Таргитай со страхом смотрел в прямую спину волхва. Под медвежьей шкурой уверенно двигались тугие мышцы бывшего охотника, лучшего охотника племени.

Для такого волхва всякий, кто не охотник, – не человек вовсе!

На другой день с утра готовили место для обрядового костра. Туман еще уползал за Реку, цеплялся за кусты, а парни уже натаскали целую гору сухих валежин, хвороста, сучьев.

На высоком месте, на берегу Реки по соседству с кладбищем, как и завещано испокон веков, уложили широкую тяжелую колоду. В середине чернела обугленная ямка, туда вставили заостренный кол, привязали ремни, а двое дюжих мужиков с силой дергали, вздувая жилы. Кол вращался, вокруг топтались мужики и бабы, ребятишки глазели. Мужики взмокли, сбросили волчовки, наконец из колоды пошел жиденький дымок.

Боромир ходил строгий, прикрикивал. Охотники по его указке выдирали из земли камни, пни, утапывали, следом носились девки, помахивая вениками. Норовили задеть парней.

За Боромиром неотступно ходил Олег, младший волхв. В деревне знали, что Боромир часто гневается на Олега, несколько раз бил посохом. Среди молодых парней Олег слыл хитроумным, но, когда попал к Боромиру в ученики, все пошло наперекосяк. Не мог запомнить простейших чар, из Леса приносил не те травы, умничал: мол, любой огонь – от богов, так что от кремня рождается такой же священный, как и от ерзанья деревом по дереву.

По краям вытоптанной площадки свалили гору старого хлама, мусора, разошедшихся ведер, протертых кож, истоптанную обувь, сломанные остроги, треснутые кружки, ковши, ложки...

Боромир огляделся, бросил Олегу:

– Возьми двух парней, притащите во-о-он ту старую сушину! Огонь должен быть до неба, понял?

– Понял, все понял, – ответил Олег поспешно.

– А что понял? – спросил Боромир подозрительно. – Зачем такой огонь?

– Ну, чтобы богам стало жарко...

– Дурень, – бросил Боромир в сердцах. – Чем больше земли осветится, тем больше и освятится. Свет свят, понял? Боги радуются, удачу пошлют! Иди, остолоп.

Мужики и бабы, закрываясь руками от жара, подбегали к огню, швыряли хлам, очищая жилища от нечисти. За зиму накопилось подстилок из коры и трав, перепрело, кишат гадкие белые черви, вот-вот обернутся толстыми зелеными мухами, оводами, слепнями... Слава же, слава Агни, все горит, уносится дымом.

Боромир с натугой взгромоздился на пень, властно захлопал в ладоши:

– Добро, добро!.. Боги зрят благосклонно. Мир очищается от скверны. Светлым богам любо, темным богам горько... А теперь очистимся и мы сами!

Олег по его знаку широко размахнулся, угодив локтем в лицо стоявшего сзади мужика, швырнул в костер связку сухого хвороста. Парни, не дожидаясь, пока разгорится, начали сигать через огонь, по-заячьи поджигая ноги. Девки запоздали, пламя вздувало подолы, жгло ноги. Поднялся визг, вопли, посыпались шуточки, советы.

Кто хитрил, прыгал сбоку, где огонь поменьше, тех Боромир отправлял сквозь огонь снова. Пусть очищаются, выжигая из себя лесную сырость. Смех угоден богам. Смеются – значит, сыты, довольны, воздают хвалу. Потом парни начнут растаскивать девок по кустам, что уже оперились зелеными листочками. Тоже угодно богам. Самые угодные из всех зверей – люди.

В сторонке от требища, почти у самой Реки, ждали тесной стайкой парнишки. Их прогнали через костер первыми, теперь они чесали обожженные места, перешептывались. Таргитай стыдливо держался позади. Он уже шестой раз смотрит отсюда на пляски, на праздник Огня! Есть парни, что стали охотниками на двенадцатую весну, даже на десятую, а он встречает весну девятнадцатый раз...

Громобой, Старший Охотник, угрюмый и неповоротливый от избытка чудовищной силы, придирчиво осматривал молодняк, хмурился. Мельчают! Раньше на снегу спали, как тетерева, сырое мясо ели, лося хватали в буреломе, берега давили голыми руками! А теперь чистенькие, шкуры носят выделанные, норовят рыбу ловить – та сдачи не даст, птиц заманивают в силки, ягоду-малину ищут, ровно козы... Тьфу!

Медленно подошел, кривясь от болей в пояснице, Боромир. Громобой кивнул, продолжая рассматривать парней. Волхвов не жаловал, но Боромир не родился волхвом. Громобой был мальчишкой, запомнил могучего охотника, что в грозу попал под упавшее дерево. Другого бы в лепешку, но Боромир дерево стряхнул, до ближайшей землянки дополз. Не помер, не дался подземным силам, хотя те забрали его звериную мощь. Стал младшим волхвом у мудрого деда Огневита, а когда тот ушел в вирий, встал вместо него, охраняя деревню от Темных Сил Врага. Дело знал, обычаи блюл, к тому же из всех обрядов больше всего любил Посвящение в Охотники.

Толкаясь, мешая друг другу, парни с натугой поволокли на пригорок огромный круг, обвязанный пучками сухой травы, обмазанный дегтем. Олег поднес горящую головню, сено вспыхнуло. Оранжевое пламя осторожно лизнуло подтеки дегтя, радостно взревело, набирая силу, – полыхнуло черным дымом, затрещало.

– Толкай! – заорал кто-то.

– Эй, поберегись!

– Дорогу ясному солнцу!

Пылающий круг покатился с берега. На камне подскочил, завихлял, но кто-то из смельчаков бросился наперерез, толкнул, и круг помчался к воде, набирая скорость. Искры летели во все стороны, и даже Боромиру, который сам увязывал солому, показалось, что в самом деле солнце покатилося с небес в Реку.

Уже вся деревня собралась к освященному месту. Даже самые дряхлые и немощные выползли, доковыляли до капища. На краю утоптанной площадки уже высился новый столб с грубо вытесанным ликом Велеса, бога охотников. Его ставили каждую весну заново: земля сырая, столб сгнивает через пару лет. Промедли чуть – ворона сядет на макушку – столб с грохотом падает. Однажды зашиб ребенка. В деревне поняли – Велес требует жертву. С той поры каждый год отдавали по младенцу, потом с охотой пошло на лад, и Боромир рискнул вместо ребенка своей сестры, которому выпал жребий, сжечь убитого лося. Вся деревня следила с трепетом, старики предрекали жестокие кары, но зверь шел на рогатины, рыба ловилась, и в деревне с облегчением перевели дух. Постепенно привыкли весной отдавать Велесу крупного зверя, первую рыбу после рекоплава и первое лукошко ягод.

Парней, которым предстоял обряд, поставили под столбом Велеса. Двое охотников, помощники Громобоя, оттеснили народ, прочертили круг, пригрозили, что ежели кто переступит, пусть пеняет на себя. Если Велес и промолчит, он уже не раз показывал зряшную доброту, то Громобой нечестивцу переломает кости.

Охотники прикатали огромное сухое бревно, с почетом усадили четверых старцев. Боромир зорко оглядел притихших парней. Его совсем не старческие глаза недобро блеснули:

– Даже Таргитай не проспал... Добро! Посмотрим, на что годны.

В толпе, разорвав напряженное молчание, громко заплакал ребенок. Со всех сторон зашикали, глупую бабу вытолкали, велели убираться. Боромир рывкнул свирепо:

– Кремень!

Из группы подростков, расталкивая друзей без нужды, выступил крепкий мальчишка. Он был в душегрейке из невыделанной медвежьей шкуры. Солнце блестело на крутых плечах. Голые руки были в сизых шрамах. Он напряг плечи, гордо выпятил грудь:

– Я готов, Старший Волхв!

– Стань вправо, – велел Боромир потеплевшим голосом. – Деревня у нас большая, шесть жилищ, но всяк человек на виду. Все знают, что ты сам добыл этого медведя... Старики тебя первым нарекли для Посвящения.

Кремень, едва удерживая расплзающиеся губы, быстро перешел вправо от волхва. Боромир с удовлетворением проследил за уверенным шагом парня, сказал громко:

– Вышеслав!

– Я здесь, Старший Волхв! – торопливо выкрикнул мальчишка, что стоял рядом с Таргитаем. Голос его от волнения сорвался на щенячий визг. Отпихнув Таргитая, хотя тот вовсе не загораживал дорогу, Вышеславка, Славка, а теперь уже Вышеслав быстро шагнул к Боромиру.

Старый волхв молвил медленно, косясь на застывшую в благоговейном молчании толпу родителей и соплеменников:

– Силой уступаешь Кремню, но вынослив, умеешь выследить зверя, знаешь повадки. Рыбу бьешь острой почкой почище иного взрослого. Говорят, научился бортничать. Завтра, Вышеслав, начнется твое испытание.

Вышеслав гордо отошел к Кремню, стал рядом. В толпе счастливо всхлипнула женщина. За ее подол цеплялись дети, с завистью смотрели на старшего брата.

Боромир повернулся к подпарубкам:

– Горята! Третьяк! Неустрой!

Парни выступили вперед, напыжились, раздвигая плечи, стараясь выглядеть могучими и злыми. Боромир сказал веско:

– Вас троих назвал Старший Охотник. Станьте справа.

Таргитай обхватил себя руками за плечи, унимая дрожь. Парни уходили, группка редела. Постепенно ушли почти все, с ним остались только Назарко и Тилак. Оба намного моложе, зато умелые рыбаки. Про Тилака поговаривали, что умеет перекидываться волком. Враки, скорее всего, но все равно Тилак не по годам дороден, силен, оправдывая имя. Еще в детстве его звали Телесиком, ибо тело было крупное, дородное. Сейчас у него пробиваются волосы на груди, хотя Тилаку всего десять весен. Неразговорчив, в отличие от веселого Назарки, часто пропадает в Лесу. Когда возвращается, пахнет потом и кровью.

Боромир повернулся к оставшимся, проговорил медленно:

– Назар, ты еще не вошел в возраст... Но я видел, рыбу бьешь умело. Ты можешь стать вправо... если хочешь.

– Конечно, хочу! – воскликнул Назарко с негодованием. Его глаза загорелись. К отобранному он кинулся с такой прытью, что споткнулся и под гогот собравшихся растянулся во весь рост.

Дурак, подумал Таргитай. Набитый дурень. Чем худо оставаться подпарубком? У парубка обязанности, заботы. «Парубок» означает, что надо пароваться, брать пару, вить гнездо, кормить, охранять...

Боромир глядел острыми, как у коршуна, глазами. Лицо его искривилось, будто понял мысли Таргитая. Пронзив его взглядом, он сказал Назарке:

– Сейчас ты еще растешь... Хочешь – ловишь рыбу, хочешь – нет. А охотник ловить обязан. Подумай еще! У тебя три года в запасе.

Назарко даже взвизгнул, руки прижал к груди:

– Я всегда буду ловить рыбу! Я всегда буду охотиться! Разве есть еще что-то на белом свете лучше, чем быть охотником?

В толпе мать Назарки счастливо запричитала, закричала: «Кормилец!» За ее спиной мужик заулыбался, поддержал жену за плечи. Его звучно хлопали по спине, плечам, поздравляя с таким сыном.

Боромир снова бросил острый взгляд на Таргитая, сказал тяжело:

– Добро, Назарко. Из тебя получится охотник. Теперь ты, Тилак. Ты тоже молод не в меру, однако Лес знаешь, как свою поляну. Ты приносил мне целебные травы, находил золотые волосы берегинь, сумел уйти от кикимор... Если хочешь, стань вправо. Обряд посвящения тяжел, но пройдешь, чую. Я даже чую сердцем, что ты можешь стать моим младшим волхвом!

В толпе охнули, наступила мертвая тишина. Таргитай нашел взглядом Олега. Молодой волхв стоял как столб, его лицо медленно заливала бледность. Боромир объявил во всеуслышание, что собирается взять вместо него другого ученика!

Тилак, которого после Посвящения будут звать полным именем – Аттила, оскалил зубы в недоброй усмешке. Олег как волхв – ни бэ ни мэ, ни кукареку. Громобой говорил, что он ни рыба ни мясо и в раки не годится. Заклятия не помнит, все делает невпопад, а далеко ли до беды, когда деревню окружает Враг?

Боромир перевел глаза с затихшего, как мышь, Таргитая на Тилака, ощутил холодок. В подпарубке стремительно просыпается мрачная злая сила. Такой не станет ждать, когда Старший Волхв уйдет в вирий сам!

– Теперь ты, Тарх, – сказал Боромир. Он взял себя в руки, голос подтвердел. – Охотники решили к Посвящению тебя не допускать.

В толпе взвился одинокий женский голос, но люди за чертой стояли молча, смотрели на Боромира. Задние вытягивали шеи, лезли на плечи переднего ряда. Громобой рыкнул, отгоняя смельчаков, что переступали черту. На дереве трещали ветки, где, как воронье, сидели мальчишки.

– Деревня большая, – повторил Боромир, – но все на виду. Мы говорили с охотниками, старыми людьми. Из тебя не выйдет охотник, не выйдет волхв. Ты не годишься в рыбаки, бортники, горшечники. Ты не делаешь даже того, что умеют дети: собирать ягоды, орехи, хворост...

В толпе послышались перешептывания. Безданно всхлипнула Росланиха, мать Таргитая, рано увядшая, заморенная трудом. Ее поддерживал Жароок, брат погибшего в Лесу отца Таргитая.

Старики наклонили головы. Тарас смотрел прямо перед собой, избегая отчаянного взгляда внука. Длинные серебряные волосы падали на плечи. Он опирался на толстую суковатую палку, поставив ее между ног, руки Тараса были морщинистыми, широкими, с расплюсченными пальцами, неровно сросшимися костями, сизыми шрамами, вздутыми венами. Руки бывалого охотника.

Громобой сидел на краю бревна рядом со старцами, нетерпеливо ерзал, морщился. Когда Боромир остановился, переводя дух, Громобой поднялся во весь громадный рост, похожий на столетний дуб, выросший на просторной поляне, сказал грубым, как неошкуренное дерево, голосом:

– Позволь слово молвить, волхв! Ты такой добрый и мягкий, что прямо в соплях утопаешь. Смотри, поскользнешься. Деда-прадеды резали правду-матку в глаза богам, а ты боишься сказать ее сосунку. Мы же еще намеренно решили, что лодырей, согласно старому обычаю, изгоним. Как делалось всегда! Лодырей только двое: Таргитай, сын Вырвидуба, внук Тараса, и Олег, внук Дуболома!

В толпе запричитала, осела на землю женщина. Во весь голос заголосила другая. На них цыкали, потом оттащили, чтобы не мешали.

Боромир сказал неуверенно:

– Таргитай безнадёжен, а Олег еще чему-то может научиться...

Громобой расхохотался, сказал грубым, как медвежий рев, голосом:

– Сам же берешь вместо него Тилака! Брось, мягким тебя делает старость. Чтобы в Лесу выжить, надо работать как муравьи. Все видят, что Олег – недотепа, неудачник. Поумнее Тарха, кто спорит, но ум занят чем угодно, только не делом. Мы решили? Решили. Так объяви общую волю!

Боромир вздохнул, сказал потухшим голосом:

– Невры Светлого Леса! Объявляю волю богов, которые сотворили нас, дали законы, ведут через Тьму. Этой весной, как всегда, мы перебрали молодняк. Боги благосклонны к Народу! Восемь подпарубков переводим в парубки. Лишь двое оказались никчемами. Вы знаете, как поступить.

Он повернулся к старцам, что сидели рядом на бревне, как сизые голуби. Народ тихонько переговаривался, вдали слышались вопли Росланихи. Тарас покачивал головой, но молчал. Боги, охраняя Народ, велели Маре и ее кровожадным дочкам забирать больных еще в младенчестве. Другие помирают в детстве. До парубочества дотягивают самые крепкие, выносливые. Однако здоровый люд тоже может сгинуть, если заведутся ленивые да робкие! Волей богов таких выбраковывали при Посвящении в Охотники. Таргитая кормили, одевали, берегли девятнадцать весен, но, как видно теперь, с трудом добываемый корм ушел зря. Закон строг: кто не работает – тот не ест. А Таргитай пытается остаться дитятей, хотя перерос отца, в плечах – кося сажень, бера бы заломал, если бы довелось схлестнуться.

В полной тишине, когда даже мать Таргитая затаила дыхание, Громобой перекатился с пятки на носок и обратно, грянул устрашающе во весь голос, покраснев от натуги:

– Гоям – веселье в честь светлых богов! Изгоям – день на сборы!

Боромиру передали бубен, волхв постучал пальцами. Туго натянутая кожа отозвалась глухим протяжным стоном. Народ зашевелился, парни вытянулись в линию. Когда в ряд встали охотники, вокруг костра образовалось коло. Мужчины положили ладони соседям на плечи, переплетя руки.

Громобой молодецки крякнул, вломился в ряд. Он высился почти на голову над соседями, а его огромные, как бревна, руки едва не пригнули их к земле. Боромир начал постукивать в бубен. Мужчины покачивались, притопывали, еще не двигаясь с места. Девки легонько повизгивали. Босые, в рубахах из тонкой кожи, но у каждой на голове венок из травы, а то и бересты, в косах – плетеные шнуры с подвесками. Глаза дикие, шальные. После охотников придет их черед, а потом... потом начнется то, о чем мечтали всю зиму, при одной мысли о пахучих травах и горячих жадных руках начинает кровь шуметь в висках...

Бубен гремел громче, женщины били в ладони. В Лесу даже у женщин ладони широкие, мозолистые, и хлопки похожи на удары секиры по дереву. Мужчины медленно двинулись вокруг столба Велеса. Шли по ходу солнца, как ходили испокон веков их пращуры. Боромир говаривал, что однажды, вот так двигаясь за солнцем, пращуры забрели в далекую жаркую Индию. Многие там остались, но другие через сотни лет вернулись...

Оставшись один, Таргитай пятился, пока под ногами не захлюпала вода. Над головой злорадно закричала птица, с низких ветвей посыпалась труха. Он повернулся спиной к деревне, деревья расступились, но еще долго слышал бубен, гром пляски. Земля вздрагивала: в нее одновременно били десятки ног.

За Таргитаем зашлепали босые ноги. Догнал Олег – бледный, худой, с вытарашенными глазами. Он сутулился, острые ключицы выпирали, грозя прорвать тонкую кожу. Одежда висела как на пугале.

– Тарх, – сказал он со страхом, – что теперь делать?.. Меня тоже... Тебя хоть за дело, а меня за что?.. Я старался, трудился... Пусть невпопад, но старался!

Крупные капли пота усеивали лицо, на носу висела капля. Глаза блестели, на худой жилистой шее нелепо болтался мешочек с засушенными жабыми лапками.

– Не знаю, – ответил Таргитай хрипло.

В животе было тяжело и холодно, словно проглотил огромную мороженую рыбу. Он сел, прислонившись к могучему дубу. Над головой пробежала, цокая крохотными коготками, шустрая белка. Из-за Реки доносился шум, ликующие крики.

Олег переступил с ноги на ногу, торопливо сел. Длинный балахон укрыл его ноги, молодой волхв стал еще больше похож на молодую девку.

– Неужели... изгонят? – переспросил он. – Были гоями, стали изгоями... Да лучше сразу головой в болото! В Лесу не выжить.

– Изгонят, – повторил Таргитай глухим голосом.

– Почему? Почему?

– А ты видел их глаза?.. Ликут! Оказывается, нас ненавидят.

– Скорее завидуют, – ответил Олег поникшим голосом.

Лес обступал их со всех сторон, оставался лишь узкий просвет, где журчала вода, прыгая по камням, издали доносились крики. От земли, скрытой толстой шкурой мха, тянуло сыростью, могилой. Мох вспучивался, кое-где лопался под напором белесых, как руки упырей, подземных корней. Те высывались, освобожденно шевелились, пытались схватить неосторожного человека или зверя. Пахло гнилью.

Олег нервно оглядывался. В деревне ничто не скроешь, особенно трусость. Ни одна девка, даже рябая Дашка, не решалась выйти за Олега. Он был на три года старше Таргитая, но ни разу не подрался, бледнел, завидев кровь. Когда однажды при нем резали козу, сомлел под насмешки парней и девок.

– Как пойдем в этот Лес? – спросил Олег. Он трясся всем телом.

– Кто сказал, что пойдем вместе? – ответил Таргитай грубо. – Я с тобой рядом... не сяду.

Глава 2

Вечером в дверь, она же и крыша, громко постучали. Грубый голос заорал, велел открывать, а то от двери останутся щепки, а землянку завалит землей и бревнами. Тарас, громко шаркая подошвами, заспешил к двери. Таргитай остался на прогретых костром камнях, уткнувшись в шкуры.

Сверху спустился, пригибая голову, огромный человек. Мохнатая душегрейка мехом наружу распахнулась, обнажив такую же густую длинную шерсть. Тугие мышцы обнаженных рук блестели в свете лучины, как отполированные корни старого дуба. Огромная тень метнулась по всему помещению, резко изламываясь при переходе со стен на потолок.

Человек выпрямился, задев потолочную балку. Тарас засуетился, вытер лавку чистым полотенцем.

– Садись, Мрак! Будь гостем. У нас беда, но тебе рады всегда.

Мрак молча опустился на лавку. Дерево жалобно застонало, прогнулось. Черная тень замерла, погрузив половину комнаты в темноту.

Росланиха суетилась у очага, повернула к Мраку заплаканное лицо:

– Отужинаешь?

– Квасу, – гулко обронил Мрак.

Темные глаза изучающе пробежали по стенам, остановились на неподвижной фигуре Таргитая. Тот лежал как утопленник, вниз лицом и раскинув руки.

– Один пойдешь? – спросил Мрак лениво. – Аль с волхвом?

Таргитай вздрогнул, словно пинками вырвали из сна. Непонимающе взглянул на Мрака, губы виновато поползли в стороны.

– Прости, замечтался...

– Дурень, – бросил Мрак досадливо. – У тебя не мечты, а грезы. Понял? Мечты – это когда сможешь, если сильно напряжешь пуп, а грезы... Иди с волхвом. Правда, трус редкостный. Такого куры лапами загребут, бурундуки забьют до смерти. Зато хитрый! Иной раз в ступе не влупишь, в ложке не поймашь. Из-под стоячего подошвы выпорет... Гм, хотя в другой раз хоть кол ему на башке теши, хоть орехи коли...

– Не люблю Олега, – сказал Таргитай тоскливо.

– Почему?

– Трясется от всего. Противно.

– А ты прячешься от работы, как пес от мух. Тоже не яблочко! Два сапога пара.

Таргитай уныло промолчал. Старый Тарас проследил за невесткой, та с поклоном подала гостю расписной ковш, спросив с надеждой:

– Думаешь, могут добраться до... других?

Мрак запрокинул ковш, мощно, жадно пил, разливая квас по подбородку и волосатой груди. Росланиха перехватила ковш, опасаясь, что Мрак небрежно швырнет в угол, неслышно отбежала к очагу.

– Доберутся или нет, а идти надо. Живем как медведи, дальше Болота не ходим. Ты же знаешь, где-то есть люди еще. Я знаю, Боромир знает... только не говорим про них.

– А где они?

Мрак пожал плечами. Помолчали, потом Мрак бросил:

– Откуда-то зайды берутся?

Тарас вздохнул, покосился на внука. Таргитай крутил в пальцах глиняную свистульку.

– Убьют, как смекаешь? Или в Болоте утонут?

Мрак шевельнулся, скамья под ним взвизгнула.

– Здесь убьют точно. Кто не работает... Собери им еду на два-три дня. Больше не надо.

Он бросил косой взгляд на Таргитая. Вряд ли проживут больше дня что Тарх, что Олег. Неча зря еду переводить.

– Дай пару кресал, огниво. Я кое-что подкину от себя.

Не поднимаясь, он вытащил из петли на поясе небольшую секиру. Зайчик заплясал на блестящем каменном лезвии. Таргитай мигнул, глядя с тоской. Острое лезвие блестело недобро, зло. Мрак отсекал с тридцати шагов крыло у присевшей на дерево бабочки. Но секира слушалась только Мрака. Однажды Таргитай попробовал метнуть, до сих пор вспоминать стыдно.

– Дал бы свой лук, – проговорил Мрак в раздумье, – но ни ты, ни трусливый волхв не знаете, с какого конца браться. А жаль... Ладно, увидимся.

Коротким взмахом он послал секиру через всю землянку. Крутнувшись в воздухе, секира с хрустом врезалась в дверной косяк, задрав ручку вверх. Росланиха подала Мраку запотевший ковшик. В огромной ладони Мрака ковш выглядел детской чашкой. Кадык заходил вверх-вниз, две струйки потекли по краям подбородка. Мрак крякнул, не глядя, отбросил ковшик. Росланиха тихонько ахнула, отвернулась, но не услышала треска.

Ковшик висел на ручке секиры, а Мрак уже поднимался по земляным ступеням к двери. Он повернулся боком, ибо его плечи оказались шире дверного проема.

– Я не научусь по дороге? – спросил Таргитай вдогонку.

Мрак хмыкнул, молча вылез наверх. Тарас запер дверь на засов, удивленно покрутил головой:

– Лучший охотник!.. Стрелок, каких не помню. За что жалует, не пойму!

Таргитай ответил жалобно:

– Потому что я не соперник. Никому не заступаю дорогу! Все знают, что я не заступлю. Так за что меня так?

Он опасливо покосился на дверной косяк. Каменное лезвие секиры погрузилось в твердое дерево почти до половины. Мрак ушел, черная тень его секиры перечеркивала землянку пополам. Мать подняла крышку скрыни, а дед повесил на ручку секиры кожаный мешок, бросил в него трут и огниво. Мать вытащила из скрыни хорошо выделанную шкуру, сшитую в плотный спальный мешок.

– Ни к чему не приучен, – проговорил Тарас печально. Он грустно посмотрел на краснощекого внука. – Одно слово – никчема...

Мать до полуночи собирала мешок, Тарас покрикивал, что-то выбрасывал. Раза три ссорились, Росланиха всплакнула, наконец лучина догорела, и они легли спать. Таргитай перебрался на лавку, где мать уже заботливо постелила для него самые мягкие шкуры.

Долго ворочался в темноте, заснуть не мог. В тишине что-то шуршало, скреблось. Таргитай поднялся, на ощупь подложил в мисочку печенки. Таргитай помнил только деда Иваша по матери, но тот был силач, богатырь, лютый в драке. Такой не останется домовым – с боевой секирой дерется в вирии, а если попал в подземный мир, то рубится со Змеем! С Таргитаем домовый не ладил. Дед Тарас загадочно поговаривал, что домовик чего-то требует, добивается, но Таргитай не догадывался... и не хотел догадываться.

В ставни поскреблось. Таргитай замер, руки похолодели. Донесся сдавленный шепот:

– Тарх... Тарх, ты спишь?

Таргитай подбежал к двери, с трудом отодвинул тяжелый засов.

– Тарх, это я...

В лунном свете появилась долговязая фигура. Олег был в своем белом балахоне, в слабом свете луны было видно, что шел сюда по лужам, собрал все репяхи и колючки.

– К тебе можно?

– Если только тихо.

– Я как мышь!

Олег проскользнул к нему на цыпочках. Таргитай неумело высек огонь, раздул трут. При свете лучины Олег осторожно пробрался к лавке, где лежали согретые Таргитаем шкуры, присел. Его трясло, он часто и сильно чесался. Застонал во сне дед, а мать забормотала несвязное, прикрыла ладонью глаза. Таргитай подтащил вторую лавку, лег рядом с Олегом и поспешно задул лучину.

В тишине пробежали маленькие ножки. Заскреблось, из Леса донесся протяжный волчий вой. Лежали долго, прислушиваясь, наконец Олег проговорил дрожащим голосом:

– Боязно, Тарх... Ох как боязно!

– А мне нет? – ответил Таргитай сердитым шепотом. Он нырнул было в сладкие грезы, вообразил себя маленьким, когда все ласкают, дают ломтики истекающих сладким медом сот, когда любим всеми, даже грозным Громобоем, а тут этот трус...

– Ты – боишься? А говорят, ты по дурости даже страха не ведаешь.

– Ну... просто уходить не жадется.

– Уйти – это умереть, понимаешь?

– Изгонят? Упросить не удастся? Вдруг только пугают?

– Изгонят, слабых и больных вон, таков искон.

– Горюта родился с больными ногами! Всей деревней кормят.

– То послано богами. Если бы тебя, скажем, деревом пришибло, миром бы выхаживали. Твоя лень и моя... нерешительность сидят в нас самих. В деревне бояться, что зараза перекинется на них. Если не уйдем завтра, забьют кольями.

Олег тихо всхлипнул, Таргитай застыл. Даже не стрелой или секирой, как лесного зверя, а кольями, словно осатаневшего пса, у которого глаза остекленели, а изо рта падает желтая пена!

– Я упрашивал Боромира, – прошептал в темноте Олег. – Клялся, что буду послушным... что выполню все-все... Уперся, старый пеня!

– При чем тут Боромир? – возразил Таргитай. – Это закон.

– Законы составляют люди.

– Не богохульствуй! Законы дают боги.

Олег ответил погасшим голосом:

– Да-да, боги... Но боги не считают беличьи хвосты. Детям говорим, что без воли богов даже муравей не чихнет, но мы не дети. Боги намечают, кому сколько жить, когда умереть, но в наши дела не мешаются... Тарх, возьми оружие, ладно? Хотя бы секиру.

– Возьму, – ответил Таргитай неохотно. – Только вот что... Я почти не отходил от деревни, это ты шлялся по Лесу. Если идти, то куда?

Олег молчал, Таргитай подумал даже, что волхв заснул. Нет, потихоньку плачет. Всхлипывая, сказал дрожащим, как осиновый лист на ветру, голосом:

– Если на север, то через три дня упрушься в Реку. Не такую, как наша, – большую. Ее не перейти, а плавать не умеем. Если на юг, то за нашим Лесом начинается Темный Лес. Там полулюди, убивают всех. На западе – Светлолесье, потом сразу Черный Лес. Там сгинешь с первых же шагов. На востоке за нашим Лесом лежит бескрайнее Болото. Упыри, водяницы, болотные кикиморы. Берегинь нет, там нет берега.

– Как это нет берега?

– Болотная вода переходит в жидкую грязь, та тоже тянется на версты. Из грязи торчит острая, как лезвия ножей, осока. Болото наполовину затянуто мхом. Кочки с кабана! Вроде бы лося выдержат, но мышь прыгнет – тут же с головой навеки. У того болота нет дна, опускаешься до подземного мира.

– Ну-ну, дальше!

Из темноты пришло плачуще-раздраженное:

– Я назвал четыре стороны света! Пятого угла еще не придумали, хотя нам нужен до зарезу!

Таргитай повздыхал, спросил безнадежным голосом:

– Придется идти через Светлолесье?

– Всего Светлолесья – узенькая полоска. Туда забегают лютые звери из Черного Леса. Я долго думал, Тарх... Придется идти через Болото.

Таргитай ахнул:

– Это же верная погибель!

Олег промолчал, в темноте Таргитай услышал хруст пальцев, тяжелое дыхание, словно волхва засасывала топь, а он хватался за острые стебли.

– От волхва к волхву передается, что на болотах живут какие-то люди. Их так и кличут: дрягва, дряговичи, болотники. Больше о них ничего не знаю.

– Думаешь, примут? Чужаков положено убивать сразу.

– Здесь мы уже мертвые, – ответил Олег едва слышно.

Долго лежали молча. Таргитай прислушивался к скребущимся звукам, доносящимся снаружи. Что-то засипело, донесся тяжелый вздох.

– Почему не допустили до Обряда? – спросил он. – А если бы я прошел?

В темноте Олег шлепал по мокрому от слез лицу, вытирал щеки. Ответил прерывающимся голосом, как после долгого плача:

– Даже из отобранных проходят не все. Булгак вон третий раз идет. Терзают жутко, поверь! Только человек с каменным сердцем может оборачиваться волком, затем снова принимать человеческую личину. Сколько потеряли, не счесть! Большой соблазн остаться волком навеки...

Таргитай не поверил:

– Что ты мелешь?

– Тарх, волком жить спокойнее. Наша жизнь невыносима. Злые силы прижимают человека к стене, а податься некуда! Иной сдается слабости... Да-да, перекидывается волком.

– Пройдя Обряд?

– Даже камень со временем трескается, рассыпается в песок.

– Вот куда делся мой любимый вуй Ждан!

– Падать легко, подниматься трудно. Для того и придуман Обряд, чтобы удержать...

Прошел кто-то огромный, тяжелый, охнуло, зашуршало. Тьма сгустилась, стало тяжелее дышать. С нагретых валунов неся храп Тараса, тихонько постанывала Росланиха.

– Олег, разве мы были с берами одним народом?

Олег ответил сразу, даже всхлипывать перестал:

– Беры жили могучим племенем. Обитали в пещерах, не в логах. Никакой зверь не знал, встречаясь в Лесу с бером, разорвет или угостит ягодами. Беры могли сбрасывать шкуру, ходили на задних лапах, разговаривали... Я не дознался, почему разделились на беров-зверей и беров-людей. Теперь нам запрещено даже упоминать о них, чтобы отрезать дорогу назад.

– А они знают?

– Смутно помнят. И мы помним. Охотимся, как на зверей, но поминаем, просим прощения у убитых, устраиваем комоедины, медвежьи праздники. Но беры звереют все больше, а нам завещано раздувать священный огонь, что заронил в наши души великий Род... Ты спишь?

Таргитай задвигался на жесткой лавке, устраивая кости, ответил несчастным голосом:

– Светает...

Между плотно закрытыми ставнями медленно светлела узкая полоска.

Мягкие заботливые руки укрывали его толстыми шкурами. Таргитай сладко засопел, перевернулся на другой бок, собираясь проспать до обеда, как вдруг выплыло беспощадное: сегодня изгнание! Он поплотнее зажмурил глаза, стараясь снова погрузиться в сладкий мир грез, где он был самым сильным, самым смелым, умелым, легко побивал упырей, даже вытаскивал из подземного мира за хвост Ящера...

Руки тормошили, голос матери сказал печально:

– Вставай, чадушко...

Донеслось сиплое, бурчащее:

– Чадушко... Исчадие, а не чадо! До какого позора довел мою седую голову! Вставай, Тарх. Хуже, если поднимут другие.

Не поднимаясь, Таргитай приоткрыл один глаз. Соседняя лавка была пуста. В дверном косяке торчала секира Мрака, на рукояти висела раздутая торба. Свисали кожаные лямки, которых вчера еще не было. Дед пришел, чтобы внук мог нести на спине, высвободив руки.

Таргитай обреченно опустил босые ноги на пол. Свет падал в окно, наискось деля землянку. Мать хлопотала у огня, дед Тарас сидел на лавке, свесив ноги.

– Сегодня? – спросил Таргитай убито. – Хотя бы завтра...

Дед встал, натужно побряхтывая, поманил Таргитая. Они вылезли наверх, Таргитай зажмурился от яркого света. Плечи передернулись от утренней свежести. Дед Тарас остался в дверном проеме, закрываясь ладонью от слепящего солнца. Таргитай не сразу разглядел перед их землянкой странные серые хлопья.

– Зришь? – сипло спросили сзади.

Таргитай подпрыгнул от испуга. Покрасневшие глаза деда неотрывно смотрели на пепел. Там четко выделялись следы чудовищных трехпалых лап.

– Что это? – прошептал Таргитай.

– Помысли сам, – ответил дед мертвым голосом.

Он зашел сбоку, стараясь не наступить на отпечатки. Седые космы бровей сдвинулись на переносице, старческие слезящиеся глаза болезненно щурились. Он украдкой посмотрел по сторонам, но деревня была пуста.

– Следопыт из тебя как из моей задницы молот, – проговорил дед, – но такие следы поймешь даже ты, недотепа.

Колени Таргитая начали трястись, зубы застучали. Следы чересчур велики. Даже у глухаря, самой крупной птицы на свете, лапа впятеро мельче. Прилетели птицы из неведомых краев?

Он украдкой взглянул на потемневшее лицо деда. Нет, их деревня в суровом мире, где чудес не бывает.

– Навьи, – сказал дед дрогнувшим голосом. – Вчера не зря посыпал пеплом! Было у меня предчувствие, было! Видать, вот-вот уйду, раз уже начинаю... Прилетели, клятые, заглядывали в окна. Хорошо, ставни сам делал, тебе не доверил. Да и заклятия Боромир наложил.

– Дед, что мне теперь? – прошептал Таргитай в смертельном страхе, пугливо огляделся.

Поляну заливал яркий свет. Свежеотесанные бревна с резными ликами богов блестят, как сосульки, дупла закрыты щитами из дубовых досок. С них строго смотрят выпученными глазами древние птицы Сирина и Алконоста, охраняя жилища от злых чар. Вдали бежит ватага мальчишек, расплескивая лужи. Прошла от Реки одинокая баба, жмурясь от солнца, а ведра раскачиваются так, что половину расплещет по дороге, дуреха.

– Сейчас у них власти еще нет, – буркнул дед. – А вот с заходом солнца чары Боромира ослабнут! Навьи чуют изгоев, прилетели за поживой.

– За мной?

– За всяким, кто слаб.

Таргитай уронил голову, вернулся. Мать запихивала в торбу ломти мяса, сала, сушеную рыбину, причитала, что мал мешок, лучше бы ей самой пойти в дальнюю путь-дорогу со своим непутевым старшеньким...

Добро, подумал Таргитай, что ключи от вирия хранит кукушка. Ворота после долгой зимы распахиваются лишь на девятый день весны, когда кукушка выпускает жаворонка – сказочную птаху, что первой вылетает из вирия. До этого времени властвуют навьи. Никакие запреты, заклятия, просьбы не останавливают. Добро, зимой боятся морозов, не прилетают, но сейчас уже сороковой день весны!

– Навьи сильнее? – спросил он тоскливо. – Кривда сильнее Правды? Почему же нам велят быть добрыми? Ведь побеждает тот, кто бьет в спину, ниже пояса, дает подножку... Как Правда уцелевает в таком неравном бою?

Тарас вошел следом, тяжело передвигая непослушные ноги, опустился на лавку.

– Не всякий волхв тебе ответит, внучек... Знаю лишь, что век от веку Правды становится больше. Великая загадка! Но ты думай о делах попроще. Одевайся, бери мешок. Чую, Громобой с охотниками не ушли в Лес. Если они в деревне, это не к добру! Не к добру.

Таргитай набросил на плечи душегрейку из волчьей шкуры. Руки от плеч остались голыми, но шкура толстая, плотная, а мех густой и длинный. Не простой волк расстался со шкурой, но, чтобы навеки уйти от волчьего мира, надо убивать все волчье, даже если в волчьей личине узнаешь родного брата. Так велели волхвы, которые знают прошлое и умеют заглядывать в будущее.

Дед сказал тоскливо:

– Удался ты и ростом, и силой... Почему лень родилась раньше тебя? Ты был еще в пеленках, она – с лосенка. Надевай пояс, бери секиру. Надо выйти пораньше. Авось успеете дотемна приبلудиться куда-нибудь...

Сверху скрипнуло, хлынул яркий свет. Спустился высокий парень с кудрявой бородкой. Таргитай не сразу узнал Олега: молодой волхв сменил выделанный из тонких шкур балахон на короткую душегрейку и штаны из лосиной кожи. На широком поясе висели ножи, баклажка, из-за плеч выглядывал туго набитый мешок. Он и в балахоне казался худым, а сейчас длинные тонкие руки вовсе торчали жалобно, ребра выпирали, а ноги были худые, как жерди.

– Ой ты гой еси, – сказал он блеклым голосом. – Нет, уже не гой, а изгой. Здравствуйте, дедушка Тарас! Здравствуйте, тетя Росланиха. Исполать вам. Тарх, ты готов? Надо уходить, иначе... иначе я не смогу!

Губы его прыгали, глаза были красные, воспаленные, под ними висели, как сети с рыбой, темные мешки.

Таргитай обнялся с дедом, поцеловал мать, низко поклонился красному углу. Олег уже подхватил его торбу и секиру Мрака, шагнул к двери. Таргитай в последний миг метнулся к схованке, выхватил любимую свирель. Дед бросил сердито:

– Брось, дурень! Она-то и довела тебя до беды.

Таргитай заколебался, прижал свирель к груди. Олег сказал резко:

– В дальней дороге и свое ухо будет тяжелым! Выбрось.

Мать сказала сквозь слезы:

– Оставь ее, сыночек... Не до песен. И девок не встретишь.

Таргитай съезжился, положил свирель на лавку. В крышу громко и бесцеремонно постучали. Заслоняя солнце, грозно мелькнуло темное лицо с ощеренным ртом.

– Торопят, – напомнил дед.

Перед их землянкой стояли мужики, женщины, дети. В их глазах светилось жадное любопытство. Раздвигая люд, как могучий тур раздвигает телят, вперед тяжело шагнул Мрак. Коротко оглядев изгоев, хмыкнул. Олега хлопнул по плечу, едва не вогнав в землю. Таргитая обнял, прогудел сочувственно:

– Не держи зла. Для них это час праведного возмездия.

Обнимая за плечи, повел прочь с поляны. Навстречу несло холодным дыханием Реки. Олег топал сзади, суетливо подбрасывая на плечах мешок, что сползал набок. Мрак покосился на людей, те шли следом, напомнил:

– Не злись. Не злись, понял?

Сзади судорожно вздохнул Олег. Таргитай прошептал потрясенно, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь:

– За что? За что так ненавидят?

– Они месили грязь в болотах, лазили за медом, падали, рвали штаны в буреломах, бегали за лосями, турами... А ты сладко ел, мягко спал, играл да пел. Теперь всякий чувствует себя отомщенным. Племя должно жить, Тарх... Они правы.

Он оглянулся на бредущего по пятам Олега:

– Я сегодня пытался уговорить Боромира и Громобоя.

– Что они ответили?

– Обычаи писаны для всех. Другим неповадно будет! А Громобой добавил, что мои дни тают быстрее, чем снег весной.

Большая Поляна осталась позади, они остановились на пригорке. Впереди за Рекой поднималась плотная стена Леса. Над верхушками деревьев пронеслась стая ворон, зловеще каркая, роняя перья. Мрак прижал Таргитая к широкой, как дверь, груди, отстранил, глядя с хмурым сочувствием.

Олег суетился, бил ладонями по нашитым карманам, щупал пояс, выворачивал шею, пытаясь увидеть свой мешок, а Таргитай замер, внезапно забыв о себе.

Мрак! Охотники перекидывались волками в полнолуние, к утру обретали прежнюю личину. Иным удавалось в любую ночь, если луна – солнце мертвяков и оборотней – светила ярко. Рыскали в Лесу, не зная страха, сильные и вольные. Возвращались под утро, но тяжела жизнь человека, и все охотнее оборачивались волками, все труднее возвращались в нелегкую жизнь людей...

Прибежит, бывало, огромный зверь к родному месту, грянется о промерзлую землю, но вздымается тем же зверем... Снова и снова бьется оземь. Так и уходит в Лес. Не раз жена находила утром замерзшего волка с жутко оскаленной пастью.

Мрак еще с той зимы оборачивался волком в любую лунную ночь. В эту зиму оборачивался даже вечерами. На той неделе перекинулся даже среди бела дня, по Лесу рыскал трое суток. Вернулся с окровавленной пастью, налитыми кровью глазами. Долго бился оземь, лишь чудом вернул себе прежнюю личину.

– Пусть боги хранят тебя, – пророкотал над головой Таргитая голос Мрака. – Не свидимся больше, а жаль... За что-то я любил тебя, Тарх!

Он снова обнял Таргитая, едва не задушив, похлопал волхва по спине. Олег закашлялся от могучего хлопка, и Мрак, заржав, с готовностью бухнул огромным кулаком между худых лопаток, похожих на прорастающие крылья.

Послышались голоса. На них шла целая толпа мужиков. За поясами блестели острые секиры из кремня, в руках угрожающе покачивались рогатины, короткие копья. Впереди шагал, разбрызгивая лужи, огромный Громобой. Палица торчала за поясом, но угрожающе разведенные в стороны руки, толстые, как бревна, выглядели еще страшнее.

Громобой зычно взревел издали:

– Эй, лизуны! Довольно!

От громового голоса, больше похожего на рев разъяренного бера, за Рекой в испуге взлетели, шумно хлопая крыльями, вороны. Охотники шли за Громобоем угрюмые, насупленные. Толпа, сопровождавшая изгоев, поспешно расступилась.

– Мрак, – гаркнул Громобой еще громче, наслаждаясь могучим рыком, – ты охотник, а пачкаешься с этими... тьфу! А вы, двое, прочь! Да побыстрее. Если поможем, не обрадуетесь! Рогатины у нас острые, а ваши задницы от сидения мягче лебяжьего пуха.

Таргитай в испуге дернулся к Реке, но сильная рука Мрака придержала за шиворот. Олег торопливо сбежал к воде, остановился, глядя затравленными, как у зайца, глазами.

– День только начался, – обронил Мрак низким голосом. – Куда спешишь, Громобой?

В его темных глазах вспыхнули кроваво-красные искры. Верхняя губа чуть поднялась, обнажая острые волчьи клыки.

Громобой остановился, его глаза быстро скользнули с Мрака на охотников, на баб с детишками.

– Мрак, надо проследить, чтобы не вернулись... Не первый раз изгоняем, знаем! Уйдут, а вечером пробираются обратно с другой стороны... Искон строг, Мрак. Должны остаться настоящие мужчины. Как ты, как я. Уроды не нужны.

Он стоял, тоже напрягши плечи, зло глядя Мраку в лицо. Мужики за его спиной покрепче сжали рогатины, сгрудились плотнее. Долгими вечерами, когда делать нечего, а спать рано, перебирали случаи, вспоминали драки, и всякий раз вспыхивал спор: побьет Громобой Мрака аль нет? Силу Громобоя знали, тот часто пускал в ход кулаки, а мощь Мрака мерили косвенно: в одиночку поднял большую валежину, в одночасье выворотил пень, заломал большущего бера, палицей убил вепря...

Таргитай, не желая ссоры для Мрака, выдрался из его рук, торопливо перешел по ледяной воде на другой берег. Мрак помахал рукой, что-то крикнул. Ладонь у него была широкая, как лопата. За редкой цепочкой мужиков-охотников металась, пытаясь прорваться к изгоняемым детям, мать Таргитая.

– Прощайте! – крикнул Таргитай. – Я не держу зла. Пусть боги благословляют Народ!

Деревья сразу сомкнулись за их спинами. Воздух здесь был сырой, холодный и влажный, как в погребке. Вместо утоптанной земли – пестрая шкура перепрелых прошлогодних листьев, кое-где под ногами мягко прогибалась подстилка темно-коричневого мха. Приходилось протискиваться между деревьями, на бока Таргитая налипла слизь и чешуйки шишек.

Кроны сомкнулись над головой, закрыв небо.

Глава 3

Они продирались через завалы без передышек и остановок, обходили ямы. Олег отмахивал версту за верстой длинными, как у цапли, ногами, петлял, поглядывая то вверх, где за деревьями пряталось солнце, то на муравейные кучи, уточнял дорогу. Таргитай притомился, взмок, начал спотыкаться. Когда Олег, не чуя усталости, надал ходу еще шибче, Таргитай разозлился:

- Одурел?.. Или тебя где-то ждут?
- Надо идти, – бросил Олег, не поворачивая головы.
- Дурень, без отдыха одни муравьи бегают!
- Еще и работают без отдыха, – напомнил Олег язвительно.
- Вот и работай с ними, – отрезал Таргитай.

Он плюхнулся на поросшую мхом валежину, с наслаждением вытянул ноги. Олег с беспокойством оглянулся:

- Здесь уже плохой Лес! Надо уйти подальше.

– Дальше хуже, – возразил Таргитай. Он стащил со спины мешок, начал дергать за узкий ремешок. – Обедать пора.

Над головой колыхались раскоряченные ветки, каждая могла бы стать стволом столетнего дуба. Ветки переплетались, стукались с треском, на землю падали кусочки коры. В листве что-то прыгало, верещало, скреблось. К земле опускались покореженные ветки, вытягивали крючковатые пальцы, угрожающе раскачивались.

– Тарх, – крикнул Олег настойчиво, – ты не понимаешь! Здесь очень плохой Лес! Надо уходить.

- Не пойду, – отрезал Таргитай.
- Тарх, поверь мне!

Из мешка пахло жареным мясом, старым салом. Рот наполнился слюной, Таргитай ответил сипло:

– Я устал и хочу есть. С тобой или остаться – какая разница? Ты утопнешь в Болоте, а меня, сонного и сытого, задавит ночью лесной зверь. Ты намучаешься, пока влезешь в топь, а я наемся, полежу, сладкий сон увижу.

- Тарх!

– Не шевельнись, пока не наемся и не отдохну, – буркнул Таргитай. Он чувствовал себя огромным камнем с тура величиной, который сдвинуть с места под силу разве что богам. – У меня ноги подкашиваются.

– Тарх, – проговорил Олег угрожающе, – если ты не пойдешь... Если ты не пойдешь сейчас же, я пойду один!

Таргитай с жадностью откусил мяса, зажмурился, ответил с набитым ртом:

- Что же ты не сказал сразу? Я бы сел обедать еще возле Реки!

Он разложил на валежине ломти мяса, кусок сала, пучки сочного хвоща. Когда поднял голову, на поляне уже было пусто, а в чаще шелестели удаляющиеся шаги.

Таргитай с наслаждением вонзил зубы в одуряюще пахнущее сало. Спина ныла, ноги гудели и чесались, словно влез в муравейную кучу.

Поляну окружали толстые раскоряченные деревья, присевшие к земле, словно готовились схватить бегущую дичь. Даже ветви опустили до земли, дабы ни человеку, ни зверю...

Напротив сухо блестел огромный прямой ствол лиственницы, высохшей, как муравей на солнце. Плотным забором поднимался черный лес пихтача с темными, опущенными до земли ветками. Свисали длинные седые бороды лишайника – зелья колдунов и чародеев.

Таргитай чувствовал шевеление в прогнившей валежине, слабые толчки. С усилием повернулся, сбив локтем клок толстого мха с мясистыми краями. Спинай он раздавил пару огромных лишаев, другие тянули к небу широкие, как баклажки, горлышки. Таргитай заглянул, отшатнулся: из темной глубины кто-то смотрел пристально, неотрывно.

На другом конце полянки гнили бесформенные валежины. Поднимались мясистые стебли с разбухшими красными головками, похожими на сырое мясо. Воздух не двигался, тяжелый и сырой.

Ухозявав большой ломоть сала с хвощом, Таргитай дальше жевал вяло, выгрызая розовую жилку мяса. В сыром воздухе взмок, со лба катились капли пота, глаза щипало. Волчья душегрейка мерзко липла к спине.

Однажды мелькнул светлый бок оленя, Таргитай успел увидеть ветвистые рога. Пролетел, шумно хлопая крыльями, большой черный ворон. Уселся по ту сторону поляны, ветка затрещала, прогнулась. Ворон топтался, устраиваясь, желтые когти сжали ветку так, что молодая кора лопнула, брызнул сок.

Ворон медленно опустился на ветку брюхом, на человека посматривал со злорадным удивлением. Он был огромный, массивный, таких Таргитай еще не встречал.

– Есть хочешь? – спросил Таргитай напряженно. – Могу поделиться. Но знай меру, мне еще идти... Если встану, конечно.

Ворон посмотрел одним глазом, повернул голову, взглянул на Таргитая другим. Огромный твердый клюв сухо щелкнул. Таргитай не понял, хотел переспросить, но внезапно сзади затрещало, кто-то засопел мощно, свирепо. Он обернулся, замер с салом в зубах.

За деревьями дрались две огромные еловые шишки. Ростом с людей, с головы до ног в крупных чешуйках, они катались, сцепившись, как пауки, молотили сухими узловатыми руками, похожими на суковатые палки. Слышался треск, щелканье. Когда с разбегу натыкались на деревья, на землю падала серая чешуя. Один из драчунов был помоложе, в зеленых пластинках, ровных и блестящих, другой в серых, выщербленных, но дрался яростно, напрыгивал, теснил супротивника.

Таргитай откинулся к валежине и вытянул ноги. Лешие!.. В деревне знали – шкуру не снимешь, мяса нет, а из жил даже тетиву не сделаешь – рвется. Ни вреда от них, ни пользы.

Вдруг с другой стороны затрещали кусты. Что-то огромное несло через Лес, ломая и круша все на пути, ровно осатаневший буй-тур или разъяренный бер... Таргитай опасливо подгреб мешок поближе.

На поляну вывалился, прорвав колючие кусты, Олег. Выпученные, как у совы, глаза дико блуждали, по щеке текла кровь. Волосы и бороденка всклокочены. Он хватанул ртом воздух, сказал, задыхаясь:

– Ты... еще... здесь...

– Обедаю, – ответил Таргитай.

Он начал грызть сало, опустив голову, не показывая виду, что обрадовался возвращению волхва. Грудь Олега часто вздымалась, дыхание изо рта вырывалось с хрипами и всхлипами:

– Я шел... бежал... вдруг напоролся... на чешуйчатых!

– Леших, что ли? – спросил Таргитай буднично. – У тебя кровь на морде. Чего лез? Двое в драку, а третий в... другое место.

– Это я в кусты... Тарх, это страшно!

Таргитай жевал сало, сидя в той же позе, прислонившись к сырой валежине, широко раскинув ноги.

– А чем страшно? – спросил он лениво.

– Лешие, понял?

– Такие, да? – спросил Таргитай. Он ткнул ломтем сала за свою спину, потом сунул тем же концом в рот, откусил, чавкал, прикрыв глаза.

Олег ошалело посмотрел в ту сторону, подпрыгнул. Таргитай чавкал, жмурился, свободной рукой чесал вспотевшую грудь. Олег бросил панический взгляд по сторонам:

– Светлые боги!.. Мы в их землях!

– Разве у тебя с ними свары?

– Нет, но... Брось жевать! Ты начал, когда я был здесь! И все жрешь, как кабан. Нет, я с ними не ссорился, но я все равно боюсь до поросячьего визга.

– Почему?

– Не знаю, – ответил Олег натянутым, как тетива, голосом. – Просто боюсь!

Он был белым, с той желтизной, какая бывает у дерева с содранной корой. Крупные капли пота катились по лбу, но кровь подсохла, Олег запоздало тер ее пучком травы. Один лешак вырвался, другой в два раскоряченных прыжка догнал, повалил. Опять мерно катались взад-вперед, вереща сухими голосами, сдирая чешуйки.

– Есть хочешь? – предложил Таргитай.

– Нет, – быстро и с отвращением ответил Олег. – Тарх, какой ты... дурак, как все, только намного ленивее. Тебе что лешие, что звезды, что желтая глина, из которой не вылепишь горшок! А я волхв, понимаешь? Жажду знать, почему вода мокрая, почему зимой обращается в камень, почему Род разделил человека на мужчину и женщину... Люди бесстрашны по своей тупости. Они просто не ценят жизнь! А я знаю ей цену. Потому боюсь, что могут убить...

– Все-таки поешь, – посоветовал Таргитай. – Худой, как жаба, что ночь пролежала на муравейнике!

Олег в безнадежности махнул рукой. В молчании развязал мешок, в молчании ел, уткнув глаза и дергаясь при каждом шорохе. За деревьями сухо стучало, трещали кусты.

– Вдруг дерутся сутками? – предположил Таргитай лениво. – Или по неделе? Из-за них не евши?.. Я поесть и поспать нигде не откажусь!

– Какой ты...

– А чего бояться? – пробормотал Таргитай равнодушно. – Они же для нас... как вон те ветки. Никакие.

– Это ты – как ветка, – пробормотал Олег. – А лешие – древнейшее племя. Боги создали их раньше нас. Только они чем-то прогневили богов. Не выполнили какого-то важного предначертания. Сбились с пути, что ли?

– Если сбились с пути, разве виноваты?

– Дорогу выбираем сами! А среди богов сами ищем того, кому нас вести.

Таргитай приподнялся, всматриваясь, но лешие исчезли. За кустами еще слышался удаляющийся треск, стук, шелканье.

– Сколько им лет?

– Живут дольше, чем самые старые деревья. Они другие, Тарх! Это меня пугает. Мы живем общиной, они – каждый по себе. Они на другой день уже не помнят, что было вчера, а мы храним память не только свою, но и дедов-прадедов, пересказываем, вычерчиваем на бересте черты и резы, учимся не только на своей дури, но и на чужой. Поэтому мы хоть на маковое зернышко умнее пращуров, что бы нам ни вещали захмелевшие старики о великом уме предков! А эти древние всегда такие, как и тысячи лет назад...

Таргитай долго смотрел вслед лешим. Наконец его глаза отыскали молодого волхва.

– Эх, мне бы понять, почему отвернулись боги.

Олег перестал жевать. По его лицу читалось, что скорее валежина, на которой сидит Таргитай, поймет что-то умное, чем самый ленивый из Народа.

Таргитай закончил едва слышно:

– А потом придумать, что делать, чтобы боги не отвернулись и от нас.

Челюсти Олега двигались все медленнее, будто жевал смолу. Таргитай лежал бездумно, вольно разметаив руки. Чаши не боялся, но лучше идти, чем бежать, лучше стоять, чем идти,

лучше сидеть, чем стоять, а лучше всего лежать, закрыв глаза, а душа тем временем странствует, дерется, двигает горами, ловит боров, спасает берегинь, придумывает ответы на самые трудные вопросы...

Над головой хрипло орали невидимые за листьями птицы. Олег часто вздрагивал, ронял ломоть, а потом долго и подозрительно осматривал его, тяжело вздыхал, очищая от крохотных соринки. Таргитай поерзал, устраиваясь поудобнее, вытащил из-за пазухи сопилку. Когда стучали в окно, он цапнул ее, спрятал. Докучала, когда перли через Лес, но берег как зеницу ока – последняя! Другие побили дед и мать, охотники, Боромир...

Олег вскочил в страхе: Таргитай дудит прямо над ухом.

– Перестань! Услышат звери, со всего Леса соберутся. С косточками сожрут.

– Но я так давно не играл...

– Я тебе не девка!

– Я ж не только им. Себе играю. Деревьям, речке, облакам...

Олег едва не ронял пену от великой ярости, и Таргитай с великой неохотой сунул дудочку за пазуху. Олег пугливо крутил головой, вытягивал шею, и Таргитай заставил себя подняться, вдел руки в лямки заплечного мешка.

– Тогда пойдем, трус.

Олег послушно поднялся, пошел след в след, едва не тыкаясь в спину Таргитая.

– Надо идти, Таргитай. Все время.

За Серолесьем потянулись деревья Темного Леса. Гнили и мертвечины прибавилось, воздух из сырого и затхлого стал мокрым, тяжелым, как грех. Деревья теснились враждебные, подстерегающие, а засохшие прикидывались живыми. Ждали ветерка, чтобы обрушиться на живое, придавить, переломать кости. Таргитай удивлялся, когда в совершенном безмолвии отваливался огромный сук, тяжело падал, бесшумно рассекал воздух... Никого ведь нет, в кого мертвое дерево мечет сук? Боромир объяснял, что мертвое дышит злобой на все живое, швыряет сук даже на ползущего муравья... Поэтому в кострах заповедано жечь только мертвые деревья.

Шли как в жидком киселе, липком, забивающем дыхание. От земли поднимались ядовитые испарения. Мох стал толще, взбирался на деревья, а подземные корни вспучивали его такими буграми, что изгои опасливо обходили стороной.

Потом мох начал прогибаться, наверх брызгала желтая болотная вода. Чавкало, хлюпало. Темно-зеленая шкура мха часто прорывалась, ноги проваливались в паутину толстых белесых корней. Корни тут же выползали на свет, мертвенно-бледные, как толстые слепые черви.

Олег шептал заклятия, вскрикивал тонким бабым голосом. Над головой хлопали огромные крылья, в ветвях страшными голосами кричали неведомые птицы.

– Болото, – прошептал сзади Олег. – Обойдем?

Таргитай сам уже раскрыл рот, собираясь предложить обойти по краю, но с таким волхом надо делать все вопреки, чтобы не сгинуть.

– Сдурел? Попадем в Черный Лес!

– Да, но Болото...

– Ты сам говорил, что надо идти через Болото! Увидел топь, поджал хвост меж задних лап?

– Страшно, – признался Олег. – Болото, упыри... Это самое древнее Болото.

– А что такое Болото? – сказал Таргитай, стараясь держать голос бодрым, хотя сердце ушло в грязные пятки. – Всего лишь постаревшее озеро. Старость уважать надо!

– А упыри?

– Ну... а вдруг это постаревшие лягушки?

Теплая грязь, что постепенно поднялась до колен, перешла в жидкую холодную жижу. Сзади часто хлюпало: волхв спешил, не отставал.

Внезапно хмурые, покрытые мхом деревья расступились. Из темной как ночь воды торчали осклизлые ветви кустов, но дальше тянулась ровная гладь. Широкие листья кувшинок, мясистые, ноздреватые, застыли неподвижно, как приклеенные. На зеленых с красными краями листьях сидели огромные, как валуны, лягушки.

– Пойдем? – сказал Таргитай. Он не двигался, волхв откажется, можно будет отступить, но тот вздохнул обреченно, и Таргитай, выломав длинную палку, попер в темную гадкую воду.

Кое-где торчали островки мха, но дальше лежали толстые зеленые листья кувшинок. Лягушки застыли, неподвижные и громадные, как совы. Таргитай пер, взбаламучивая воду, на листе впереди сидела лягушка – рыхлая, поросшая мхом, усыпанная бородавками с орех размером. Она привстала на всех четырех, уже громадная, как упырь, уставилась выпуклыми, как у ящера, глазами.

– Тихо, тихо, – сказал Таргитай дрогнувшим голосом. – Обойду, не надо ссориться.

Лягушка величаво опустила белым, как у утопленника, пузом на мясистую зелень. Лист потревоженно заколыхался, по воде побежали волны. Изгои брели уже по колено, вода лилась через холявы. Листья покрыли все Болото, вода не прогревалась, со дна тянуло могильным холодом.

Прямо из воды по одиноким стеблям карабкались, напозая друг на друга, толстые безглазые черви. Кто выполз раньше, сох на воздухе. Подсохшие черви лопались, из трещин выкарабкивались мокрые полудохлые стрекозы.

– Болото оборотней, – сказал Таргитай с завистью. – Здесь даже червяки перекидываются стрекозами, а вот я...

– Заклятое место! – вскрикнул Олег. – Поскорее отсюда!

– Куда скорее, – огрызнулся Таргитай. – Или ты думал, я спать тут лягу?

– Ты не понимаешь...

– Конечно, я не волхв!

– Тарх, не злись. Если даже черви... то в кого могут обернуться лягушки?

– В упырей, ясно. Или во что-то хуже?

– Здесь все, как гнилью, пропитано чарами!

– Ладно-ладно. Отдохнем в подземном мире.

– В подземном мире мною хоть забор подпирай, сейчас бы уцелеть...

Таргитай постоянно щупал дно палкой. Холод от ног поднялся к сердцу, за спиной слышен был дробный цокот: то ли стучали зубы волхва, то ли худые кости.

Далеко впереди из тьмы начала проступать кучка деревьев. За Таргитаем блестящей цепочкой поднимались пузырьки воды – крался водяной, норовя цапнуть за ноги. Олег пугался, шарахался, но проваливался сразу по уши, орал, захлебываясь, а когда Таргитай выдергивал на мель, долго отплевывал болотную воду и ряску.

– Что сигаешь, – сказал наконец Таргитай раздраженно, – ну наступишь водяному на уши, так пусть не шкодит. Ты посмотри на свой след!

Олег обернулся, вскрикнул. За ним со дна поднимались серебристые бульбы размером с кулак!

– Таргитай, – взмолился он, – пошибче бы!

– Быстрота нужна при ловле блох...

Ноги до развилки погружались в воду и до колена – в мягкое, гадкое, опасное. Иной раз шест уходил в воду, дважды кто-то вырывал из рук, вел в сторону.

Островок приближался, деревья казались непривычно крупными среди ровного Болота, где и мохнатая кочка – редкость. Запах гнили усилился, дно начало повышаться. Таргитай выбрел на берег, заваленный пучками гнилых стеблей, расползающимися в студень лилиями,

тонкими плетями болотной травы, останками водяных гадюк, жаб, пиявок. Сердито жужжали тучи мух, огромных, толстых, в гнилье копошились белесые и кроваво-красные черви.

Таргитай торопливо доковылял до сухого места, упал на спину, задрал ноги, выливая воду из сапог, лишь потом разулся, отодрал присосавшихся пиявок, уже раздутых, почерневших от крови. Олег торопливо разделся донага, разбросал одежду на кустах.

– Сопрут, – бросил Таргитай невесело.

– Кто сопрет? – не понял Олег.

– Упыри. Или жаба покрупнее.

Олег скривился, бросил укоризненный взгляд. Грязь покрывала его до ушей, даже лицо было в потеках грязи и пота, а на макушке прилипли тоненькие плети с ажурными листиками. Он едва держался на ногах, дышал тяжело, в груди хрипело.

– Надолго не располагайся, – предупредил Таргитай.

– Я не полезу обратно! – вскрикнул Олег в страхе.

– Полезешь. Когда к тебе ночью в постель заберутся упыри.

Деревья закрыли болотную воду, но запах гнили держался, воздух был сырой, липкий. Самые высокие и толстые стволы находились в середине островка.

Олег убирал с себя грязь, а Таргитай, вздыхая, сгреб в кучу высохшие стебли кувшинок и сухие ветви – их лежало много.

– Брось огниво!

Олег торопливо развязал мешок, суетливо рылся, едва не влезал в мешок с головой. Таргитай смутно удивлялся, что волхв, который старше на три года, даже не спорит, повинуется.

Таргитай кое-как высек искры, раздул, набросал сверху сухих стеблей, упал на землю и раскинул руки.

– Не пойму, как люди всю жизнь суетятся, таскают, копают, охотятся, приколачивают, вяжут, обтесывают, рубят, чистят, сушат...

Голос внезапно оборвался. Олег в испуге наклонился над Таргитаем, глаза волхва распахнулись во всю ширь. Рожа Таргитая была перекошена, изо рта потек устойчивый храп, а губы кривились в глупой улыбке.

Олег поспешно вытряс из мешка обереги: деревянные, каменные, сплетенные из жабьих жил, вырезанные из косточек кожаниц. Таргитай всхрипнул, заплямкал губами, перевернулся на бок, едва не угодив в костер.

Олег пнул его носком сапога:

– Эй! Просишься в вирий, где светит черное солнце?

Таргитай отодвинулся от огня и, не раскрывая глаз, вытащил из мешка мясо. Олег с отвращением отвернулся. Большая сытость брюху вредит!

– Хвороста маловато, – пробурчал Таргитай. Он с хрустом жевал сочные стебли хвоща. – Принеси, ты же волхв, лесной человек.

– А ты?

– Я? Мы – простые, попелюшные. Был бы теплым очаг, а Лес хоть бы вовсе сгинул.

Олег привстал, оглядывая окрестности. Со всех сторон несет гнилой водой, голоса лягушек доносятся тяжелые, бухающие, словно вбивают в мокрую землю сваи.

– Я лучше послежу за костром, – предложил он услужливо. – Все-таки дело волхвов – огонь. Да и обереги выставлю по старшинству...

– Кого страшат твои обереги? Разве что муху перепугать до смерти... нет, до полусмерти, если твоим оберегом треснуть по башке. Лучше собери ветки, пока светло.

Он лежал на спине, медленно двигая крепкими челюстями. Глаза стали пустыми, в них отражались нависшие ветви. Олег с трудом поднялся, морщась от боли в мышцах. Таргитай по своей тупости не ценит жизнь, этот молодой и здоровый парняга умрет при одной мысли, что надо поработать.

– Не давай погаснуть костру, – сказал Олег, уходя. – Кроме нас, никто ветку не подбросит.

Таргитай дожевал, бережно вытащил свирель. Приложил к губам, набрал в грудь воздуха, но вдруг за ближайшими деревьями заверещало так страшно, будто кого-то придавило деревом. Таргитай выпустил воздух, задумался: подниматься или погодить, а вскоре на поляну, пятясь, вывалился волхв. Брякнулся, упал на спину, перебежал на четвереньках к костру.

– Что стряслось? – поинтересовался Таргитай голосом умирающего лебедя. – Опять лягухи?

Трясущийся палец Олега дергался, попадая то в небо, то в землю, наконец волхв чуть не заплакал, кивнул в сторону ближайших деревьев. Там булькало, хлюпало, вонь накатывала густыми волнами. Олег присел на корточки, став похожим на крупного зайца, зажал ладонями уши и зажмурился.

– Что там? – повторил Таргитай. – Удирал от простых жаб, а попал к их деду?

Олег закивал так истово, что стукнулся лбом о землю. Таргитай замедленно перевернулся на брюхо. От костра идет тепло, сжигает гниlostный запах. За деревьями же сыр, грязь, пахнет слизью. Но волхв так причитал и трясся, что Таргитай пересилил себя, поднялся.

Дальние края Болота исчезали в волнах желтого тумана. Между широкими, плавающими по воде листьями вскипали бурунчики, лопались бульбашки, распространяя гадостный запах. Мелькнула худая желтая рука с длинными когтями, похожая на осклизлую ветку. Судорожно запрыгали, погружаясь в воду, толстые листья и крупные белые цветы.

По Болоту плыла грязная желто-серая голова, облепленная ряской и тиной. Застыла, неотличимая от болотной кочки, медленно двинулась, почти не тревожа неподвижную воду, к торчащему выворотню. Лягушки не шелохнулись, как замороженные в листья кувшинок, а упырь добрался до выворотня, полез – толстобрюхий, с блестящей скользкой кожей. Вислый живот поднимался и шлепался о мокрое дерево, тонкие кривые ноги с перепонками подрагивали, он цеплялся за корни тонкими паучьими лапами. Упырь казался огромным горбатым слизнем, лишь глаза были как у лягухи: выпяченные, немигающие.

По Болоту повсюду выныривали голые, как колено, головы. Уже не прячась, потянулись к одинокому выворотню. Листья кувшинок начали раскачиваться, лягушки шумно прыгали в воду. Один упырь, нащупав под водой лежащий на дне ствол, вскарабкался, пошел к выворотню, высунувшись до пояса. Донный ил и грязь поднялись наверх, вода помутнела.

Послышались крадущиеся шаги. Таргитай пригнулся, пряча голову от удара, а другой рукой выдернул секиру из ременной петли.

– Это я... – сказал Олег торопливо. – Они еще там?

– Заскучал по родне? А с виду такие разные...

– Тарх, что они там делают?

– Твою шкуру делят. И обереги.

Олег выглянул из-за плеча Таргитая. Он дышал шумно, будто пробежал пару верст, его кудрявая борода щекотала Таргिताю шею.

– Вот тот, – указал Таргитай пальцем, – требует делить обереги поровну, а вон тот кричит, что надо по-братски... А старшой велел отдать тому, что сдерет шкуру с волхва.

– Я не волхв!

– Им скажи. Я знаю, что из тебя волхв, как из моего...

Он не договорил, а Олег выпрашивать не стал. Вокруг выворотня головы торчали плотно, для воды не осталось места.

– Откуда столько? – прошептал Олег с мукой. – Не ночь, а повылезли. Правда, небо в тучах, но все-таки светло!

– Хвороста набрал? – спросил Таргитай.

– Как я мог? – прошептал Олег яростно. – Ты дурак и лодырь, потому не зришь опасности. Упыри – самое большое зло! Богов еще не было, а мир уже был поделен между упырями и берегинями!

Таргитай скривился от мощного запаха. Хоть секиру вешай... Наверное, потому и не живут здесь берегини?

– Почему не набрал? – спросил он.

– Упырей увидел, говорю тебе! Мы прошли через Болото, потому что они боятся солнца, но сейчас нагнало туч. Вдруг да хлынет ливень?

– В ливень даже лягушки скачут по берегу, – заявил Таргитай.

– Ежели лягухи, то и упыри...

– Это как два пальца замочить. За жабами и упыри не отстанут. Ты нагреб хворосту. Стемнеет, быть нам в Болоте.

Верхушки деревьев грозно зашумели. По Болоту прошла рябь, кувшинки с оставшимися лягушками заколыхались. Небо темнело быстро. Тучи ползли темные и тяжелые, как грех. Над Болотом темнело, но упырь блестел, как смазанный свиным салом, вокруг поблескивали такие же безволосые бородавчатые головы. Упырь приподнимался на всех четырех лапах, тяжело и надсадно квакал. Его живот с трудом отрывался от мокрого дерева, а покрытая слизью кожа стала матовой, собралась складками.

– Во стая, – сказал Таргитай удивленно. – Сила! Гуртом и бога бить можно. Кто бы подумал, что в нашем Лесу столько гадости? В чужих – понятно, но чтобы в нашем?

Олег облизал пересохшие губы:

– Чую магические силы...

– Пойдем собирать хворост, – ответил Таргитай.

Когда стаскивали ветки, Олег держался к Таргिताю так близко, что тот не утерпел, зло отмахнулся. Волхв упал на спину, задрал ноги.

– Не лезь под руку!

– Я нечаянно...

– За нечаянно бьют отчаянно. Не жмись ко мне, как к бабе! Дам в лоб, и уши отпадут.

Олег чуть отодвинулся, но, когда плеск стал громче, волхв снова пугливо жался к Таргिताю, держа его как щит между собой и Болотом.

Последнюю охапку притащили вовремя: от костра остались одни багровые угольки. Таргитай набросал мелких щепочек, с силой подул, морщась от взлетевшего пепла и страшно раздувая щеки. Угли покраснели, блеснул язычок огня.

Он добавил хвороста, сказал твердо:

– Большой огонь разводить не надо.

– А упыри?

– Найдут, не волнуйся! На всю ночь хвороста не хватит. А когда догорит последняя ветка, нас утащат сонными.

– Я не сомкну глаз! – вскрикнул Олег. Он дрожал как осиновый лист. Тощие руки не находили места, он все время пересаживался, вытягивал шею.

– Вот и ладненько, – обрадовался Таргитай. – Последи за огнем. А я без сна помру. Я слабый. Мне надо много спать и вволю есть.

Он снова развязал мешок. За Олегом посматривал одним глазом. Говорят, однажды ночью была страшная гроза, когда Небо любило с Землей. Ветер ломал вековые деревья, срывал вершинки и уносил, тучи нависали над Большой Поляной страшные и грохочущие, от блеска молний было светлее, чем днем. Испуганные люди забились в норы и дупла, дрожали, пережидая грохот и начавшийся ливень. Но все-таки кто-то видел, как самая огромная молния ударила в дупло Дуболома, с небес донесся удовлетворенный вздох, и тут же гроза стала зати-

хоть. Из дупла еще шел дым, когда люди сбежались, вытащили обугленные тела. Уцелела только молодая дочь Дуболома. Волхвы хмурились и качали головами. И в самом деле, ровно через девять месяцев родила мальчика, на голове которого были ярко-красные волосики. Ребенок, родившийся от брака Неба и Земли, должен быть великим волхвом или великим героем, как утверждали старики, такие дети еще в детстве, а то и в колыбели совершают великие подвиги... Но в этот раз мудрые старцы ошиблись. Олег вырос огненно-рыжим, с красными, как пламя вечернего костра, волосами, но племя еще не видало такого труса и никчему!

Олег походил по острову, собирая хворостинки, а когда вернулся, Таргитай уже спал, подогнув колени. Рот перекосялся, мешок прижимал обеими руками, будто собирался есть, не просыпаясь.

Глава 4

Таргитай тянул на голову шкуру, спасаясь от яркого света, умащивался, подтыкивал края, чтобы не дуло. Вдруг прижгло так, что услышал шипение и запах горелого мяса. Он дико заорал, открыл глаза.

Олег, бледный как смерть, раскорячился над едва тлеющими углями. Снизу его подсвечивало красным, лицо казалось залитым кровью.

– Уже утро? – спросил Таргитай в испуге. – Только глаза закрыл...

Из нижней губы Олега текла кровь, борода слиплась коричневым клином. Он сказал хрипло:

– Думал, ты околел... Здесь были упыри! Собрались вокруг, тянулись... Я бросил последнюю хворостину, когда рассветало... Еще бы чуть...

Таргитай подул на обожженные пальцы, пожаловался:

– То-то мне всякая пакость мерещилась. Каюсь, грешил на тебя.

Олег прошептал с ужасом:

– Как ты мог... Они так орали!

– Поспать я умею. Говорят, что я ни на что не годен. Дурость! Поспать и поесть – с кем угодно схлестнусь! Когда сплю, на мне хоть дрова руби!

Он зевнул, потянулся. Суставы затрещали, как деревья в сильный мороз. Не глядя, пошарил в изголовье, нащупал сапоги. На ладони осталась слизь, словно по холявам проползли улитки. На дереве блестели мокрые пятна, гнилью пахло сильнее.

– Просыпаться не люблю, – объяснил Таргитай со вздохом. – Все что-то требуют, орут, гонят, всегда недовольны... У тебя в мешке что-то осталось?

– Осталось. Я брал на неделю.

– Зачем еще пропадать? Развязывай.

Олег не двигался, глаза его медленно закрывались. Таргитай развязал мешок волхва, а завязку бросил на деревья. От Болота несло гнилью. Таргитай повернулся к ветру спиной, налег на хвощ, перебивая вонь.

Олег вздрогнул, от непонятного хруста очнулся. Таргитай перемалывал крепкими зубами птичьи кости, облизывал залитые жиром пальцы. Губы блестели, словно всю ночь целовался с упырями. Он шумно чавкал, высасывая мозг из костей, сопел, взрыгивал, обглоданные кости разбрасывал по всей поляне.

– Жрешь, как стадо свиней, – сказал Олег со злостью, – а что завтра есть будешь?

– Думаешь дожить? – удивился Таргитай.

Утро перешло в день, наконец Олег, не вытерпев, выхватил из его рук свой наполовину опустевший мешок. Небо оставалось в тучах, там перемещались тяжелые массы, солнце редко проглядывало мутным пятном.

– Надо идти!

– Надо так надо, – согласился Таргитай нехотя.

Он увязал мешок, который стал намного легче, поднялся. Олег послушно вскочил, и снова Таргитай удивился, что волхв даже не пытается выйти вперед.

Таргитай соступил в жидкую грязь, уже прогретую на мелководье. Тучи двигались на небе, отражения быстро бежали по Болоту. Расходились круги, словно крупная рыба на лету хватала комаров. Поубавилось широких листьев болотных растений, лягушки исчезли вовсе. Над темной водой мелькнула тень, Таргитай с изумлением узнал крупного кожана.

Вода поднялась до коленей. Сзади взвизгнул Олег, ухватился за мешок Таргитая. Волхва колотило, он смотрел в мутную воду, со дна поднимался рыжий ил. Когда тень от тучи падала особенно густая, сумрачная, снизу поднималось что-то бледное, мертвенно-желтое. Таргитай различил сквозь толщу воды крупные немигающие глаза, полные лютой нечеловеческой злобы. Туча сдвинулась, и упырь ушел от дневного света в глубины, укрылся в клубах коричневой донной мути.

Олег закричал:

– Тарх, нам не выйти! Островок окружен. Здесь их целое племя.

– Князя выбирают, что ли, – сказал Таргитай. Он постоял в воде, чувствуя, как холод поднимается по ногам. – Не повезло нам... Кого боги невзлюбят, тот и в носу палец сломит. Это ты их прогневил, любимец богов!

– Боги не любят еще больше ленивых!

– Может быть, упыри скоро разойдутся? После выборов? Или изгоняют... изупыривают кого-нибудь? Тогда разойдутся еще раньше.

Олег с мукой в глазах следил за небом.

– Тучи, будь они неладны! Хорошо, не дождь, а то упыри прямо сейчас вылезли бы на берег!

– С чего бы? Они смолоду привыкли сидеть в Болоте. Так мы идем или нет?

Олег оглянулся на берег, поднял глаза кверху, считая тучи, снова пошарил глазами по Болоту. Таргитай спросил нетерпеливо:

– Ну? В Лесу волки воют, а дома страшно?

– Тарх, сейчас мы не пойдем... Надо переждать.

– А что изменится?

– Тарх, ты совсем дурак, если не понимаешь. Упыри боятся солнца. Тучи уйдут, солнце прожжет воду огненными лучами. И мы пройдем по мелководью, как шли сюда.

– А когда тучи уйдут?

– Только боги ведают.

– Сам ты дурень, а еще волхв, – сообщил Таргитай злорадно. – Дед Тарас в точности знает, когда будет дождь, когда снег... Даже червяки, жабы, муравьи ведают, а ты – боги!

Олег попятился к острову, не отрывая глаз от упырей. Лицо было таким же желтым, а глаза тарацились и не мигали. Даже шерсть на волчьей шкуре прилипла, блестела как покрытая слизью.

Таргитай вернулся следом, довольный, что сейчас бездумно ляжет, разбросает руки. Даже поиграет на свирели – руки чешутся давно.

– Хвороста нет, помнишь? – сказал он, ложась под деревом. – А ночью здесь шастают твои друзьяки.

Олег побелел, будто кровь через пятки ушла в землю. Таргитай даже отодвинулся, чтобы сомлевший волхв не грохнулся своими костями на него, но Олег подергал-подергал кадыком, сглотнул, проблеял:

– Мы... мы залезем на дерево.

– А упыри не лазают? Не знаешь, а еще волхв... Чему тебя только учили. Ладно, ночью узнаем. Мне тоже не хочется мочить задницу в Болоте. Переждем. А у тебя сало осталось?

Олег сел на выжженное костром пятно, сжал ладонями голову. Таргитай вытащил свирель, тонким прутиком потыкал в дырочки, прочищая от шерсти, грязи и другого непотребного мусора.

Волхв дернулся, едва Таргитай заиграл, отвернулся.

Пока Таргитай играл, мощно раздувая щеки, Олег злился, дергался, но, когда тот отложил свирель, волхв пожалел, что песни такие короткие: Таргитай тут же почти с головой залез в мешок. Олег долго терпел, морщась от хруста, чавканья и сопения, наконец взорвался:

– До копчений добрался, ненасытное брюхо! Мне положили еды дней на десять!

– Кто хорошо ест, – ответил Таргитай с набитым ртом, – хорошо и работает.

– Ты хорошо работаешь?

– А чо?

– Не набивай пузо! К утру корчи схватят.

– Не тревожься, – ответил Таргитай сыто. – Я все предусмотрел!.. Нас сожрут задолго до утра.

Он сыто рыгнул, отпихнул ногой мешок и взял свирель. Олег смотрел зло, не находя слов. Редкостный дурень уже в своем дурацком придуманном мире, где именно он – редкостный герой и умник, а все вокруг дураки. Он там самый сильный, самый неустрашимый. Побивает упырей, смоков, полканов, спасает берегинь, а униженный Громобой виновато кается, что недооценил, недопонял... На самом же деле только он, Олег, понимает, что оба живут именно в этом жестоком мире, другого нет. Если упыри сожрут, то сожрут, и это уже навсегда.

– Великие боги, – прошептал он с отчаянием. – Как нас выперли, таких разных, вместе? Или мы на крайних концах палки, а Народ – посередине?

Он часто вскакивал, не в силах слышать пронзительные звуки свирели прямо над ухом. Вода блестела вокруг островка тусклая, темная, похожая на деготь. Листья кувшинок уже не лежали царственно, а плавали, помятые, сорванные, притопленные. На выворотне враскоряку все еще сидел упырь, только по шею сполз в воду, но упырей собралось еще больше. Издали Болото казалось покрытым болотными кочками.

До вечера Олег бродил по островку, осмотрел и перещупал все деревья. Таргитай не расставался с сопилкой, дудел и дудел, вконец охрип. За весь день лишь разок перевернулся на другой бок. Он сложил новую песню, сыграл на все лады, спел на два голоса. Начал пробовать еще одну, но на поляну с радостным воплем вывалился Олег.

– Отыскал хороший толстый дуб! Ветки широкие, крепкие. Можно не привязываться. Отсидимся? Ветки до самой земли, залезать легко, лягушка и та заберется...

Он осекся. Таргитай лениво привстал, нащупал мешок.

– Во упыри обрадуются. Ну, идем?

Олег затрясся как лист на ветру.

– Об одном думаешь, другое упускаешь... Тогда вон на ту березу! Высоченная, а веток совсем нет.

– Тебя хоть сейчас вместо Боромира. Как там просидим ночь, если веток нет?

Со стороны Болота тихо хлопнуло. Потом что-то тяжелое шлепнулось на берег, словно баба швырнула ворох мокрых шкур. Бухнуло в другом месте, зачавкала грязь, захлюпало, потянуло густой вонью.

Олег отпрыгнул, лицо его было страшным:

– Быстрее! Быстрее же!

– Быстрота нужна при ловле блох...

Все же, держа мешок в одной руке, подхватил секиру, бросился за волхвом. Тот, петляя как заяц, подбежал к высокому явору. Раздутый ствол безобразно горбился под мохнатыми

лишайми, корявыми наростами и наплывами. Бросив мешок Таргитаю, Олег подпрыгнул, ухватился тонкими пальцами за короткий сук, лег брюхом, кое-как зацепился ногами.

Сзади зачмокала земля, словно по грязи шли огромные гуси. Между деревьев показались белесые тела. Таргитай торопливо швырнул мешки Олегу, тот старался повесить на сучок, промахивался, а утиные лапы с перепонками шлепали уже за спиной.

– Быстрее! – крикнул Таргитай. – Быстрее, сонный червяк!

Олег наконец-то опустил руку, Таргитай ухватился, едва не раздавив тонкие, слабые пальцы волхва. Тот потянул изо всех сил, под ним затрещало. Таргитай тяжело дотянулся до первой ветки, кое-как взобрался, прошептал, задышавшись:

– Надо лезть выше... Меня уже хватают за ноги.

Олег взвился как белка, заверещал, через минуту сидел уже на верхушке дерева, обняв ствол. Кляня себя за дурость, Таргитай повесил оба мешка на себя, залез выше, свесился, чтобы срубить за собой ветки. Мешки с силой потянули вниз, едва не передавив горло. Если бы не съел половину запасов, задушило бы насмерть. Вот и решай, кто дурак.

Пот заливал глаза. Карабкался задницей вверх, ибо срубал, даже стесывал каждую ветку. Секира Мрака была острой, тот умеет выбирать нужные камни, но больно тяжела, и пот заливал глаза, такой густой и липкий, будто даже с задницы бежало только по лицу, выедавая глаза.

Он поднимался все выше и выше, срубая сучки, ветки, затесывая и сравнивая наросты. Ствол за ним оставался чистым, как плод каштана, с которого сбили шипастую кожуру.

Волхв качался на верхушке, похожий на нахохлившуюся ворону. Веточки под Таргитаем начали потрескивать. С той стороны ствола темнела толстая ветка, прямо от ствола раздваивалась, а дальше расчленялась. Таргитай повесил оба мешка, развязал.

Олег в панике каркнул сверху:

– Ты опять будешь жрать?

– Сперва привяжусь. У тебя ремень есть? Я брыкаюсь во сне. С лавки часто падал, как сейчас помню. Да и перекусить время. Я всегда хочу есть, когда сижу на дереве.

– Ты недавно ел! – крикнул Олег с безнадежностью в голосе.

– Да? Не помню.

– Как ты можешь сейчас... есть?

– Как птицы. Они всегда едят на деревьях.

Олег крепче прижался к раскачивающейся вершине. Не рискнул напоминать, что птицы на деревьях еще и поют, а то дураку только напомни... Под ним уже послышалось довольное чавканье, сопенье, хруст.

Таргитай проснулся от собственного крика, мокрый, облепленный слизью. В крошечной тьме его тянули, дергали, горло сдавили холодные скользкие пальцы. Другая ладонь уперлась в лицо. Дыхание забивал запах сырой рыбы и лягушачьей икры.

Он заорал, отшвырнул скользкое тело. Сверху неся несмолкающий крик:

– Тарх!.. Тарх, проснись!.. Тарх, на тебе упыри!

Дрожа, он ударил во все стороны локтями, кулаками. Правая рука высвободилась, он выдернул из петли секиру. Ударил, попал в мягкое, заорал еще громче и начал остервенело махать тяжелой секирой Мрака во все стороны. Вдруг лезвие звонко ударило по твердому, под ним опасно дрогнула и затрещала ветка.

Мокрая рука шлепнула по лицу, холодные пальцы с силой сжали губы. Таргитай дернул головой, остервенело сжал челюсти. Ему показалось, что он перекусил худую рыбу с ободранной чешуей.

Сверху орал и визжал Олег. Наконец Таргитай отчаянным толчком сбросил в темноту последнюю мокрую тушу. Внизу хлопнуло, словно лопнул бычий пузырь. Под деревом зашлепали ноги.

Таргитай перевел дыхание, прислушался. Снизу приближалось осторожное шлепанье. Таргитай взял секиру за конец рукояти. Когда шлепанье стало совсем близко, он повертел головой, определяя, с какой стороны ствола поднимается ночной зверь, отвел руку, выждал, с силой рассек темноту.

Лезвие наткнулось на преграду на полпути. Рукоять рвануло. Чуть погода снизу донесся смачный шлепок. Таргитай плюнул вслед, ногтями сдирая с языка гнилостный налет.

Внизу по-прежнему шлепало, квакало, чавкало, наверху верещало тонким противным голосом. Таргитай крикнул:

– Да заткнись! Снизу – упыри, сверху – ты!

Олег заорал еще громче:

– Ты цел?.. Они ушли?.. Я кричал тебе, кричал, а ты спишь как пень!

Таргитай не слушал, в темноте пытался нащупать ноги. Упыри уже отъели? Нет, сапоги на месте, значит, и ноги уцелели. Правда, сапоги упырям вроде бы ни к чему, но все-таки...

Окоченевшими от ночного холода пальцами пытался ослабить узлы, но ремни за ночь стянуло, узлы слились в сплошные наросты. Дерево подрагивало – то ли он тряс, то ли карабкаются мокрые скользкие твари.

Сверху неся умоляющий вопль:

– Тарх, ты только не спи!.. Тарх!

– Да заткнись, – ответил Тарх чуть не плача. Ногти вроде бы зацепились за кончик, теперь надо тянуть, ослабить узел. – Я уже выспался, трус поганый. Тебе там сверху виднее: рассвет скоро?

– Уже грядет! – закричал Олег. – На востоке светлеет!

– Добро... Тогда посплю еще малость.

Ремни ослабили, по затекшим ногам побежали мурашки. Таргитай охал, растирал ноги, чесался, драл кожу крепкими ногтями, разгоняя невидимых муравьев. Наконец зуд стих, но ушло и тепло. Таргитай положил секиру на колени, съежился, сберегая остатки тепла. Внизу шелестело, словно там бегали тысячи крупных муравьев.

Очнулся он от прикосновения холодных рук. Ледяные пальцы хватили за лицо, и Таргитай взвизгнул, едва не сорвавшись с ветки, одной рукой с силой ударил твердое, нависшее над ним, другой ладонью похлопал по коленям.

Секиры не было!.. Он замахал кулаками, снова угодил в холодное и мокрое.

– Да очнись же! – заорало у него над ухом. – Это я, Олег!

Над ним колыхалось бледное лицо волхва, правую половину уже заливал огромный кровоподтек. Верхушки деревьев горели под яркими лучами солнца.

– Проснись! – крикнул Олег люто. – И дай мне слезть! Ты разлегся на дороге.

Таргитай ошалело огляделся. Ремни ослабели, но держали. Земля далеко внизу под деревом была истоптанной, мокрой, словно прошел дождь. У самого подножия блестела облепленная слизью секира.

Волхв за ночь позеленел, исхудал, и от него гадко пахло. Таргитай кое-как распустил узлы, а волхв, которого руки уже не держали, сполз прямо на голову. Таргитай полез по стволу вниз, кляня дурака, который стесал все удобные сучки и веточки. Олег постоянно наезжал на голову сапогами, а последние сажени Таргитай скользил неудержимо, обдирая живот о шершавый ствол – душегрейка задралась к подбородку.

Олег повалился на землю, как мешок с травой, а Таргитай бросился к секире. В руке осталась палка, а тяжелый камень с острым лезвием соскользнул, больно ударив по ноге. Жила, которой каменная секира крепилась к древку, лопнула, болталась излохмаченная.

Он повертел секиру, отбросил. Мрак починил бы, да и то надо добыть хорошего зверя; взять крепкие жилы, выделать, туго затянуть, а сверху залить рыбьим клеем!

Олег лежал на земле едва живой.

– Теперь они не уйдут...

– Ты тоже, – успокоил его Таргитай.

Он вляпался в слизь, пересел, а пальцы уже доставали из-за пазухи свирель.

– Почему? – спросил Олег.

– Спи, – посоветовал Таргитай. – Днем тоже хорошо спать. Хочешь, вместо тебя прилягу, а ты посторожишь?

Глаза Олега уже заволокло пеленой. Третья ночь без сна – первая была еще в доме Тарха. В последнем усилии он подгрёб мешок и положил на него голову.

Таргитай сердито отвернулся. У запасливого волхва еще оставались сало и рыба!

Во сне Олег вскрикивал, дергался. Таргитай наигрывал спящему на дуде, отгоняя злых духов, но волхв брыкался еще сильнее, дышал часто, словно зайцем убегал от хорта. Таргитай попробовал осторожненько вытащить мешок, но волхв цеплялся судорожно, всхлипывал, кривил рожу в плаче.

Таргитай не выдержал, растолкал волхва:

– Не спи, замерзнешь. Давай посмотрим, сало не испортилось?

Олег подгрёб мешок, прижал к груди.

– Что? Где?

– Упыряки?.. Не переживай, никуда не делись. Можешь пересчитать. Во-о-он из-за деревьев выглядывают!

Олег покатился в другую сторону, все еще прижимая к груди мешок. За деревьями виднелась болотная вода, расходились круги. Мясистые листья, мелкая зелень ряски, белоснежные цветы кувшинок – все исчезло. Вода была непривычно голая, бурая от ила, страшноватая.

– Всю болотную траву вытолочили, – заметил Таргитай с укором. – Видать, большой табун пасется... Ты развязывай мешок, развязывай! Все одно не уйдем.

– Может быть, растянем на пару дней?

– Не евши на ветках не усидим.

– Мы привяжемся!

– Голодный не усидит и на привязи. Мне надо есть часто. И много. Я слабый.

Олег покорно развязал мешок, а очкур обреченно забросил в кусты. Таргитай подгрёб к себе ломти побольше:

– Налегай! Не дадим проклятым жрать наше сало.

Олег нехотя взял самый маленький кусок. Таргитай ел за троих, последнюю кость швырнул за спину. В кустах зашуршало, залопотало.

– Как ты сейчас? – спросил Таргитай с интересом.

– Непривычно...

– Это от упырей, – объяснил Таргитай. – Место такое. Давай доедим мясо? У меня еще осталось.

Олег покосился на серые ломти с налипшими чешуйками коры.

– Нет... не буду.

– Как знаешь, мне надо заесть жирное.

От мяса пахло дымом, натопленной землянкой, лежанкой, полатами с ворохом шкур. Таргитай разложил его на коленях, любовно выбирал поджаристое, чтобы хрустело, поглядывал на небо. Тучи плыли тяжело, едва не задевая за деревья.

Олег откинулся на спину, захрапел. Тонорукий и тонконогий, с широкой грудью бревном... передавленной, он выглядел жутко с нынешним вздутым животом, что начинался сразу от вмятой груди.

Таргитай догрыз последний ломоть, вытащил свирель. Едва заиграл, лицо волхва перекопилось, и Таргитай повернулся к нему спиной. Над головой громыхнуло, по низким тучам прокатился тяжелый грохот. Верхушки деревьев зашумели.

Таргитай доиграл, растолкал волхва:

– Ну и спишь... Сразу видно, в мешке уже пусто. Вставай! Твои дружки уже вылезли.

– Кто?

– Ну, которые в Болоте.

Олег подхватил пустой мешок, торопливыми прыжками понесся к дереву. Таргитай полез следом, подталкивая волхва в тощий зад, подставляя сцепленные ладони. Сучья и наросты стесал, дурень, самому бы залезть, а тут еще служителя культа тащи...

Олег покарабкался выше, а Таргитай уселся на прежнее место, привязался. На голову сыпались щепочки, чешуйки коры и мелкие листочки – у волхва начался сезон гнездования.

Внизу темнело быстрее. На поляне двигались белесые пятна, шлепали босые ноги. Шлепанье было частым, сливалось в монотонный плеск затяжного дождя.

Тучи все еще застилали небо, ни одна звезда не проглянет, но дождя нет, лишь вдалеке едва слышно рычит небесный зверь. Дерево дрожало: волхв шумно драл свою грудь ногтями. У Таргитая тоже зудело и чесалось от болотной пакости, он шикал на Олега, снова вслушивался и опять слышал лишь царапанье ногтей по коже. Еще в прошлом году, когда Олег пожаловался Боромиру, что страдает от зуда, тот подумал и спросил, не пробовал ли он мыться. Пробовал, ответил Олег сердито, не помогает, через месяц все опять чешется.

Запах гнили вдруг усилился. Таргитай почти ощутил слизь по всему телу. Он брезгливо вытер пальцы, снова цыкнул на волхва. На голову посыпались кусочки коры.

– Пора им лезть, – сказал Таргитай. Сердце колотилось, пыталось выскочить, пальцы начали вздрагивать. Он крепко сжимал рукоятку секиры – все-таки лучше, чем ничего.

– Молчи, – прошептал Олег.

– Думаешь, забыли? – удивился Таргитай. – Держи карман шире. Наверняка видят нас в темноте.

– Мы ж не видим!

– А упыри как совы.

Снизу послышался тихий вой. Упыри были так тихо, что Таргитай сперва решил, что почудилось, но кожа на голых руках пошла пупырышками. Вой стал громче, озноб побежал по всему телу. Волосы на руках, на затылке, везде-везде зашевелились, поднялись дыбом.

– Что с ними? – спросил он шепотом. – Помер кто? Добро бы главный, что на пне... Перегрелся, видать, на солнце.

– Таргитай, – донеслось сверху отчаянное, – мы пропали...

– Совсем?

– Совсемей не бывает...

Вой стал громче, распался на разные голоса. В ушах нарастал шум, словно Река вдруг встала на дыбки и вода полилась на землю с огромной высоты. Тело свело судорогой, горло перехватило тугим обручем, губы онемели. Таргитай с огромным трудом шевельнул языком: тот стал деревянным, словно бы объелся зеленых яблок.

Сверху услышал затихающий отчаянный шепот:

– Тем...ные заклѣтия... Черные силы Зла...

Вой нарастал. Сердце Таргитая начало останавливаться, тело медленно холодело. Он попытался дернуться, по дереву уже ползут, их хотя бы рукоятью...

Из темноты вынырнула слабо освещенная звездами оскаленная широкооротая морда. Упирь перелез со ствола на ветку, где сидел Таргитай. Следом полез другой, а по стволу шлепало множество лап.

Упирь схватил Таргитая за руку. Ремни натянулись, упирь дернул, руку ожгло болью. На Таргитая полез второй, ветка угрожающе затрещала. Хоть бы обломилась, мелькнуло в затухающем мозгу. Сразу бы конец...

Первый упырь, располосовав Таргитаю плечо, наткнулся на привязанные ремни, квакнул. Второй возбужденно зашлепал мокрыми губами, оба вцепились в узлы. Таргитай задыхался, упырь сел задом прямо на лицо, жирная слизь залепляла глаза, ноздри...

Внезапно шум в голове начал стихать. Таргитай с усилием шевельнул головой, тут же на его горле сомкнулись холодные скользкие пальцы. Ремни ослабли, Таргитай увидел под собой темную бездну. Он не упал, ноги попали в развилки, упыри тянули в разные стороны.

Таргитай хрипло закричал, ухватил ближнего упыря за горло. Нижняя челюсть отвисла, из пасти пахнуло таким зловонием, что желудок Таргитая сам по себе прыгнул к горлу. На упыря обрушился водопад пережеванного сала, мяса, рыбы, птицы. Упырь завизжал, попытался отвернуть морду, но Таргитай сжимал горло упыря, самого трясло, желудок старался выскочить вслед.

Наконец пальцы разжались, полумертвый упырь исчез в темноте. Внизу послышался звучный шлепок, и Таргитай внезапно понял, что в Лесу стоит мертвая тишина.

Внизу между деревьями мелькал огонек. Таргитай, дрожа от слабости, свесил голову. Огонек приближался, превратился в пылающий факел. В красноватом чадающем свете мелькнуло бледно-зеленое рыло упыря. Факел резко дернулся, на миг потерял блеск, затем вспыхнул еще ярче, а упыря уже не было видно.

Таргитай хотел заорать, но губы не двигались, он стал развязывать ремни, забыв, что упыри уже развязали, шипел от злости, наконец дотянулся до ствола и, обхватив руками, заскользил вниз. Душегрейка задралась, но лучше уж по слизи голым пузом, чем мордой.

Ноги еще не коснулись земли, как что-то могучее сдавило плечи. Таргитай задушенно пискнул:

– Мрак, откуда ты?

Мрак высился огромный, как дерево, могучий, широкогрудый. В одной руке держал смолистый факел размером с доброе бревно, в другой руке хищно блестела огромная секира. Мрак свирепо улыбался, крупные белые зубы блестели.

– Захотелось попрощаться, – бросил он хриплым мужественным голосом, – или мы уже попрощались?.. Вы чего на дереве? Пробуете в ворон перекидываться?

– В сов, – ответил Таргитай. Он прижался к силачу, чувствуя себя маленьким и удивительно защищенным. – Мрак... Как здорово, что ты здесь.

– Надо развести костер, – сказал Мрак. – А где Олег?

– Он на дереве. А костра не развести... Все сырое.

– Так разведите из сырого!

– А как?

– Лови!

Он швырнул факел, Таргитай едва схватил на лету. Искры опалили лицо. По Лесу пошел стук и треск, и, когда с дерева слез ошалевший Олег, посреди поляны уже высилась груда хвороста.

– Вовремя, – сказал Мрак одобрительно. – Зажигать огонь – дело волхвов.

Олег растерянно улыбался – лицо было бледное, жалкое.

– Да, но... Мрак, я не умею сырое...

Мрак сверкнул очами. Его рука мелькнула как молния, в пятерне оказался жгут бересты. Таргитай затаил дыхание, а Мрак выхватил факел, швырнул вместе с берестой на кучу хвороста. Береста вспыхнула жарко, чадно. Пламя застонало от наслаждения, рванулось вверх багровыми языками с черной каймой копоти, лизнуло ветки, затрещало, разгрызая ветви.

Поляна озарилась слепяще-ярким светом. За деревьями тьма сгустилась еще больше, но здесь было сухо, тепло, здесь был могучий Мрак. Таргитай нелепо переступал с ноги на ногу, везде блестело и воняло, наконец вступил в поблескивающую лужу, от которой несло отвари-

тельно кислым запахом. Это было намного хуже, чем слизь упыря, – это оказалось содержимое его желудка.

Таргитай перебежал на другую сторону костра. Олег со страхом и надеждой заглядывал в лицо Мрака. Подсвеченное снизу багровыми бликами костра, оно казалось особенно свирепым и жестоким.

– Мрак, как ты нас отыскал? Или наткнулся случайно?

Мрак сел подле костра, вытянул к огню ноги, на сапоги налипла ряска.

– Что вас искать... Шли, будто стадо туров. Да и от деревни далеко не ушли. Не успеет Боромир снять заклятие, как я успею туда и обратно.

Он сидел, широко расставив ноги, посмеивался. От него валил пар, багровые блики плясали по крупному жесткому лицу, страшно вспыхивали в расширенных зрачках. Когда улыбался, белые острые зубы вспыхивали как молнии на темном от загара лице. Он был в своей безрукавке из шкуры волка-оборотня, бугристые от мышц плечи блестели, как отполированные корни старого дуба. На широком поясе из двойного слоя толстой кожи висели два швыральных ножа. Рядом с собой Мрак воткнул в дерево секиру вдвое больше той, что отдал Таргитаю.

– Ты спас нас, Мрак, – сказал Таргитай. – Эх, если бы мы умели зажигать огонь из мокрых веток! Ты великий охотник, Мрак!

В темных глазах Мрака запрыгал злой смех.

– Я думал, одного дурака выгнали, оказалось – двоих! Да зажигать огонь из любых веток – это же... Эх, никчемы. Кроме солнца, упыри боятся только огня, его младшего брата.

Олег суетился вокруг костра, повизгивал от щенячьего восторга. Таргитай сказал с беспокойством:

– Мрак, тебе пора. Не знаю, как ты ночью прошел через Болото, но ты должен вернуться в деревню до утра. Для Народа мы – мертвяки. Кто общается с нами, сам считается мертвым.

Мрак замедленными движениями отстегнул пояс, снял перевязь с луком и колчаном со стрелами. Зубы блеснули в непонятной усмешке:

– Кто сказал, что я вернусь?

Олег радостно дернулся. Таргитай почти подпрыгнул, но задавил в себе счастливый вопль, сказал с усилием:

– Мрак... изгнали только нас. Тебя чтят. Ты должен занять место Громобоя.

Он поперхнулся, вдруг все поняв. Мрак решил уйти в Лес подальше, чтобы за ним не охотились как за зверем. Не носит ли он сам шкуру троюродного брата?

– Ты для нас – спасение, – сказал он поспешно. – Мы с тобой как за стенами родного дома!

– Ну-ну, – буркнул Мрак. – Так я и дам вам отсиживаться за стенами.

Олег суетливо подкладывал веточки в костер, помешивал угли.

– Мужчина не должен отсиживаться. Ни за стенами, ни за чужой спиной! На то он и мужчина.

Мрак кивнул с одобрением, а Таргитай буркнул:

– А на дереве может?... Умные слова говорить и я умею.

Мрак бросил на землю туго натоптанный мешок:

– Тарх наверняка проголодался. Здесь свеженькое, только что зажаренное! Налегайте, ребята.

Олег на еду посмотрел мутным взглядом, отвернулся. Живот у него пучило от мяса, в боку кололо. Таргитай, у которого опустевший желудок уже слипался от голода, поспешно развязал мешок:

– Спасибо, Мрак! Я в самом деле малость проголодался. Олег не хочет, он все пожрал в наших мешках. Хоть худой, как червяк, а ест за трех медведей! Я перекушу. Поверишь, у меня маковой росинки в желудке не осталось!

Он ел быстро и жадно. Олег косился с завистью. Пока сидел на дереве, живот раздуло, к горлу подкатывала тошнота. Таргитай чавкал, шумно облизывал залитые жиром пальцы.

Небо быстро светлело, проявилось легкое белое облачко. Из-за края земли ударила огненная стрела, облачко вспыхнуло оранжевым огнем.

Солнце медленно поднялось над краем земли, пустило горящие стрелы по верхушкам деревьев.

Мрак задрал голову, глядя на небо:

– До полдня будет чистым. Потом нагонит тучи. Пойдет ливень, тогда костер вам не поможет.

Олег спросил с надеждой:

– А если разведем побольше? Веток вдоволь...

– Забросают тиной и грязью. Не отступят, еще не поняли? Тарх, завязывай мешки, надо уходить. В чем ты так вывозился?

– Упыри оплевали, – пробормотал Таргитай, пряча глаза. – Или Олег. Он наверху сидел.

Мрак поднялся, без усилий выдернул секиру. Он был силен и мрачно красив. Обреченно красив, сказал себе Таргитай. Как яркий цветок, что расцветает на одну ночь, а утром погибает. Наверное, Мраку как раз и осталась ночь.

– Шевелись, дудошник! – рявкнул Мрак. – И ты, акудник! Идти надо сейчас. Солнце уже прожигает болотную воду. Упыри уйдут в глубокие места, а мы проскользнем по мелководью.

Олег засуетился, хватаясь сразу за все три мешка.

– Мы готовы, Мрак! Поскорее отсюда, только скажи как!

Таргитай закинул мешок за спину, вдел руки в лямки, пришитые дедом Тарасом. Он оставил свою испорченную секиру, а сопилку бережно спрятал за пазуху. Мрак оглядел обоих, сплюнул:

– Эх, людишки... Держитесь по следу.

С востока плыли кудрявые облачка, росли, смыкались краями. Солнце сверкало яркое, ослепляющее.

Мрак медленно соступил в воду. Волхву велели идти следом, а Таргитай безропотно пошел задним. Ноги по колено погружались в клубящуюся муть и месиво выскакивающих со дна крупных пузырьков воздуха.

Потом вода поднялась до пояса. Таргитай споткнулся об Олега, волхв побелел, нижняя челюсть отвисла. Таргитай через силу улыбнулся. Он тоже видел мелькающие в темной глубине белесые тела.

Солнце еще не взобралось на вершину неба, но огненные стрелы пронизывали воду. Мрак, не только отважный и могучий, как тур, но и чуткий, как волк, с первых же шагов выбрал место, где тень от деревьев не падала в воду, и дальше шел настороженный, без шеста чуя впереди глубокие места, резко сворачивая к мели, делал петли, обходя понятное только ему.

Они шли по бесконечной тухлой воде, в которой отражалось такое же бесконечное перевернутое небо. Таргитай взмок от удивления: он никогда не видывал подобного простора. Постепенно обогнал Олега, тот тыкался ему в спину, Таргитай не огрызался.

Ледяные струи пробегали по сапогам, на дне Болота явно били ключи. Обжигающие стрелы накаляли спину и затылок. По шее и по спине вдоль лопаток покатилась первая струйка пота.

Таргитай быстро устал, брел пошатываясь, загребал ил ногами. Следом, в почти прозрачной после Мрака воде, поднималось темное облако, и Олег вступал в этот взмешанный ад, умирая от страха.

Мрак часто брал то вправо, то влево. Оглянулся всего дважды, лицо его было нахмуренным. Таргитай сразу начинал оправдываться, но Мрак смотрел поверх его головы. Из-за островка выползло уже не облачко, а темная туча.

Таргитай был сухим до пояса, глубже Мрак не заводил, зато волхв вымок, как лягушка. На ушах висела ряска, он часто оступался, плюхался в воду, обдавая брызгами Таргитая. Болотная грязь высыхать не успевала, волхв стал похож если не на упыря, то на бредущего через Болото лешего.

Среди бескрайней воды встречались поляны горбатых кочек мха. Иногда все трое забирались на колышущийся ковер, брели за Мраком. Мрак был весь как натянутая струна, ибо глубину под шкурой мха не угадать, а ноги нет-нет да и прорывают мох!

Попадались крохотные островки с одной-двумя замороженными березками. Болото тянулось до виднокрая, а скопления деревьев впереди оказывались завалами притопленных стволов, что прибились к какому-нибудь торчащему из воды выворотню. Внезапно на темную воду упала черная тень, вода сразу стала темной. В небе раздалось торжествующее рычание.

– Упыри... – вскрикнул Олег отчаянно.

В темной воде бледные, как утопленники, тела засновали ближе к поверхности. Кто-то осторожно тронул Таргитая за ногу. Мрак все ускорял шаг, вода за ним закручивалась водоворотами, едва не сбивая Таргитая с ног.

Вдруг Мрак резко остановился. Таргитай с разбегу ткнулся ему в спину, споткнулся. Впереди из ядовитых болотных испарений выступали странные домики на высоких столбах, похожие на серых цапель.

Пронесся ветер, вздыбливая барашками воду, разорвал болотную дымку. Столбы блестя, гладко выструганные, смазанные жиром, дабы звери не взобрались...

– Дрягва, – прошептал Олег в великом изумлении. – Все-таки они существуют!

Все трое всматривались в необычную и такую огромную деревню. Восемь домов, как они тут помещаются, чем живут?

– Пошли к ним, – сказал Таргитай торопливо. – Гроза настигает! Вот-вот влупит со всей дури!

Мрак подозрительно всматривался в строения.

– Чем-то не нравятся...

– Мрак, – сказал Олег отчаянно, – мы ведь сюда шли, к ним!

– Упыри, – бросил Мрак коротко. – Мне не нравится, что эта дрягва в союзе с упырями.

– Они просто отвоевали место среди Болота!

– Нет, волхв. Это племя отринуло светлых богов.

Загрохотал гром. Огромная туча захватила половину неба, лишь на востоке оставалась синь, где плавали в зное оранжевые облака. Туча снизилась, двигалась почти над темной водой. В недрах тучи полыхали ядовито-белые молнии. Гром из раскатистого стал резким, сухим, отрывистым.

Хлюпнуло. В двух шагах вынырнули мертвенно-белые пальцы, тут же скрылись, оставив круги. В другом месте с плеском высунулась круглая голова, люто зыркнула выпученными глазами и бесшумно ушла под воду.

– Они могут без упырей, – вдруг сказал Олег. – Мы не утопи, нащупав тропку, которой дрягва ходит в Лес. Зато им не выжить без Леса! Не все же у них из грязи и рыбьей чешуи?

– Дома из бревен, – сказал Таргитай слабо. – Таких на Болоте нет, из нашего Леса перли!

– Не верю болотникам, – сказал Мрак угрюмо.

– Но упыри...

– Человек опаснее любого зверя, если он... зверь.

Он круто взял в сторону, обходя свайную деревню. Над головой погромыхивало, а из глубин Болота навстречу бредущим людям поднималось множество белесых тел. Ветер сильно толкнул в спины, сорвал с верхушек волн гребешки и понес над темной, словно кипящей водой.

Мрак шел быстро, почти бежал. Внезапно вода колыхнулась, из ветра и брызг вынырнули люди с широкими острогами в руках.

– Стойте! – раздался сиплый голос. – Кто вы?

Их было семеро: тощих, угрюмых, костистых. Грязная вода стекала по мокрым лицам, жидким бородам, где зеленела застрявшая ряска. Желтые пальцы побелели, судорожно сжимая древки острог, красные воспаленные глаза ловили каждое движение пришельцев.

– Мы с миром, – торопливо сказал Олег. – Мы не враги!

– Кто вы? – повторил мужик. Он был широкий в плечах, с бледным нездоровым лицом, правая сторона была изуродована жутким шрамом. Глаза гноились, он щурился и часто мигал, но руки у него были толстые, острогу держали цепко. Острые ключицы резко выпирали из-под желтой кожи.

– Люди, – ответил Олег. – Мы из Леса!

– В Лесу нет людей, – ответил мужик убежденно. – Кроме нас, Народа другого нет. Боги создали только нас и... зверей.

Он колебался, то ли всадить в них острогу, как всегда делал, встречая зверей, или же поступить как-то по-другому, но как – не знал. Остроги упирались в ребра чужаков, дряговичи нерешительно переглядывались.

Наконец один сказал решительно:

– Чушак, надо их убить!.. Гроза вот-вот, мы не успеем добежать.

Чушак недовольно дернул плечом. Мрак следил за каждым движением дряговича, чуть присел, напряг мускулы. В спину хлестнуло ледяным ветром. Ветер срывал гребешки по всему Болоту, нес брызги.

– Надо кончать! – повторил мужик.

Чушак задержал дыхание, его гноящиеся воспаленные глаза наткнулись на чистый непонимающий взгляд Таргитая. Тот смотрел без страха, даже с радостным удивлением. Люди разговаривали с ними, а деревня у дряговичей просто громадная...

– Кончай их! – взревел мужик.

Чушак резко вскинул голову, его голос хлестнул по ушам:

– Окунь, кто Старший Охотник? Участь пришельцев решит Старик.

– Но...

– Заткнись. Эй вы, зайды! Налим, иди впереди, показывай дорогу.

Сильный ветер ударил в спину. Таргитай упал, в бок резко кольнуло. Отплевываясь, он поднялся, встретился взглядом с перепуганными глазами худосочного мужика. Тот держал рогатину у его ребер, руки тряслись.

– Поторопимся, – сказал Олег. – Поторопимся, люди!

Шерсть на руках Мрака вздыбилась, в горле рокотало. Четыре остроклювые остроги упирались в него со всех сторон. Олег поспешно пошел за Налимом, Таргитай спешил следом, Мрак шел последним, рычал, вращая налитыми кровью глазами.

Туча догнала, грохотала над головами. За их спинами Болото пошло крупной рябью, поднялась серая мгла.

Таргитай проваливался, его подхватывали сильные руки. Мрак успевал за дряговичами, выдергивал из ям изгоев, наконец схватил нахлебавшегося воды Олега, потащил на плечах, как убитого оленя.

Ветер швырнул крупную горсть дождя, с неба обрушились потоки воды. Болото забурлило, страшно полыхнула ослепляющая молния, над головами словно разломил сухое бревно. Таргитай от оглушающего треска присел, вода сомкнулась над головой, и сразу что-то ухватило за руки, за плечи, поволокло...

Могучая рука выдернула его из воды, свирепый голос яростно крикнул, разрывая уши:
– Быстрее, упыри уже вылезли!

Таргитай забарахтался, вскочил, бросился за едва различимыми в ливне фигурами. Вода кипела, косые струи ливня закрывали видимость, лишь голые черепа упырей холодно блестели среди кипящей воды, немигающие глаза смотрели на Таргитая с лютой злобой.

Мужики орали, подталкивали острогами. Упыри смыкали кольцо, высовывали из воды руки. Таргитай неся через падающую стену воды, задышался, наконец что-то впереди вынырнуло из серой стены дождя, ударило в лицо. Он обхватил толстый, ускользающий из рук ствол.

Внезапно он понял, что стена дождя обрывается в двух шагах, а сюда ветром бросает водяную пыль. Над головой темнели тонкие бревна, уложенные ровным рядом. Оттуда кричали, и Таргитай, наполовину оглушенный громом, полез вверх по столбу. Снизу кольнули, сверху дернули за шиворот, и он пролез в широкую дыру. Следом поднялся промокший мужик, захлопнул ляду и, отбежав к стене, выставил перед собой острогу.

Таргитай поднялся на ноги. Просторный сарай из толстых прутьев, окон нет, свет просачивается сквозь щели. Вдоль всех четырех стен встали плечом к плечу тощие оборванные мужики – все как один с желтыми больными лицами, воспаленными глазами, но жилистые, широкогрудые. Все держали остроги, направив жуткие зазубренные острия на пришельцев.

Напротив Таргитая застыл подросток. Он держал нацеленное в горло пришельцу острие из крупной рыбьей кости. Глаза горят, только бы шелохнулся чужак!

Сильно пахло тиной, лягушками и рыбьими внутренностями. На стене висели большие и малые остроги, сети, невод. За стенами глухо ревел ливень, швыряя сквозь щели охапки брызг.

– Даже не подумайте двинуться! – сказал Чушак резко. – А вы, если шелохнутесь, убейте этих существ сразу.

– Мы не существа, – сказал Олег как можно спокойнее. – Мы – люди.

– Люди – это мы, – отрубил Чушак.

Он скрылся за перегородкой. Там слышались тихие голоса. Когда туда скользнул Чушак, затихло, потом после долгой паузы вышел, опираясь на длинную суковатую палку, согнутый в поясе дед. Борода касалась пола, беззубый рот непрестанно двигался. Чушак держал его под локти, бережно усадил на лавку. Старик весь был сморщенный, дряблый, похожий на древнюю старушку.

Он долго отдыхал, наконец поднял на пленников выцветшие от старости глаза:

– Невры?

– Что-что? – не понял Олег.

– Говорю, невра... люди Леса.

– Люди Леса, – подтвердил Олег. Он оглянулся на Мрака и Таргитая, но те молчали, давая волхву вести разговор. – Мы мирные, мы шли к вам. Только мы люди, а не невра.

– Невры, – ответил дед вялым сиплым голосом. – Вы невра.

Мужики переглянулись, их глаза снова повернулись к деду. Тот безостановочно жевал морщинистым ртом, мигал красными, с воспаленными веками глазами. Сказал с непонятным оттенком в голосе:

– Не знаете... Эти тоже не знают, что на белом свете есть еще люди. Называют себя Народом.

– У нас тоже, – сказал Олег.

– У вас тоже, – повторил дед. Помолчал, сказал снова: – Один я здесь еще знаю, что мы – дрягва, а в Лесу другие племена... Самое близкое к нам – невра. Могучий и опасный народ.

– Могучий? – повторил Олег с недоверием. – Опасный?.. Нас в деревне всего шесть жилищ...

Дед приподнял голову, в его старческих глазах впервые блеснула какая-то искорка.

– Шесть?.. Считаете, что это весь ваш Народ?.. Ну-ну...

Он уронил голову. Дряговичи не шевелились, даже дышать вроде бы перестали. Из-за плетеной перегородки слышалось тяжелое дыхание, кто-то шмыгал носом, отчаянно чесался.

– Зачем шли через Болото? – спросил старик.

Мужики затаили дыхание. Их остроги все так же упирались в животы пришельцев, но глаза были на губах старика, потом так же разом повернули головы к Олегу.

– Нас изгнали, – ответил Олег убито. – Мы надеялись, что вы примете нас. У нас теперь нет племени. Кто нас примет в свое племя, с теми мы и будем жить.

Мужики переглянулись, кто-то сказал вполголоса пару слов, но невры не расслышали. Дед долго молчал, тряс седой головой, наконец произнес погасшим голосом:

– Даже будучи изгоями... вы – невры.

Олег вскрикнул, ощутив в голосе старика неясную угрозу:

– Мы – изгой!

– Невры – народ... странный, – проговорил старик, он смотрел в пол. – Могучий и опасный. В древних пророчествах сказано, что, когда невры выйдут из Леса... мир уже не будет прежним.

Мужики тревожно переглянулись, острия уперлись пленникам под ребра. Старик наконец поднял голову, взглянул в лица пленникам:

– Не надо было идти через Болото.

Мрак громыхнул раздраженно, опередив Олега:

– Но мы уже здесь!

– Это беда, – ответил старик. Он снова уронил голову, голос упал. – Теперь вы знаете, где мы хоронимся.

– От чего хоронитесь? – спросил Мрак.

– От всего, – ответил старик просто. – Мы – простые, простодушные. А вы – опасные. Вы – невры. Весь мир должен бояться невров...

Мрак сказал саркастически:

– Потому мы и живем в Лесу?

– Я не знаю, чьей волей... какие боги сумели запереть вас в Лесу. Какие заклания наложили, чтобы сковать, усыпить... Но это хорошо для всего белого света, всех народов и всех земель... Я знаю мало, но достаточно, чтобы бояться вас...

– Вы всего боитесь! – рявкнул Мрак. Он оглянулся. Мужики заворчали, острия едва не прокалывали его толстую душегрейку.

– Всего, – согласился старик. – Заяц всего боится, потому и цел.

– Если бы страх спасал, заяц был бы бессмертным!.. Но уцелели и волки, а их напугать труднее.

– У вас троих на плечах волчьи шкуры. Значит, гибнут и волки.

– Все гибнут, – ответил Мрак беспечно, – но гибнут по-разному. Как и живут! Ладно, живите как зайцы, бобры или болотные жабы. Нас это не касается. Но зачем тычете этими колючками? Вы спасли нас от бури на Болоте...

Старик ответил глухим старческим голосом:

– Не спасли... Чушак не знал, что делать. Они не знают, что на белом свете есть другие люди.

– Понятно, – прервал Мрак, снова опережая Олега, беззвучно раскрывавшего рот, – если бы знал, нас бы оставили. Упыри закончили бы сами.

Старик проговорил таким тихим голосом, что из-за шума падающего дождя едва слышали:

– Вы – невры. Мы боимся невров.

Мрак сказал тяжелым, как речные валуны, голосом, его темные глаза зыркали по лицам мужиков, по стенам, где висели остроги:

– А когда боимся, то убегаем или убиваем, верно?.. От нас не убежишь, мы уже здесь. Уже знаем ваше болотное гнездо.

Старик попробовал подняться, страдальчески охнул. Чушак подбежал, помог встать на ноги. Старик сказал растерянно:

– Мы беззащитны... Мы даже не умеем врать. Кроме меня, никто не знает такого слова.

– Все ясно, – буркнул Мрак. Он небрежно махнул рукой, и четыре остроги уперлись в его грудь и живот. – Утопите? Рыбам на прокорм?.. Хотя какие здесь рыбы? Вы небось только жаб да пиявок жрете?

Старик с помощью Чушака доковылял до перегородки, с трудом повернул голову:

– У нас жестокие боги! Нужна жертва...

Мрак зарычал, толстые руки вздулись буграми мускулов. Таргитай подумал было броситься, сокрушить, разметать, именно так поступал в грезах, но мужики стояли реальные, вонючие, острия острог блестят... Длинное зазубренное лезвие пропорет глубоко – он видел, как резали оленей, – толстые кишки вывалятся через жуткую рану, на крупных зазубринах повиснут окровавленные клочья печени, селезенки, а кровь будет хлестать через широкую рану, заливать пол...

Рядом шумно дрожал Олег. Чушак вернулся, заметил налитые кровью глаза Мрака, бросил хрипло:

– Кто шевельнется – убивайте!

Он снял со стены длинную веревку. Таргитая ухватили сзади, веревка опоясала грудь, туго стянула руки. Рядом вязали Олега, тот закрыл глаза, боясь видеть осатаневшие лица. Всех троих связали туго, жестко. Руки Таргитая сразу онемели, начали синеть, наливаясь тяжелой кровью.

Жилистые пальцы ухватили сзади, между связанными руками скользнул толстый шест, другим концом просунули в веревку, стягивающую ноги. Таргитай упал, больно ударился плечом и лицом о грязный заплесанный пол.

Вдруг плечи рвануло болью, мир перевернулся. Мужики подняли шест на плечи, Таргитай повис лицом вниз, боль в суставах стала нестерпимой.

Пахнуло холодным воздухом. Перед глазами Таргитая поплыл колыхающийся пол из тонких бревен, усеянный застрявшими рыбьими костями, внутренностями, чешуей. Мощный ливень уже прекратился. Воздух был свежим, однако все еще пахло нечистотами.

Мужики несли невров, поглядывая на пленников со страхом и ненавистью. Постоянно сбивались с шага, а невров раскачивало так, что едва не рвались жилы и суставы.

Таргитая понесли ногами вперед, перед глазами снова поплыли мокрые, покрытые рыбьей слизью жерди, внутренности, где суетливо сновали толстые зеленые мухи и копошились жирные белые черви. Позади несли волхва, он держал глаза плотно зажмуренными, губу закусил до крови.

Наконец все остановились, разом сбросили ношу. Таргитай снова ударился лицом, едва не распорол рот сучком, во рту сразу ощутил соленый вкус.

– Болотные вы гады! – сказал он с отвращением. – Самые настоящие! Как и ваши болотные боги...

Мужик, что стоял над ним, довольно крякнул, сказал другим:

– Слыхали?.. Как славит нас теперя!.. Припекло, заюлил.

– Никому помирать неохота, – буркнул второй. Он подошел ближе, помочился на Таргитая, захохотал, когда тот пытался отвернуть лицо, крикнул: – Эй, внизу! Готовы?

Мужики с кряхтением подняли шест. Руки Таргитая снова вывернуло. Его поднесли к краю помоста, спустили головой вниз, там подхватили другие руки. Запах тины и дохлой рыбы усилился. Теперь их понесли по Болоту. Когда вода поднималась мужикам до пояса, Таргитай набирал в грудь воздуха и задерживал дыхание, но нести его так было легче, и он нахлебался грязной, взбаламученной недавним ливнем воды.

– Здесь, – донесся голос Чушака.

Мир перевернулся, веревка врезалась сильнее, затем шест с Таргитаем поставили стоймя. Мрак и Олег уже стояли в воде, привязанные к столбам. Те за их спиной торчали голые, с бесстыдно отвалившейся корой, гадостно склизкие от постоянной сырости. Мрак бешено дергался, сыпал руганью, Олег висел на веревках, уронив голову на грудь.

Руки Таргитая были вжаты в слизь, пальцы погрузились в жирную плесень. Что-то гадко-скользкое зашевелилось в ладони, поползло по руке. Таргитай задержался, но мерзость карабкалась дальше.

Чушак быстро проверил узлы, оглянулся. Его мужики уже спешили обратно к свайным домикам, те виднелись в двух-трех сотнях шагов. Там уже собрался Народ, виднелись женщины с детворой, все смотрели жадно.

– Так велят наши боги, – буркнул Чушак, словно оправдываясь.

Он заспешил вслед за мужиками. Те уже побросали шесты, они разом затонули, словно были из камня. Или их утащили под воду невидимые руки.

Таргитай дергался, скользкий гад всполз на шею, норовил втиснуться в ухо.

Мрак сказал угрюмо:

– Недалеко ушли вы, ребята...

– Мы ведь шли к ним! – всхлипнул Олег. Он поднял заплаканное лицо, где слезы промывали дорожки среди грязи. – Зачем они так?

– Все-таки попали к упырям, – сказал Таргитай с ужасом. – Лучше бы разорвал бер, лучше бы деревом пришибло...

– Бер? – переспросил Олег. Он вскрикнул погромче: – Бер!.. Мы не боимся тебя, бер!.. Мы зовем тебя, бер!

– Не смейся лягушек, – бросил Мрак досадливо. – Вон как нахохотались, перетопли со смеху! Бер в Болото не полезет. Упырей любой бер испугается.

Далекие фигурки, как плывущие гуси, разрезая воду, достигли ближайшего дома. Сверху швырнули веревочную лестницу, мужики взобрались, лишь Чушак, его не спутаешь даже отсюда, быстро вскарабкался по столбу.

Мрак сказал понимающе:

– Ждут. Значит, вот-вот... Прощайте, хлопцы! Тарх, я любил тебя больше, чем брата. Олег, ты никудышный волхв, но человек терпимый. Будь моя воля, я бы оставил вас двоих, а прогнал бы Боромира и Громобоя... Не понимаю, почему так, ведь они – лучший волхв и лучший охотник, но так подсказывает мое волчье чутье.

Он внезапно вскинул голову, стукнувшись затылком о столб, взвыл. Рот раскрылся, над Болотом пронесся жуткий нечеловеческий вой.

– Прощай, – ответил Олег отчаянно, – но... неужели погибнем? Сейчас всплывут упыри, будут есть нас живыми? Отъедать ноги, выгрызать у живых животы? Это с нами, не с кем-то другим?

Мрак оборвал вой, бросил грубо:

– Живно? Ты их надуешь!.. Околеешь с перепугу. Или обгадишься со страха так, что даже упыри есть не станут. А вот нам с Таргитаем...

– Я тоже надеюсь помереть со страха, – проговорил Таргитай, он с трудом выталкивал слова через стиснутое ужасом горло. – По мне что-то мелкое ползет, и то я уже кончаюсь...

– Я останусь один?

– Мрак! – закричал Олег. Он отчаянно дергался, столб мелко дрожал. – Надо придумать что-нибудь! Ты сам говорил: тони с надеждой выбраться на берег!.. Давай как-нибудь захватим упыренка... Когда все вылезут, скажем, что порешим, если нас не отпустят!

– Волхв, не перехитри самого себя. Упыри не знают родства. Они даже не звери!

Мрак откинул голову с такой силой, что из столба брызнула желтая вода. Туча уходила за виднокрай, небо засияло, из-за тучи брызнули солнечные лучи. Глядя в небо, Мрак вдруг жутко взвыл. Лицо покраснело, напряглось, вздулись жилы. Челюсти были сжаты. Лицо начало удлиняться, потемнело, словно на солнце набежала тучка. Таргитай понял в страхе, что тучка ни при чем, лицо Мрака покрывается шерстью! Воющий рот превратился в жутко оскаленную пасть, страшно блестели острые клыки.

У столба, туго привязанный, люто рычал и дергался получеловек-полужверь. Он выл, хрипел, брызгал желтой слюной. Веревки врезались глубоко, оборотень задыхался, одна из петель давила горло. Оборотень дернулся, высвободил истончившиеся лапы из узлов, рассчитанных на человеческие икры, стал рвать острыми когтями веревку. Та впилась так глубоко, что волк рвал когтями и свою грудь. Полетела шерсть, брызнула кровь.

Олег поспешно отвернул голову:

– Никогда не видел... Не знал, что так страшно!

На далеком помосте забегали дряговичи. По столбу поспешно соскользнул Чушак, за ним в Болото слезли с десятков мужиков. Им сверху побросали остроги, дубины. Вооружившись, они заспешили к болотному капищу.

Веревка лопнула с сухим звоном, как обрезанная тетива. Волк упал, разбрызгивая гнилую воду. Таргитай решил, что оборотень мертв, но волк тяжело поднялся, в упор посмотрел на Таргिताя, перевел жуткий взгляд на Олега. Это был настоящий волк-оборотень – огромный, впятеро крупнее любого волка, лобастый, с торчащими клыками, похожими на ножи. Глаза горели красным огнем, как угли костра, с которых сдули пепел.

– Мрак, – прошептал Таргитай умоляюще, хотя то был уже не Мрак, а лютый зверь, более страшный, чем стая волков. – Мрак... порви мне глотку! Спаси от упырей!..

– И мне! – крикнул Олег. Глаза его были плотно зажмурены, он судорожно запрокидывал голову, выставляя белое горло.

От свайных домов бежали, вспенивая воду, дряговичи. Волк оскалил зубы, присел. Таргитай подставил горло, страшно лязгнули зубы. Шею полоснуло острой болью. Свиристое рычание оглушило, даже в голове раздался звон. Таргитай чувствовал жаркое дыхание зверя, открыл глаза, тут же зажмурился изо всех сил. Оскаленная пасть, зубы блестят!

Он в испуге распахнул глаза, успел увидеть грязную воду. Мелькнул разлохмаченный конец веревки, и Таргитай с шумом упал в болотную воду. Онемевшее тело не слушалось, он нахлебался тухлой воды, заглотнул мелкую водоросль, следом в рот заплыло что-то живое. Таргिताя стошнило, поднялся с великим трудом.

Огромный волк уже перегрызал веревку на ногах Олега. Волхв с плачем растирал распухшие кисти.

Дряговичи бежали цепочкой, кричали, Таргитай видел широко разинутые щербатые рты, гнилые зубы. Бежали медленно, расплескивая воду, сосступали с тропки, торопливо вытаскивали друг друга.

Олег крикнул в страхе:

– Тарх!.. Теперь бы не даваться!

Первым бежал Чушак. В его жилистой руке качалась длинная острога. За ним едва поспевали Налим и Окунь, их увесистые дубины были усажены острыми костями.

Волк зарычал, чуть присел, опустившись на воду. Чушак замахнулся острогой. Они застыли, глядя друг другу в глаза. Чушак побледнел, но не отступал, хотя зверь был огромен, страшен. Мужики за спиной Чушака загалдели, вытягивая шеи. Волк зарычал громче, под намокшей шерстью вздулись чудовищные мышцы. Чушак поспешно швырнул острогу. Она пронеслась по длинной дуге, плюхнулась рядом с волком, обдав его брызгами. Мужики сердито загалдели. Чушак обернулся, крикнул резко. Двое мужиков, что стояли за Окунем и Налимом, подняли остроги над головами. Чушак присел, хлопнувшись задом о воду, а мужики разом метнули остроги через головы Налима, Окуня и Чушака.

Волк не дернулся ни вправо, ни влево, а скакнул назад. Мокрым задом сбил Таргитая, тот упал, снова хлебнул гнилой воды пополам с донной грязью. Обе остроги плюхнулись перед волком.

Мужики закричали. Еще один швырнул издали, явно метил в Таргитая, что барахтался как ошалевшая жаба. Олег выловил остроги, одну бросил Таргिताю. Тот с трудом поймал, вода с него бежала в три ручья.

– Бросать не умеют! – крикнул Олег. Он трясся, прыгал в воде, судорожно озирался во все стороны. – Рыбу бьют, не выпуская из рук...

Он без размаху швырнул острогу, едва не упав следом. Чушак видел летящее в него острие, но сослупить в сторону – попадешь в топь, шагнул назад, ударился спиной в Налима, в последний момент решил присесть, но запоздал – тяжелое острие из заточенной рыбьей кости угодило в горло. Он повалился навзничь, ухватившись за древко.

Олег торопливо швырнул вторую острогу, та заточенным концом угодила в живот Налиму. Налим закричал по-заячьи тонко и жалобно, прижал ладони к широкой ране, откуда, пузырясь, полезли сизые кишки, и упал, подняв столб брызг.

Таргитай с силой метнул свою острогу. Окунь запоздало качнулся назад, тяжелое зазубренное острие с хрустом, словно ломая яичную скорлупу, до половины вошло в левую глазницу. Окунь без звука рухнул лицом вниз. Дряговичи орали, потрясали дубинами, двое тащили раненого Налима.

– Отобьемся! – закричал Олег хриплым злым голосом. – Тропка узкая!

– Отобьемся! – крикнул Таргитай. Его трясло, губы прыгали, он все время дергался, вертел в руках последнюю острогу. – Мы покрепче! Отобьемся...

Внезапно волк зарычал. Олег отпрыгнул, Таргитай попятился, пяткой ощупывая дно, чтобы не плавать в своей блевотине, что уже окрасилась кровью Чушака. Из пробитого горла дряговича хлестала кровь, пенилась, грязная вода стала зловеще красной.

Волк продолжал рычать. Мокрая шерсть на загривке поднялась, верхняя губа люто изогнулась, выпустив наружу клыки-ножи.

– Чует упырей, – прошептал Олег в ужасе.

Дряговичи, подхватив раненых, поспешно отступали. Тело Чушака медленно погружалось. На поверхности расширялось кровавое пятно. Последний мужик оглянулся, потряс кулаком:

– Боги Великого Болота не выпустят жертву!

– Кому боги, – закричал Таргитай им вслед, – а кому жабы! Только жирнее.

Рядом икал Олег, глаза его дико блуждали. Он был мокрый, на голове и ушах висели водяные растения. Таргитай провел руками по лицу, сбрасывая грязь, листья, сказал, едва двигая непослушными губами:

– Еще не сгинули, верно?

Кроваво-красные глаза волка вспыхнули желтым фосфорическим огнем. Облака полыхали, подсвеченные снизу заходящим солнцем, а на другом краю небосвода, чистом от облаков, неясно выступил бледный серп луны – ночного солнца упырей и мертвяков. Еще не налилась в полную силу – не позволяет солнце! – но, когда дневное светило опустится в Мировой

Океан, луна засияет во всю колдовскую мощь. По ее зову выплывут упыри, навьи, из могил поднимутся злые мертвецы, а берегини в страхе взберутся на самые высокие деревья, переживая опасную ночь.

По Болоту пробежала странная рябь, взбурлила волнами. Над водой мелькнули костлявые пальцы, ухватили что-то и скрылись.

Волк прыгнул, брызги окатили Таргитая с головой. Он невольно отшатнулся, а волк поплыл, шумно шлепая лапами, высоко задрав морду.

– Хоть он уцелеет... может быть, – сказал Таргитай. – Я любил его, Олег!

Олег непонимающе смотрел вслед волку, потом вдруг подпрыгнул:

– Тарх, за ним!

– Вплавь? Я не умею.

– За ним! – крикнул Олег.

Он подхватил плавающую одежду Мрака, бросился за волком, упал, окунулся с головой, поднялся весь в тине и болотной траве.

– Я не умею плавать! – закричал Таргитай.

Олег не отвечал, он ломился через грязную воду, поднимая тучи брызг. Таргитай, боясь остаться, бросился за ним: Олег тоже не плавал, как и все невры!

Волхв торопился изо всех сил, но Таргитай все же догнал, крикнул:

– А если поплывет через глубокое? Что тогда?

– Не... поплы... вет, – ответил Олег на бегу. Он с усилием ломился по Болоту, вспарывая воду и цепляясь за листья кувшинок, поднимая тучи мутного ила. – На глубоком... его ухватят упыри...

– Он знает?

– Чует...

Сзади сильно плеснуло, словно за комаром выпрыгнула огромная рыба. Таргитай на бегу повернул голову, ноги его от ужаса подкосились. Далеко позади, где расплывалось широкое пятно крови, вода уже бурлила, мелькали голые пальцы.

Олег вбежал в скопище болотных трав, запутался, повалился на бок. Мелькнули вытаращенные глаза, волна накрыла с головой. Таргитай на ходу схватил волхва за волосы. Олег всхрапнул, молча кинулся за плывущим далеко впереди волком. На плечах Олега висело целое поле толстых болотных стеблей и мелких трав, там билась мелкая живность, но волхв мчался, вперив глаза в затылок волка, ни на что не обращая внимания.

Таргитай едва поспевал за худым волхвом. Мокрый, облепленный зеленой травой и коричневой грязью, тот мчался, разбрызгивая воду на десятки сажень, сбивая мшистые кочки. Дышал он хрипло, страшно, словно закипающий котел с ухой.

– Олег! – закричал Таргитай из последних сил. – Я больше не могу...

– Там берег... Берег...

Таргитай ломился на голос волхва, почти ничего не видя, кроме бурлящей затхлой воды. Ноги проваливались в вязкую грязь, под подошвами что-то шевелилось, дергалось, вонзало острые зубы в толстую кожу сапог.

– Тарх! – хлестнуло по ушам. – Быстрее! За нами гонятся!

Таргитай оглянулся. Три жертвенных столба отсюда казались тонкими лучинками, от них за беглецами словно бы катился водяной бугор. Внезапно бугор распался на два холмика, оба пошли быстрыми зигзагами по обе стороны мелководья.

– Скорее, лодырь! – орал Олег. – Быстрее, дурак!

Ноги Таргитая сами в смертельном страхе понесли через зловонную жижу, ил, муть, заросли болотной травы.

Олег, хрипя широко открытым ртом, выполз на мокрую траву, упал, ломая кусты, но сразу повернулся, протянул руку Таргитаю. Таргитай едва брел, его шатало из стороны в сторону. На нем висели раздувшиеся пиявки, ноги спотыкались о каждый болотный стебель.

– Скорее! – вдруг закричал Олег страшно. Он с ужасом смотрел поверх плеча Таргитая. – Прыгай!.. Прыгай, дурак!

Таргитай попробовал скакнуть, но упал плашмя, вытянув руку вперед. Тело скользнуло по воде, кончики пальцев коснулись горячей ладони Олега. В тот же миг холодные нечеловеческие пальцы схватили за лодыжку. Он слабо лягнулся, пальцы сдавили лодыжку сильнее. Олег кричал, упорно тащил за руку. Заляпанное грязью и бледное до синевы лицо волхва вдруг налилось тяжелой кровью, жилы на шее вздулись.

– Тарх... – прохрипел он. – Ну, Тарх...

Суставы Таргитая трещали. Хрипя, Олег тянул к себе, из Болота тащили в воду. Олег перехватил Таргитая и другой рукой, но сам начал сползать в коричневую жижу. Судорожно раскинул ноги, зацепился за выпирающие из земли корни вяза, охнул, но руку Таргитая все еще держал.

За спиной Таргитая трещали стебли кувшинок, за них тоже хватались, ища опоры, вода бурлила. Олег вдруг прошептал, перекосив рот:

– Все... не могу... Сейчас выпущу...

Таргитай из последних сил задергал ногами. Его хватали уже со всех сторон, наваливались со спины, пригибали голову, топили. Он захлебывался, затем что-то жесткое ударило по лицу, он упал на твердое. Руки волхва перехватили за шиворот, дернули, и Таргитай, ухватившись за покрытые слизью толстые корни, потянул себя на берег.

На миг показалось, что суставы вывернули, потом тяжесть вдруг исчезла. Сзади шумно плеснуло. Его потащило лицом по грязи, мокрому мху и твердым, как речные валуны, корням вяза.

Глава 5

Оба лежали, тяжело дыша, не в силах шелохнуться. Таргитай с трудом повернул голову, чтобы не захлебнуться грязью. В Болоте шумно хлюпало, квакало, шлепало по воде. Истошно кричала выпь.

– Неужели... выбрались? – выдохнул Олег. Он приподнялся, но руки подломились, он без сил упал лицом вниз. С головы до ног покрытый зеленой травой, листьями кувшинок, он походил на огромную голодающую жабу. – Выбрались?

Таргитай закашлялся, выплюнул гнилую воду, с ней вместе полузадушенного болотного червяка. Он охнул, повернул голову в другую сторону.

Отдышавшись, Олег приподнялся, сел. Возле Таргитая разлилось новое Болото, чуть поменьше, но, похоже, он сразу населил его из своего желудка головастиками, водомерками, пиявками...

– Ушли, – повторил Олег. В его глазах был страх. – Мы ушли? От лютой дрягвы, от страшных упырей?.. Тарх, ты бы видел, что за тобой гналось! Что тащило тебя обратно!

– Если бы не Мрак, – прошептал Таргитай, – мы бы не ушли...

Плечи его вздрогнули. Олег выждал, сказал тоскливо:

– Он нас спас дважды. Все-таки погиб не зря.

– Не зря?

– Тарх, он обречен, ты знаешь. Зато в свой последний час сохранил наши шкуры! Правда, если сейчас не уйдем от Болота подальше, упыри нас все равно достанут.

Таргитай с трудом поднялся. Натыкаясь на кусты, они заспешили в чашу. Перелесок скоро кончился, пошли огромные толстые деревья. Земля вокруг них была непривычно сухая,

корни выпивали всю влагу, каждое дерево стояло особняком, а на голой земле темнели остатки прошлогодних листьев, скорлупки желудей, расклеванные шишки, сухие иглы, крупные чешуйки коры.

Чужой Лес, непривычный, но все-таки Лес, не Болото. Самое надежное место на свете – Лес. Чем дремучее, тем надежнее. Чем непроходимее, тем роднее.

– Вроде бы ушли, – проговорил Олег мертвым голосом. – Либо в глазах темнеет... либо уже вечер.

– А как разведем костер? – спросил Таргитай. – У нас забрали все.

Кроме дудочки, подумал он с нежностью. Пальцы коснулись спрятанной за пазухой сопилки, украдкой погладили.

– Собирай хворост, – сказал Олег вдруг. – Я берусь развести огонь. Волхв я или не волхв?

Едва держась на ногах, Таргитай сгребал сухие веточки. На обратном пути наткнулся на гигантскую березу. Кора лохматилась, в темноте казалась усеянной белыми бабочками. Таргитай напихал пучков бересты за пазуху, с охапкой хвороста вывалился на поляну.

– Я принес, – сказал Таргитай с угрозой. – Там лежит толстое сухое дерево. Я и его притащу, хватит на две ночи. Но если не разведешь костер, я тебе шею сверну.

Волхв перевернулся на спину. Таргитай пораился изможденному лицу. Олег был полумертвым от усталости.

– Ну? Покажи свое умение, волхв!

Олег молча полез за пазуху. На лице его появилось отрешенное выражение, потом он очень медленно вытащил узелок из грязного промокшего лоскута кожи. Не спеша развязал тугой узел, помогая зубами, развернул на ладони...

Таргитай сердито сплюнул под ноги, чувствуя себя обманутым. Олег бережно вытащил кремь и огниво, ехидно заулыбался. Крохотные красные искорки вылетали по дуге, падали на промокший трут, на бересту, там вспыхивали синие дымки, тут же гасли. Тьма сгустилась, Таргитай видел только искорки и слышал редкие удары. Правда, кроме стука кремня и надсадного дыхания волхва, слышал и крики ночных птиц, далекий треск в кустах, странный топот, осторожные шаги...

– Дай сюда, – заявил он наконец, отбирая кремь. – Волхв ты, кто спорит, не простой...

Намучившись с огнивом, как медведь возле рыбы, все-таки высек огонь, раздул искры, а когда береста вспыхнула, заставил себя притащить сушину. Хворост уже полыхал всюду, Таргитай сунул сухую валежину концом в огонь.

– На ночь хватит, как думаешь?..

– Хватит, – ответил Олег. Глаза его были закрыты, на лице быстро подсыхала корка грязи. Он вздрагивал, дергал плечами.

– Ты жилистый, выносливый, – сказал Таргитай, – а я совсем дохляк. Посплю малость, ладно?

– Спи, – ответил Олег чужим голосом. Лицо в разводах грязи с пляшущими бликами костра выглядело жутким, нечеловеческим. – Я все равно не засну. Есть хочешь?

– Хочу, – ответил Таргитай. Он сразу ожил, протянул ладонь. – Давай!

– Утром поищем ягод, – пояснил волхв. – Спи! Натощак приходят вещие сны.

– Вещие сны нужны волхвам, – ответил Таргитай разочарованно. – Меняю свой вещий сон на кусок мяса. Можно даже сырого...

От мокрой одежды шел пар. Он поставил сапоги возле головы и сразу провалился в плотный сон.

Проснулся, стуча зубами от холода. Утро было хмурое, холодное. Сушина сгорела, на ее месте застыл густой слой серого пепла. Волхв спал с подветренной стороны, весь покрылся налетом. Таргитай сунул ему травинку в ноздрю, повертел. Олег глухо замычал, шлепнул ладонью по лицу, но не проснулся.

Ежась, Таргитай сунул озябшие ладони за пазуху, кончики пальцев уперлись в дудочку. Она мирно спала в тепле и уюте. Таргитай с нежностью выудил, оглядел со всех сторон. Цела! Падал, тонул в Болоте, дрался, но родимая уцелела...

Он заиграл тихонько, стараясь не будить Олега. Птицы еще спали, мелодия пошла через Лес одиноко и вольно, не расшибаясь о шелест, птичьи вопли и треск кустов, когда ломаются стада свиней.

Озябшие пальцы медленно перебирали дырочки, но отогревались, песня шла быстрее, громче. Олег зло скрипнул зубами, лягнул обеими ногами, попытался натянуть на голову несуществующую шкуру.

Таргитай поспешно перешел на другую сторону поляны, но мелодию не прервал. Волхв чуть успокоился, разжал кулаки, но лицо оставалось злым. Над головой сонно чирикнула разбуженная пташка. В ветках зашуршало, посыпалась древесная труха, словно белки чистили дупло. Простучали крохотные коготки, среди зеленых листьев, как огонь от бересты, мелькнул красный хвост.

Темные верхушки деревьев внезапно стали яркими, как кожа молодого лягушонка. Огненные стрелы беззвучно просекали листву, заставляя листики просыпаться, тянуться навстречу солнцу. Олег сердито засопел: солнечный зайчик прыгнул ему на глаза. Не просыпаясь, Олег выпятил губы, сдувая назойливую муху, подергал крыльями носа, щеками, подвигал бровями, наконец попытался смахнуть ладонью. В конце концов выругался, глаза сердито открылись.

– Я тебя в жабу превращу, – сказал он сонным злым голосом. – Прокляну, в порошок сотру, навьям отдам...

– Просыпайся, – ответил Таргитай. – Доброе утро. Сторожишь здорово! Никто из зверей близко не подходил. А кто и решился, упал замертво от твоего храпа. Надо в кустиках поискать для обеда.

– Врешь, – заявил Олег убежденно. – Я никогда не храплю. А что, я спал?

– Как бревно, – заверил Таргитай. – Меняешься, Олег.

– Зато ты все тот же ленивый дурак, с кем я вышел. Мрак успел многое. Конечно, если бы он прожил еще хоть с недельку, мы бы хоть чуть приспособились...

Олег встал, сгорбившись, зябко сунул ладони под мышки. Он все еще был в разводах грязи, волчья шерсть душегрейки свалилась в засохшем иле, топорщилась грязными комками.

– Надо найти ручей, – сказал он, лязгая зубами. – Обычай требуют омовения по утрам и вечерам. Умываются зайчата... Да и пить хочется, спасу нет. От нас воняет, как от упырей!

– А где ручей?

– Был бы я охотником...

– Волхв должен чують.

– Не дело волхва – искать простые ручьи.

– Я и в чародейском не прочь помыть ноги. Пойдем куда глаза глядят? Все равно надо идти. Болото чересчур близко.

Таргитай спрятал сопилку, обулся и пошел через поляну. Едва проломился через густые кусты, как над их головами прогремел густой сильный голос:

– Куда глаза глядят? Ишь, какие храбрецы!

Они подпрыгнули, как зайцы при виде волка. Таргитай запнулся, сел на землю. Над остатками прогоревшего костра стоял... Мрак! Огромный, с блестящими на солнце глыбами крутых плеч. От него сильно пахло кровью, на щеке кровоточила глубокая царапина.

– Мрак... – прошептал Таргитай. – Это ты, Мрак... или привид?

Темные глаза Мрака блестели хмурым весельем.

– Вроде я... а может, привид.

– Мрак, ты все еще не стал волком!

Таргитай подхватился, с радостным воплем бросился Мраку на шею, обнял, чувствуя защищенность, надежность. Мрак похлопал его по спине, отодвинул, кивнул остолбеневшему Олегу:

– Хлопцы, вы все-таки уцелели. Не думал найти вас живыми! Как выбрались?

– Разве не помнишь? – спросил Таргитай.

Мрак поспешно подобрал свою одежду, молодец волхв, хоть и трус, но не забыл захватить, одевался, а Олег сказал торопливо, напуская на себя значительный вид:

– Перевертни помнят себя только в людской личине. Мрак, это ты спас! Перегрыз веревки, а потом мы бежали за тобой. Ты нас вывел по мелководью.

Мрак с недоверием оглянулся на Таргिताя. Тот кивнул.

– Чудно, – проговорил Мрак. – Зачем я грыз веревки? Я был волком.

Таргитай подпрыгнул, глаза у него сияли как звезды. Рот расплылся до ушей.

– Это еще что! Ты сумел снова обернуться человеком!.. Этого еще никому не удавалось!

Ведь ты стал волком, когда светило солнце...

Мрак пожал плечами, голос его был насмешливым, но с ноткой печали:

– Видать, я оказался на одну попытку крепче. Это понятно, я никогда не был слабеньким. А вот вы... Через такое Болото пройти!

– Они хотели нас остановить, – горло Таргитая сжало судорогой. Он с трудом проглотил комок, голос стал хриплым. – Оказывается, это легко – убивать... Помнишь Чушака? Олег убил его. И еще Налима. Или покалечил. Я тоже одного... Мы боимся это вспоминать, Мрак, но мы убивали. И ничто у нас в душе не оборвалось, и гром с небес не сразил. Мы ушли через Болото, оставив позади трупы...

Олег зябко передернул плечами, кровь ушла у него со щек. Мрак бросил на него быстрый взгляд, с недоверием повернулся к Таргिताю. Изгои стоят жалкие, худые, бледные. Один – трус, другой – лодырь. Червяка не обидят, лягушке не дадут сдачи. Поверить, что такие могут убивать?... Впрочем, даже бурундук дерется с бером, когда тот запускает лапу в дупло с его запасиками на зиму!

– Ладно, – сказал Мрак нетерпеливо. – Мы без секир, ножей, даже лук отобрали. У вас палки? Я себе выломаю по дороге. Надо уходить, здесь Чернолесье. Тут даже на берегу хозяйничают упыри, а не берегини.

Не оглядываясь, он пошел через Лес широким шагом. Таргитай и Олег заспешили следом, толкаясь, почти повизгивая от радости. Воздух был еще по-утреннему свежий, на листьях блестели крупные капли росы. Мрак шагал широко, кусты не обходил, ломился как тур, а Таргитай с Олегом застревали даже в проломах, верещали, пихались.

Когда под сапогом Мрака вдруг брызнуло красным, Олег упал на колени, выхватил красные доспевающие ягоды. Таргитай сглотнул голодную слюну, подобрал несколько раздавленных и неспелых ягод, бегом догнал Мрака.

Мрак хмыкнул, поморщил нос:

– Захворал или заболел? Или в лося пробуешь перекинуться?

– Мрак, это мы с голоду!

– Голодные легли спать? – не поверил Мрак. – Даже ты, жрун? Ни в жисть не поверю. Ты на пустой желудок никогда не ляжешь. Разве что на чужой...

Он на ходу подхватил с земли увесистый сук, примерил по руке, Таргитай и Олег переглянулись, затаили дыхание. Таргитай сглотнул слюну, но та набежала снова. Мрак почти без размаху метнул сук в зеленые ветки. Затрещало, посыпались щепки, веточки, мягко зашелестело. У Таргитая екнуло сердце. На землю тяжело обрушился крупный тетерев.

– Жрякайте побыстрее, – велел Мрак резко. – На ходу!

– Перья мешают, – пробормотал Таргитай. Он сбегал за птицей, поднял ее за лапы на вытянутой руке.

– Вам еще и перья повыдергивать?

– Не нам, лучше – тетереву. Только мы сырое... отвыкли.

Мрак посмотрел на обоих с отвращением:

– Как вы живете?.. Никчемы. От сырого мяса мускулы крепче, сердце здоровее! Жареное мясо делает человека слабым.

Ругаясь, кляня обоих, он молниеносно развел костер, тетерева обмазал сырой глиной, швырнул в огонь. Изгой подсел поближе, глотая слюни. Мрак пнул Таргитая сапогом, велел убираться к ручью, что во-о-он за теми деревьями, с такими грязными рожами не показываться.

Ручей выныривал из-под камней, бежал десятка два шагов по песочку, прятался под мшистую валежину. Таргитай опустил на колени, жадно зачерпнул ладонями. Первый глоток был живительным, второй отдавал грязью и Болотом, третий был вообще гадостным, а после четвертого Таргитая едва не вывернуло наизнанку. Он поднял голову, увидел Олега, что сидел тремя шагами выше по течению прямо посреди ручья, смывал болотную грязь. С него текли жирные струи ила.

Когда вернулись, злые и рассорившиеся, Мрак прутиком выкатил из костра пышущий жаром шар окаменевшей глины. Посмеиваясь, ударил по обожженной глине кулаком. Шар разлетелся на десятки сухих осколков, поляну заполнил густой мясной запах. Перья как влипли в сырую глину, так и остались, а нежно-розовое мясо было без единого пятнышка...

Мрак оторвал лапу, неспешно вонзил зубы, поморщился:

– Терпимо. Налегайте, неженки! Только кости не глотайте. Я не волхв, травами отхаживать не буду. Так по спине шарахну, что заодно и ваши косточки вылетят.

Сожрав тетерева, они бежали, уже не чувствуя усталости. Лес угрюмо шелестел вершинками, деревья как на подбор – толстые, древние, широкие. Земля пошла сухая, кусты исчезли, Лес просматривался далеко.

Дерево от дерева держалось особняком, невры не опасались, что из-за кустов или бурелома прыгнет лютый зверь. Впрочем, буреломы обходили, как и густые заросли малинника. Малина еще не поспела, но нетерпеливые беры уже могли наведываться, проверять свои ягодные места.

Впереди высился гигантский дуб, что наверняка помнил еще племена ариев. В несколько обхватов, с толстой темной корой, пригнутый к земле своим неимоверным весом, он держал грозно растопыренными огромные толстые ветки, не давая другим деревьям подойти ближе. Нижние ветки были толщиной с бревна, а на самой вершине виднелось исполинское гнездо.

У Таргитая от удивления отвалилась челюсть. Что за птица вьет гнезда из прутьев толщиной с его ногу?

Мрак рявкнул злым голосом бера, бросился к дубу бегом. Изгой помчался следом, но Таргитай на полпути разом остановился, будто уже налетел на дерево. На дуб взбиралась огромная толстая змея!

Олег тоже остановился, пальцы пробежали по шее, разыскивая обереги. Таргитай рассматривал змею с ужасом и омерзением. Змея, что проживает дважды по семь лет, превращается в смока. Потому каждому ребенку с детства внушают: увидел змею – догони и убей! А эта змеюка, похоже, прожила три раза по семь лет – толстая, чешуйки с ладонь, а голова огромная, как горшок!

Змея только начала взбираться, гибкое тело все появлялось и появлялось из травы. Если смок живет дважды по семь лет, у него отрастают огромные кожаные крылья. Начинает летать, нападает на скот и людей. В лесу становится тесно, деревья мешают крыльям, потому перебирается в горы, потому такого смока начинают звать Горынычем. Если и там проживет еще

дважды по семь лет, то начинает дышать огнем, одолеть такого Змея почти невозможно. Так что догони и убей, пока это просто змея...

Таргитай поспешно шарил глазами по земле, отыскивая палку. Олег вскрикнул. Мрак бежал к змее с занесенным над головой тяжелым сукон. Змея доползла почти до середины дуба, внизу тянулся ее хвост. Мрак с разбегу ударил по этому хвосту. Змея судорожно дернулась, чуть сползла, Мрак ударил снова, хвост начал дергаться, с силой рассекая воздух. Мрак ударил еще, хвост с размаху задел его по голове, Мрак рухнул, ломая кусты, сук полетел в сторону.

– Мрак! – закричал Таргитай.

Он с разбегу ударил змею подобранной палкой. Сухое дерево с хрустом переломилось, обломок больно стукнул Таргитая по лбу. Мрак перекувыркнулся, на ходу подхватил свой сук, ударил прицельно острым краем. Чешуя прогнулась, из рваной раны брызнуло зеленым. Мрак отпрыгнул, а змеиная кровь зашипела, словно вода на раскаленных камнях, взвился белый пар.

Змея начала яростно мотать хвостом, Мрак увертывался, бил сукон. Таргитай забежал с другой стороны, замахнулся богатырским замахом, мощный удар хвоста смел его, как муравья. Когда очнулся, возле дуба с двух сторон по змее молотили Мрак и Олег. У волхва в руках мелькала толстая суковатая палка, он поднимал ее над головой с усилием, сам шатался, но по змее бил.

На вершине дуба верещали птенцы. Из широкого гнезда сыпался сор, через плетеный край свешивались головы размером с кулак Мрака, рассматривали змею.

Таргитай отыскал палку потяжелее, бросился к дубу. Змея сползла вниз, толстое тело дергалось. Тяжелый сук Мрака пробил чешуйчатую спину, изломал ребра, те торчали сквозь зеленую кожу, как острые зубья. Олег бил изо всех сил, он выглядел сильным и бесстрашным, как хомяк в своей норе.

– Берегись! – крикнул Мрак.

Змея тяжело рухнула на землю, вздыбилась, выгнула шею, огромная пасть и горящие глаза оказались на одном уровне с лицом Мрака. Мрак выставил перед собой сук, его отшвырнуло, он перекатился через голову, а змея остервенело крушила в красной пасти крепкое дерево.

Олег бил палицей, как показалось Таргитаю, по траве. Там был хвост, а Таргитай с разбегу споткнулся о скользкое бревно, упал, ухватился за крупные пластинки, похожие на чешуйки сосновых шишек, только размером с ладонь. Это было туловище, а Мрак сражался шагах в десяти, где была голова.

Палица Олега с треском разлетелась врызг. Он бросился на четвереньках по траве, разыскивая хотя бы камень. Мрак ударил по змее наискось, змеиная голова качнулась вправо. Таргитай поспешно стукнул тоже, пользуясь удобным случаем. Змея рассерженно повернула к нему огромную голову, глаза затянуты полупрозрачной пленкой, зрачки сверкают, как острия ножей. Мрак быстро шагнул вперед, тяжелая дубина обрушилась на голову змеи, как падающее дерево.

Страшно хрустнуло. Змея уронила голову до самой земли, но немигающие глаза не оставляли лица Таргитая, и тот ощутил, как ослабели пальцы, палица выскользнула... Мрак ударил снова, кости хрустнули громче. Змея перекатилась в траве, начала поднимать голову, дубина грохнула по плоскому темени, пасть захлопнулась, и слышно было, как сломался огромный ядовитый зуб.

Подбежал Олег, закричал торопливо:

– К земле, к земле жмите!

Таргитай навалился всем телом, чувствуя под руками скользкие чешуйки. Олег прижимал голову оглушенной змеи раздвоенной палкой. Мрак ожесточенно лупил, голова змеи на миг оказалась плотно на земле, и дубина Мрака грохнула в последний раз. Череп треснул, во

все стороны брызнула желто-зеленая кровь. Голова сплюснулась, один глаз вытек, другой висел на белесой мокрой жилке. Зашипело, и Олег закричал предостерегающе:

– В сторону!.. Скорее в стороны!

Мрак оттащил ошалевшего от запаха змеиной крови Таргитая. За их спинами тяжело дрогнула земля. Змеиное туловище подпрыгнуло, собралось в тугие кольца.

Мрак удерживал Таргитая за шиворот, другой рукой сжимал дубину. Таргитай медленно разжал кулак. Мрак присвистнул, на ладони Таргитая лежала забрызганная змеиной кровью крупная чешуйка, которую он выдрал с мясом.

Таргитай со злостью отшвырнул ее, Олег вскрикнул, бросился искать по измятой траве.

– Отлазилась, гадина... Не сиротить больше пташек!

Таргитай пошел вокруг дуба, пытаясь рассмотреть птенцов. Орлица должна быть с лося, если не крупнее. Птенцы завидели человека, заверещали громче, раскрывая огромные клювы с ярко-красными ртами. Таргитай развел руками, потом указал на дергающееся туловище змеи: прилетит мама, скормит им этого большого червяка.

Змея еще пыталась ползть, голова бессильно волочилась, за камни и пни цеплялись торчащие из черепа хрящи, оборванные жилы. Из ран, пробоин, трещин по всему туловищу бежала, пузырясь, зеленоватая тягучая жидкость.

Таргитай ощутил жжение, поспешно бросился рвать траву, обдирал руки, вычищал мех, выворачивал шею, пытаясь рассмотреть спину, но видел только мокрую от змеиной крови задницу.

Олег вернулся, с торжеством показал змеиную чешуйку. С края белело змеиное мясо, пальцы волхва были в желтовато-зеленой жидкости.

Мрак сбросил душегрейку, разделся, травой вычистил сапоги, одежду. Змея еще слабо дергалась, собиралась кольцами. Олег бережно упрятал в мешочек с огнивом драгоценную чешуйку. Таргитай обошел вокруг дуба, сказал виноватым голосом:

– Совсем озверели... Пойдемте? Противно здесь.

Мрак захохотал, крепко ударил ладонью по колену:

– Одурел? А птичку забыл? Сейчас прилетит, голубушка.

– Ну и что? – не понял Таргитай.

– Как что? Птенцов надолго не оставляют, сейчас прилетит с червячками... ну, с лосями, турами, бера авось зацапнет. Должна же понять, что змея перла на дерево не для того, чтобы плевать с высоты на муравьев.

Олег оглянулся на дерево, сказал с сомнением:

– Как бы сдуру не кинулась. Всякая птаха защищает птенчиков... Кому боги дали разум, а кому – крылья.

– Сообразит, хоть и в перьях, – ответил Мрак, но посерьезнел, опустил ладони на дубину. – Змея могла не первый год жрать ее птенчиков! Вон какая толстая. А если птаха сообразит, что мы ее птенцов спасли, то отблагодарит, верно? Я в детстве часто лазил по деревьям, вороны гнезда рушил. Часто находил в них такие диковинные вещи, что только старый волхв Огневит мог догадаться, что это такое. До сих пор помню чужие слова, которые что-то значат, но в нашей деревне их не знают: золотые монеты, бляхи, диаманты, яхонты, жемчуг... Наверное, что-то магическое... Огневит хранил у себя, но чудес так и не дождался.

Олег отбежал, запрокинул голову, рассматривая гнездо.

– Думаешь, там тоже магические штучки?

– Ну, это не ворона... Здесь могут оказаться потяжелее. Секиры, палицы, боевой доспех, колчан со стрелами! Среди них могут оказаться ведарские, зачарованные...

Олег с уважением перевел взгляд на Мрака:

– Мрак, ты молодец. Птицы всегда воруют блестящие вещи. И таскают в гнезда.

Мрак с удовлетворением прикрыл глаза, расслабленно ждал, прислушивался, ожидая первым вычленив из лесного шума взмахи могучих крыльев. Змея затихла, дергался лишь кончик хвоста. Олег палкой растопырил змее изувеченную пасть, голыми руками начал выдирать длинный раздвоенный язык.

Таргитай остановился перед Мраком, глядя сверху вниз.

– Мрак, тебе не стыдно?

Мрак открыл глаза, смерил Таргитая настороженным взглядом.

– За что мне должно быть стыдно?

– Нас учили с детства, что добро надо делать бескорыстно. А ты?

– Я тоже делаю бескорыстно, – ответил Мрак.

– Но ведь ты ждешь плату! Уплату за доброе дело!

Мрак пожал плечами, ответил с неудовольствием:

– Разве это плата? Услуга за услугу. Для нее безделушки, а для нас может оказаться до зарезу нужным.

– Мрак, – повторил Таргитай настойчиво. Он шагнул чуть вбок, стараясь поймать ускользающий взгляд Мрака. – Ты сам учил меня правде! Ты заменял брата, отца, волхвов... Это говоришь ты? Или змеиный яд попал в твою кровь?

– Тарх!

– Мрак, ты делал это не бескорыстно?

Мрак взвился на ноги, как подброшенный змеей. Лицо его налилось тяжелой кровью. Он навис над Таргитаем, как дуб, под которым прибили змею.

– Я защищал птенцов! Но что плохого, если птаха тоже бескорыстно швырнет нам что-нибудь из своего вороньего гнезда?

Таргитай повторил потрясенно, глядя на Мрака с ужасом:

– Ты ждешь уплату... за доброе дело...

Голос его прерывался. В больших глазах заблестели слезы. Мрак взревел в ярости, кулаки его сжались. Мгновение он смотрел бешено в лицо певца, потом люто плюнул ему под ноги, оглушительно свистнул Олегу.

Волхв поднялся из травы, глаза его были непонимающие. Таргитай медленно побрел за оборотнем. Олег, ругаясь, бросился за ними, явно собиравшись пограбить змею основательнее.

Мрак шагал решительно, широко. Брови его грозно сдвинулись, он дышал яростно, словно разъяренный тур весной. Олег порывался что-то спросить, Таргитай показал кулак, шикнул.

Они прошли деревья-великаны, миновали мелколесье, черный пихтач, рощу молодых березок. Наконец впереди послышалось журчание, блеснул тоненький, как веточка, ручеек, что пугливо прыгал, как суетливая ящерица, с камушка на камушек.

Мрак внезапно остановился, бросил резким грубым голосом, не поворачивая к ним головы:

– Быстренько смойте грязь! Особенно ты, волхв. Возился со змеей, яд поганющий.

Таргитай оттолкнул Олега, первым с размаху сел задом в мокрый песок. Ледяная вода обожгла разгоряченное тело. Истошно завопил Олег, шумно шлепнул обеими ладонями, подняв брызги.

Мрак вошел в ручей неторопливо, как могучий царственный тур. Стал на колени, тщательно смыл грязь и слизь, посидел в воде, со странной усмешкой глядя на изгоев, что уже сидели на берегу, стуча зубами и прижавшись друг к другу, как те птенцы, что верещали в гнезде.

Глава 6

Они не считали, сколько дней шли через Лес. Мрак выломал изгойм по крепкой дубине. Таргитаю удалось удачным броском сбить с дерева белку, а Олег дважды поражал сорок. Созрела земляника, а Олег, продираясь через малинник, обнаружил среди колючек поспевающие ягоды.

Весной зверье голодное, отощавшее за долгую зиму. Мрак постоянно уходил вперед, чтобы изгой не мешали, сшибал палкой птиц, даже скворцов, бил ужей и змей, заставлял Таргитая и Олега сдирать с них шкуры, жарить на костре. Всех троих терзал постоянный голод, весь день на ногах, но изгой на десятый или двадцатый день почти не отставали от Мрака и лишь вечером валялись замертво, а Мрак уходил охотиться.

Он был все таким же суровым, неразговорчивым, в глазах часто вспыхивали красные искры, и сердце Таргитая сжималось от тоски. Мрак держался, хотя стал раздражительным, орал по каждому поводу, однажды ударил Олега с такой силой, что тот полдня лежал без памяти. Но волком все еще не стал, хотя дважды Таргитай замечал, что Мрак возвращается с охоты с кровью на подбородке, а добыча – заяц или косуля – не сбита дубиной, а загрызена.

Перед сном Олег мастерил обереги, он сохранил чешуйку громадной змеи и кончик ее языка, а Таргитай играл на дуде. Он сложил несколько песен, перекладывал слова так и эдак. Лишь когда из темных зарослей внезапно показывалась громадная фигура Мрака, он откладывал сопилку, а Олег – обереги, и оба бросались навстречу, осматривали добычу.

Всего дважды натыкались на следы человека. Первый раз это были зарубки на дереве, наполовину заплывшие, и однажды обнаружили остатки бревенчатой избушки. Давно развалилась, сгнила, но сердца невров радостно застучали – есть еще люди на свете! Не только невры да болотники.

Однажды они бежали втроем – Мрак приучал изгоев передвигаться по Лесу быстрым охотничьим шагом, что по Таргитаю значило бежать высунув язык. Они роптали, но Мрак ярился, пускал в ход кулаки. И бежали, сцепив зубы, боясь потерять его широкую спину. Тяжелый, как бер, громадный, однако несется как легконогая косуля, лоб сухой, в то время как ты исходишь потом, а пальцы так дрожат, что потом промахиваются по дырочкам на дуде.

Бежали, обливаясь потом, как вдруг Мрак замедлил шаг, и страдальцы догнали, поплевались за ним в затылок. В Лесу странно светлело. Привычный влажный воздух исчез, деревья стояли в сухом прокаленном мареве. Земля под ногами больше не пружинила мхом. Деревья стояли сухие и голые, без привычных глаз толстых шуб зеленого и рыжего мха.

Очень медленно впереди засиял странный свет. Мрак напрягся, волосы на затылке встали дыбом. Олег на ходу щупал самодельные обереги. Еще несколько шагов, мимо проплыли толстые стволы вязов, и впереди внезапно распахнулась...

...пустота!

За деревьями дальше тянулась бесконечная пугающая поляна. Голая как ладонь, заросшая низкорослой травой. Огромные, надежные и такие родные деревья высились, не защищая, за спиной. Мрак даже прислонился к одному, ноги тряслись, со страхом смотрел в незнакомый мир.

– Здесь... – прохрипел он сдавленным голосом, – кончается Белый Свет... Вот как это... все...

Поляна тянулась вдаль без конца и края. Лишь на виднокрае смыкалась с беспощадно синим небом. Тоже огромным, немыслимым, пугающим. Такого неба никто из невров не видел.

Таргитай пролепетал дрожащим, как стрекоза на ветру, голосом:

– Так вот какой он, Конец Мира...

Мир был страшен пустотой, голой землей, непривычно ровной, как стол. Только выгоревшая под нещадным солнцем трава! И эта пугающая пустота злобно тянулась до самого стыка небесного купола с голой землей.

Небо угрожающе синее, пустое, без привычных зеленых веток. Все трое, не замечая, что делают, попяtilись и застыли, пугливо выглядывая из-за могучих стволов. Олег громко стучал зубами. Мрак суетливо двигал плечами, поправлял пояс, щупал секиру. Таргитай смотрел ошарашенно, с дурацким восторгом, и Мрак не хотел, чтобы ушибленный богом заметил, как у него дрожат руки.

А Таргитай прислушался, сказал неуверенно:

– Слышите?.. Птица поет...

Олег прошептал мертвыми губами:

– Здесь не могут быть птицы.

Мрак вытянул шею, как лось к водопою, выглянул из-за дерева. Глаза сощурились, он указал корявым пальцем на едва заметную в небе точку:

– А что ж тогда вон то? Либо птаха, либо зверь крылатый... Видать, все же залетают за Край Мира. А то иные живут. Но мы ж не птицы!

Олег кашлянул, сказал робко:

– В старых книгах сказано, что люди могут жить везде. Даже там, куда ни зверь не забежит, ни птица не залетит, ни червяк не заползет...

Мрак сказал твердо:

– Это страна чужаистырей! Или дивов. Без охоты жить нельзя, не прокормишься, а как здесь охотиться? Я узрю мышь на три полета стрелы, а она меня узрит еще раньше!

На лбу у него впервые выступили мелкие капельки пота. Таргитай ощутил, что непривычный жар от прямых лучей солнца накаляет голову, а горячий сухой воздух сушит грудь. Над голой землей, едва-едва прикрытой травой, колыхалось дрожащее марево. Вдали ветерок закружил пыль и погнался, как пугливого оленя.

– Что это? – вдруг воскликнул Олег.

Его трясущийся палец указывал на две странные вмятины. Они тянулись на стыке пустоты и Леса, оставаясь в тени от солнца. Мрак вытянул шею еще сильнее, жилы натянулись, едва не прорывая кожу. Но из-за дерева не вышел, рассматривал оттуда.

– Это след двух гигантских змей?

– Похоже... Но это было давно. Смотри, травой заросло.

– Да, но если здесь плодятся такие змеи?

– Не знаю, – ответил волхв в затруднении. – Может быть, прошел велет, что-то волочил!

Мрак покачал головой:

– Больше похоже, что проползла пара змей. Вон как извиваются вместе, повторяют одна другую! Только что спарились, ползут яйца класть. Но если это прошел велет, то еще хуже. Люди опаснее всех змей на свете. И ядовитее. Ежели нас заметит, то и в Лесу догонит.

Он опасливо отодвинулся. Перед ним и страшной пустотой были два толстых ствола, и Таргитай видел, что Мрак готов отгородиться еще двумя. Таргитай и не думал о том, чтобы идти в эту знойную жуть, но Мрак осточертел, помыкает как щенками, и Таргитай сказал неожиданно даже для себя:

– В Лесу не нашли себе племени. В Болоте едва не убили... Если уцелеем в Лесу снова, то боги все равно отвернутся. Для них мы – пустоцветы. Человек обязательно должен найти племя, взять жен, наплодить здоровых детей. Лишь тогда боги перестанут гневаться. Таков ведь Закон?

Олег, стоя над следом, смотрел на Таргитая, раскрыв рот. Мрак с усилием поднялся, словно держал на плечах весь небосвод:

– Мы ведь вышли на смерть, не так ли?

На них пахло холодом, будто распахнулась могила, залитая грязной весенней водой. Олег и Таргитай стояли жалкие, раздавленные. Олег все отворачивал голову от страшной пустоты за деревьями.

Мрак отпихнулся от дерева с таким трудом, будто был его ветвью. Изгой смотрели с ужасом. За деревьями он сразу стал оранжевым, заблистал, как осколок камня. В черных волосах запрыгали искры. Все еще горбясь и держа секиру обеими руками, он зашагал в бесконечную пустоту. Изгой глядели обреченно, потом Таргитай, боясь остаться без могучего защитника, вскрикнул и побежал следом.

Яростное солнце обрушилось на плечи и голову с такой мощностью, что он даже пригнулся. Сзади шелестела трава под сапогами Олега. Волхв крепился, но вскоре сбросил душегрейку, понес на палке через плечо. Тело его было болезненно-белым, как у личинки, худым, ребра торчали. Плечи Олега были широки, как у огородного пугала, и весь он был как пугало – костлявый, худой, плоскогрудый.

Таргитай с тоской оглянулся на родной Лес. Дернул бес за язык! Над головой выгибается немыслимо широкий купол, края смыкаются с краями земли. В родном Лесу взгляд останавливался на деревьях, а здесь глазам больно от безысходной беспредельности!

По сапогам хлестала сухая трава, непривычно жесткая, цепкая. Иногда земля была такая иссохшаяся, твердая, что лопалась трещинами, а трава разбегалась в страхе, не решалась пустить корни. Ядовитая пыль вздымалась при каждом шаге, долго не оседала. Мутные капли начали срываться со лба, кончика носа, оставляя на лицах грязные дорожки, побежали едкие струйки.

Таргитай тоже снял волчью шкуру, закашлялся от жара. Рядом зло харкал Олег, выплевывал темные сгустки пыли. Мрак шагал размеренно, быстро, но не бежал. Сапоги его стучали чересчур громко, он морщился, подгибал колени, стараясь по твердой сухой земле идти так же неслышно, как и по мягкой шкуре Леса, посыпанной старыми листьями, хвоей.

Наглотавшись пыли от сапог Мрака, Таргитай и Олег догадались догнать оборотня, пристроились по бокам. Мрак шагал с каменным лицом, глаза напряженно обшаривали виднокрай, что здесь уже стал видноколом. Олег постепенно начал меняться в лице, надсадно сопел, морщился, наконец выговорил с мукой:

– Здесь в самом деле Край Мира... Ни одного деревца! Я либо лопну, либо уписаюсь...

Мрак хмуро хмыкнул, но не повернул головы.

– Как же, по-твоему, здесь живут люди?

Олег крепился долго, бледнел, зеленел, с надеждой осматривал бесконечную поляну. Уже не до дерева, хотя бы куст... Наконец приотстал, застонал. Таргитаю хотелось посмотреть, как мудрый волхв найдет выход из безвыходного положения, но Мрак не сбавлял шага, головы не поворачивал, и Таргитай вынужденно мчался следом. Он лишь оглянулся на миг, волхв зачем-то присел по-бабьи, тут же нога Таргитая провалилась в норку подземного зверька, Таргитай шлепнулся, больно расквасил нос о непривычно твердую землю.

Волхв догнал их не скоро, зато прыгал, как лосенок. Похоже, свет за Краем Мира уже не казался таким ужасающим.

У Мрака начали хищно подрагивать широкие крылья носа. Изгой видели, как оборотень настороженно оглядывается, посматривает вверх. Их все чаще обгоняли пчелы, толстые и гудящие тяжело, с грузом. Таргитай беспечно напевал песенку, Олег же спросил встревоженно:

– Беда?

– Непонятное впереди.

– Значит, беда, – сказал Олег убежденно.

Он взялся за обереги, суетливо шупал, другой рукой делал отгоняющие жесты.

Впереди показался холмик, близился. Огромная человеческая голова, размером с козу, лежала прямо на земле, упираясь подбородком в стебли травы. Длинная седая борода и серебряные волосы покрыли половину лужайки. Белые волосы на лбу придерживал железный обруч шириной в две ладони и толщиной в два пальца. На густых бровях сидели нахохленные воробы. Когда невры приблизились, птички с недовольным чириканьем взлетели, а огромные, как щиты, набрякшие веки медленно пошли вверх.

– Живой! – ахнул Таргитай.

Все трое попятись так спешно, что Олег и Таргитай даже брякнулись на спины. Один от ужаса, другой от неожиданности, но брякнулись позорно. Мрак пораженно качал головой:

– Ты кто, мужик?

Огромные, как побелевшие на солнце валуны, глаза уставились прямо перед собой. Белки были желтые, полопавшиеся от сухости и зноя, кровяные жилки набухли, лопались от непонятных усилий, но все же глаза были глазами разъяренного воина. Мясистые губы, тоже покрытые корочкой от сухости и пыли, шелохнулись, мощный голос прогудел:

– Мимир... я – Мимир! А кто вы, дерзкие?

– Люди, – ответил Мрак. Он оглянулся на Олега, тот поднимался с четверенек, бледный, дрожащий. – А ты чего такой? Уродился аль как?

Брови сдвинулись, на переносице заскрипела крепкая, дубленая ветрами и морозами кожа.

– Я – Мимир, – прорычал он. – Мимир! Хозяин медового источника!

Ноздри Мрака снова задвигались. В теплом воздухе пчелы гудели мощно, довольно. Похоже, медовый источник в самом деле рядом.

– А где твой мед? – спросил он. За его спиной Таргитай шумно потянул слюни, сглотнул. Глаза певца стали голодными, как у стаи волков.

– Мед мой, – прорычал Мимир еще грознее, – он же мед мудрости! И всякому бродяге недоступен. Я сторожу с начала времен... Сам Один – бог богов! – за глоток... глаз в залог! А что могут безродные бродяги? Никчемные изгои?

Таргитай пощупал свои глаза, попятился. Олег тоже коснулся век, на лице волхва боролись страх и странная жадность. А Мрак развел широкие ладони:

– Успокойся, батя. Храни свой мед. Если бы мудрость делала людей счастливыми! А то еще Боромир рек, что во многой мудрости много печали. Спи, а мы пойдем дальше неграмотными, но смотреть будем в оба.

Таргитай и Олег еще вовсю глазели на чудную голову, вон какие диковины здесь, а Мрак уже ухватил за шивороты, потащил, дал по пинку, и оба побежали впереди, размахивая руками, как взлетающие птицы крыльями.

Таргитай оглядывался, пока голова снова не превратилась в крошечный холмик. Не выдержал:

– А почему не дал? Задурно?

Мрак пожал плечами, всякие люди на свете, жадных больше, чем щедрых:

– Задурной бывает только приманка в капкане.

Олег сказал торопливо:

– Ничто даром не дается, за все надо платить... Мимир... он даже сам не помнит, из богов ли он, из ванов или альвов... Мрак, я не знаю, что это, так Боромир говорил!.. Но источник под ним! Накрыв задницей... ах да, бородищей и власами, не сразу и догадаешься. А может, и еще что-нибудь помимо источника.

Мрак оглянулся:

– Вернемся? Пока далеко не утопали. Я там в траве целое бревно заприметил. Подважим, сковырнем...

Олег вскрикнул испуганно:

– Возвращаться? Ни в коем случае!

– Почему?

– Дурная примета. Удачи не будет.

– Тогда вперед, – согласился Мрак. – Навстречу утренней заре. Если с начала времен, то еще столько просидит. А за это время найдутся, кто сковырнет и пошарит жадной дланью, что под ним. Да и вообще... Вас не учили чужое не брать?

– Нет, – ответил Таргитай недоуменно.

– Хорошо, – вздохнул Мрак с великим облегчением, – а то бы намаялся с вами... Тихо! Я не волхв, но что-то чувствуется.

Он замедлил шаг, а Таргитай и Олег задержали дыхание. Хищные крылья носа Мрака трепетали, как крылья бабочки на ветру. Он сказал напряженно:

– Непонятно... Много зверей, очень много!

– Как в нашем Лесу? – вскрикнул Таргитай счастливо.

– Больше. Намного больше! Но вот люди... Люди идут вместе со зверями, чего быть, конечно же, не может!

Таргитай и Олег послушно нырнули в заросли, отползли. Олег расправил за собой стебли, Таргитай начал рассматривать желтую гусеницу, что переползала с травинки на травинку. Гусеница тоже оборотень, она будет спать в твердой куколке, потом обернется красивой бабочкой... Таргитай в ранних мечтах тоже летал крылатым оборотнем над Лесом – могучий, красивый, отважный. Да и не только в ранних.

Земля начала подрагивать. Гусеница упала, затаилась. Издали донесся далекий неясный гул, сотканный из сотен тысяч стонов, вздохов, угроз и проклятий. Очень медленно гул распался на отдельные крики, мычание, вой, а земля застонала, словно изнемогая от непомерной тяжести.

Мрак всматривался, чуть раздвинув стебли, Таргитай сделал щелочку и для своего глаза. Наискось по бесконечной поляне двигалось, подминая траву, стадо неведомых толстых зверей. Таргитай ахнул, бросил взгляд на волхва. Тот смотрел бледный, щупал обереги.

Земля стонала и прогибалась под тяжестью грузных животных. Впереди шли самые могучие звери, похожие на туров, но крупнее, шире в груди, массивнее. Глаза зверей были налиты кровью. Они злобно озирались, яростно сопели, били в землю копытами. Следом шли крупные коровы – длиннорогие, с раздутыми боками. Рядом взбрыкивали тонконогие телята, стукались безрогими лбами.

Внезапно вдоль края стада пронеслись, вздымая пыль и грохоча копытами, пятеро зверей, смахивающих на безрогих лосей. На их спинах – Таргитай не поверил глазам – сидели люди! Они гикали, орали, свистели, их лица были дикие, лютые, а в глазах горели злоба и жестокость. Безрогие лоси неслись во весь опор, с разодранных ремнями губ срывало ветром желтую пену, а на их спинах по-хозяйски сидели страшные люди с желтыми плоскими лицами.

У одного из всадников у пояса развевались привязанные женские волосы... сорванные вместе с окровавленной кожей! Густая кровь забрызгала звериный бок, ее размазывало по гладкой коже встречным ветром.

Всадники унеслись, окружая стадо. Невры потрясенно задерживали дыхание. Огромные звери, перед ними туры – козы, но не набрасываются на всадников, не поднимают на рога, не вбивают в землю копытами! Покорно повернули, пошли левее...

– Это боги? – прошептал Таргитай в страхе. – Боги этой Необъятной Поляны?

Мрак молчал, челюсти его были плотно сжаты. Олег с трудом расслышал – земля гудела от копыт, – ответил дрожащим голосом:

– Боги... или очень могучие волхвы.

– Это боги, – выговорил Таргитай дрожащими губами. – Даже волхвы не смогли бы... Их растоптали бы эти безрогие лоси, а могучие туры вовсе растерли бы в кровавую кашу вместе с лосями!

– Боги! – согласился Олег. Подумав, добавил осторожно: – Или очень-очень могучие волхвы.

Они оглянулись на Мрака, но тот смолчал. Таргитай спросил испуганно:

– Неужто Велес... за них?

Олег задумался, а Мрак резко бросил, не поворачивая головы:

– Велес наш! Он бог охотников.

– Бог зверья, – поправил Олег. – Смелому охотнику дает из своего стада, от ленивого ограждает. Но здесь... гм... не знаю. Может быть, помогает и чужакам? Те не убивают его зверей, а лишь перегоняют на другое место. А вдруг там трава лучше? Вдруг здесь люди служат зверям? Зверью Велеса?

– Скорее гонят на бойню, – предположил Мрак. Глаза его сверкнули красным огнем. – Жрать надо всем, даже богам... Ребята, не зря мы вышли из Леса?

Таргитай признался дрожащим голосом:

– Да, в Лесу не так страшно. Упыри знамые, понятные... А здесь только вышли – сразу страсти!

Земля дрожала, огромное стадо двигалось почти в двухстах шагах. Ветер донес мощный запах мочи, нечистот. В разрывах между массами животных виднелись странные повозки, запряженные такими же могучими зверями. Повозки были не на полозьях, а на четырех круглых штуках, что не волочились, а вращались, и повозки двигались с непривычной для неводов легкостью. На повозках стояли шалаши из невыделанных шкур. Солнце палило, края шкур были завернуты трубочками, как скрученные гусеницами, ветер продувал эти шалаши насквозь. На повозках сидели и лежали женщины, дети. Лица у всех плоские, желтые, с узкими глазами, а вздутые скулы занимали половину лица. Дети и на повозках орали, дрались, плевались. Один мальчишка на глазах у неводов расквасил противнику нос, схватил за волосы, бил лицом о край деревянной повозки. Кровь заливала второму мальчишке лицо, губы его были разбиты, но он не плакал, не просил. Взрослые смотрели спокойно, не вмешивались.

– Это не боги, – сказал Таргитай с некоторым сомнением. – Может быть, это не люди, но и не боги. Боги такие не бывают.

– Много ты знаешь о богах! – хмыкнул Мрак.

– Боги бывают разные... Но это не боги.

– Даже если и боги, – сказал Мрак медленно, в его суровом голосе прозвучала угроза, – то и у них, как видим, льется кровь!

Облако желтой пыли сгустилось, видно было только ближних зверей. Остальные мелькали в разрывах облака пыли, оттуда слышался надрывный угрожающий рев. Проносящиеся мимо всадники хлестали своих огромных зверей плетями, орали, свистели, улюлюкали, будто то были не могучие создания Велеса, а живые горы мяса.

Таргитай ошалел от грохота, рева, стука копыт. Небо потемнело от пыли, а воздух был плотный, колыхался тяжелыми волнами. Рядом с Таргитаем шумно дрожал Олег, его пальцы до половины вонзились в твердую землю.

Они видели, как одна повозка начала двигаться медленнее, пока не осталась позади. Из нее выпрыгнули два низкорослых мужика в серых кожаных куртках, сняли третьего – старого, сгорбленного, с белой головой. Старик обнял их по очереди, поцеловал, потом расцеловал двух детишек, что прыгали и радостно визжали на повозке. Один из мужиков вытащил откуда-то длинную блестящую полосу, похожую на длинное тонкое лезвие секиры. Старик медленно

опустился на колени, нагнул голову. Мужик широко размахнулся, с силой ударил блестящей полосой по шее старика.

Таргитай ахнул, вцепился в Олега. Голова старика отвалилась, брызнула кровь, а обезглавленное туловище медленно повалилось на бок. Мужик быстро вытер полоску о мертвого, запрыгнул в повозку вслед за другим, а женщина, что держала в руках поводья, сразу истошно завизжала на зверей, огрела длинным бичом по широким спинам.

Звери ускорили шаг, и повозка начала медленно догонять стадо. Следом скакали загонщики, с гиком и диким свистом нещадно хлестали отставших коров и зверотуров. Никто даже не глянул на лежащего в луже крови старика.

У Таргитая от долгого лежания заныла спина, а звери все шли и шли. Солнце уже опускалось за виднокрай, прогибая кордон, зажигая все вокруг себя багровым огнем. А когда стадо появилось, напомнил себе Таргитай в страхе, солнце стояло над головой!

Наконец Мрак поднялся, повел плечами. Суставы затрещали. Он выглядел спокойным, хотя брови грозно нависали черными дугами, а глаза беспокойно блестели.

– Волхв, – сказал он требовательно, – мой нос говорит, что нас ждут большие неприятности. А что речет твое ведовство?

Олег прокашлялся, с отвращением выплюнул сгусток грязи размером с кулак. Лицо волхва было в желто-серых разводах. Таргитай провел рукой по своему лицу, но ничего не изменилось – рука была мокрая от пота и грязи.

– Ты не прав, – ответил Олег надломленным голосом. – Мое ведовство говорит, что нас ждут даже очень большие неприятности. Это дикий народ Степи!

– Чего-чего?

– Это не поляна, а Степь. Так это кличут в древних книгах.

Мрак покачал головой, но смотрел с уважением. Книг не было ни у Боромира, ни у Огневита. Они пересказывали что слыхали от предшественников, те в самом деле когда-то читали древние книги ведунов. Те так и назывались – Веды, но все остальные волхвы только пересказывали древние знания, в каждом поколении что-то забывая или перевирая. Но если в Ведах сказано и об этой страшной Поляне, то невры, выходит, здесь бывали?

– Это дикий народ Степи, – повторил Олег с нажимом. – Его как песка в Степи, как капель воды в реке... Он уничтожает всех, кого видит. Вон там лежит прародитель, его зарезали свои же дети! Здесь все еще уничтожают престарелых родителей, увечных детей и больных друзей, как делали некогда и мы...

Мрак нахмурился, люто зыркнул из-под нависших бровей:

– Мы так не делали!

Голос его был как гром. Олег поспешно отступил на шаг:

– Мы не сами, а невры. Это было очень давно! Так написано в древних книгах.

– Брехня, – отрезал Мрак. – Узнать бы только, кто написал!

Он сжал огромные кулаки. Олег отступил еще дальше:

– Тот, кто написал, умер тысячи лет назад. Разве что наплюешь на его могилу... если отыщешь. А этот народ все еще дик, люто, свиреп. Страдания других ему в радость. Он изощряется в пытках, жестоких казнях. Он не знает милосердия, а лютость у него – вместо доблести. Мрак, нам лучше вернуться!

Мрак задумчиво смотрел вслед стаду. Там подрагивала земля, а желтое облако поднималось до небес. Доносился глухой рев, кровь холодела в жилах.

– Да, – сказал Мрак. – Мы не все... трусы – верно, Таргитай? – но здесь не выжить. Те невры, которых изгоняли, здесь погибали наверняка сразу.

– Они могли сгинуть еще в Лесу, – напомнил Таргитай. – Упыри, навьи, звери, неведомые чудища...

Мрак покачал головой:

– Мы не самые сильные и не самые удачливые. Сюда добирались многие изгои. Наверняка! Но как здесь можно выжить, не представляю.

Он искоса взглянул на солнце, махнул рукой. В чужом Лесу ночевать рискованно, но все-таки любой Лес роднее, чем эта голая жуть, где носятся свирепые звери и свирепые люди. Надо вернуться в Лес!

Таргитай лишь раз оглянулся, заслышав хлопанье крыльев. Два огромных ворона уже тяжело падали на обезглавленный труп. Один принялся долбить глаза, довольно каркая, поднимая кверху блестящий, как камень, окровавленный клюв, другой неторопливо бродил по животу, примеривался.

Олег приотстал, губы потрескались от жажды. Мрак переходил на бег, покрикивал, но голос оборотня подрагивал. Впервые он смотрел не под ноги.

Огромное багровое солнце, вряд ли кто из неврах видел его таким, тяжело сползало по небесному своду к краю земли. По пути поджигало облака, те горели темно-багровым огнем, словно пылающий от молоньи березовый лес. Вскоре вся западная часть неба была залита горячей дымящейся кровью. Полнеба, полмира были багровыми, и этот багровый отсвет падал на землю, травы, коней и даже на лица неврах.

Коричневые глаза не отрывались от страшного зрелища. Таргитай бежал за Мраком потрясенный, оглушенный страшной и невыносимой красотой. Запекшиеся губы не шевелились. Олег невольно приотстал, прикрываясь не знающим страха Таргитаем и могучим Мраком.

Постепенно темнело, а последние облака догорали, превращаясь в угли, подернутые пеплом. Слева на небесном куполе проявилась бледная скибка, похожая на половинку недозревшего желудя. Она постепенно наливалась оранжевым светом, начала блистать грозно и пугающе. Мрак старался смотреть прямо перед собой, но Олег невольно вскидывал голову, всякий раз вздрагивал и пугливо втягивал голову в плечи, словно уже видел занесенную над собой дубину.

Ночь сгустилась, под ногами шелестела темная трава. Над головой страшно выгнулся небесный свод, сплошь усеянный мириадами ярких холодных звезд.

Мрак наконец сдался, подхватил сухие стебли, Таргитай и Олег с готовностью наносили еще, и уже возле знакомого родного костра они сгрудились, прижались плечами друг к другу, смотрели в пляшущее пламя, боясь пошевелиться или поднять головы.

Таргитай тарашил глаза на небо. Он был так потрясен, что голос срывался то на писк, то на хриплый шепот:

– Целые рои... Это дыры в небесном куполе... откуда падает вода, или это комочки серебра... Или примерзшие льдинки?

Олег упорно смотрел в багровое пламя. Его трясло, он придвигался все ближе, пока не начали потрескивать волосы на бровях. Мрак медленно поворачивал на углях ломти мяса, довольно хмыкал, но чуткое ухо волхва ловило нотки сильнейшего беспокойства. Это не родной Лес, где оборотню все знакомо.

Над головами колыхалось блистающее звездное небо. Звезд высыпало как жуков на сладкой живице, роились, плодились, сбивались в сверкающие кучи, блистали сурово и безжалостно. Их холодные глаза следили за крохотными людьми немигающе, неусыпно.

– Может быть, мы уже в подземном мире? – спросил Олег дрогнувшим голосом. – В вирии не должно быть такого страха...

– Страх? – переспросил Таргитай. – Это так красиво!

Спали крепко, но чутко. Мрак поднял их, когда рассвет едва окрасил край неба. И снова бегущие невра со страхом и удивлением видели, как далеко впереди край земли медленно и величаво окрашивается алым, затем пурпурным, в небе вспыхивают облачка...

Из воздуха быстро уходила ночная прохлада. Небокрай вспыхнул, заискрился, слепящее солнце поднималось медленно и величаво.

Мрак внезапно перешел на шаг, потянул носом. Шерсть на руках поднялась.

– Пахнет гарью.

– Обойдем? – предложил Олег. – Степняки могли забить туров, жарят, пекут.

– Нет, гарь другая... Но паленым мясом пахнет тоже.

Он пошел впереди, Таргитаю и Олегу жестом велел держаться на сотню шагов за спиной. Так прошли с версту, наконец впереди проступило огромное темное пятно.

Повсюду виднелись обгорелые бревна, балки, через равные промежутки поднимались странные каменные очаги. Таргитай сразу узнал их, хотя сложены чуть иначе, но не поверил себе, когда пересчитал: сорок! Начал считать снова, сбился, спросил Олега:

– Как ты смекаешь, это такие очаги?

– Самые подлинные, – ответил Олег неуверенно, – но их сорок два... Это зачем же? Деревня не может быть такой огромной!

– А вдруг может, – сказал Таргитай, загораясь. – Ты же волхв, а не веришь!

– Я работаю с магией, а не с чудесами, – ответил волхв сухо. – В такой деревне народ не прокормится! Прикинь, как далеко от дома они должны уходить на охоту, чтобы всем хватило мяса.

Таргитай прикусил язык. Они вступили на пепелище, из-под сапог взвились черные хлопья пепла. Затрещали, рассыпаясь, уголья. На выжженном месте много разбитой посуды, черепков. Олег застрял возле первого же очага: сложен из странных красных камней, одинаковых, с плоскими краями.

Таргитай шагнул дальше, его сапог едва не наступил на крупного мужика, что лежал вниз лицом в луже застывшей крови. Затылок разрублен, волосы слиплись, засохли. В глубокой ране среди мозгов белые черви, убитого обсели навозные мухи.

Дальше Таргитай наткнулся на трупы двух худеньких девочек. Ключья окровавленной одежды лежали рядом, худенькие тельца были в кровавых синяках. Одну убили ударом секиры, почти начисто срубив левую руку с плечом вместе, другую истязали, вырезав маленькие груди, распоров живот, вытащив через широкую рану длинные синие кишки. Мухи взвились с лютым гудением, Таргитай отступил, отбиваясь обеими руками. С левой ноги от щиколотки была содрана кожа. В темной запекшейся крови копошились мелкие черви.

– Боги, – сказал Таргитай дрогнувшим голосом, – кто это сделал?.. Степные дивы?.. Чугайстыри?

– Неважно кто, – бросил Олег издали. – Жизнь нам дает один раз Род, а отнимает всякая гадина!

Мрак оглянулся, крикнул издали:

– Похоже, здесь прошли те переселенцы!

Он торопливо зашагал по пепелищу, перешагивая через обгорелые бревна, обходя огромные очаги. Трупы попадались часто, Мрак темнел лицом, молчал. Олег и Таргитай медленно шарили среди золы, выискивая хотя бы подобие лопат. Трупы надо срочно вернуть земле – боги прогневаются, глядя на непогребенных, нашьют мор на живых.

Олег наконец отыскал короткую лопату, Таргитай пристроился рядом колупать твердую землю острым концом суковатой палки. Олег часто бросал копать, кричал тоскливо:

– Люди!.. Отзовитесь!.. Есть кто живой?

Они забросали землею уже пятерых, когда вернулся Мрак. За ним брела, едва передвигая ноги, изможденная женщина. За ее подол крепко держались две крохотные девчушки. Обе смотрели на огромных неврах исподлобья, молчали. Глаза были круглые, как у испуганных птиц. Мордашки у обеих зареванные, темные от грязи.

– В подполе прятались, – сообщил Мрак угрюмо. – Когда дом горел, их засыпало.

Руки его по плечи были черные, покрытые кровоточащими ссадинами и царапинами. Олег ухватился за свой узелок, забыв, что там лишь огниво, а еды не осталось. Мрак бросил вполголоса:

– Поговорите. Узнайте, кто и что, а я еще пошарю.

Олег усадил женщину на полусгоревшее бревно. Таргитай поманил девочек, и они, доверяясь детскому чутью, полезли к нему на колени.

Мрак торопливо обходил сгоревшие дома, угадывая их по уцелевшим каменным очагам, проверил подполы, потайные кладовки. В одном нашел целую семью, задохнулись от дыма и просыпавшихся сквозь щели горящих углей. Мрак тревожить не стал, забросал остатками бревен. В другом подполе сидела, забившись в сырой угол, молодая девка. Ляда сверху была закрыта на кол, девка не выбралась бы, если бы и захотела.

– Вылезай, – сказал Мрак негромко. – Мы друзья.

Она испуганно вжималась в стену, глаза ее вылезали из орбит. Мрак сказал настойчиво:

– Разве не видишь, я не степняк? Вылезай, все равно теперь не укрыться.

Она вылезла, пошла за ним вслед, закрываясь ладонями от яркого света. Так обошли еще несколько подполов, наконец, когда Мрак поднял крышку предпоследнего, навстречу блеснуло лезвие секиры. Мрак отпрянул, крикнул сердито:

– Не балуй! Кто там? Вылезай!

В подполе стояла мертвая тишина. Девушка ступила вперед, тихо позвала:

– Дядька Степан!.. Это я, Зарина. Степняки ушли.

Из черноты подполья показалась взъерошенная голова в комьях спекшейся крови. Тощий мужик поднялся до пояса. Рубаха на нем была в крови, в руке секира странной выделки, серые глаза люто смотрели на Мрака.

– А это кто?

– Вылазь, дурень, – велел Мрак. Он не отрывал глаз от странной секиры. Ручка из дерева, поганого дерева, зато голова секиры... такого камня сроду не видел. – От твоей деревни один пепел. Не сумел защитить, иди хоронить павших.

Мужик, блестя глазами, выкарабкался, пинком захлопнул крышку. Секиру цепко держал в руке, недоверчиво смотрел то на Мрака, то на Зарину. Мрак плюнул ему под ноги, повернулся и пошел к изгоям.

До ночи Мрак с изгоями вырыли неглубокую, но широкую яму, захоронили мертвых. Таргитай с Олегом шатались от усталости, но Мрак велел рыть землянку. Всю ночь копали, укрепляли стены, а сверху заложили уцелевшими обгорелыми бревнами, засыпали землей. Землянка получилась просторная, надежно укрытая от непогоды и зверей.

Не дожидаясь рассвета, Зарина и Таргитай пошли обшаривать подвалы, принесли одежду, одеяла, собрали посуду и утварь, стащили в землянку уцелевшую еду, зерно.

Мрак держался настороженно, вздрагивал, часто оглядывался. Дождавшись, когда спасенные собрались в землянке, а Таргитай с девкой ушли на поиски еды, он поманил Олега в сторону, вытащил из-за пазухи странную узкую пластинку.

– Погляди. Ты волхв или не волхв?

Олег в затруднении вертел в пальцах странную вещь. Не дерево, не камень... блестит, твердое... Ощупывая, провел пальцем по острому лезвию, вскрикнул. Узкий край глубоко впился в плоть, брызнула кровь и резво побежала по ладони. Мрак выругался:

– Брось! Заклятая штука.

Олег побледнел, но пересилил себя, держал странную вещь на ладони. Кровь капала часто-часто, в слабом свете луны казалась черной.

– Мра-а-ак... Мне говорили, не верил!.. Это древнее волшебство, но оно уже перестало быть волшебством... Это же-ле-зо. Железный нож! Рукоять сгорела, видишь? Если ты вырежешь из дерева новую...

Мрак отшатнулся:

– Я с колдовством дел не имею!

– Это уже не колдовство. Мрак, этот нож в сто раз лучше, чем твои.

– Я те дам лучше!

– Не бойсь. Сам проверь.

Мрак колебался, Олег почти насильно вложил ему в ладонь странную пластинку. Пока Мрак с опаской вертел нож в руке, Олег подхватил с земли прутик, дал Мраку. Тот нерешительно чиркнул острым краем. Срезанный наискось прут тут же упал в темноту. Мрак натужно улыбнулся, хлопнул Олега по плечу:

– Беру! Пусть даже боги против.

Возвращаясь после не всегда тщетных поисков, Олег едва не прошел мимо новой землянки. Мрак упрятал вход искусно: можно стоять на крыше, не замечая дыма, – тот выходил сбоку, рассеивался через пучки травы, поглощался сырой землей.

Детишки спали, Таргитай и Зарина все еще обыскивали подполы выгоревшей дотла деревни. Степан и Снежана – так звали женщину – сидели на почерневшем бревне. У Снежаны было темное от солнца лицо, но волосы удивительно светлые, даже светлее, чем у Таргитая. Когда она умылась, почистилась, Мрак удивился, увидев совсем еще молодую бабу.

Мрак опустился возле наскоро сложенного очага, подбросил поленце. Степан и Снежана молчали, посматривали настороженно и боязливо: Мрак был огромен, дик, в нем ясно ощущалась угрюмая волчья мощь.

– Как это стряслось? – спросил Мрак.

Степан переглянулся со Снежаной, буркнул недоумевающе:

– Как? Как всегда. Это же степняки!

– Степняки, – повторил Мрак. Он покосился на Олега, что тихонько сел в сторонке. – Ты сам степняк, судя по имечку. Аль это кличка?

– Имя...

– А почему они напали?

Степан пожал плечами, голос его стал едким:

– Напали, потому что увидели. Вы что, из Леса вышли? Налетели, пожгли. Мужиков порубили, а девок и женщин в полон увели... Все как всегда.

Мрак с недоверием оглянулся на Олега. Тот развел руками. Мрак покачал головой, сказал медленно:

– Такое не может быть. Ни с того ни с сего? Так не бывает.

Степан зло оскалил редкие желтые зубы:

– Нет, явно из Леса вылупились! Человек все может. А вот мы, поляне, самый мирный народ на всем белом свете! Пашем землю, растим хлебушек, помалу отвоевываем земельку у злого Леса...

Мрак дернулся, даже Олег нахмурился, ощутив волну неприязни к этому истощенному мужику с перевязанной головой. А тот, ничего не замечая, говорил:

– Дабы отвоевать землю под пашню, надо оттеснить Лес. Подрубаем кору на деревьях, сдираем – голое быстрее сохнет. И то два-три года уходит! Потом пушаем лесной пожар...

Мрак оборвал резко, в темных глазах сверкнула угроза:

– Из-за чего у вас спор со степняками? Может быть, не такое уж недоброе дело те совершили?

Степан вздрогнул, быстро завертел головой, отыскивая взглядом секиру. Снежана ахнула, прижала кулачки к сердцу.

– Степняки, – медленно сказал Степан, он смотрел на Мрака в упор, – это степной народ... Много лет надо, чтобы отвоевать у Леса пядь земли, но пустить дымом хозяйство

можно враз... Нам, полянам, труднее всего на свете. С одного боку – лютый Лес, где человеку жить нельзя, с другого – Степь. Там дикие народы, которым только бы убивать и грабить!

Олег подал голос из угла:

– Древняя мудрость гласит, что нет народов-грабителей. Есть отдельные...

Степан оскалил в горькой усмешке желтые изъеденные зубы:

– Видел бы ты этих отдельных... во сто тысяч человек! Земля прогибается под копытами, хотя степняки не подковывают коней, как мы. А таких отрядов, по сто тысяч в каждом, у кагана сотни тысяч!

Олег видел по глазам Мрака, что тот ничего не понял, а что понял, не поверил. Да и сам Олег не мог поверить, что на всем белом свете наберется сто тысяч человек. Он не мог вообразить себе и сто человек в одном отряде.

Степан покосился на Снежану, спросил осторожно:

– За этой бедой мы так и не спросили... Откеля вы? Из Колупаевки? Борщовой? Или Даниловки?.. Но я слыхал, их пожгли еще прошлым летом.

– Мы вообще не поляне, – отрезал Мрак с отвращением. – Разве не видно?

Степан подскочил, стукнулся головой о балку, плюхнулся обратно, челюсть у него отвисла до пояса.

– Не по... не поляне? А разве на свете есть еще люди, кроме полян и степняков?

– Слава богам, есть, – ответил Мрак зло. – А то бы род людской вовсе пересекся. Поляне!

Надо же так обозвать!

Степан весь подался вперед:

– Так откеля вы? Из коих сказочных земель?

– Из Леса, вестимо, – бросил Мрак.

Степана отбросило, словно получил обухом между глаз. Снежана быстро подгрестила к себе детей.

– Неужто правда? – прошептал Степан в страхе. Его глаза испуганно мерили могучую фигуру Мрака, задержались на его волчьей шкуре. – Никогда не видывал людей Леса. Сказывают про вас всякое...

Снежана ткнула его локтем, Степан поперхнулся, умолк. Мрак спросил подозрительно:

– Что болтают?

– Небылицы всякие, – ответил Степан нехотя. Он уронил взгляд. – Бабы сказки. Надо же чем-то детей пугать. Вроде бы перекидываетесь в полнолуние. А волхвы вовсе лютых волков подзывают к домам...

Он бросил на Мрака пугливый взгляд. Снежана подгрестила детей, девочки начали тереть кулачками глаза, подхныкивать.

– Бабы сказки, – отмахнулся Мрак. – Навыдумывают. Я, к примеру, могу перекидываться в любой день.

Глава 7

Его глаза горели ярко-красным светом, а черный зрачок был продолговатым, как у лесного зверя. Степан отшатнулся, в испуге сел мимо бревна на пол, задрал вверх лапти. Снежана завизжала, девочки заревели во весь голос, уткнулись мордашками в ее подол.

– Подумаешь, степняки вас бьют! – бросил Мрак яростно. Он быстро поднялся. – Тьфу! Робкого пса и петух бьет. Олег, пойдем отсюда. Если мы останемся, они обгадятся, а мы задохнемся от вони.

Утром, поднявшись с первыми лучами солнца, Мрак и Олег взялись ставить над ближайшим очагом крышу. Из обгорелых бревен и досок набрали годных, вкопали четыре крепких

столба, соединили поперечными балками. Когда сколачивали крышу, из землянки выбрался, щурясь от солнца, Степан.

Поставив ладонь козырьком, он понаблюдавал за неврами, осторожно, бочком, приблизился:

– Вы того... не сердайте. Мы боимся Леса, как и Степи.

Мрак сердито промолчал, а Олег спросил удивленно:

– Почему?

– Мы зажаты между Лесом и Степью. От Леса потихоньку отщипываем земельку, от Степи отбиваемся. Нам тяжело...

Он подхватил обломок доски, робко подал Мраку. Снежана выглянула из землянки, увидела работающих, быстро скрылась. Мрак сердито вертел головой, наконец с облегчением ругнулся, стукнул кулаком по бревну.

По пожарищу бежали, взявшись за руки, Таргитай и Зарина. Их щеки разругались, глаза блестели. В свободной руке Таргитая была сопилка, а Зарина прижимала к высокой груди букет цветов.

Степан покосился на них, сказал, колеблясь:

– Похоже, в эту ночь никто не спал... как следует. Но у каждого свои заботы.

Зарина вспыхнула, сказала горячо:

– Мы излазили все подпола! Зерна хватит и на помол, и на посевы. Так что отлучались не даром.

– Подол одерни, – посоветовал Степан. – Да и ты, молодец, застегнись... Зарина теперь сирота, обидеть ее нетрудно.

Зарина покраснела еще ярче:

– Дядя Степан!

– Я дядя Степан, Заринушка, уже тридцать лет.

– Дядя Степан, не знаете, так не говорите плохих слов. К нам пришли три могучих витязя, а вы их так привечаете!

Степан с сомнением окинул взглядом страшноватые фигуры невра. Таргитай с его румяным лицом и синими глазами выглядит наименее звероватым, но и он в своей волчьей шкуре больше походит на вставшего на дыбы медведя, чем на человека.

Степан разжег огонь в очаге, а Снежана изготовила первый настоящий, как она сказала, полянский обед. Невры сели за стол с опаской. Даже хлеб видели первый раз, а Снежана испекла два каравай: темный ржаной и нежно-белый пшеничный, а тут еще солёности и копчености, колбасы, окорока, напигованное сало, перец красный и перец черный...

Зарина щебетала, что в тайных закромах сохранилось много зерна, гороха, гречки. Много степняки нашли, забрали, многое сгорело, но немало и осталось. К тому ж поля давно засеяны. Теперь они, пятеро полян и трое невра, наследники всего огромного урожая, которого не дождалась двести полян...

– Двести! – ахнул Таргитай.

Мрак нахмурился, зыркнул на Степана, Снежану. Наступила тяжелая пауза. Степан переводил обеспокоенный взгляд с одного на другого невра, не понимая, почему вдруг напряглись, подобрались, потемнели.

– Двести, – повторил он неуверенным голосом. – А что? В Колупаевке, это деревня за оврагами, было больше тыщи...

Мрак выпрямился, со стуком бросил ложку на стол. Олег быстро опустил ладошку на его огромный кулак:

– погоди! А вдруг не врет?.. Где охотой прокормится один, то с одомашненным зверьем, как у степняков, можно кормить уже сто человек. Для пастбищ надо меньше земли, смекаешь?

А если засеять зерном или пустить под огороды, то прокормится тысяча, а то и больше... Мрак, они расплодятся здорово!

– Поляне?

– Поляне. Если степняки не вырубят начисто.

Мрак покачал головой, снова взял ложку.

– Лучше охота, – буркнул он. – Хоть бедно, зато нет резни... Ладно, нам возврата в Лес нет. Расскажи, Степан, о степняках. Нам жить здесь.

Степан горько усмехнулся, задержал ложку возле рта.

– Есть полянское правило: когда я ем – я глух и нем. Еще: когда я кушаю, я никого не слушаю. Но с другой стороны, крепкая большая семья только за обедом и собирается. Когда еще поговорить?.. Степняки землю не пахут, городов не строят. Сегодня стоят в одном месте, завтра в другом. Если где находят наше село, то сжигают, людей режут, как скот, а молодых уводят в полон.

– Что есть полон?

– И этого не ведаете? В самом деле, дикие люди... Не серчай. В полоне цепляют на шею обруч, велят работать. Заместо еды – побои. Девоч наших тащат на поругание. Но работать заставляют тоже.

Мрак спросил глухим от ярости голосом:

– И вы терпите?

– Мы мирные... Землю пашем, хлебушек растим. В Лес не ходим, хворост с опаской собираем, и то на опушке. Там, в Лесу, за каждым деревом либо лютый зверь, либо что похуже... А степняки неодолимы. Кони махонькие, юркие. Даже не подкованы, чтобы шибче бегали. Мы пробовали оборону держать, да где там... Налетят невесть откуда, мечут запаленные стрелы на крыши, хватают, рубят... Пока наши уцелевшие богатыри на своих богатырских коней сядут, степняков и след простыл. То нелюди, разумеешь? Им нужна победа в драке, а не сама драка!

Мрак хмуро оскалил зубы. Олег опустил глаза. Таргитай наклонился над миской, не в силах смотреть на Степана. Заврался полянин, явно заврался. Такого просто не могло быть на земле.

– Не верите? – спросил Степан горько. – Вижу, не верите. Клянусь всеми богами. Им нужна победа любой ценой. Любой, понимаете? У них не бывает воскресных кулачных боев, не сходятся стенка на стенку, улица на улицу, деревня на деревню... Ни по светлым праздникам, ни на Масленицу, ни на Купалу. Они не знают боев ради удали! Им нужна только победа, будь они прокляты...

– Только победа? – переспросил Мрак. Он перестал хлебать борщ, отодвинул пустую миску. Рядом с Мраком ерзал Олег, отводил глаза, тоже не верил.

– Да поверьте же! – вскрикнул Степан. Голос его задрожал, повязка на голове начала темнеть, проступила свежая кровь. – Мы мирные, но при первых же набегах мы сели на коней, взяли секиры, выехали навстречь. Степняки испужались, кинулись наутек. Ну, нам все понятно, ведь мы крепче, каждый из нас троих степняков стоит, хоть мы и мирные земледельцы... Придержали коней, негоже бить в спину. Глядь, они снова скачут на нас! Добро, думаем, померимся удалью... Ударили на них, но степняки в последний момент опять повернули наутек. Так трижды, пока наши не осерчали вконец. Дерись, мол, или удирай совсем! Погнались за ними, вот-вот догоним, секиры повесили за спины, негоже бить убегающих. Но в руки взяли плетки, надо же проучить?.. Вдруг откуда ни возьмись степняки! Закидали стрелами, ударили в спину, накинули арканы. Мы и пикнуть не успели, как всех повязали. Кто не погиб, конечно. Ты не поверишь, но нас били в спину, били лежащих, били раненых, разоруженных... Сам видел, как у моего кума из руки выскользнула секира, так степняк тут же разрубил ему голову!

Мрак громыхнул кулаком по столу, едва не проломив крышку:

– Не может такого быть!

– Сам бы не поверил. На моих глазах было, клянусь Родом. Я лежал рядом, конем придавленный, весь в крови, потому меня и не тронули. Не дал подобрать секиру, убил разоруженного. Еще и ухмыльнулся, злодей!

– Не может того быть, – повторил Мрак, но в его голосе не было убежденности. На него скорбно смотрели Снежана и Зарина, в их глазах блестели слезы.

Степан повернулся снова к Мраку, протянул к нему через стол жилистые руки:

– Мы разные! У нас боги разные, они нам дали разные заповеди. Мы ценим добрый удар, молодецкую схватку. Нам не так важна победа, нам важнее доброе имя, честь, слава!.. А для них победа – все. Ради победы на любую гнусность решатся, в любой грязи изваляются, любую низость сотворят, даже на подлый удар ниже пояса пойдут...

Он покачнулся, медленно сполз на пол. Мрак перегнулся через стол, но перехватить не успел. Женщины с плачем принялись разматывать набухшие от крови тряпицы.

Два дня негры помогали уцелевшим подниматься на ноги. В землянку сносили домашние колбасы, которые так понравились Таргитаю, Олег больше интересовался перцем, огородными травами, пытаясь приспособить для волхвования.

Мрак заново перерыл пепелище, побывал в погребках, подвалах, перевернул засеки. К концу третьего дня в углу землянки скопилось куча все еще непонятного неврам железа. Два ножа, выщербленная секира, грудка странных железяк – Степан назвал их подковами, – пригоршня ржавой мелочи, именуемой гвоздями.

– Секиру можно наточить, – сказал Степан задумчиво, – хотя лезвие маловато... А вот остальное железо пока ни к чему. Коня нет, подковывать кого? Тебя разве? Да и гвоздями что сколачивать... Была бы кузня в порядке, отковал бы добрую секиру...

Олег насторожился, спросил быстро:

– Кузня?.. Отковать? Ты не волхв случаем?

Степан устало отмахнулся:

– Нет. То в старое время кузнецы были чародеями. Тогда их звали ковалями. А теперь умеют все.

– Даже ты?

– А что хитрого? Был подмастерьем, мехи качал. Два года молотом стучал. Приходилось и первого замещать... Если хочешь, помоги поднять кузню, а я за службу... да и за все-все...

– За что это «все-все»?

– Да не появись вы трое... словом, такую секиру скою из этого железа... какой ты, лесной человек, в жисть не видывал!

Мрак отстранил волхва, бросил сурово:

– По секирам я – главный волхв. Пойдем, помогу сам.

Кузня, на удивление Мрака, сохранилась почти в целости. Сгорела крыша, стены, но наковальня стояла на месте. В пепле Степан отыскал два тяжелых валуна из этого странного камня, вытесал и вставил в дыры новенькие ручки, расклинил, бросил в воду, чтобы разбухли. Иначе соскочит, убьет мастера.

– Что собака из кузни соплет? – сказал Степан. – А железа у степняков и своего хватает. Они умеют ковать и топоры, и акинаки, и клевцы... Не знаешь, что это? Чистейшие души живут в Лесу, как погляжу.

Помогали и Таргитай с Олегом, но наскоками. Каждый шарил в развалинах, искал свое. Таргитай отыскал три свирели, две уже раздавленные сапогами Мрака, Олег наконец-то наткнулся на остатки жилища местного волхва...

Весь день Степан с Мраком готовили мехи, таскали дрова, железо. Потом Степан разжег огонь, велел Мраку дергать за деревянные ручки, что торчали из мешка, сшитого из воловьей шкуры.

Мрак подергал, воздух подул в печь, пламя заревело. Железная мелочь начала нагреваться, краснеть. Когда стала цвета поспевающей малины, Степан выхватил длинными железными клещами, бросил на плоскую наковальню, ударил тяжелым молотком.

Не веря глазам, Мрак наблюдал за послушным железом, которое только что было тверже камня. А Степан деловито сковал подковы и гвозди вместе, снова бросил на горящие угли, разогрел, вытащил, сплющил снова. Когда получился толстый прут, Степан свернул его винтом, снова расплющил, затем только начал бить осторожно, с оттяжкой, делая один край тонким, острым.

Мрак посматривал на Степана с растущим уважением. Мужичонка худой, заморенный, руки и шея тонкие, а какие чудеса творит. Не зря в старое время ковалей за чародеев почитали. Да и сейчас, наверное, не всякий сумеет такому обучиться. А Степан, бесхитростная душа, не таит секреты, выкладывает. Мол, огонь не гаснет, даже не уменьшится, если от него зажгутся другие огни!

Потом Степан проделал дыру для деревянной рукояти, швырнул раскаленный обух в бочку с водой. Страшно зашипело, взвилось облако пара. Мрак отпрянул в испуге.

– Пусть закалится, – пояснил Степан. – Остынет, будет добрая секира.

Мрак жадно ходил возле бочки, как кот вокруг кувшина с молоком. Наконец вытащил, обжигаясь, перебросил с ладони на ладонь тяжелый, но уже оформленный брусок железа. На обухе Степан загнул крюк, а лезвие оттянул по краям. Если насадить на длинную рукоять, то можно рубить сплеча, можно пырнуть, как копьем, можно зацепить крюком...

Едва Степан насадил оружие на рукоять, Мрак почти силой выдернул из рук полянина теперь уже свою секиру. По телу пробежала непонятная дрожь – странно-ликующая. В мышцы словно бы влилась неведомая мощь, а вместо крови заструился кипящий отвар волхвов. Сердце бухало часто, ликующе.

Он стиснул рукоять, медленно поднял секиру. Неведомая сила распирала грудь. Едва удержался, чтобы не подпрыгнуть, как дурной Таргитай, не сечь чародейским оружием во все стороны. Даже сожалеюще поискал глазами: ни упырей, ни леших, а бера развалил бы пополам с одного замаха!

Еще два дня растаскивали развалины, убирали обгорелые бревна. Мрак насобирав бронзовых наконечников для стрел, два длинных для копий, сломанный у рукояти кривой меч. У крайнего дома отыскал под обрушившейся печью длинную и тяжелую полосу железа, остро заточенную с двух сторон.

Степан сказал, что это меч, пообещал сделать резную рукоять, меч будет как новый. Такой не стыдно вручить самому лучшему воину. Даже вожаку полян.

Мрак подержал меч, потрогал острый край, но отнес в кузню. С дальнего конца сгоревшего села донесся вопль. Мрак насторожился, положил ладонь на рукоять своей новой, остро заточенной секиры. Теперь он чувствовал себя почти богом.

Между развалин спешил растрепанный Олег. Вымазавшийся в копоти, он обеими руками прижимал к груди что-то завернутое в тряпку.

Мрак бросил зло:

– Чего орешь, будто режут? Где Тарх?

– Тарх? – удивился Олег. – С Зариной, вестимо, где еще? На дуде играет, цветочки, то да се, ты ж знаешь... Мрак, лучше глянь, что я отыскал!

В тряпках была книга, как это назвал Олег. Листы ее были в переплете из тонких металлических пластинок. Страниц сотни, все в каракулях, с непонятными значками, странными

рисунками. Мрак метнул огненный взгляд на волхва. Олег заторопился, заговорил, глотая слова:

– Мрак, ты только послушай!.. Мрак, мы с полянами – одного корня!.. Оказывается, поляне – это потомки невра-изгоев. Одичавшие, правда. Я только первую страницу одолел, дальше трудно, много непонятного. Это книга ихнего главного волхва. Он задохнулся в дыму!.. Я взял книгу, корешки... Мрак, это богатство!

Мрак свирепо сплюнул ему под ноги. Богатство! Богатство – это железо. Такой секирой любое дерево срубишь в два-три взмаха, а если стрелу пустить с бронзовым наконечником, то страшно подумать, как далеко полетит и как страшно ударит!

– Придешь в кузню, – велел он. – Я попробую сам отковать еще одну секиру. Из этого дурацкого меча. Будешь раздувать мехи! Для волхва это полезно, понял?

– Как скажешь, Мрак, – ответил Олег упавшим голосом. – Но в этой книге такая мудрость...

– Ежели он такой мудрый, пошто задохся?

Вечером ужинали вместе. Куховарила Снежана, Степан взял ее детей под свои тощие крыльца. Зарину кликал дочкой, та бежала на зов, повиновалась как отцу. Две девочки, Оксанка и Любаня, возлюбили Мрака, постоянно лезли к нему на колени.

Мрак ночевал только под открытым небом, в землянке ему было тесно и душно. Спал он на голой земле, не укрываясь, положив секиру возле правой руки. Однажды Таргитай, у которого девки менялись, а любовь к Мраку оставалась неизменной, напросился ночевать рядом. Готовясь к мученичеству, он подложил под голову круглый камень, но Мрак пинком вышиб, сказал строго: «Не разнеживайся!», после чего Таргитай махнул рукой на попытки стать настоящим мужчиной, перебрался в землянку.

Самым счастливым человеком чувствовал себя Олег. За неделю он узнал больше, чем за всю жизнь в Лесу. Оказывается, невра – сердце мира, жили в дремучем Лесу, не менялись тысячелетиями, хранили заветы пращуров, но по этим же заветам постоянно выбрасывали из племени всех слабых, ленивых, трусов. Эти изгои, выйдя из Леса, дали начало великому множеству племен и народов. Среди них были и воинственные, и мирные, и кочевые, и осевшие на землю, и прямодушные, и коварные... Одни селились на равнинах, другие ушли в горы, третьи перебрались на дальние острова среди холодных морей, а некоторые забрались и в теплые страны... Степан не подозревал, что среди потомков невра находились племена, которые своей жестокостью заставили бы упасть в обморок степняков. Все это было в книге старого волхва, которую Олег в конце концов сумел прочесть почти до половины. Он был счастлив, что Боромир все же заставил его выучить непонятные знаки, черты и резы, ибо теперь с ним говорили давно умершие мудрецы!

А Таргитай снова играл, слагал новые песни. Зарина смотрела влюбленными глазами.

На третью ночь Зарина поднялась, стараясь не разбудить Степана и Снежану, неслышно выскользнула из землянки. Ночь была тихая, звездная. Громко стрекотали кузнечики. На самом краю развалин негромко играла свирель.

Ноги сами понесли, едва касаясь земли, но Таргитай услышал, мгновенно обернулся, подхватил на руки:

– Ладушка моя!

– Тарх, – выдохнула она, прижимаясь к его широкой и твердой, как камень, груди, – какой ты чуткий... Никак не застану врасплох!

Он засмеялся:

– Я чуткий? Услышал бы это Мрак!

Она села рядом, Таргитай сбросил душегрейку, набросил девушке на плечи. Зарина зябко повела плечами. Шкура была волчья, а шерсть густая и длинная. От нее все еще пахло страшным таинственным Лесом.

– Без вас мы погибли бы, – сказала она вдруг. – Тарх, а что теперь? Вы останетесь?

Таргитай от неожиданности поперхнулся. Он не думал о завтрашнем дне. За него думали Мрак и Олег. Если бы он хоть минуту думал сам, давно бы упыри растащили его косточки.

– Не знаю, – ответил он наконец. – Я нашел тебя, моя светлая... Но Мрак, Олег? Сейчас они заняты, о завтрашнем дне не думают, но мужчина не может жить без женщины. Боги проклянут.

Зарина невесело улыбнулась:

– Есть Оксанка и Любаня, но твоим друзьям ждать их долго. Ты прав, они захотят уйти. А ты?

Таргитай обнял ее за плечи, она покорно положила голову ему на грудь. Они слушали тихую переключку кузнечиков, потом Зарина предложила:

– Я расскажу тебе наши кошуны. Мой дедушка был волхвом-кошунником, я многое слышала с детства... А ты сложишь красивые песни. Вы, невры, не знаете наших богов, они новые для вас. Мы чтим и Велеса, но он не главный, а только старый бог. Следит за скотиной. Мы не охотимся, как вы, но скот держим. Степняки увели, а то были коровы, овцы, козы, свиньи, гуси, утки...

– А кто ваши боги?

– Главная – Апия, матушка сыра земля. Еще Дана, богиня самой могучей реки, что течет далеко-далеко на востоке. Молодняк чтит Ярилу...

– Ярилу у нас тоже чтят!

– Молодого бога с человеческим черепом на поясе? У нас одни боги, мы ведь один народ... У вас есть кошуна о великом герое, побившем трехголового злодея?

– Есть. Его Трита побил.

– Трита... Значит, ваше племя осталось в Лесу сразу после возвращения ариев из Индии. Слава великого боя не меркла, но имя стерлось в памяти, люди живут не так долго, как боги... Через века героя стали звать по-разному. В Индии, где осталось много ариев, – Трита, у парфян – Траетона, у эллинов – Таргелий, а когда пелазгов сменили ахейцы, то имя вовсе забылось, стали называть по росту и силе – Горакл, а трехголового Горыныча нарекли трехголовым великаном Герионом...

– Откуда ты все знаешь? – ахнул Таргитай.

– У нас большое племя, – напомнила Зарина. – И много кошунников. Одни заносят на бересту чертами и резами, другие пишут на телячьей коже, третьи передают по памяти... Оставайся с нами! Я расскажу про великана Пурушу, первого человека на свете. Он был так огромен, что головой доставал до седьмого неба, а самые высокие горы были ему по щиколотку. Он был первым смертным, но его мать, богиня, выпросила у Рода особую милость для сына. Его не могли убить или ранить ни боги, ни упыри, ни чужаки, ни исчезники, ни полканы, ни дивы, ни звери, ни птицы... Она обошла весь белый свет, упростила каждый стебелек, чтоб не обидел ее ребенка...

– Но как же тогда?..

– Оставайся, все расскажу. Про далекий Экзампей – столичный град страшных степняков. Там правит могучий каган – это он имеет орды. Расскажу про витязей, богатырей... Про великого царя, который подчинил себе самого могучего чужака. Велел построить несокрушимую стену вокруг терема, чтобы никто не смог проникнуть. Ни человек, ни зверь, ни упырь, ни бог. Чужак построил. Довольный царь долго осматривал стены, нигде не отыскал слабого места. Но когда захотел выйти...

Она замолчала. Таргитай легонько потормошил ее:

– А дальше?

Она засмеялась легким серебристым смехом. В темноте блеснули, как звездочки, ее хитренькие глаза.

– Оставайся! Я буду целый год рассказывать тебе кошуны, которых ты никогда не слышал. А потом отыщем кошунников из других сел. Не все же погибли?

Она прижималась к нему все теснее, ее губы приоткрылись. Таргитай заглянул в ее глаза, что вдруг стали темными, бездонными, отыскал своими губами ее губы, нежно опустил девушку спиной на землю. Она вздрогнула, закрыла глаза. Ее тонкие белые руки обвились вокруг его шеи.

– Я останусь, – сказал он медленно. – Я останусь, Зарина...

Слабый рассвет падал на ее похудевшее лицо. Она лежала навзничь, не отводя от него взгляда и не пытаясь закрыть свою наготу. Таргитай, наклонившись над ней, с нежностью смотрел на ее худенькое тело, на невысокую грудь с ярко-красными столбиками сосков, измочаленных его поцелуями.

– А твои друзья?

– Если они решат уйти, я все равно останусь. Я уже нашел то, что искал.

Она медленно одевалась, ее руки дрожали. Над головами торопливо пронеслась уродливая тень: летучая мышь торопилась вернуться в нору. В светлеющем небе медленно проступали белые облачка.

– Мы отстроим деревню, – сказал он убежденно.

– Деревню? – повторила она. – Ах да, от слова «дерево». Мы говорим: весь... Да, снова заселим. Олег говорил, что вы, невры, оставляете только самых здоровых детей, самых крепких, а мы, поляне, каждому ребенку рады. Нет, Тарх, не потому, что вы злые, а мы добрые! Просто землепашцы могут прокормить всех, Олег вчера говорил правду. У нас с тобой будет двадцать детей, и все двадцать будут жить, играть, помогать нам в хозяйстве...

Он даже зажмурился от счастья, представив себе множество маленьких таргитаев. Зарина поднялась с земли, глаза ее сияли. Рука об руку они пошли обратно к далекой землянке.

– Эти степняки пришли недавно, – сказала она. – До них были торки. Те налетали малыми отрядами, пользуясь, что мужики в поле... Пока мужики хватают секиры, бегут со всех ног к селу – торки уже выскакивают из хат, на лошадей да ходу!.. А бабы уже наловчились: едва торки врываются в село, они бьют горшки, распарывают подушки, чтобы перья по всей хате, а сами прячутся... Заскочит торк, видит: кто-то успел раньше, пограбил! Выскакивает, бежит в другую хату.

– О боги, – вздохнул он, пораженный не столько жестокостью жизни, сколько покорностью полян, привыкаемостью.

– В позапрошлом году мои мама и братишка сгинули, – продолжала она безнадежным голосом. – Мамка и горшок разбила, и перья пустила, а сама залезла под лавку. Ивашка еще раньше сунула в подпол. Торк забежал в хату, глядь: опять раньше его поспели! Ругнулся, уже повернулся уходить, как увидел на столе луковицу. Схватил, откусил, голодный был. Скривился, слезы из глаз! Говорит: «Какой кислый пастернак! Какой дурень такой ест?» Шасть на порог, а маманя не утерпела, крикнула: «Сам ты дурень! То не пастернак, а цыбуля!» Ну, торк и выволок ее. Она в слезы: «Ой, Ивашка, из-за моего дурного языка и ты сгинеешь в подполье!» Так торк и увел обоих...

Голос прервался. Таргитай погладил ее по голове, толкнул дверь землянки. Степан и Снежана спали, обнявшись, на куче тряпья, девочки посапывали возле очага. Олег сидел за столом, читал книгу. Перед ним горела лучина, а на полу валялось множество огарков. Лицо волхва было бледное, осунувшееся, но глаза радостно блестели.

– Доброе утро, – сказал Таргитай. – Ты не ложился? А где Мрак?

– Мрак... Мрак пробует новый лук. Нашел в развалинах. Натянул тетиву, настрогал стрел... Что-то вы какие-то странные. Случилось что?

– Я остаюсь с полянами, – сказал Таргитай. Он прямо взглянул волхву в глаза. – Что бы ты ни сказал, что бы ни сказал Мрак, я остаюсь. Теперь это мое племя.

Мрак стоял с луком в руках. В полусотне шагов он прислонил к развалинам очага уцелевшую дверь. Четыре стрелы уже торчали в самой середине, Мрак неспешно целился, опускал лук, подтягивал тетиву, снова накладывал стрелу.

Таргитай и Олег зашли сзади, Таргитай с удивлением смотрел на лук. В Лесу это были простые толстые прутья в рост человека, за оба конца цепляешь прочную жилу, вот и готов лук. А этот вдвое короче, из костяных пластин, скрепленных штырями, железными зажимами, проволокой. Мрак с удовольствием щелкнул ногтем по тетиве, та загудела, как комар. Такую не всякий натянет!

– Видали? – спросил он. – Не полянский лук! Из такого удобно с коня стрелять. Можно на полном скаку, кто умеет.

Олег обошел Мрака со всех сторон, сказал уважительно:

– Кто-то ссадил с коня не просто всадника! Как только бросили такое сокровище?

– Завалило обломками. Тетива сгорела. Вы мне зубы не заговаривайте! Становитесь, буду учить стрелять.

Он кивнул на два десятка стрел, аккуратно разложенных рядком. У всех блестели остро заточенные наконечники. Мрак хмуро улыбался, но лицо его осунулось, глаза ввалились. Таргитай вдруг даже качнулся от чувства глубокой вины: оборотень держится из последних сил, не дает волку в себе взять верх, старается довести его с Олегом до людей, успеть пристроить!

Олег ринулся к двери, кое-как выдернул стрелы. Непривычно тяжелые наконечники оттягивали ладони. Он потрогал один пальцем, там сразу выступила алая кровь: Мрак заточил края, как иглы.

– Я первый! – сказал Таргитай.

Мрак поднял брови, потрогал Таргिताю лоб. Таргитай смотрел чистыми честными глазами. Удивляясь неожиданной прыти лодыря, Мрак сунул Таргिताю лук, поставил ему ноги на ширину плеч, выпятил левую руку, в правую дал стрелу.

– Вон та дверь, видишь? Попади в среднюю доску.

Таргитай с трудом натянул тугую тетиву, выпустил стрелу. Спружинив, тетива больно щелкнула по пальцам. Таргитай ойкнул, выронил лук. Мрак выругался, Олег со всех ног бросился отыскивать стрелу, что улетела мимо двери.

– Больно! – выговорил Таргитай с трудом. Он подул на покрасневший палец, потряс кистью. – Громобой учил надевать кожаные рукавички...

– Перебьешься, – заверил Мрак грозно. – Рукавички ему! А стрелять с печи? Не отрывая задницы от теплых кирпичей?

Олег носился на четвереньках среди горелых обломков, вокруг вздымались черные вихри. Наконец он подхватился с радостным воплем:

– Нашел! Ха-ха, на три шага мимо!.. Дай мне, я попаду в самую серединку!

– Еще чего, – возмутился Таргитай. – Теперь я знаю поправку, а ты нет!

Когда солнце стояло в зените, Мрак сказал, сжавившись:

– Ладно, на сегодня хватит. По крайней мере, в дверь попадете... Если встретите зайца такого размера – не промахнетесь. Сходим, проверим в деле.

Изгои были мокрые, покрытые черной копотью. С них лило в три ручья, двигались на полусогнутых. Таргитай мечтал уже упасть и спокойно умереть, только бы не мучиться, как в дыму услышал тоскливый вопль Олега:

– На охоту? По такой жаре?!

– В самый раз, – ответил Мрак хладнокровно. – Мужчины вы аль нет? Бабы сидят голодные.

Он молча зачислил и Степана к бабам, тот вряд ли понимал охоту, а по Мраку, всякий, кто не умеет бить зверя, – женщина или малое дитя.

– Это тебе не на дуде гудеть, – сказал Олег злорадно.

На порог, потягиваясь, вышел Степан. Заспанный, на огромных звероватых неврах смотрел уже без страха. Его глаза отыскивали Таргитая. Улыбнулся ему, уже как будущему полянину. А Мраку, поклонившись, сказал, позевывая:

– Когда-то боги, видя, как род людской множится, решили отдать им всю землю, а самим удалиться на небеса. Позвали людей, стали наделять. Таким, как ты, охотникам отдали леса, землепашцам выделили нивы, рыбакам отдали реки и озера, морякам – моря и океаны... потом расскажу, что это... не сбивай, рудокопам – горы... Понятно, что купцы поспешили выпросить торговые пути, пастухи – пастбища, девки – румяна и притирания, старики – завалинку... Все разобрали к обеду, а певец явился только под вечер.

Мрак засмеялся:

– Такой же растяпа, как наш Таргитайка!

– Да, – согласился Степан. – Стал певец просить и себе хоть что-то, но Род лишь развел дланями... или крылами, ежели был в личине сокола. Боги могут все, но что уже сделают, не отменят ни они сами, ни другие боги. А где ты шлялся, спросил Род, а певец в оправдание: я, мол, пел...

– А теперь пусть попляшет! – засмеялся Мрак.

Олег улыбнулся одними глазами. Похоже, на этот раз был согласен с Мраком.

– Пусть, – снова согласился Степан и широко зевнул. – Род грустно развел руками... аль крылами: не осталось на земле ничего, чем мог бы владеть певец. Но зато ему, единственному, откроет небеса. И когда певец пожелает, он всегда там желанный гость!

Олег вежливо промолчал, а в глазах Мрака заблестели веселые искорки. Как и Олег, в стариковские байки не верил, но эта понравилась. Где пройдет Тарх, а это все равно что вести корову с завязанными глазами, там пройдет и другая корова, грамотная. Тем более если поведет он, Мрак. А с двумя коровами, уже почти бодливыми, можно стоять пусть не перед богами, но все же стоять на земле крепко.

– Эй, – сказал он, – не знаю, как насчет небес, но по лесу прогуляться придется. Пошли!

Стеная, Таргитай и Олег взяли ножи, единственное свое оружие, пошли за Мраком. За околицей потянулась высокая сухая трава, жесткие стебли звонко щелкали по сапогам. Прошли реку, впятеро больше, чем их лесная Река, но Степан говорил, что есть и поболее реки. Высоко в синеве вилась едва заметная птичка, жаворонок – священная птица, как уже знали негры от полян. В густой траве что-то прошмыгивало, но так быстро, что изгои не успевали рта раскрыть, а Мрак даже не поворачивал головы. Дважды переступали через птичьи гнезда, в одном было пять яиц, в другом – три голых птенца. Завидев невра, птенцы неимоверно распахнули ярко-красные широкие рты, яростно запищали. Крохотные язычки дрожали, птенцы едва не вывалились из гнезда навстречу огромным неврам.

Мрак поспешно шагнул мимо, и писк обиженно умолк. На Таргитай и Олега птенцы, похоже, не обратили внимания.

Почти до вечера, злые и голодные, изгои выпугивали на Мрака дичь. Мрак вскидывал лук, мгновенно натягивал тетиву, но стрела оставалась на месте, а лопоухие зверьки в панике мчались куда глаза глядят. Лишь дважды зазвенела тетива, стрела сразила огромных, как гуси, птиц, явно степных – лапы без перепонки.

Таргитай и Олег забросили птиц на плечи и, чувствуя приятную тяжесть, роняя голодные слюни, повернули к дому. Мрак шел следом, посмеивался. Уже на подходе к деревне, то бишь веси, в густых зарослях травы затрещало, мелькнул грязно-серый бок.

Мгновенно свистнула стрела, тут же тетива звякнула снова. Мрак довольно крикнул:

– Даже в этом пустом краю можно жить охотой!

– Что это было? – спросил Таргитай.

– Шагни вперед, узнаешь.

В зарослях хрипело и каталось, сухие стебли трещали под крупным телом. Таргитай и Олег с разбегу выбежали на вытолоченное место, замерли. Весь залитый кровью, среди травы катался, хрипя, крупный молодой кабан. Из боков торчало по обломку стрелы, кровь была тугими струйками.

– Одна в сердце, другая в печень, – сказал Олег пораженно. – Мрак, как ты быстро научился... с этим чужим луком!

– Захочешь жить, – ответил Мрак сумрачно, – летать научишься.

Он снова натянул тетиву. Третья стрела ударила кабана в левый глаз. Кабан подпрыгнул, упал, лапы дернулись и застыли.

– Как мы понесем? – спросил Таргитай озабоченно. – Такой огромный!

– Это вы понесете, – поправил Мрак насмешливо. – Если сделаете свою часть работы, как сделал я, то ужин будет... неплох. Поляне, надо признаться, поесть умеют. А с этими ихними штучками: солью, перцем, острыми травками – я сам готов съесть этого кабана с шерстью и копытами.

Изгои тащили кабана по очереди за задние ноги. Тащить неудобно, но шеста из травы не вырубить – не родной Лес. Заморившись, Таргитай передавал кабана Олегу, а сам, взяв обеих дроф, еще долго с натугой разгибал спину – волочить приходилось в полусогнутом состоянии.

Мрак шагал следом, скалил зубы. Не потопашь – не полопашь. Волка и охотника ноги кормят. Пусть помучаются, в охоту поедят. За этот день оба потрудятся больше, чем за всю предыдущую жизнь в Лесу.

Вдруг Мрак насторожился, обогнал изгоев. В его руках появился лук. Он сделал еще несколько быстрых шагов, приняв себя, сказал тревожно:

– Там кто-то еще... Стоят эти звери, которых кличут конями. Чую людей, но не разберу отсель. Запахи чужие, резкие...

Изгои оставили кабана и птиц, пошли за Мраком. Мрак часто останавливался, вслушивался. Ноздри его хищного носа трепетали.

– Дальше ползком, – сказал он наконец. – Уже близко, могут заметить.

Он бежал на четвереньках, а где трава росла низкая, падал, полз, как ящерица, извиваясь всем телом. Изгои неумело крались следом. Мрак оглядывался, сердито шипел. Наконец уполз, а Таргитай и Олег устремились уже по примятому следу.

В горле першило, ядовитая сухая пыль забивала легкие. От нещадного солнца в голове звенело. Пришлось проползти через муравьиную дорожку, по голой спине тут же забегали тысячи крохотных лап с острыми коготками. Кожа начала неистово зудеть, Таргитай чуть не застонал, заскрипел зубами. Несколько смельчаков, показывая свою удаль, забрались под душегрейку и вонзили в потное чудовище маленькие, но острые челюсти.

Он с размаху уткнулся в торчащие впереди подошвы Мрака. Оборотень вытряхнул из колчана стрелы и раскладывал их перед собой в ряд. Таргитай не видел лица Мрака, но с тем происходило что-то странное, он отчаянно спешил, его пальцы тряслись.

Таргитай ощутил тревожный укол, заполз сбоку, раздвинул тугие стебли.

На очищенной от обломков площадке, где они вырыли землянку, находились степняки. На новенькой двери кузни был распят Степан. Руки и ноги были прибиты к дереву толстыми штырями, кровь текла густо, на земле под дверью натекла широкая лужа. В плечах Степана торчали две оперенных стрелы, еще три стрелы были всажены в низ живота. Голова его свесилась на грудь, но он смотрел на площадку. Его бледное лицо было залито кровью, две узкие струйки крови текли по щекам, словно кровавые слезы.

Двое голых степняков зверски насиловали Снежану. В двух шагах навзничь лежала Зарина. Ее глаза были закрыты, от одежды остались клочья. Лицо было обезображено крово-

подтеками, на голой груди – кровавые ссадины, порезы. Ноги безжизненно раскинуты, по ним текла и впитывалась в пыль густая кровь.

Глава 8

Снежана хрипло стонала, ее голос осел от крика. Один, громко хохоча, держал ее за волосы, зверски заломив голову. Еще двое, посмеиваясь, наблюдали. С другой стороны кузни были привязаны кони, напротив Степана стоял высокий воин могучего сложения, смуглолицый, в дорогом доспехе. На голове у него блестел яркими камешками шлем, пояс оттягивал дорогой, круто изогнутый меч. Воин накладывал на тетиву стрелу, глазами держал бледное лицо Степана. Губы смуглолицего растянулись в нехорошей усмешке.

Все это Таргитай охватил одним взглядом. Он вскочил с яростным воплем, бросился к насильникам. Степняки вздрогнули, быстро оглянулись. Смуглолицый, который уже прицелился в Степана, мгновенно развернулся, направил стрелу в бегущего Таргитая.

Мрак выругался, его стрела сорвалась с тетивы. Смуглолицый отшатнулся, стрела Мрака щелкнула, казалось, прямо в лоб, но смуглолицый устоял, лишь лапнул окровавленный лоб. Разукрашенный шлем улетел, сбитый стрелой. Голова смуглолицего ярко блеснула на солнце, выбритая до синевы.

Таргитай добежал до насильников, но оба опомнились, подхватили с земли кривые мечи. Солнце зловеще блеснуло на острых лезвиях. Таргитай не успел ахнуть, как первый же степняк, багровый потный толстяк, вдруг дернулся, его зубы закрипели по оперению стрелы. Второй замахнулся на Таргитая, но тот, не понимая, что делает, наклонился над обезображенной Снежаной, бережно перевернул ее на спину. Лицо ее было обезображено, губы разбиты в кровь, распухли, как олады. Она узнала его, что-то прохрипела.

– Что-что? – переспросил он.

На него упало грузное потное тело второго степняка. Обнаженный насильник пытался выдернуть стрелу, что пронзила горло навывлет, хрипел, дико закатывал глаза. Таргитай отшвырнул его, огляделся. Смуглолицый был уже на коне, поднимал его на дыбы, умело закрываясь от стрел, а еще два степняка бежали к коням.

Выбежал Олег с безумными глазами, догнал одного и со страшной силой ударил огромной палкой. Череп раскололся, как яичная скорлупа. Степняк упал без звука. Второй успел ухватить коня за узду, дико гикнул, конь понес, но степняк безжизненно волочился по земле – в спине торчала стрела с белым оперением.

Перед Таргитаем вырос грузный, широкий в плечах степняк. Он был обнажен до пояса, коричневая грудь блестела от пота и жира. Завизжав, он вскинул короткую мускулистую руку, хищно блеснуло кривое лезвие. Таргитай поспешно перехватил его за кисть. Степняк задрожал, страшно вздувая жилы, острое железо пошло острием вниз. Таргитай похолодел, напряг мышцы, и оружие врага остановилось на полпути.

Степняк резко дернул кисть вправо, затем влево. Таргитай потерял равновесие, неуклюже повалился на бок, не выпуская врага. Захрустело, и Таргитай торопливо вскочил, выпустил руку степняка. Она была сломана, как гнилое полено, хлестала кровь, из окровавленного мяса торчали зазубренные белые кости.

Степняк выл, хватал здоровой рукой сломанную. Донесся страшный крик Мрака:

– Защищайся, дурак!

Таргитай спешно подхватил меч степняка. Мрак бежал к нему. Сбоку прыгнул еще один, Мрак упал, перекатился через голову, а когда вскочил, оружие уже обрушилось на его голову. В последний миг Мрак успел парировать удар луком, лезвие со звоном скользнуло по металлической пластинке. Мрак коротко взмахнул рукой, побежал к коням, оставив степняка с ножом в горле.

Таргитай отчаянно отбивался от наседавшего смуглолицего. Тот был быстрый, сильный, в доспехе из буйволиной кожи с нашитыми бронзовыми бляшками. Его узкий меч мелькал как молния, и Таргитай держался только за счет длинных рук и силы, к своему удивлению, выдерживая удары, а меч смуглолицего всякий раз отлетал, как под ударами ветра...

Олег отступал под яростным натиском своего противника. Волхв выставил перед собой суковатую палку, степняк быстро и страшно рубил. Посох укорачивался, улыбка на широком лице степняка ширилась...

Свистнула стрела. Олег отшатнулся, а степняк замер с выпученными глазами. Стрела пробила кадык, острие высунулось с другой стороны.

Олег крикнул отчаянно:

– Тарх, беги!

Таргитай отпрыгнул, спасаясь от смертельного удара, поскользнулся на разбитых черепках. Ударился о край кадушки так, что от боли перехватило дух. На миг над ним мелькнуло торжествующее горбоносое лицо с хищными круглыми, как у совы, глазами.

Таргитай откатился, отбежал на четвереньках. Когда рискнул вскочить, смуглолицый убегал, прыгая в разные стороны. Мрак сыпал проклятиями, натягивал тетиву. Три стрелы просвистели мимо, степняк как-то угадывал, в какой миг человек в волчьей шкуре разожмет пальцы. Четвертая стрела вонзилась в плечо, но степняк добежал до коней, прыгнул с разбегу, низкорослая лошадка сразу ринулась в галоп.

Мрак поспешно наложил новую стрелу, но горбоносый тут же соскользнул на другую сторону лошади. На миг мелькнули пальцы, вцепившиеся в цветную попону, под брюхом в ременной петле колыхалась подошва сапога из сыромятной кожи.

– Стреляй! – заорал Олег. – Стреляй! Это плохой человек!

– Но я могу убить хорошую лошадь...

– Так убей! Не дай уйти!

Стрела сорвалась с тетивы, с чмоканьем ударила коню в левый бок. Степняк снова появился верхом. В руке у него был нож, которым тыкал в шею лошади, заставляя бежать быстрее. Бритая голова жутко блестела под солнцем.

Мрак наложил стрелу, поколебался, опустил лук. Не достать... Олег подбежал к Степану, побелел, не зная, что делать. Степан исходил кровью, истыканный для забавы стрелами, прибитый с руками крестом к двери его же кузни. Лицо было странное, Олег в ужасе отшатнулся: у Степана были срезаны веки!

– Да, – прошептал Степан, – чтобы я не закрыл глаза... чтобы все видел...

– Степан, потерпи! Я сейчас тебя сниму. Я волхв, умею врачевать!

– Ящер меня повращует, – прохрипел Степан. – Я мирный... никогда никого... но прошу вас... заклинаю богами – отомстите!

Из рта потекла струйка крови. Он кашлянул, дернулся на распятых руках и затих, тяжело провиснув. Глаза с обрезанными веками застыли, глядя в одну точку.

Таргитай, плача навзрыд, прижимал к груди неподвижную Зарину, тормошил, целовал бледное лицо. Рядом ползала, не в силах подняться, Снежана. Она не замечала своей наготы, выла жутким нечеловеческим голосом. Олег торопливо вбежал в землянку, вылетел оттуда, как выпущенная рукой Мрака стрела. Лицо его было страшным.

– Как можно такое с детьми?

Мрак шагал через убитых и раненых степняков, его железная секира покачивалась в ладони. Первым добил толстяка, что пытался ползти со стрелой в горле, потом секира поднималась и падала, круша черепа живых и мертвых. Улыбка на жестоком лице Мрака становилась шире, глаза по-волчьи блестели, он тяжело и часто дышал.

Когда подошел к самому рослому, добротнo одетому степняку, что корчился с его стрелой в груди, Мрак пинком перевернул его на спину, взглянул в широкое плоское лицо, покрытое грязью и потом. Степняк смотрел со страхом и ненавистью, губы шевелились, что-то шепча.

– Зови, зови своих богов, – рявкнул Мрак свирепо. – А то больше некому рога сшибать!

Он вспорол степняку живот, погрузил обе ладони в рану, рывком вытащил окровавленную, пульсирующую печень. Степняк жутко взвыл, дернулся, а Мрак захохотал и, глядя степняку в глаза, вонзил зубы в печень, начал жадно пожирать теплую живую плоть.

Степняк захрипел, закрыл глаза, его подбросило, и он затих. Из широкой раны бежала кровь, еще больше крови брызгало из печени. Рот Мрака был в крови, что текла по пальцам, рукам, капала с голых локтей.

Олег подтащил Снежану к бочке с водой, заставил напиться, полил ей на голову. Поднес баклажку к губам, но разбитые губы не двигались, вода текла мимо. Он терпеливо вливал в кровоточащий рот по капле, приговаривал:

– Не спеши, не спеши... Все кончилось...

Подбежал бледный как смерть Таргитай. Лицо его было перекошено отчаянием:

– Зарина очнулась, но она не хочет жить!

Олег сунул ему флягу:

– Дай напиться. В землянку пока не заходи, Зарину тоже не пускай!

Таргитай умчался, Олег наклонился над Снежаной:

– Встать сможешь?.. Надо жить, Снежана. Остались вы двое. Ты и... Зарина.

– А мои дети?

– Они уже в вирии, не беспокойся. Вместе со Степаном.

Она закрыла глаза, ее дыхание замерло на губах. Олег потряс ее, потом тихо опустил на землю. В сторонке горько плакал, держа на коленях голову Зарины, Таргитай. Олег отыскал женскую одежду, накрыл Снежану. Появился хищно улыбающийся Мрак, весь в крови, словно разделявал туши забитых лосей. В руке он любовно держал секиру. Олегу стало страшно, когда на миг перехватил взгляд оборотня.

Уже ночью они выкопали яму, опустили Степана и зверски изувеченных детей. Снежана бросила горсть земли, тут же сомлела. Таргитай и Олег засыпали могилу, поставили затесанный столбик. Зарина не показывалась из землянки, прятала лицо.

Мрак быстро собрал оружие убитых, обшарил трупы, сгреб в мешок амулеты, чужие обереги – волхв разберется, – наконечники стрел, прочую необходимую в походе мелочь. Когда попытался отыскать брошенного кабана и дроф, нашел знакомые волчьи следы и услышал знакомый запах. На душе посветлело – и здесь волки живут! Значит, мир не безнадежен.

Труднее было с конями степняков. Мрак побаивался этих огромных зверей, они его страшились еще больше, чуя волка, и это придавало ему храбрости. К тому же даже Степан ездил на них сражаться со степняками, если не брешет, да и сами степняки народ мелкий, супротив невра – тьфу...

Он изловил троих, спутал передние ноги, чтобы не убежали, на остальных махнул рукой. Возвращаясь, возле самой землянки остановился, хлопнул себя ладонью по лбу. Кабана потеряли, жрать нечего...

Он выпорол печени у всех убитых, сполоснул в бочке с водой. Таргитай сидел, склонившись над Зариной, что-то нашептывал. Олег перевязывал руку Снежане, та безучастно смотрела в пол.

– Волхв, – сказал Мрак резко. – Лучшее лекарство – хорошая еда! Зажарь эти печенки. Сразу огонь пойдет по жилам.

Он вывалил на середину стола мокрые скользкие куски. Олег пугливо покосился, узнал, но огонь разжег быстро. Мрак вышел за дровами.

Изгоем кусок не лез в горло, хотя запах жареной печенки заполнил землянку. Снежана к еде не прикоснулась, а Зарина осталась лежать лицом к стене. Плечи ее подрагивали.

Мрак ел в охотку, резал жареную печень длинным степняцким ножом, пробовал лезвие. Острые зубы поблескивали в свете лучины. Зарина всхлипнула чуть громче, и Мрак сказал сердито:

– Девка, брось! Мертвых не воскресишь, а живым жить надобно. Ты цела, даже руки-ноги не поломали.

Зарина всхлипнула снова, в мертвой тишине едва слышно прошелестел ее страдальческий голос:

– Лучше бы руки-ноги поломали... Они ж меня всю испоганили... Как жить с таким позором?

Мрак со стуком вогнал нож в середину стола, гаркнул люто:

– Дура! Какой позор? Они ж поганили только тело, а душу не достали! Пойди к ручью, помойся – только и делов!

Снежана с укором взглянула на огромного невра, опустила глаза. Таргитай, напротив, ожил, воззрился на Мрака с надеждой. Голос Зарины дрожал от плача:

– Дядя Мрак... у вас в Лесу по-другому... Умыкаете, брат с сестрой живет... А нам, полянам, боги дали заветы строгие! У нас говорят: не бери жену богатую, бери непочатую... Вам что, на мужике та же шапка.

Мрак хмыкнул, с удивлением оглядел стол, где, похоже, пировал один, зато за всех пятерых.

– Даже боги не всегда говорят... умно. Тебя не поганили, поняла? Аль у полян души нету?.. Ведь тело – ножны, а душа – нож. Был бы клинок цел, не испоганился, а ножны... Для того и созданы богом, чтобы охранять душу от грязи!

Олег поднял от стола глаза, исподлбья и украдкой бросил взгляд на жующего Мрака. Кулаки – кувалды, между глаз стрела поместится, руки толстые, как бревна, перевитые узлами мускулов, а оторопь берет оттого, что говорит так непривычно. Сила есть – ума не надо, Мрак по уму не должен отличаться от дикого тура. Он и не отличался... раньше.

Мрак сладко, с подвыванием зевнул – одна была у волка песня, и ту перенял, – сказал грубо:

– Всем спать! Ишь, нюни распустили! Утро вечера мудренее.

Таргитай и Олег остались с женщинами, Мрак ушел, в землянке для него всегда было слишком много вони. Летние ночи коротки, но для Таргитая, для которого и зимние ночи коротки слишком, эта ночь тянулась бесконечно. Он не засыпал, пробовал заговорить с Зариной, та не отвечала, притворялась спящей. Лишь Снежана заснула, ее мерное дыхание звучало непритворно.

Под утро Таргитай, голодный и усталый, начал проваливаться в дрему. Смутно услышал шлепанье босых ног, но не пошевелился. Потом его потрясли грубые руки. Он открыл глаза, ожидая увидеть Мрака, это был бледный опечаленный Олег.

– Снежана умерла.

– Как? – не понял Таргитай. – Она же...

– Просто не вернулась из сна. Там ее дети еще живые...

Таргитай вскочил, с испугом посмотрел на угловую лавку. Олег уже накрыл мертвую с головой. Соседняя лавка под стеной была пустой вовсе.

– А где Зарина?

Олег оглянулся на пустую лавку, словно только что заметил:

– Ночью была...

Таргитай выбежал из землянки, едва не высадив дверь. Солнце уже поднялось, воздух был свежим, холодным. Мрак поил коней, держа в руках ведро.

– Зарина! – закричал Таргитай, срывая голос до визга. – Зарина!.. Отзовись!

Мрак опустил ведро. Лицо его было темным, как грозовая туча над Лесом.

– Не вернется, – бросил он коротко. – Если эта дура ушла туда, куда задумала.

Он сердито сплюнул. Таргитай дергался, словно его, привязанного, жалили змеи. Мрак быстро пошел к речке, держа глазами только для него различимый след по утренней росе. Таргитай стонал, кусал пальцы, натыкался на Мрака и Олега.

Когда вышли к речке, Мрак кивнул:

– Ее следы... Вода не успела смыть, видите?

– Зачем... зачем она?

– Дура потому что. По их дурным верованиям, на ней – позор! Какой позор, ежели степняки, что насильничали, ее как раз и не тронули? Это ж ее тело они терзали, а она была далеко... с тобой, наверное! А тело – не душа, отмыть легко. Душу и то случалось отмывать...

Таргитай не слушал, бегал по воде, всматриваясь в песчаное дно. Речка крохотная, лягушке трудно утопиться! Видать, набрала камней за пазуху, легла на дно, боролась с собой, чтобы не вскочить, а вода уже бежала в горло, в грудь...

Он застонал, потряс кулаками:

– Эти степняки... Они хуже, чем звери!

Мрак холодно оскалил зубы. Простак Таргитай! Не знает, что все люди хуже, чем звери.

Мрак увел обоих, мощно похлопывая по плечам:

– Не дали боги нам осесть, ополаниться... Надо уходить.

Олег оглядывался, в реке просвечивалось что-то белое, но смолчал. Мрак наверняка заметил еще раньше, не мог не заметить оборотень, но смолчал, надо смолчать и волхву, если не хочет быть глупее оборотня.

– Один степняк убежал, думаешь?

– Если не сдох по дороге. Я ранил и его, и коня... Но если уцелел, приведет других. Надо уйти раньше.

Олег передернул плечами, словно внезапно подул холодный ветер. Перед глазами встал Степан, распятый на двери, утыканный стрелами, с обрезанными веками.

– Там трое коней, – напомнил Мрак. – Если пешком, нас поймают, как барсуков. Попробуем на конях, славяне?

– Почему «славяне»? – спросил Таргитай обидчиво. – Мы – невры!

Мрак по-волчьи ухмыльнулся, показав белые клыки:

– Да уж больно вы... славные. Разбирайте коней!

Таргитай сразу учуял самого смиренного и даже ленивого, как он сам, коня, пошел к нему, держа горсть молодой травы. Олег задергался, пугаясь даже вида огромных зверей. Кони смахивают на лосей, а лосей в пору гона даже беры боятся, уходят с дороги. Лоси весной носились по Лесу, страшно ревели, осатанело бросались на все живое. Все бежало перед ними, по всему Лесу шел стук рогов, рев, когда лесные гиганты сшибались в поединках. Боромир говорил, что в старину главную звезду как раз весной называли Лосиной, а потом так же называли целый рой звезд.

Мрак зло гаркнул ему в спину:

– Степняки ж не боятся!.. А ты покрепче любого из них, хоть и неудача!

Конь сжевал траву Таргитая, обнюхал чужака, и Таргитай без помех взобрался, поерзал на попоне, устраиваясь, решил оторвать руки от конской спины. Он даже решил повернуть голову, с напряженной улыбкой подмигнул Олегу.

Олег долго обхаживал своего коня, даже заглядывал в книгу, искал совета. В первой части было, как управлять колесницей, метать на ходу какую-то чакру, а вторую часть, где предки уже научились ездить верхом, Олег еще не прочел. Пришлось подвести коня к печи, залез оттуда.

Мраку остался огромный жеребец, гордый и норовистый. Изгои к нему и близко подходить боялись. Жеребец характер не выказывал, только задрожал, когда Мрак приблизился вплотную. Мрак положил руку ему на спину, а жеребец, зачуяв страшного волка, завизжал в диком страхе, ринулся через пожарище. Мрак не выпустил повод, его потащило, сметая обгорелые бревна, головни. За ними взвился черный столб гари и пепла.

Таргитай тихонько стукнул свою лошадь пятками в бока. Конь послушно сделал пару шагов, остановился. Таргитай кряхтел, не зная, что делать дальше. Конь повернул голову, посмотрел на седока удивленно и с презрением.

– Сам дурак, – сказал Таргитай сердито. – Но ты родом из Степи, а я – лесняк. Давай как-то вместе, а то от Мрака достанется обоим...

От околицы раздался грохот. Жеребец несся, как обезумевший лось. Глаза налились кровью, из разодранного удилами рта падали густые клочья пены. Мрак сидел уже верхом – еще чернее, чем всегда: собрал всю гарь и золу, но белые зубы как молнии сверкали на закопченном лице.

– Готовы? – крикнул он громким голосом. – Уходим!.. Наше счастье, что степняки далеко. Не ровен час, раненый доберется до своих!

Он развернул коня. Жеребец дрожал, пугливо прядал ушами, раскаты могучего голоса гремели над его головой, как гром. Мрак высился на коне, похожий на старый дуб, выросший на просторе.

Таргитай пустил коня по кругу, осматриваясь, мысленно прощаясь с Зариной, добрыми полянами, что несколько дней были его семьей. Трупы степняков лежали в лужах крови с безобразно вспоротыми животами. Жужжали рои толстых навозных мух, суетливо сновали муравьи. На ближайшем дереве уже довольно каркали вороны, ожидая, когда уедут всадники.

– Мелкота, – сказал Таргитай зло.

«Почему они владыки Степи?» – подумал он. Самый грузный и то легче худющего Олега, у волхва и плечи пошире, и руки длиннее, и выше на голову. Он, Таргитай, с такой легкостью сломал степняку руку, только косточки хрустнули, тонкие, как у тетерева!

Олег внезапно соскочил с коня, с натугой снял тяжелый мешок.

– Нет, Мрак. Придется пешком.

– Почему? – удивился Мрак. – Здесь не Лес, где ни пешему, ни конному... Земля ровная и голая, как ладонь!

– На конях нас схватят скорее. Все-таки степняки на конях родились! К тому же мы тяжелее, любой конь скоро заморится. И еще – на конях можно только по дорогам, а там их целые отряды. Пешком же можно и по Степи, где на коне не разгонишься. Норки хомяков, сусликов на каждом шагу! А степняки коней холят лучше, чем людей.

Не дожидаясь ответа, он похлопал коня по крупу, отпустил узду. Конь остался на месте, лишь покосился на волхва недоумевающим глазом.

– Прощай, удивительный зверь, – сказал Олег. – А жаль. В другой бы раз...

Мрак покачал головой, замедленно слез с жеребца. Чему-то Боромир успел научить молодого волхва, умеет заглядывать вперед. Он стащил с коня два туго набитых мешка, один швырнул Олегу, другой Таргитаю. Оба поймали на лету, Олег грохнулся в черную пыль, прижимая к груди мешок, Таргитай на ногах удержался, только сделал несколько шагов назад.

Мрак насмешливо прищурился:

– Еще не передумали?

Олег, не вставая, продел руки в лямки, поднялся, пошатываясь.

– Мрак, лучше быть живым хомяком, чем мертвым буй-туром. Я понесу даже твой мешок, только давайте уйдем побыстрее.

Во взгляде Мрака промелькнуло если не уважение, то, по крайней мере, признал Олега за что-то стоящее. Одной рукой закинул мешок за плечо, поправил секиру.

– Пошли! На востоке уже поднялась пыль, движется к нам, хотя ветер в ту сторону.

Пригибаясь, они побежали обратно к речке. Мрак с шумом вбежал в воду, сердце Таргитая болезненно сжалось. На дне золотился песок, и ему виделись золотые волосы.

Они пробежали вниз по течению, мешки тяжело оттягивали плечи, ноги начало ломить от холода. Вода поднялась до колен, на мелкое выходить Мрак не велел, чтобы не оставались следы.

Бежали долго, повторяя все изгибы. Таргитай взмок, несмотря на ледяную воду, шатался под тяжелым мешком. В одном месте берега поднялись, речка побежала в узком русле. Поперек течения лежала упавшая с одного берега на другой огромная сосна.

Мрак на бегу подпрыгнул, ухватился за свисавшие ветки, как белка вскарабкался наверх. Дерево покорно закачалось под его весом. Без всякой жалости наблюдал, как два изгоя прыгали в холодной воде, цеплялись за ветки, падали с таким плеском, что брызги долетали до него.

Помогая друг другу, кое-как вскарабкались, тяжело дыша. Ветки с одной стороны обломаны, кора сбита крепкими копытами, словно мостом пользовались самые разные звери. На липких чешуйках – клочья шерсти, перья, даже чьи-то тонкие белые косточки.

– Ночью спать будете, – буркнул Мрак. – Сейчас еще утро!

По сосне перебежали на берег, не оставив следов, долго мчались по утопанной звериной тропе, что вела к водопою, затем ушли в густые заросли степного ковыля. Под ногами с хрустом проваливалась земля. Таргитай однажды провалился по колено, мешок злорадно стукнул по затылку. Под подошвой зло заверещало, Таргитай увидел золотую россыпь зерен.

Степь тянулась без краев, над головой трепыхался в синеве жаворонок. Таргитай устал, но заслушался, пытаясь запомнить мелодию. Нужна была новая песня о Зарине и полянах, иначе сердце разорвется от боли. Мрак грубо ударил по шее, мощным пинком в зад послал вслед за Олегом:

– Не отставай, дурак!

Впереди внезапно открылся маленький овражек. Даже не овражек, а буерак, доверху заросший густым кустарником. Все трое упали на землю, поползли в кусты. Таргитай дышал тяжело, рядом надсадно хрипел Олег, упершись лбом в землю. Он с отвращением выплевывал комки пыли, похожие на утонувших мышат. Сердце Таргитая стучало почти что в горле. Отдышавшись, сказал завистливо:

– Хотел бы я иметь волчье чутье...

– Какое чутье? – ответил Мрак с презрением. Голос его был ровный, будто Мрак не бежал наравне с изгоями. – Думать надо! Все ж видно как на ладони.

Олег повел носом, сказал недоверчиво:

– Чудно, малиной пахнет...

– Чудно, что унюхал ты, а не наш обжора, – ответил Мрак насмешливо. – Понюхай еще. Учуешь косолапого. Матерый, сытый, пяти лет от роду... Сейчас как раз загребает лапами, сосет ягоды прямо с веток. Хочешь размяться, потешиться – нарви нам ягод.

Таргитай добавил встревоженно:

– Лучше прогони. А то всю нашу малину пожрет!

Мрак остановил Таргитая, поправил:

– Нет, волокни его сюда. Нам бы свои запасы побережь, а медвежатина – в самый раз...

Олег со стоном перелез на другую сторону, чтобы между ним и малинником были Мрак с Таргитаем. Таргитай лежал вниз лицом, прислушиваясь к теплу, что медленно расплзлось по спине. Солнечный лучик продырявил ветки, остро щекотал лопатки. Перед глазами опустилась на кончик травинки, трепеща радужными крыльями, глазастая стрекоза. Застыла, словно неживая, затем круто развернулась, балансируя на кончиках лап. Крылышки мудро держала наготове, уже знала, в каком жестоком мире живет.

– Я тоже знаю, – сказал ей Таргитай шепотом.

На далеком виднокрае темнела едва заметная полоска. То был Лес, надежный Лес с его могучими мшистыми стволами, мягким мхом под подошвами и длинными нитями серо-зеленого мха, что свешивается с ветвей... Таргитаю даже показалось, что ветерок донес прохладное дыхание деревьев.

Он повернул голову на восток, откуда тянулась бескрайняя голая Степь. Из раскаленного сухого зноя двигались волны перегретого воздуха. Над сухим ковылем дрожало марево. Мертвый ветер нес удушливую пыль, на зубах скрипел песок, а во рту было гадостно.

– Лес – это жизнь, – сказал Мрак медленно. – Как в этом пекле люди живут? Хлопцы, а вы все-таки молодцы.

Изгои повернули к нему головы.

– Не верите? – сказал Мрак невеселым голосом. – Я бы тоже не поверил. Но ты, трус, бросился с простой палкой на двух степняков, а ты, лодырь, похоронил всех полян, поставил на их могилах столбы...

Таргитай сердито возразил:

– При чем тут трус или лодырь? Они были нам как родные! Разве можно считаться?

Мрак пожал плечами:

– Не знаю. Я не трус и не лодырь, мне судить трудно. Но вы молодцы! Правда, помешали здорово. Если бы Таргитай не выскочил, как последний дурак, кем он останется, несмотря на похвалу, то я бы первой стрелой ссадил самого опасного... Ушел, паразит! А ведь не простой, ох не простой... Одет богато, весь в шрамах, в разных битвах бывал. Конь и оружие у него знатные...

– Все-таки мы только мешали, – сказал Олег невесело.

– Мешали, но отвлекли. Я мог не успеть со стрелами! Молодцы!

Он развязал мешок, выложил каравай, испеченный Снежаной, куски жареного мяса. Таргитай узнал широкие ломти печени. Олег тоже покосился, сглотнул слюну. Даже Таргитай сказал, что степняки хуже зверей, так что запретов нет, чтобы их не разделявать и не есть, как лесных зверей. А самые лютые воины, осатанев в бою, пьют горячую кровь сраженного врага, жрут его мозг, вырывают сердце и печень.

– Дурость, – сказал Мрак, выслушав его сбивчивые объяснения. – Когда пьешь кровь врага, то он становится твоим побратимом, хошь не хошь! А законы побратимства святы. Уже не сможет навредить, присниться, напасть ночью.

Изгои затаили дыхание. Мрак приоткрывал тайну охотничьих ритуалов посвящения в мужчин. В пожирании печени врага глубокий смысл? Правда, Мрак ест так, что за ушами трещит. Было бы невкусно, никакие волхвы не заставили бы.

Убеждая себя, что так завещано богами, Таргитай поднес печень ко рту. Мрак наблюдал искоса, кивнул удовлетворенно, когда Таргитай ухомякал огромный кусок в мгновение ока. Крепкий вырастет боец. Ест как мужчина, а секиру держать научится.

Едва медлительный Олег проглотил последний кусок, Мрак поднялся на ноги:

– Мы не ушли далеко. Если тот, которого я ранил, был не простым, а он, похоже, не прост, то снарядит погоню...

– Он не был простым, – ответил Олег. – Мрак, мы должны не уходить, а убежать!

Солнце снова жгло спины и плечи. Из-под ног при каждом шаге взлетало облако удушливой пыли. Виднокрай расплывался в дрожащем от жары воздухе, небосвод плавился и падал на землю огненными каплями. Таргитай чувствовал, как они шлепаются ему на плечи, растекаются горячими струйками по спине. Степь тянулась во все стороны, голая, жаркая и безжизненная.

Таргитай ощутил себя маленьким и беспомощным. Степь ужасает размерами и бескрайностью. Лес тоже бесконечен, но там это знаешь, а здесь – видишь. Куда ни взгляни – всюду враждебная, чужая, мертвая Степь!

Он покосился на Мрака, оборотень шагнул по-хозяйски. Боги обделили его многими сторонами души, зато вознаградил чувством опасности, зоркостью орла, звериным чутьем и слухом. Мрак мог, если бы захотел, слушать, как растет трава и о чем сплетничают муравьи в подземных норах!

Далеко впереди темнела огромная глыба красного камня. Вокруг него на пять-шесть шагов была сухая голая земля, словно камень выдавил земные соки и трава не решалась пустить корни. Одна сторона глыбы поблескивала, начисто стесанная, отполированная. Невры осторожно подошли вплотную, только Олег забежал вперед, уже водил пальцами по стесанному месту. Там темнели, забитые грязью странные знаки. Мрак обошел каменную глыбу, подозрительно поглядел во все стороны.

Таргитай присел на корточки возле Олега:

– Что это, волхв?

Олег вытащил из сумки книгу, торопливо листал, сверялся со знаками, снова перелистывал. Наконец тихо выговорил потрясенным голосом:

– Это – Кровавый Камень!

Глава 9

Мрак потянул ноздрями, крови не учуял, сказал быстро:

– Кровь, видать, смыло дождем. А чего среди Степи?

Олег сверился с книгой, ответил, водя пальцем по строчкам:

– Под этим камнем закопаны живьем три младенца... В знак нерушимости межи. По одному от каждого племени, что из года в год сражались на этом месте. Землю не поделили! Поляне, анты и хорваты. Дескать, пусть это будут три последние жертвы кровавой войны...

Мрак смерил взглядом огромный камень, помрачнел, представив великана, который принес, стесал стенку, установил на перепутье. Тут, хорошо поев, поднатужившись, вряд ли протащил бы больше двух шагов... Олег поднял голову, объяснил, что камень тащили сто человек. Мрак ожил, расправил плечи, взглянул соколом.

– А что начертано?

– Начертано чертами, не буквицами... значит, давно было. Угрозы, предостережения, советы. Направо поедешь – коня отберут, налево – вовсе прибьют. А вот если прямо – женату быть. Там анты жили, их потрепали здорово, любым зайдам рады, только бы племя укрепить...

Мрак поразмыслил, сказал одобрительно:

– Анты правы. По таким дорогам скитаются крутые парни. Любое племя выгадает, приняв к себе. Анты смышленнее, сообразили. Ладно, пошли!

Он шагнул мимо Кровавого Камня, тут же забыв о нем. С глаз долой – из мыслей вон. Таргитай же спотыкался, все время оглядывался, как коза на веревке. Не вытерпел, спросил с недоумением:

– Я не заметил никакой межи... Они что же, Степь делили?

– Здесь были поля, – ответил Олег сумрачно. – Колосилась рожь, пшеница. Здесь жили богатые, красивые и добрые люди.

Мрак оглянулся на них, оставших, бросил нетерпеливо:

– Доброта выветрилась, угрозы остались... Можете быстрее? Плететесь, как тараканы на морозе!

Они часто переходили на бег, дважды пересекли сухие русла ручьев. Олег толкнул замученного Таргитая, напомнил Мраку, что если раскопать песок, то в ямку может набраться вода.

Мрак ухмыльнулся, дал дружеского шлепка, мол, хитрость разгадана, а Олега от толчка унесло вперед.

Когда солнце повисло в самой середине небесного купола, Мрак начал на бегу принюхиваться:

– Вон там чахлые кустики, видите? Чем скорее поползете, тем быстрее ляжете на свои пуза, лодыри!

Таргитай и Олег уже едва плелись за Мраком, но, заслышав про отдых, Таргитай каким-то образом нагнал, кусты приблизились, и он вломился в них, как лось. Он уже лежал на пузе, как предрекал Мрак, когда ветки зашелестели, осторожно приблизился Олег, вытягивая шею и пытаясь заглянуть за соседние кусты. Следом шагнул Мрак, буркнул:

– Никого нет, не трусь. Я уже проверил.

Таргитай не пошевелился, даже когда Мрак развязал мешок и выложил половинку каравая и жареное мясо. Мрак пощелкал языком, принялся есть, нахваливая и причмокивая. Таргитай лежал пластом недолго – начал недовольно подергиваться, его пальцы сами подползли к хлебу.

Когда волхв отдышался, Таргитай уже держал хлеб в одной руке, а в другой – мясо. Мрак лежал на спине, закинув руки за голову. В небе было чисто, ни облачка, но глаза Мрака неотступно следили за видимой только ему точкой.

Было жарко, сухо и тихо. Звонко жужжала крупная мошка, запутавшись в паутину. Серебристые нити протянулись между двух толстых веток, новенькие, свежие. Мошка отчаянно трепыхалась, прилипнув брюшком. Пробежал толстый прыткий паук, похожий на бескрылого шмеля. Солнце сверкало на радужных крыльях, по ним прыгали крохотные цветные искорки. Паук подбежал, деловито потрогал мошку передними лапами, смешно привстав на задних. Мошка в страхе забилась, а паук начал торопливо вытаскивать едва заметную тонкую нить. Мошка в последнем усилии попыталась взлететь, серебряный канат за ней выгнулся, как лук, но паук набросил нить, как степняк набрасывает аркан, подтянул, умело спеленал.

Олег даже жевать перестал, засмотрелся. В глазах его разрослось удивление.

– Откуда он берет нить? Из пасти? Это слюна, что твердеет?

– Из пуза, – ответил Мрак, взглянув издали. – У него там ткацкий станок.

Он снова обратил взор к небу. Таргитай подполз на коленях, осторожно взял мошку кончиками пальцев. Паутина натянулась, паук в испуге отпрянул. Таргитай отделил кокон с мошкой от паутины, начал осторожненько выпутывать крохотное тельце и радужные крылья, стараясь не задушить в толстых пальцах.

Олег сказал недовольно:

– Зачем?.. Еще чуть-чуть, и я бы понял, как он это делает!

– Но она бы погибла...

– Ну и что? Мошка!

– Зато такая красивая.

– Ох, Тарх... Как тебя еще вдобавок не забили кольями!

– Тебя изгнали тоже, – напомнил Таргитай.

Он бережно снял последнюю нить, мошка неуверенно расправила крылышки. Таргитай пошевелил пальцем, но мошка взлететь не рискнула, полезла на самый кончик, потопталась, перебирая крохотными лапками. На солнце просвечивала, Таргитай разглядел, как внутри билось маленькое сердечко. Крылышки завибрировали, мошка вдруг исчезла, словно растворилась в синем небе.

Олег сердито повернулся к Таргитаю спиной. Голодный паук суетливо бегал по нитям, латал дыру в сети. Мрак повернул голову, смотрел, скалил зубы. Изгнали обоих, но какие разные!

Таргитай обернулся к оборотню, сказал жалобно:

– Мрак, скажи ему! Мы же за справедливость? А паук ее душил. Толстый, поганющий...

– Ты сам толстый, – ответил Олег зло. – Мрак, что делать с этим дураком? Я, может быть, новое заклятие бы придумал! Оставалось чуть-чуть понять...

– Понять! – сказал Таргитай саркастически. – Главное, сердцем чувствовать!

Мрак даже не повернул голову. Он наблюдал за невидимым жаворонком, губы шелохнулись в хмурой усмешке.

– Паук, мошка... Нашли о ком сердоболиться. Со мной двое существ куда беспомощнее. Им бы уцелеть!

Пока переживали полуденный зной, Таргитай часто и жадно пил, но вода снова уходила обильным потом. Костлявый Олег прикладывался к баклажке реже, а Мрак напился лишь однажды, запив последний ломоть печени.

Когда лучи солнца стали не отвесными, а косыми, Мрак выглянул из-под зелени веток, потянул носом:

– Видите густой кустарник? Там малый ключ. Тарх, собери пустые баклажки, наполни.

Таргитай нехотя поднялся:

– А почему мы сразу не пошли туда, если там родник? Полежали бы на травке.

– Туда каждый прет сразу, – ответил Мрак насмешливо. – Издали видно, что там вода, только вам невдомек... А вам драки ни к чему, верно?

Олег торопливо закивал:

– Верно-верно, Мрак! Тарх, чего стоишь, иди за водой. Сполосни сперва. И не зачерпни с водой лягушку. Если проглотить такую, она выведет в животе головастиков, а по ночам, когда человек спит и открывает рот, они будут выходить и охотиться на комаров...

Мрак, помахивая веточкой, сказал с интересом:

– Здорово, надо будет завести. Пусть ночью по мне прыгают эти зеленые, ловят проклятых кровососов!

Таргитай унесся, собрав все баклажки. Волчью шкуру он оставил в кустах, пусть сохнет от пота, солнце нещадно палило обнаженные плечи и спину. Еще у полян обгоревшая кожа два раза облезала широкими клочьями, как у змеи, сейчас – тьфу-тьфу! – закрепилась, только потемнела, огрубела.

Он ломился через кусты, чувствуя их свежесть. Листья зеленее, а молодые побеги – длиннее. Конечно, Мрак прав, выбрав для отдыха чахлые невзрачные кусты, но он, Таргитай, не утерпел бы, разлегся бы на этой шелковистой травке.

Над песком поднимался водяной бурунчик, а в шаге от него песок был уже сухой. Положив на траву баклажки, Таргитай встал на четвереньки, чувствуя, как ладони погружаются в песок, припал ртом к подземному ключику. Ледяная вода обожгла рот, от холода заломило зубы. Он торопливо сглотнул, на зубах закрипел песок.

Вдруг в тихом воздухе послышался стон. Таргитай подпрыгнул, в страхе завертел головой, не соображая, в какую сторону бежать. Стояла мертвая тишина, затем слабый стон повторился. Таргитай дернулся было в сторону, но стон – не угроза, а кустарник невелик, степняков с конями не спрячет. Дальше – голая Степь, ящерица не охотится, трава на версты полегла под ветром и ночным градом!

Он нерешительно шагнул вперед, вытянул шею. Было жутко, лучше бы убежать и вернуться с могучим и бесстрашным Мраком, но кусты уже двигались навстречу, и он внезапно вышел на вытоптанное людьми и конскими копытами место. Посреди поляны лежал распятый голый человек. Он весь был залит кровью, в сторонке пламенели красные клочья одежды. Руки и ноги были разведены широко в стороны, туго прикручены ремнями к кольям, вбитым в землю. Живот был вспорот, набит булыжниками, грязью, кишки тянулись на несколько шагов в обе стороны. Их облепили навозные мухи, а хищные жуки уже грызли мясо, рылись во внут-

ренностях. Веки были срезаны, как у Степана, глаза неподвижно смотрели в безоблачное небо, где от жаркого солнца плавилась небесная твердь.

Таргитай оцепенело смотрел на изуродованное тело. Распятый человек шелохнул головой, произнес внятно:

– Воды...

Таргитай подпрыгнул, не веря своим ушам. Это... этот человек еще жив? Но как может человек вытерпеть такие муки и остаться жив?

– Сейчас! – вскрикнул он. – Сейчас!

Он проломился через заросли, оставляя просеку, торопливо наполнил флягу, прибежал, не понимая, почему вдруг не стал видеть дорогу, словно глаза застлала пелена ливня.

Он упал на колени перед распятым. Губы того были срезаны, на солнце блестели крупные желтые зубы. Таргитай начал лить воду в полураскрытый рот. Человек закашлялся.

– Я сейчас освобожу тебя, – крикнул Таргитай дрожащим голосом. – Сейчас!

– Дурак... – прошептал человек. – Меня уже освобождают боги... Я не вижу, солнце сожгло глаза, но по голосу ты – не степняк, не полянин.

– Я невр, из Леса!

– Невр? – повторил человек шепотом. – Пророчество сбывается? Невры выходят из Леса, старому миру конец...

– Кто ты? – спросил Таргитай, всхлипывая. Он не мог смотреть в обезображенное лицо. – Откуда ты знаешь нас? Ты полянин?

– Все мы – поляне, анты, хорваты, бодричи... – потомки изгоев из вашего племени... Мы не такие могучие, как вы, невра, но скажи, если встретишь славов, что Микл, сын Тавра, внук Володимира, победил степняков...

– Как? – спросил Таргитай сквозь рыдания.

– Не застонал, не вскрикнул... Я смеялся, когда вспарывали живот... Я плевал в их поганые хари... Я пел, когда выламывали пальцы... Наши боги сильнее!

Голос внезапно прервался. Таргитай заревел, уже не сдерживаясь. Пальцы тряслись, он никак не мог развязать узлы. Сзади раздался громкий голос. От испуга Таргитай упал через Микла, руки заскользили в сгустках крови.

– Он мертв?

Олег держал острием вперед секиру, Мрак прошел вперед, с шумом раздирая колючие ветки. Лицо его было темным, в глазах метались красные искры.

– Он успел сказать, что он – Микл, сын Тавра из племени славов... Он погиб храбро, но почему-то считает, что мы еще храбрее...

Мрак покачал головой:

– Надо же о ком-то рассказывать сказки. А какие вы с Олегом храбрецы, сами знаете... Воды набрал?

– Нет, – убито ответил Таргитай. – Услышал стон, ну и...

– Заполни фляги, – распорядился Мрак. – А мы с Олегом зароем несчастного. Может быть, он и был храбр, но не был умен. Иначе бы заночевал в том кустарнике, где прятались мы.

Таргитай опрометью бросился к воде. Когда вернулся, Мрак с Олегом наваливали на земляной холмик камни, чтобы зверье не растаскивало человеческие кости. Чернели четыре ямки, видать, Мрак не распутывал узлы, а попросту выдернул колья.

Не сговариваясь, они зашагали быстрым шагом. К солнцу держались спинами. Долго шли молча, взбивая пыль, каждый думал о своем, наконец Таргитай проговорил горько:

– Везде кровь, жестокость, несправедливость... Не только в Лесу, а и в Степи... Выходит, нет на свете справедливости?

– Нет, – отрубил Мрак жестко. Олег промолчал.

– Так что же делать? – спросил Таргитай отчаянным голосом. Его губы дрожали. – Да, я родился в этом зверином мире, но я не хочу и не могу быть зверем!

Мрак промолчал, неожиданно ответил Олег:

– Раз уж мы вышли в мир, где нет справедливости, то... эта работа ложится на наши плечи. Может быть, для того и вывели нас из Леса!

– Для чего? – не понял Таргитай.

– Сделать мир справедливее, – ответил Олег книжным голосом. – Хоть на волосок!

Мрак насмешливо хмыкнул и ускорил шаг.

Они шли через знойную Степь, когда вдруг Мрак молниеносно качнулся вбок, а его ладонь швырнула Олега на землю. Почти одновременно что-то острое ударило Олега сзади. Он упал, непонимающе лапнул ушибленное место, вдруг ощутил режущую боль.

Таргитай припал к земле, а Мрак исчез, лишь трава разгибалась, указывая на след. Олег нащупал древко стрелы, что, пробив толстую волчью шкуру, торчало из его спины. Если бы не Мрак, стрела бы вонзилась в незащищенную шею или затылок.

Таргитай осторожно приподнял голову, спросил испуганным шепотом:

– Ты цел?

– Убит, – простонал Олег. – Как рыба на остроге...

– Потерпи, Мрак вернется. Хочешь, я сам выдерну?

– Нет! – вскрикнул Олег в ужасе. – Лучше я умру с торчащей стрелой в сердце, чем терпеть новые муки!

Таргитай присмотрелся:

– Сердце с другой стороны. И намного выше.

– Но кровь... Я истекаю кровью!

Таргитай подполз, поглядел ближе:

– Это не совсем кровь... Почему-то желтая, а не красная... И воняет гадостно... Подождем Мрака?

Олег тихо стонал, чувствуя, как с теплой стружкой, что медленно течет вниз по ногам, уходит жизнь, а сердце стучит все тише. Друзья не виноваты в своем бессердечии, весь мир груб и жесток, бесчеловечен!

Впереди послышался далекий шум. Голос Мрака гремел, как рык разъяренного бера, в ответ слышался верещащий заячий голосок. Наконец Мрак гаркнул:

– Таргитай, Олег! Подите сюда.

Таргитай бросился на голос. Мрак стоял над неприметным холмиком земли, такие встречались тысячами, рука оборотня была на секире. Мрак не отводил глаз от холмика:

– Вылезай! Иначе засыплем землей заживо.

Из-под земли донесся невнятный крик, Таргитай различил угрозы. Мрак свирепо оскаллил зубы, рывкнул:

– Бабушке своей скажи! Ты там один. И трясешься как заяц. Нам все известно, понял?.. Ребята, засыпай эту нору землей!

Из-под земли донесся тонкий визгливый голос:

– Да вылезая, вылезая! И пошутить уж нельзя... Шутки не понимаете? Из Леса, что ли?..

Верхушка холмика сдвинулась, в темном лазе мелькнула бледная тощая рука. Мрак отступил на шаг, знаком велел Таргитаю зайти с другой стороны. Таргитай вытащил нож. Из земляной норы медленно вырос до пояса огненно-рыжий мелкокостный мужичонка. Мрак ухватил его за пояс, выдернул, как зайца, швырнул на землю:

– Тарх, свяжи этого крота!.. Где Олег?

– Говорит, что совсем помирает.

Мрак придавил мужичонку лицом в землю, и Таргитай неумело, но крепко и жестко, дрягва научила, стянул кисти рук пленника за спиной.

– От чего помирает?

– Стрела торчит из задницы.

– Все-таки поцелил, – буркнул Мрак. Он перевернул мужика вверх лицом, ударил по лицу. – У, тварь! Нашего волхва чуть не порешил!.. Знаешь, что он с тобой сотворит? Если ногу занозит, то вся деревня сбегалась на крик, а когда как-то палец прищемил, то беры зимой выскакивали из нор от его воя...

Мужик ерзал на спине, умащивая скрученные руки. Из-под рыжих, почти красных бровей люто зыркали маленькие глазки, синие, как васильки. Зашелестела трава, показался медленно бредущий Олег. Он был смертельно бледным, лицо перекошено нечеловеческими муками. Мрак потянул носом, скривился, быстро спросил:

– Эй, стрелок! Где вода поблизости?

– Нету, – буркнул мужичонка. – Подохнете все, аки псы поганые...

Мрак приставил ему к горлу нож, жутко ухмыльнулся, глядя в глаза:

– Так бы селился далеко от воды! Говори... ну?

– Вон в той балке, – ответил мужичонка неохотно. – Малый ключ, таких быков не напоит.

– Тебе все одно больше не пить, чего за нас тревожиться? Тарх, возьми мудрого волхва к ручью, промой ему рану... Нет, пусть сам промоет.

Таргитай подхватил Олега под руку, тот навалился всем весом, Таргитай забежал с подветренной стороны, так спустились в балку. Ручей прятался среди густой сочной травы. Олег выл, стонал, умирал, а когда начал промывать рану, стрела выпала, кровь закапала гуще. Таргитай залепил рану подорожником, Мрак называл такие раны царапинами, оставлял заживать сами по себе, но Олег взвыл от невыносимой боли, зашипел, как сало на раскаленной сковороде.

Когда вернулись, Мрака не было, а возле открытого лаза лежала сорванная плетеная крышка. В ней еще торчали комья земли с чахлой травой. Вокруг лаза блестели на солнце кривые узкие мечи, акинаки, шесть колчанов со стрелами, шесть луков, две секиры, железный шлем, доспехи из буйволиной кожи. Мужик лежал вверх лицом, туго связанный.

Мрак вылез из потайной землянки, ухмыльнулся:

– Целый склад!.. Этот хорь стрелял в спины, потом грабил.

Таргитай с удивлением оглядывал разложенное оружие:

– Я бы прошел поверх, не заметил. Твое чутье опять нас спасло!

– При чем тут чутье? Думать надо.

Страдающий Олег доковылял до пленника, заглянул ему в глаза. Тот пытался выдержать горящий взгляд, но побледнел, его потрянуло, словно бросили в прорубь.

Мрак спросил свирепо:

– Ты кто? Степняк, полянин?

Мужичонка затряс головой:

– Не степняк, не полянин... Я ни за кого. Я просто живу на белом свете.

– И никого не трогаю, – добавил Олег замогильным голосом. – Так не бывает. Человек либо за Правду, либо за Кривду. Середки нет.

– А вот я в самом деле что ни есть середка! Один Род за всех, а человек всяк за себя. Мне бы выжить, а под кем – все одно.

Мрак высился над распростертым пленником, как огромное дерево. Таргитай перекладывал захваченное оружие, примерял. Олег бережно трогал рану, поверх которой намотал все тряпки, став похожим на жену Боромира, у которой был самый огромный зад в деревне.

– Перестань трястись, тварь дрожащая, – сказал Олег грозным обрекающим голосом. – Нам нужно знать все об этом крае, а ты его знаешь. Как тебя зовут?

– Тихон...

– Ничего себе тихоня! Ты нам все расскажешь, Тихон. Все-все.

– Я не могу рассказать то, чего не знаю, – ответил мужичонка.

Олег повернулся к Мраку. Оборотень кивнул, и Олег расправил плечи, принимая на себя ответственность:

– Ну, Тихон? Рассказывай. До Экзампея, стольного города степняков, далеко?

Мужик опустил веки, укрывая глаза от пронизывающего взора волхва, ответил мертвым голосом:

– Ничего не скажу. Мои боги мною довольны.

Олег проговорил медленно, внятно, угрожающе растягивая слова:

– Ты расскажешь. Все-все!.. Эй, Тарх! Ты знаешь, что делать. Приступай!

Таргитая выбрал из кучи оружия секиру поострее, взвесил ее на руке, мягко улыбнулся, перехватив испуганный взгляд пленника, пошел в балку. Олег проводил долгим задумчивым взглядом его широкую спину, сказал медленно:

– Ты меня тяжело ранил, но даже мне тебя жаль. Парень похож на красную девицу, но это настоящий упырь. Даже у нас, его соратников, стынет кровь, когда он... забавляется с пленными.

Мужичонка вывернул шею, пытаясь увидеть Таргитая. Тот уже скрылся из виду, от балки доносились глухие удары секиры по дереву. Мрак нырнул в землянку, а Олег сидел возле связанного, качал головой. Мужичонка тревожно дернулся, прошептал:

– С виду он не зверь...

– Внешность обманчива, – ответил Олег почти ласково. – Вот я истекаю кровью от твоей стрелы, но не трогаю и пальцем. Заметил? Потому что сейчас он вернется, и я буду отомщен. А потом я отойду, лягу вниз лицом и заткну уши, чтобы не слышать твоих криков.

– Я не из тех, кто кричит, – отрезал мужичонка.

– Ты будешь кричать все время, – сообщил Олег будничным тоном. – Ведь язык он выдирает уже в самом конце... Ты проклянешь минуту, когда не дал засыпать себя живьем. Степняки перед ним – невинные дети! Под таким ясным чистым небом, в зеленой раздольной Степи – разве придумаешь жуткое? А вот в нашем мрачном Лесу с его болотами, упырями...

Мужичонка задержался, но веревки врезались ту же, удержали. Он затравленно смотрел в нависающее над ним бледное, как у мертвеца, лицо невра. Олег растянул губы, показывая зубы. Не такие волчьи, как у Мрака, но хищные, острые.

– Ты скажешь, человеке. Все-все.

– Что он собирается делать? – прошептал пленник. Он ерзал, пытался развернуться, увидеть овражек.

Олег подумал, пожал плечами:

– Кто знает... Всегда придумывает новое. В прошлый раз подвесил одного на дереве... за какое место подвесил, сам понимаешь. Выламывал зубы. Когда зубов не осталось, разжег костер и медленно выжигал глаза. Жаловался, что глаз меньше, чем зубов... Потом разбивал кости на пальцах, а отрубывал потом...

– Неужели... неужто все это делал?

– Такова жизнь, Тихон. Надо! Плохо только, что ему это нравится. Одно дело – по необходимости, другое – для забавы. Верно?

– Верно, верно, – согласился мужичонка поспешно. – Еще как верно. А нельзя его остановить?

– Если ты расскажешь все...

– Я ничего не знаю!

– Гм... это говорили и два степняка, которых мы захватили три дня тому. Гордые, отважные! Настоящие владыки Степи. Но еще раньше, чем он разошелся, они разговаривали так быстро, что мы не успевали слушать. Но он все-таки довел дело до конца.

– Зачем? Если они...

– Запел песню, пой до конца. Верно? Начатое дело наполовину испорчено. А кончил дело – гуляй смело.

Послышались шаги, показался Таргитай. В петле за поясом блестела секира, обеими руками прижимал к груди охапку жердей. Оглядевшись, он выбрал ровное место, с грохотом высыпал жерди, отряхнул ладони:

– Олег, у меня готово.

Мужичонка вдруг заверещал тонким заячьим голосом:

– Я расскажу все-все! Только не надо... Я же не знал, что Лес настолько страшнее Степи!

Таргитай переводил непонимающий взгляд с пленника на Олега и обратно. Олег проговорил, явно колеблясь:

– Вообще-то ты опоздал... Сразу бы... Теперь и секиры в руках, и колья наготовили... Ладно, отвечай, но только очень быстро. Тарх, я немножко задержусь, ладно? А ты, злодей, ответствуй, как далеко Экзампей?

– Клянусь всеми богами, не ведаю! Но где-то есть большой ихний город.

– Постой, – прервал Олег, – ведь степняки городов не строят?

– Не знаю, что они строят, но туда гонят скот... нет-нет, не на пастбище, гнали бы с телятами, а то отборных, откормленных! Везут битую птицу, на подводах – живую рыбу...

– Живую рыбу? – переспросил Олег с недоверием.

– Клянусь! Сам бы не поверил. Видать, знатные люди гуляют. И орава немалая, раз каждый день стадо коров на прокорм требуется. А на телегах везут сухие бревна. По сто телег насчитывал за день!

Он внезапно затрясся, в глазах заметался ужас. Таргитай в трех шагах прислушивался к допросу, затесывал колья и вколачивал в землю, повернув рогатинами вверх, готовился повесить на перекладине котел. На лице Таргитая расплывалась мечтательная улыбка, душа чуяла близкий ужин и долгий сон.

– Я говорю, говорю, – заторопился мужичонка. – У меня нет ни семьи, ни скота, ни поля, я только гляжу на обозы и... охочусь иной раз. Я видел агаторсов, агафирсов, гелонов, аорсов, колупаевцев, тюринцев, рашкинцев, тишковцев...

– погоди, – прервал Олег грозно. – А степняки тогда кто?

– Они же! Киммеры, киммерийцы. Только это не народ, а союз этих драчливых племен. Самое сильное племя – агафирсы, ими правит Фагимасад. Из этого племени и нынешний каган, отец Фагимасада... Ты спрашивай, спрашивай! Я все отвечу.

Таргитай вколотил рогатины, вложил в рогульки поперечную жердь, остальное начал рубить на дрова. Он уже собирался напомнить Олегу про обязанности волхва возжигать огонь, но подоспел Мрак, все понял, вытащил из сумки Олега огниво.

– Видел ли ты ихних волхвов?

– Клянусь Перуном, нет!

– Прошлогодним снегом клянись. Что еще за Перун?

– Новый бог антов, славов... Сильный бог, отважный. Он появился, чтобы мы дали отпор степнякам.

– Видно, что новый, – буркнул Олег. – Не знает еще, с какого конца за секиру браться. И вояки ему под стать... Чем разнятся воины Фагимасада от остальных?

– Фагимасад одел своих в добрый доспех. Круглые щиты на левом локте, у каждого меч, а стрелы только с бронзовыми наконечниками. Передний конник везет на копье голову совы.

На площадке взвились красные языки огня, затрещал костер. От него пошло тепло, но мужичонка, напротив, побледнел, начал зябко ежиться, губы стали сизыми, как от мороза.

– Что ешь в этой глуши? – спросил Олег внезапно.

– Полюю на дичь... Здесь ее много.

– Дрофы? – поинтересовался Олег. – Перепелки, зайцы?

Из землянки выкарабкался Мрак, держа три большие чаши странного вида. Он весело скалил зубы:

– Олег, если он сказал все, развяжи руки. Ноги оставь. Жаль уничтожать такого искусника. Чаши – чудо, а там их еще с дюжину.

Олег с неохотой развязал мужику руки, опасливо отодвинулся. Мужик с облегчением перевел дух, потер покрасневшие кисти, сказал с некоторой гордостью:

– Был ковалем, умел сковать и подкову, и серебряную висюльку девке в ушко... Когда-то детворе свистульки лепил.

Таргитай хлопотал вокруг костра, подкладывал хворост, мешал прутиком кашу в котелке. Олег поднялся, пригрозил:

– Попробуешь развязать узел – умрешь лютой смертью. Сколько душ ты успел загубить, злодей?

Мрак покосился на оружие, сказал задумчиво:

– Если считать по мечам, то восьмерых...

– Понимаешь, – одобрил мужичонка, – хоть и здоровый, как сарай у бабки. Конечно, мечи только у лучших. Остальные с пиками да арканами. Даже лук не у каждого.

Мрак любовно поставил перед костром чаши. Пламя костра заиграло на желтоватой кости, серебряной оправе, и Таргитай не сразу узнал человеческие черепа, умело оправленные в серебро. Он с негодованием повернулся к пленнику. Тот съежился, сказал быстро-быстро:

– Это киммеры! Видите, черепа в полтора раза меньше ваших? А глазки совсем узенькие... Из ваших черепов я бы сделал настоящие бадьи. Коней бы поил!.. Не знаю, какого вы племени, но таких черепов у меня нет, общитесь!

Мрак небрежно отмахнулся:

– Обыскал. Ты и жрал их?

– Дичь ведь, – ответил мужичонка нерешительно. Его глаза бегали по лицам огромных невра. – Чем они лучше другого зверья?

– Ничем, – успокоил Мрак. Он покосился на друзей. – Ты охотился на одиночек?

– Споначалу. Потом увидел, что могу справиться с двумя-тремя. Вы шли пешими, должен был побить, как свиней.

Он запнулся. Мрак сказал доброжелательно:

– Мне нужна горькая правда, а не сладкая брехня.

– Как свиней, – повторил пленник. – Но чем-то выдал себя, хотя не пойму до сих пор чем... Я не промахивался до сего дня. Я даже к обозам приглядывался, всякие задумки лелеял... С обозами в ихний город едут и киммеры, и такое отродье, что плюнул бы в глаза тому, кто сказал бы про такое... Одни белые как снег, с вас ростом, другие как головешки, черные. Были совсем желтые, а глаза косые, как у зайцев. Одеты иной раз так, что не поймешь – мужик или баба...

Ночью мужик пытался перегрызть зубами ремень, стягивающий ноги. Мрак учуял, терпеливо дождался, когда пленник со вздохом облегчения догрыз последний узел, лишь тогда с удовольствием дал по зубам, связал ту же, накинуд петлю на горло.

Утром, когда по низине плыл туман, Мрак растолкал изгоев:

– Был один лодырь, стало два?.. Лучше всего бежать по Степи сейчас, пока от жары еще не закипела вода в заднице.

Мужик лежал скрюченный, посиневший. Вербки глубоко врезались в распухшее тело, он дышал тяжело, с хрипами. Олег, зябко ежась, побежал умываться. Таргитай выполз из кустов, щурясь, зевая во всю пасть, потягиваясь с таким рвением, будто собирался схватить и сдернуть за портки богов с небес.

– Выбери себе оружие, – велел Мрак. – Этот степной упырь собрал столько, что целое войско можно снарядить. Лук возьми! Стрелять обучу либо вообще руки переломаяю.

Олег принес в котле родниковой воды. Мрак засмеялся наивной хитрости, пинком опрокинул. Вода плеснула на пленника. Олег, ничуть не смутившись, мол, не прошло, так не очень и хотелось, начал увязывать мешок: Мрак не дает утром рассиживаться, гонит по росе, когда солнце еще не палит плечи и голову.

– Надо бы срезать башку, – сказал Мрак, остановившись над пленником. – Ты же ранил нашего мудрого волхва как раз в то место, которым он ду... на котором сидит, когда мыслит. Но мы, люди Леса, народ простой и неиспорченный. Живи, делай чаши... А мы малость разгрузим твои запасы, а то тебе придется рыть новую землянку под склад. Но если дом всю жизнь строить, то когда в нем жить?

Олег выбрал лук, подобрал по руке секиру. Мрак осмотрел, похвалил, затем швырнул отобранное в зияющий ход, сказал с удовлетворением:

– Недаром Боромир говорил: послушай Олега и поступи наоборот. То было худшее. Злодей для таких, как ты, олухов держит!

Уходя, Мрак одним движением рассек ремень, стягивающий руки Тихона. Таргитай и Олег поспешно уходили вперед, боясь оглянуться назад с того момента, как увидели, как Мрак с секирой подходит к связанному пленнику.

– Ноги сам развяжешь, – бросил Мрак. – Луки и колчаны я бросил в твою нору, а то еще стрельнешь сдуру. Счастливой охоты, рыжий!

Глава 10

Мрак повел на юг, спеша уйти от караванной дороги. В полдень их настигла грозовая туча, исполосовала ливнем. Сыпануло градом, крупным, размером с орех, но Таргитай не успел завопить, как ливень утих. По холодному небу еще долго двигались тяжелые тучи. Солнца не было весь день.

Ночевали на голой земле. Мрак не позволял разводить огонь, нужно было уйти из земель, захваченных киммерами. Ободрял изгоев:

– Уже скоро. Не могли же прибрать к рукам весь мир? А пока держите хвосты кверху!

Таргитай почти не доставал сопилку, а Олег от усталости не мог раскрыть книгу – Мрак заставлял их стрелять из лука, метать секиры, учил драться.

На третий день после встречи с Тихоном-злодеем они брели уже по солнцепеку. Сухой ковыль громко шелестел, поднимаясь выше пояса. Порхали яркие бабочки, под ногами шмыгали ящерицы.

Невры шли, каждый погруженный в свои думы, когда вдруг впереди шагах в пяти из травы внезапно поднялся человек. Он был обнажен до пояса, грудь блестела от пота. Бритоголовый, в шароварах, на поясе болтался короткий кривой меч. Он бросил быстрый взгляд на остоленевших изгоев, сунул два пальца в рот, и над степью понесся страшный оглушительный свист.

– Чур тебя заberi! – рявкнул Мрак.

Справа и слева из травы быстро выскочили двое, один совсем голый, а снизу, где слышался плеск воды, выбежал коренастый степняк. Он на ходу тянул из ножен узкую полоску металла.

– Не надо! – закричал Таргитай ошалело. – Не надо убивать друг друга!

Прямо на него кинулся бритоголовый, страшно осерив зубы. Таргитай в испуге закрылся руками, бритоголовый с торжествующим воплем взмахнул оружием, споткнулся, упал. Таргитай невольно подхватил его, меч выскользнул из руки степняка, и Таргитай свободной рукой перехватил за рифленый эфес. Бритоголовый сполз ему под ноги, его желтые ногти скребли древко стрелы, торчащей из горла.

Меч второго степняка уже падал с леденящим свистом. Таргитай инстинктивно закрылся тем, что было в руках. Металл звякнул, заскрежетал. Когда степняк нажал, Таргитай изо всех сил рванул оружие вверх, и степняка отшвырнуло. Он упал навзничь. Таргитай смотрел ошеломленно, степняк вскочил, как разъяренная кошка, дико завизжал. Таргитай невольно отступил, а степняк ринулся, люто размахивая блестящей полоской металла. Таргитай отступил еще, выставил оружие острием. Степняк рубил изо всех сил, стремясь убрать с дороги, – руки противника длиннее, но Таргитай меч удерживал перед собой, чувствуя, что только так может спастись...

Степняк внезапно взвизгнул, поднырнул под оружие врага, прыгнул вперед с вытянутым вперед острием. Таргитай быстро шагнул вправо, и острый металл в его руке будто сам по себе рухнул вниз.

– За полян!

Рядом катались, едва не сбив его с ног, Олег и степняк. Кулаки, перекошенные лица, локти мелькали так быстро, что Таргитай побежал за ними, держа меч наготове, но не решаясь ударить.

– Тарх! – услышал он вопль. – Дурак!

Не оглядываясь, он быстро присел. Над головой страшно свистнуло. Таргитай ткнул понизу, острие вошло в мягкое. Он повернулся, на него валился степняк – неподвижный, как срубленное дерево. Глаза были выпучены, из правого уха торчало белое перо, а из левого высовывалось окровавленное острие, похожее на длинный красный клюв. Из живота вываливались кишки, распоротые мечом Таргитая.

Мрак подбежал, быстро окинул взглядом Олега и степняка. Оба катались из стороны в сторону, били друг друга окровавленными кулаками, кусались, хватались за волосы.

– Ладно, пусть... – сказал Мрак отстраненно. – Там кони у ручья... Надо посмотреть, что в их мешках.

Таргитай со страхом смотрел на клубок. Мрак отвернулся, приложил ладонь козырьком ко лбу, осматривая окрестности. Таргитай умоляюще крикнул:

– Мрак!.. Надо помочь!

Он поднял липкое от крови оружие, бегал вокруг, не решаясь ударить. Несколько раз уже почти решался ткнуть, но бойцы катались, дергались, извивались, и Таргитай отпрыгивал, с отчаянием оглядываясь на Мрака. Наконец Мрак опустил ладонь, бросил сухо, не оборачиваясь:

– Олег, довольно.

Клубок продолжал кататься, надсадное дыхание стало громче. Мрак наклонился, хлопнул волхва по спине:

– Довольно, миротворец. Ты давно убил его, разве не понял?

Клубок застыл, нерешительно распался. Олег поднялся бледный, с оскаленными зубами, кровью на подбородке и на пальцах. На земле остался, разбросав руки, человек с синим от удушья лицом. Левую половину закрывал кровоподтек, глаз вытек, распухший язык вывалился из разбитых в кровавое тесто губ.

Мрак с уважением покачал головой:

– Ну и зверь ты, Олег... А еще волхв!

Олег отступил на шаг, еще и еще, не отрывая взгляда от изуродованного трупa. Спина уперлась в зеленый куст, и Олег как лось вломился в зеленые заросли. Затрещало, тяжело бухнуло о землю, затем донесся стон, словно волхва перехватили упыри и выворачивали наизнанку.

Мрак сказал смущенно:

– Моя вина. Задумался, перестал бдить. Сам видишь, как вредно думать. Думанье отражается на бдении... Лучше всех бдит тот, кто вовсе не думает.

– Мрак, – спросил Таргитай невпопад. – Теперь я – убийца?

– Кто убивает, не всегда убийца.

– А кто?

– Посмотри за волхвом, а я поищу коней.

Он скользнул через густой кустарник как ящерица – не потревожив и веточки. Поверх листьев было видно его голову. Мрак не скрывался, степняков четверо, а кони – не лоси, не нападут.

Таргитай обошел куст, на зеленой траве лежал лицом вниз Олег. Перед ним была желтая лужа, от которой несло резким кислым запахом. Таргитай ухватился обеими руками за живот.

Ключ крохотный, дать жизнь деревьям сил не хватило, но кусты по обе стороны зеленели буйно, сцеплялись ветками, теснились к воде. Струйка выбегала из расколотого камня, бежала по песку, вскоре уходила в тот же песок.

Возле самой воды щипали сочную траву трое коней, а четвертый неторопливо ловил вытянутой губой бурунчик. Зацепив песчинки, капризно фыркал, прядал ушами и снова пил медленно, неспешно.

В сторонке лежали четыре выючных мешка. Мрак вспорол один, вытряхнул на землю, вспорол безжалостно второй, схватил третий...

– Кликни Олега, – велел он, не поворачиваясь. – Здесь барахло: книги, амулеты, травы...

Таргитай побежал за волхвом. Из кустов, цепляясь за ветки, но проламываясь, валил мощный запах блевотины с примесью желчи. Олег уже шел навстречу, бледный, с запавшими глазами.

– Один еще жив, – сказал он тихо.

– Позови Мрака! Он для тебя нашел книги...

Степняк барахтался в кровавой луже. Рядом скребла землю отрубленная рука. Кровь быстро впитывалась в сухую землю, смешивалась с пылью, превращаясь в коричневые шарики. Из страшной глубокой раны в спине торчали начисто срубленные ребра, вместе с толчками крови лезли пенистые легкие. Мрак пинком перевернул его лицом вверх. Степняк хрипел, лицо дергалось. Узнав врагов, он прохрипел, выплевывая слова вместе с кровью и пеной:

– Недочеловеки... Земляные черви... Все равно умрете...

Мрак оскалил зубы, в глазах вспыхнул красный огонь:

– Все умрем. Но ты умрешь сейчас.

Губы степняка задергались. В глазах, уже покрытых пеленой смерти, были злоба, ненависть и лютое торжество.

– Вы ранили... но рана мужчине – не позор... Вы сорвали скуфью с Фагимасада... отомстит за бесчестье...

Он умолк, тело дергалось, лишь ноги лежали как бревна. Мрак наступил сапогом на лицо степняка. Тот открыл глаза, прошептал:

– Не уйти, черви... На ваш след... отряды легких конников... Сотни Соколов и десятки Змей...

Мрак наклонился, в его руке блеснул нож. Лезвие вспорол живот степняка. Мрак с силой сунул руку почти по локоть в рану, повернул и с торжеством выдернул залитую кровью, трепыхающуюся печень, еще полную жизни.

Степняк смотрел вытаращенными глазами, вскрикнул по-заячьи тонко:

– Нет, нет!

– Да, – засмеялся Мрак. Он вонзил зубы в печень, что дергалась, брызгая соком и кровью, пожирал ее быстро и жадно. – Добро... Силен, живуч... Добро...

Степняк выгнулся, желтые зубы оскалились в беззвучном крике, и так застыл, вытаращив блестящие, как слюда, глаза в синее спокойное небо, где безмятежно и счастливо пел жаворонок.

Опомнившись, Мрак половину предложил изгоям. Таргитай покачал головой, побежал к лошадям. Олег без всякой охоты откусил малость, обычаи пращуров надо чтить, на то он и волхв, а Мрак с охотой доел остальное. Была бы честь предложена, так завещали пращуры!

Таргитай и Олег рылись в последнем тюке. На траву летели точильные камни, бронзовые наконечники, мотки тетивы, узелки, связки шкур и пучки корешков.

– Один из них был степным волхвом! – воскликнул Олег возбужденно.

Мрак бросил резко:

– Отберите ценное... или нужное. Надо уходить! Мы стали дичью. А охотятся на нас всей стаей.

Таргитай поднял на Мрака беззащитные глаза:

– Ради нас троих сдвинулось с места столько народу?

Мрак смолчал, пихнул Олега ногой в бок. Волхв вытащил из последнего тюка голову, непонимающе посмотрел по сторонам. Мрак спросил хмуро:

– Дудошник интересуется, могут ли киммеры устроить на нас облаву?

– Могут, – буркнул Олег безучастно. Он попытался юркнуть в тюк, но Мрак пинком отшвырнул мешок. Олег сказал раздраженно: – Дело чести!.. Мрак, там ценные вещи, а ты так грубо!..

Мрак пошел к лошадям, на ходу крикнул:

– Когда вернусь, чтоб были готовы! Мы не знаем, где остальные. И не берите ничего лишнего!

Они бежали через Степь, выбирая участки с густым ковылем, но кустарники обходили стороной. К дорогам не приближались. Там иногда вздымались клубы пыли, медленно перемещались. Острые глаза Мрака различали всадников, скоро Таргитай и Олег научились оценивать расстояние, даже угадывали – сколько в отряде.

Таргитай жалел, что снова оставили коней. В этих безрогих лосях была необычная для лесных зверей доброта, мягкость. Еще Степан говорил, что степняки лошадей любят больше, чем людей. Что ж, люди разные, а лошади все хорошие и добрые.

– Теперь нам дорога только в Лес, – сказал Мрак на бегу. – Пожились мы в Степи, как Хома на качалках: одну продал, а девять бабы на плечах побили.

– Сегодня успеем?

– На опушке Леса нас ждут. Степь ровная, как выструганный стол, а с коня нас засечь проще пареной репы.

– А что делать? – спросил Таргитай испуганно. Он смахнул ладонью пот со лба. – Здесь гибель... Я боюсь, Мрак. Может быть, Олег перестал бояться своей тени, зато теперь всего боюсь я!

Мрак всмотрелся в далекую темную полосу, что могла быть только стеной деревьев, прикинул:

– За ночь можно бы проскочить... С вами, косолапыми, за две. От силы – за три. Будем идти ночами, ясно?

Они долго бежали молча, сберегая дыхание. Мешки больно били по спине, пот выедал глаза. Привязались огромные злые слепни. Таргитай сперва шлепал остервенелю по каждому, оставляя по всему телу мокрые пятна, потом лишь отмахивался, наконец только фыркал, а когда слепни вцеплялись в лицо, устало тряс головой.

Бежали по ручью, проламывались через кустарник, неслись и по голой твердой земле. От топота своих же ног звенело в голове. Много и часто пили, вода тут же выступала через кожу мутными капельками, сбегала струйками по спине.

С разгону вломились в густой кустарник. Таргитай и Олег еле волочили ноги, но взыграли, ощутив близкую прохладу. Мрак опередил, кусты за ним сомкнулись. Когда обозленные изгои продрались сквозь стену колючек, Мрак уже стоял на четвереньках, быстро лакал из

широкой каменной чаши, выдолбленной богами или неведомыми людьми. Вода сочилась крохотной струйкой, наполняла чашу, тут же уходила в песок, едва переливалась через край.

Осмотревшись, Мрак разжег крохотный костер. Дыма от сухих веток не было, а огонь спрятали за зеленой стеной. Изгой пили долго и нудно, раздражая Мрака. Таргитай зачерпывал ладонями, проливая половину, пока нес ко рту, Олег вовсе свихнулся, искал по всем трем мешкам берестяную кружечку, забыв, что Мрак давно пустил ее на растопку. Потом оба долго соскребали грязь, пот и облупившуюся кожу, лишь запах жареного мяса оказался самой мощной магией – пришли с мутными глазами, слюни текут, ноздри раздуваются, как у коней...

Мрак нарезал мясо тонкими ломтиками, велел держать над горячими углями. Жир вытекал, падал тяжелыми каплями, угли с шипением выстреливали крохотные язычки огня. Таргитай не утерпел, начал есть полусырым. Олег скривился, он не забывал, что он – волхв, чтит законы, никогда не ест мяса с кровью.

Окрепши, подумал Мрак. Раньше бы свалились на полдороге, а сегодня добежали. Хватило сил умыться, почиститься. Помалу обрастают мясом, особенно заметно на костлявом волхве. К такому салу никогда не прирастет, но тугого мяса прибавилось. Они сами еще не понимают, им кажется, что они такие же слабые, ведь отстают все так же, но раньше он нес их мешки и шел быстрым шагом, а теперь они прут на себе кучу оружия, шкуры, а бегут как лошади!

– Ешьте в запас, – предупредил он. – Едва стемнеет – сразу в дорогу. Останавливаться не будем! Авось добежим за одну ночь?

– Хорошо бы, – вздохнул Таргитай. Он задумчиво жевал уже третий ряд на прутике и, что главное для Мрака, не лежал пластом, готовый хоть в вирий, хоть к Ящеру в подземное царство, только бы не шевелиться. – Будь она проклята, Степь!.. Я не забуду Зарину. Даже Болото с упырями лучше, чем этот жуткий край. А ты, Олег?

Олег аккуратно вытер жирные пальцы пучком листьев, швырнул их через плечо.

– Нас изгнали. Мы пошли куда глаза глядят и вышли в Степь. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Но лучше ли здесь? Несколько раз пытались убить...

– В Лесу тоже, – напомнил Мрак.

– Да, но там упыри, а тут люди...

– А дрягва?

– Ну... то почти не люди. В Лесу должны быть еще племена, кроме невра и дрягвы. Только найти их труднее. Охотой много не прокормишь, я уже говорил. Любое лесное племя, будь невра или кто еще, не могут держать в одном месте больше четырех-пяти жилищ... Такую деревню найти трудно в наших дремучих лесах! Где-то должны быть еще невра. Почему мы не подумали раньше?..

Таргитай молчал, Мрак тоже беспокойно задвигался, наконец буркнул с досадой:

– Дураки, да?.. Ты считаешь себя мудрым волхвом... Ладно, ладно, не говорил, но считаешь себя умнее, по глазам твоим брехливым вижу. А был ты умнее, когда вас выперли под зад коленом? Считал, как и все, что деревня – весь мир и все люди. Это сейчас... когда повидали дрягву, повидали полян, киммеров, увидели коней, кузню, услышали про Экзампей и всякую всячину, в книге что-то да понял...

Он нежно погладил страшное лезвие железной секиры. На жестком лице проступила мечтательная улыбка. Олег смущенно задвигался, протянул к Мраку ладонь.

– Я это и говорю! Здесь поумнели, потому что узнали больше. Но в Степи труднее. Здесь просторы, и одно лютное племя захватило огромные земли. Нам надо либо выйти за пределы их земель, либо вернуться в Лес. Если бы мы не сорвали с того разряженного скомороха какую-то скуфью... шлем, что ли?.. то могли бы попытаться пробраться через Степь дальше. Не знаю, сколько дней и ночей так бы шли, но могли бы попытаться. Сейчас же у нас один путь – бегом в Лес. Туда киммеры на своих конях не сунутся.

Мрак хмыкнул:

– Сколько же Боромир тесал кол на твоей башке, пока научил говорить так длинно, когда все ясно? В Лес, конечно.

– Обратно в Лес, – повторил Олег.

Мрак любовно поворачивал секиру, бросая отблески заходящего солнца в глаза изгоев. В одном месте заметил ржавое пятнышко, немедленно вытащил из мешка точильный камень, навел блеск, не утерпел, принялся править острое жало.

Таргитай лежал, глядя в закатное небо, тихонечко играл на сопилке. Олег перебирал обереги, чужие амулеты. Мрак громко ширкал шершавым камнем, он же первым насторожился:

– Тихо, славяне!.. Сюда идет человек... Похоже, знает этот ручей.

Руки Таргитая и Олега мгновенно метнулись к секирам. Мрак заметил, по-волчьи усмехнулся:

– Научились!.. Пока замрите. Он не похож на степняка. И не прячется.

Таргитай и Олег, укрывшись за ветками, напряженно прислушивались. Таргитай сунул сопилку за пазуху, покрепче сжал секиру. Слышно было звонкое цвирикание кузнечиков. На сапог Таргитая взобралась ящерица, повертела юркой головой, исчезла, только мелькнул длинный хвост.

Наконец послышались неторопливые легкие шаги. Таргитай припал к земле – там листьев меньше. К их зарослям брел одинокий странник. Высок, могучего сложения, с длинными седыми волосами, их прижимал широкий железный обруч. Странник был в старой ветхой одежде, за плечами висела дорожная сума.

Когда стал продираться через кусты, раздвигая ветви руками, Таргитай рассмотрел, что странник в плечах необычайно широк, руки толстые и жилистые, а ладони широкие, как лопаты. На темном лице, испещренном глубокими морщинами, ярко выделялись чистые и ясные, как лед, синие глаза. На плечи свободно падают седые волосы, ветерок на миг поднял их, и Таргитай увидел крепкую загорелую шею, морщинистую, как ствол дуба, но такую же толстую, крепкую.

Увидев Мрака, он шагу не сбавил, лишь заострился взгляд. Мрак сказал медленно, держа его на прицеле своих темных, как ягоды терна, глаз:

– Мир тебе, путник... Ты, как я вижу, не степняк... Не разделишь ли с нами скромную трапезу?

Странник сделал последний шаг, остановился перед Мраком. Он был выше Мрака и пошире в плечах, и хотя был так стар, что трудно назвать возраст, но богатырская фигура еще дышала силой и мужеством. На поясе у него висел охотничий нож, но размером он был с меч киммера – акинак.

– Спасибо, – ответил странник густым сильным голосом. – Мир тебе, герой, и твоим друзьям, что прячутся в кустах. Надеюсь, это воинская хитрость, а не трусость?

Мрак в затруднении оглянулся на кусты. Друзья спрятались надежно, сам бы не заметил. Или странник чует по запаху? Но оба только что смыли запахи, пот...

– Надежно спрятались, – подтвердил странник, словно прочел мысли Мрака, – но у меня богатый воинский опыт... Я устал, у вашего огня передохну с радостью.

Таргитай и Олег вылезли из засады, поклонились страннику. Тот чуть склонил голову, пронизывающие синие глаза с удовольствием задержались на их фигурах, широких плечах.

Олег тут же бросился раздувать угли, Таргитай принес сухие ветви, а Мрак быстро нарезал мясо, насадил ровными ломтиками на прутья, с которых содрал кору.

– У нас небогато, – сказал Мрак, – но чем богаты, тем и рады. Мы не знаем твоих обычаев, странник, так что угощайся по своим. Ешь, не обращай внимания на нас.

Странник косился на прутья, что держал Мрак над горящими углями. В его глазах заблестели веселые искры:

– Ну, положим, обычаи воинов разных народов удивительно схожи... Это был хороший воин?

– Лучший, – заверил Мрак. – Я ел у него на глазах его печень, а он клял меня!

– Храбрый воин, – согласился странник. Он принял прут с насаженным мясом, начал есть недожаренным, по губам потекла кровь. Он с удовольствием зажмурился, квадратная челюсть двигалась равномерно, крупные зубы с хрустом разгрызали мясо. Таргитай подумал, что попадись в этом печеном мясе берцовая кость, странник и ее схрумкал бы, как стебелек травы.

Олег нетерпеливо ерзал, но если молчит Мрак – надо молчать. Чтобы не томиться зря, Олег сбегал к ручью, набрал воды. Когда незнакомец закончил есть – было видно, что проголодался здорово, – Олег полил ему на руки.

Мрак выждал, когда странник вытер пальцы о дерюжную куртку, спросил негромко:

– Кто ты, подорожный? Куда путь держишь?.. От дела лытаешь или доли шукаешь?

В синих глазах незнакомца плясали веселые искорки. Небо уже темнело, серебряные волосы странно и красиво подсвечивало снизу багровыми углями.

– Меня называют разными именами, – ответил он мощным голосом, где звучал металл, а чуткое ухо Таргитая слышало далекий лязг оружия и ржание коней. – В каждом племени по-разному. Но я всего лишь странник, бредущий по свету. А иду я... сам не знаю куда. И откуда. Вы можете звать меня просто Странником. Я просто бреду по свету, смотрю на мир, слагаю песни...

Мрак метнул на него огненный взгляд:

– Песни?.. Если можешь, спой нам. Мы так долго не слышали других голосов, кроме собственных! А нам они опротивели.

Странник усмехнулся:

– Но у степняков тоже были голоса?

Мрак отмахнулся:

– Только хрипы, только хрипы...

Странник сделал пару богатырских глотков из фляги, бросил ее волхву, тот снова помчался к роднику. Из заплечного мешка тем временем появилась широкая доска с туго натянутыми жилами, похожими на тетивы, но одна тоньше другой. Пальцы Странника опустились, тронули, жилы в ответ странно загудели: одна – комариным писком, другая – как шмель, третья – будто нагруженная медом пчела...

Примчался Олег, держа наполненную флягу. Его уши вытянулись на четверть, даже Мрак задержал дыхание, вслушиваясь в неслыханные дотоле звуки. Странник подкрутил крохотные колышки, наматывая жилы потуже, потрогал, прислушался, вскинул лицо к темному небу, где зажигались звезды, ударил по жилам всей пятерней... и запел.

Мрак встрепнулся. Его глаза засветились в сумерках, странно меняя цвет от кроваво-красного к светло-серому. Он потянулся к Страннику, не сходя с места. Таргитай подумал ревниво, что оборотня можно сейчас ограбить, постричь, раздеть догола... Он сейчас в мире, сотворенном песней Странника, а здесь... так, просто пустые ножны.

Под оранжевым солнцем, что вспыхнуло в ночи, вдруг заблестали призрачные города, высокие башни, дворцы. Сердце щемяще заныло от сладкой тоски. В песне Странника все громче слышались хриплые крики, звон мечей и сабель, дикое ржание обезумевших от крови коней, женские вопли и треск горящих домов. Сердце застучало чаще, зашпешило, спотыкаясь, душа застонала от жажды войти в мир справедливых войн, приключений, горынычей, великанов, небесных волхвов, берегинь, крылатых дев...

Странник лишь коротко взглянул на их зачарованные лица, тут же начал перебирать струны в другом ритме, наполняя воздух чародейскими звуками. Таргитай ясно увидел возникший в воздухе лик прекрасного юноши, который страдал, любил, носил цветы и дары, но она, любимая, все отвергала... В отчаянии ушел в дальние страны, с мечом в руке завоевы-

вал царства, возвел на престол законного царя, изгнал захватчиков, сразил дракона и создал могучую державу... Принцесса сама послала за ним, но великий воин, в прошлом – слабый мечтательный юноша, уже многому знал цену. Он задумался: принять ли?

В воздухе еще долго звенели чарующие звуки струн. Все молчали, не в силах вернуться из сказочного мира героев в свой серый и мрачный. Перед остановившимися глазами Таргитая проносились призрачные всадники, медленно растворялись в черном небе, слышался затихающий лязг оружия. Долше всех висело в воздухе сказочно прекрасное лицо заморской принцессы с удивленно вскинутыми бровями, жемчужинами слез в огромных, как озера, лиловых глазах...

Мрак медленно шевельнулся, словно оживающая скала. Голос его донесся из глубины горы – хриплый, далекий:

– Странник!.. Никогда раньше... Никогда ничего лучше... Ты вывернул душу! Ты снял с нее шелуху. Я раньше только чувствовал, а теперь знаю, зачем живу. Ты все очень точно облек в твердые, как железо, слова, а заточил их до немыслимой остроты на этой... этой штуке.

Странник широко улыбался, но проворные пальцы, непривычно гибкие для такого огромного человека, уже укладывали доску с натянутыми жилами в мешок. Он встал на ноги, поклонился.

Мрак вскочил, словно его ужалила змея:

– Что случилось?... Тебя обидели?... Сейчас ночь, спи у нашего костра. Мы посторожим твой сон.

Странник медленно покачал головой. В ночи его серебряные волосы казались густой россыпью звезд, а синие глаза стали совсем черными, как лесные озера. Темное лицо, выдубленное палящим солнцем и ветром, казалось печальным.

– Надо идти... Не знаю, сколько мне отмерено, а в старости работать надо больше, чем в молодости. Я так и хочу умереть – в дороге! Это женских могил нет в поле, но мы ведь мужчины... У нас на сапогах пусть всегда будет горькая пыль странствий.

Мрак дернулся, словно хотел остановить, но его ладонь повисла в воздухе. Странник поднял руку в молчаливом прощании, его высокая фигура растворилась в ночи. Послышался удаляющийся хруст кустов, шелест травы. Потом снова затрещали кузнечики, в дальних кустах вскрикнула спросонья птица.

Мрак очень медленно, словно держал на голове чашу с водой, повернулся к костру. Багровые блики плясали на его изменившемся лице. Таргитай не шевелился, глядя на россыпь звезд. В багровых углях все еще вспыхивали сказочные дворцы, крылатые кони. Изгои молчали. Наконец Мрак сказал задумчиво:

– Настоящая жизнь! Не молод, но обрек себя на вечные скитания, дабы указывать нам, темным, ту из дорог, что единственно достойна...

– Благороднейшая жизнь, – согласился Олег. – Нас родители учат жить так, их тоже учили, но всякий раз хитрим, выбираем дороги полегче. Так и живем до самой смерти вполсилы... Да где там вполсилы! Дай бог, в десятую часть. Верно, Тарх?

Таргитай раскрыл рот, мысли теснились сумбурно, горячо, но слова не шли. Он беззвучно подвигал губами, натужился... Нет, все сказал великий певец, а все, что промямлил бы он, Таргитай, – слабые затертые тени, кривое эхо. Словами не выразить, таких слов еще не придумали. Призраки, созданные песнями, уже растворились в холодной враждебной ночи, но стоило опустить веки – мгновенно оживают богатыри, драконы, волхвы, чародеи... Они реальнее, живее, чем сидящие напротив Мрак и Олег!

Он чувствовал, что исполинские образы, сотканые Странником из слов и звуков струн, останутся с ним надолго. Очень надолго.

Глава 11

Ночью теснились странные, никогда не виданные образы, окликались, звали. Сердце стучало, словно при бешеном беге, пот покрывал лицо, хотя ночь упала холодная, а роса на травинках превращалась в иней.

Сквозь сон прорвались тяжелые удары. Таргитай с трудом вернулся в этот мир, увидел сопящего рядом Олега. Мрак сидел возле костра, рубил крупные поленья и швырял в огонь. Костер трещал весело, в котле кипела вода, поднимался пар, пахло вареным мясом и травами.

Таргитай сел, потер кулаками глаза. Видения поблекли, но еще двигались их призранные формы, он чувствовал ветер от невидимых крыл, и, как далекое удаляющееся эхо, слышался женский смех.

– Лучше пасть в славном бою, – проговорил Таргитай сонным голосом. Он понял, что повторяет услышанное во сне. – Лучше холодная вода из родника странствий, чем дорогое вино в темнице довольства... Олег, что такое вино?

Олег задвигался, не открывая глаз, подгреб колени к подбородку, засопел громче. Мрак бросил хмуро:

– Много знакомого в песнях Странника, но смысл не поймал... Иначе бы не терзало всю ночь. Олега и сейчас корчит!

Таргитай перестал тереть глаза, распахнул во всю ширь. Мрак удивленно покачал головой: у Таргитая глаза такие же синие-синие, как у Странника, даже ярче.

– Мрак... Как же велик мир! Узнали, что Лес – не весь мир, есть поляне, киммеры... Но где-то есть громадные дома из огромных камней, зовутся дворцами, есть скопища дворцов – это крепости, кремни... А что за люди там? Что за жизнь?..

Мрак бросил поленья в огонь, подул на похлебку, отхлебнул, обжигаясь. Таргитай напряженно ждал ответа, но Мрак молча бросал в кипящую воду пахучие травы. За спиной Таргитая Олег ответил сиплым голосом:

– Враки все... Кошуны! Понимать надо. Вымысел, дабы подвигать на свершения.

– Какие?

– Разные, – ответил Олег. Он сел, начал отчаянно чесаться. – Кто хоть раз обойдет вокруг хаты, уже умнее того, кто сидит на печи. Это, пожалуй, про тебя... Словом, иносказание. Не понял? Эх, дурак... Ты вон всякий раз рвешь душу пополам в песне, всегда любишь раз и навеки... а потом скачешь в постель к другой девке. Так и его песни.

Таргитай хотел оскорбиться, но песни Странника еще звучали в голове. Он прошептал:

– А сейчас мы... снова на печь? Возвращаемся в тихий безопасный Лес?

– Не такой уж тихий.

– А Странник спрашивал: для чего еще рождаются герои, как не для битв и славной гибели?

Олег зачесался яростнее, кожа летела клочьями из-под крепких ногтей. Под старой шкурой уже проступила новая – загорелая, обветренная, блестящая. Мрак снял котелок с огня.

– Эй, герои, или как вас там! Идите жрать.

Хлебали молча, погруженные в свои думы. Таргитай украдкой поглядывал на друзей. Даже для Мрака не прошла встреча со Странником легко: на лбу суровые складки, хмыкает своим мыслям, хмурится.

– Великанами Севера назвал, – вспомнил Олег. – Полубогами, прямой ветвью богов и героев!

Мрак выловил мясо, не утерпел, разрезал на мелкие кусочки – удивительный нож из железа! Сам режет, только не поленись чиркнуть.

Таргитай вяло взял ломтик:

– Я все понимаю, хоть и дурак... Здесь идет не наша война. Бьется Поле со Степью, а мы – Лес, наше дело сторона. Но здесь погибла моя невеста, погибли друзья. Странник сказал, месть – святое дело. Любви следуют даже звери и птицы, а месть знает только человек. Странник сказал, что стыдно прожить жизнь, так и не узнав, на что способен душой и мускулами! Но так прожил мой отец, дед Тарас, прадед Всеслав, пращур Гоймир... Неужто так проживу и я?

Мрак хмуро посоветовал:

– Жри, остыло.

Таргитай в недоумении посмотрел на мясо в руке: впервые в жизни забыл о еде! Олег жевал вяло, смотрел в сторону. Таргитай сказал отчаянным голосом:

– Он говорил про смысл жизни!.. Мы о нем думали? У человека должна быть цель. Мы ушли из деревни, спасая шкуры, но это не может быть целью жизни!

Мрак удивленно поднял брови:

– А чем ты занимался всю жизнь?

– Мрак... Это еще не вся жизнь, мы ее начинаем заново. Но снова будем удирать, спасая шкуры? Прятаться?.. Да лучше пойдем через Степь на восток, проникнем в Экзампей, убьем кагана, который послал сюда дикие орды!

Мрак кивнул с удовлетворением. Теперь бы еще песню о героических деяниях! Встреча со Странником даром не прошла.

Олег облизал ложку и сунул за голенище. Глаза его были спокойные.

– Мрак, не смейся, – сказал он. – Тарх, конечно, дурак. Кто спорит? Но дурак лишь потому, что его душа говорит тогда, когда обязана говорить голова. А наши души, признайся, уже ворвались в Экзампей, разнесли там все по камушкам, а кагана размазали по стенам его дворца. А все благодарные племена поют и кидают нам цветы... Верно?

– Гм, Боромир тебя кое-чему научил.

– Пустяки. Это так просто, что любой дурак увидит. Даже Таргитай, если поднатужится. Я сердцем тоже с Таргитаем, но головой – против. Мрак, мы не думаем над законами пращуров, исполняем слепо, но сами пращуры обозвали бы нас дураками. В законах противоречие, меня за то и выгнали, что докапывался. Одни законы велют защищать сирых, бедных, увечных, вдов, просто слабых, а другие велют слабых изгонять из племени, дабы породу не портить! Мне кажется, первый закон главнее, а второй придумали в тяжкие годы неведомого теперь нам голода, когда нужно было спасти племя... Боги тоже ошибаются, а законы, придуманные зимой, не всегда годятся летом. Но временный закон стал постоянным, слабых детей топили, хотя добычи уже вдоволь, и вот так образовались мы, невры, могучий народ, что не знает хворей, не ведает болезней... Даже я, никчемнейший из невров, легко одолел двух степняков, настоящих воинов! А такие, как ты, Мрак, – настоящие полубоги. Но эта исполинская сила пропадает в темных лесах!

Волхв горячился, его бледные щеки покрылись горячечным румянцем. Таргитай слушал его раскрыв рот.

– погоди, – прервал Мрак. – Слов много, а сути нет. Что предлагаешь?

– Мрак, в существовании киммеров таится загадка. Царство, основанное на грабеже, не может существовать по воле богов. Боги либо спят без задних ног, либо посылают нам испытание. Мрак, у тебя чутье! Народ не охотится, как мы, не пашет землю и не растит хлеб, как поляне, не живет ловлей рыбы, как дряговичи... Это недосмотр богов!

Мрак засмеялся, запрокидывая голову. Его зубы блеснули, как угроза небу.

– Берешься исправлять?

Олег ответил очень серьезно:

– Боги ничего не делают сами. Только руками людей. А мы не люди?

Внезапно подул ветер. С востока неслись тяжелые тучи. Края грозно загибались, словно тучи выставили крутые лбы. В темных недрах пока еще слабо поблескивали молнии. Олег

беспокойно огляделся, но степь была голая, а кустарник мелковат, заяц не схоронится под такими ветками.

Мрак сказал с отвращением:

– Перестань ежиться! С каганом собрался воевать, а дождя боишься. Хоть Род сотворил нас из земли, но не размокаем же!

Гроза налетела внезапно. Вдали в Степи встала исполинская серая стена от земли до небес, перегородив мир, эта стена быстро двинулась к неврам. Ковыль почти лег в страхе, а сверху обрушилась ледяная вода.

Мрак сидел на куче хвороста. Ливень бил в землю с такой силой, что фонтанчики грязи подскакивали и шлепались ему на грудь, плечи, неистовые струи тут же все смывали. Угли зашипели, поднялся пар, черные головешки раскатило ветром.

– Затапывать не надо, – проговорил Мрак. – Таргитай, крылатый конь, вернись на землю. Когда герои кощун шли побивать Змея, им помогали толпы волхвов, посильнее нашего Олега. В баклажках плескалась живая и мертвая вода, на случай промашки... Без нее наши головы не прирастут. Герои шли не зазя! У одного Змей бабу унес, у другого царский трон отобрал, для третьего приманкой сокровища Змея.

Олег не утерпел, вскочил. Под ним растекалась лужа, Мрак нахально и намекаяще ухмылялся. Таргитай тоже ерзал, втягивал голову в плечи: ледяная вода сбегала по волосам.

– Мы не герои, – ответил он сердито. – Мы изгой. Теперь у нас нет своего племени! Значит, все люди – наше племя. А во всем племени мы должны помогать слабым, а лютого – по башке! Разве не так?

Над головой с треском раскалывалась небесная твердь, вода хлестала через все щели. Молнии вспыхивали ослепляющие. Ветвистые столбы белого огня на короткие мгновения соединяли небо с землей.

Мрак присмотрелся, внезапно гаркнул:

– На землю!

Он сам повалился ничком, раскинув руки. Таргитай не понял, но лег рядом, стараясь забросить на хворост хотя бы ноги. Другая половина тела сразу же оказалась в воде. Крупные капли били в землю с прежней мощью, грязь брызгала выше головы. Донесся искаженный шумом дождя голос Олега:

– Не поднимайтесь! Боги не любят, когда кто-то из людей стоит гордо, не выражает почтения...

Мрак пробурчал негромко, но Таргитай лежал вплотную, услышал:

– Боги с дури бесятся... В Лесу по деревьям лупят, по высоким – в особенности. В Степи видел в прошлую грозу, как молнией дикого коня убило. Конь чем виноват? Звери свободны от греха.

Рядом грохнуло страшно, зашипело. Оглушенный Таргитай увидел перед собой столб пара, ударила волна опаляющего жара. Он откатился, ослепленный и оглушенный. Пахло горелым мясом. Тяжелые струи лупили по затылку, спине, но вода, в которой очутился, была почти горячей.

Снова полыхнуло, потом страшный треск, рев и грохот начали удаляться. Таргитай пугливо приподнял голову. В трех шагах еще поднимался пар, в земле чернела оплавленная дыра, из нее несло гарью. В глубине мелькнуло красное, словно там прятались раскаленные угли. Вдруг стена падающей воды истончилась, сквозь нее уже виднелась Степь, дрожащая трава, что припала к мокрой земле, стойкие кусты с их растопыренными ветвями.

Мрак уже сидел, задумчиво глядя вслед удаляющейся туче. Волчья шерсть прилипла, и оборотень с его крупными, блестящими под дождем плечами казался гладко обкатанным водой валуном.

– Не попало, – проговорил он удовлетворенно. – Знай, лося быют осенью, а дурней – всегда. Но не поцелили! Значит, и боги промахиваются. Невр, бывает, попадает в небо, а боги, выходит, попали... ха-ха!.. в землю. Сам видел, как огненная стрела в землю ушла.

Дождь быстро редел, потом оборвался внезапно, и стена дождя пошла дальше, очищая Степь от пыли, комаров, прибывая к земле слепней. Олег оторвал щеку от земли, приподнял голову. Он был в грязи, мертвых стеблях травы, корешках. Мрак ухмыльнулся:

– Вон Тарх чистый, как медведь под дождем, а ты... А еще волхв! Помойся в ручье... Правда, туда сейчас нанесло грязи. Тарх, а ты в самом деле готов потягаться со всем киммерийским каганатом?

– Готов, – сердито ответил Таргитай. Он пугливо косился на лужу, что возникла на месте черной оплавленной дыры в земле. Видать, стрела ударила с такой силой, что пробила вглубь на несколько сажень, даже оперения не видно. Но в самом ли деле кто-то из богов, сидя на небесах, целился в него, Таргитая?

– Волхв тоже готов, – засмеялся Мрак. – Дурачье вы! С каганом воевать! Степняков больше, чем муравьев. Но муравьи не только кусают, но и работают, а степняки только убивают и грабят. Когда они скачут, земля стонет под копытами их коней, как говорил Степан... Эх, Ящер их заberi со всем каганатом!

От ручья вернулся мокрый, как упырь, Олег. С него бежало в три ручья, за ним растекалась широкая лужа. Ухмылка Мрака стала шире. Олег спросил с надрывом:

– Что с нами творится?

Таргитай всполошился:

– Что с тобой?

– Да не со мной, – вымолвил Олег с мукой. Он досадливо отстранил руки дурака. – С нами всеми!.. Ведь видим же, что киммеры несокрушимы! Что не нам им сломать рога. Но все равно лезем, лезем на рожон!

Мрак смотрел на него внимательно:

– Еще не лезем. Можем отказаться.

– Не можем, – простонал Олег. – Не можем, в этом наша беда. Не потому ли пращурь поглубже в Лес забрались? Перед человеком всегда стоит роковой выбор: сила или совесть. Но человек в своем выборе не волен! Не волен... За него всегда решает какая-то странная сила... Мы, невры, не можем выбрать силу, в этом наше вековое проклятье!

Он сел прямо в грязь, сжал ладонями голову, закачался, как от жгучей боли. Лицо волхва дергалось, словно предвидел страшное.

Мрак разулся, вылил воду из сапог. Таргитай упал на спину, подрыгал ногами, и вода выбежала из голенищ. Мрак покачал головой, но смолчал. Лодырь, конечно, но уже не совсем дурак – брякнулся все же на хворост, чтобы не вывозиться в грязи.

Олег еще сидел, глядя перед собой остановившимися глазами, когда по ушам хлестнул сердитый оклик:

– И долго будешь раскисать, как под дождем лопух?

Мрак был уже с мешком за спиной, в петле на поясе блестела секира. Таргитай застегивал пояс, из-за плеч выглядывал лук и колчан со стрелами. Олег подхватился, быстро собрал свои вещи, оружие.

– Идем на киммеров?

– Сам сказал, – буркнул Мрак, – что мы не вольны в выборе. Что-то в нас самих решает за нас. Пусть зло намного сильнее, но мы пойдем супротив. Мы не вольны!

Небо быстро очищалось, навстречу шагающим неврам брызнуло яркое солнце. Темная полоска далекого Леса осталась позади. Там, на опушке, отрезая дорогу к спасению, их ждут в засаде всадники Фагимасада.

Но им придется ждать долго.

Часть II

Глава 1

Когда изгои начали волочить ноги, почти не отрывая от земли, поднимая тучи ядовитой пыли, что откуда только и взялась после утреннего ливня, Мрак шагнул в сторону и растворился в дремучих дебрях седого ковыля, чахлых кустов и высоких стеблей озверелого чертополоха.

Изгои не протопали без него и десяти шагов, когда Мрак догнал, снова пошел впереди. Сбоку на поясе теперь болтались две жирные перепелки. Он скалил зубы, глаза блестели.

– Все еще дохловатые?.. Хворост хоть соберите!

– Уже нет, – облизнулся Таргитай. – Это Олег дохловатый.

– Да, за едой ему тебя не догнать.

Небо на западе было покрыто кровавой корой заката. Солнце пряталось за облаками, готовилось опустить раскаленное тело в ледяной Мировой Океан. Таргитай и Олег без сил лежали возле костра, даже не отбивались от гудящих, как жуки, слепней. Мрак быстро смазал перепелок мокрой глиной, закатил в костер, присыпал горящими углями.

Пока Мрак точил секиру – он очень любил точить оружие, – глина подсохла, потрескалась. Таргитай начал беспокойно двигаться, шумно глотать слюну. Одурачивающий запах жареного в своем соку мяса достиг ноздрей волхва, он сел, спросил:

– Мы идем на восток?

– Разуй глаза, – ответил Мрак раздраженно. – С голыми кулаками против кагана? Никакие боги не станут помогать болванам. Да и не сумеют, думаю. Боги тоже не все могут.

– А куда мы?

– Искать союзников.

– Кого? Полян?

– Полян воробыи заклюют, – с отвращением бросил Мрак. – Покрепче надо.

– Кого же?

Мрак бросил едко:

– Ты волхв? Ищи. У тебя книжка умная. А мы с Таргитаем пока поужинаем. Верно, Тарх?

Таргитай уже выкатывал прутиком бугристый ком из огня. Глина чудесным образом покраснела, превратилась в кирпич, из которого в веси полян сложены печи. Мрак ударил ребром ладони, обожженная глина сухо треснула, развалилась, унося прилипшие перья. Взвилось облачко нежнейшего пара, а перепелка осталась лежать, задрав ножки, – беспомощно-голая, пахнущая, розовая...

– Вроде бы готово, – сообщил Мрак озабоченно. Он выкатил второй ком, разбил. – А вы готовы?

– Давно, – вскрикнул Таргитай.

Мрак, обжигаясь, подхватил перепелку за лапу, перебросил с ладони на ладонь, наконец с хрустом вонзил зубы в сочную мякоть, зарычал:

– Хорошо... Ладно, Олег, считаешь после ужина. А ты, Тарх, поиграешь на своей палке с дырками. Или тебе лучше на пустой желудок?

– Нет-нет, – поспешно заверил Таргитай. – На голодный лучше сочиняется, а петь надо на сытый!

Все трое быстро ели горячее пахучее мясо. Олег посыпал золой, мясо обретало солоноватый вкус. Таргитай тоже любил досаливать, но сейчас не хотел пачкать нежное мясо. Мрак ел как положено мужчине: без соли, хлеба, острых травок.

Потом Таргитай тихонько играл на дуде, а Олег усердно листал книгу. Темнело быстро, он придвигался к костру, стараясь разобрать стершиеся значки. Мрак посматривал с презрением: вырождаются невры! Он, например, может рассмотреть коготки муравья, что ползет в десяти шагах...

– Если верить книге, – сказал Олег наконец, – то во-о-он там... за синеющей горой живет могучий великан. Там же, если верить книге, ездит на могучем коне сверхмогучий богатырь Святогор. Сыра земля не держит, потому не покидает Святых гор... Тут все написано древним языком, быстро не прочтешь...

– Читай, читай. Этого пока мало.

Олег придвинулся к костру ближе. Мрак подбросил хворосту, и волхв отпрыгнул, закрывая книгу локтями. Таргитай тихо и печально играл на дуде, пытаясь вспомнить и воспроизвести мелодию, что заронил в душу Странник.

Мрак медленно помешивал угли прутиком, глаза его были в тени.

– Горные великаны... – сказал он с сомнением, – союзники... А им не все равно: мы или степняки?.. Вчера черные муравьи дрались с красными... Кинулись мы помогать тем или другим? Полистай еще. Если книга мудрая, там есть что-нибудь лучше.

Таргитай тихонечко играл, лежа на спине, пел чистым серебряным голосом. Олег шелестел страницами, потом опустил на колени, заслушался. Мрак вздохнул, каменные черты лица расслабились, смягчились. Багровый свет в глазах погас, лицо посветлело, словно внутри горел незримый огонь.

Когда Таргитай наконец отложил свирель, друзья помолчали, Олег сказал удивленно:

– Быстро складываешь! Песни у тебя уже другие, Тарх. Лучше. Мрак, я не нашел близко помощи. В Горах живут горные великаны, но там и лютые звери. В Степи властвуют степняки, но там живут и мирные поляне. В небе жирные гуси-лебеди, но и совы, коршуны, кожаны...

– С твоей книгой все понятно, – прервал Мрак. – В небесах только дурак ищет помощи, а полян уже насмотрелись. Завтра с утра в Горы! Хуже не будет. А теперь спите. Что-то чересчур бодрые. Опять есть хотите?

Пятый день бежали, скрадываясь, по ковылям, но Горы лишь чуть приподнялись на краю овида. После ливня, когда боги не попали огненной стрелой в Таргитая, видать, решили сжечь на медленном огне, а Мрак им помогал. На небе ни облачка, небо белое от зноя – Таргитай еще раз полностью сменил кожу на плечах и спине, даже на груди висели светлые лоскуты, а нос облупился, блестел.

Бледные плечи рук и ног Олега потемнели, стали толще. Самый худой, все же выпрямился, бежал легко, а мешок за плечами сидел плотно, уже не прыгал, сбивая в кровь спину.

Таргитай никогда не думал, что придется столько бегать, носить тяжести, рубить для костра крепкие, как железо, кусты, спать на твердой земле под открытым небом. На пятую ночь их дважды хлестал дождь, а на шестую проснулись от потоков ледяной воды, падающей с неба. Таргитай оказался в глубокой луже, спросонья нахлебался мутной воды с мусором вперемешку, заорал, вскочил в панике, а проснулся чутьпозже.

Они часто вспоминали рассказы Зарины о диких страшных Горах, горных великанах, злобных гномах, огромных норах, в которых живут Горыни и Горынычи... но когда Горы приблизились, люди невольно задержали дыхание.

Горы немыслимой высоты, просто чудовищной! А самое высокое, что невры знали доселе, – это вековая сосна на околице Большой Поляны. А Горы вставали дикие и страшные, блистающие, как боги. На вершинах, на которые больно смотреть, блистали снега. Облака ходят ниже вершин, хотя еще сегодня невры были уверены, что облака трутся горбатыми спинами по небесному своду.

Уже приходилось запрокидывать голову, наконец однажды земля под ногами начала круто подниматься. Старая гора, разжиревшая и оплывшая под своей тяжестью, подумал, подыскивая сравнения для своей новой песни, Таргитай, больше похожая на холм, сплошь заросшая густой щетиной леса, зато за ней горы помоложе и круче характером. Семя в их каменные стены не вопьется, не всякая птаха решится свить гнездо!

Они шли день за днем, и Горы уже теснились, налезали одна на другую, страшно блестя многоверстными разломами красного камня. Однажды две стены сблизились, изгои шли по узкому ущелью. Под ногами вроде все та же степь, та же трава, только много выглядит округлых камней, словно гигантские вишневые косточки, которые обсосали и выплюнули великаны. По бокам стены из камня – шапка свалилась бы, если бы кто ее носил. Идешь как в длинном колодце, верх так высоко, что острые края цепляют и рвут проплывающие облака.

Таргитай ожил: в ущелье сумрачно, как в родном Лесу, каменные стены вверху будто целуются, палящего неба остается щелочка. Олег тоже не трясет головой, как конь, отгоняющий оводов, капли пота не летят во все стороны. Только Мрак спешит, все такой же могучий, как тур, грозный, лук и колчан приросли к спине, большая секира в петле не мешает двигаться.

На привалах Мрак отлучался за добычей, изгои разводили огонь, натаскивали хвороста, сушин, наполняли заново фляги чистой водой – Олег вычитал в книге, как в Горах находить воду. К возвращению Мрака огонь полыхал, на треноге висел котелок с кипящей водой, а изгои раскладывали на отмытых гладких камнях дикие целебные травы, плоские перья чеснока, трубчатые стебли, съедобные корешки.

Мрак приносил странных птиц с жилистым мясом и длинными загнутыми клювами, однажды подстрелил дикую козу. Съедали все, от добычи оставались лишь разгрызенные кости и перья или шерсть да копыта.

Изгоев мучил постоянный голод, но, несмотря на тяжелые переходы, карабканье по скалам, оба быстро обрастали мышцами. Таргитай сбросил лишний жирок, нагулянный еще на печи, тело стало сухим и упругим. Глаза смотрели прямо, кожа на лице натянулась, а детски припухлые губы стали тверже. Олег обрастал мясом, быстро догоняя Таргिताя.

Карабкались, обычно обвязавшись вокруг поясов веревкой. Мрак прыгал с камня на камень, как горный козел, поторапливал изгоев, уводил в горы все выше и выше. Таргитай и Олег спешили изо всех сил, не обращали внимания на обвалы, лавины, оползни, что начинались от их неверных скачков. Усталые, не обратили внимания, по крайней мере, не перетрусили, когда за соседней горой со страшным грохотом и сухим треском вспыхнуло жаркое пламя, словно там разверзлась земля, открывая дорогу в пекло, а вдоль каменных стен метнулся огонь. Дрогнула земля, донесся глухой грохот, рев.

Невры переглянулись, Таргитай спросил измученным голосом:

– Что это?... Олег, что написано в книге?

Олег пощупал мешок, проверяя, не утерял ли. За него ответил Мрак:

– Змей Горыныч лопнул. Ну, со злости... Аль не серчают никогда? Или два молодых Змея дерутся из-за созревшей Змеихи... Помнишь, как дрались Брусило с Тетерей из-за Ждановой дочки?

Олег присел на корточки, держась за дрожавшую землю, пугливо смотрел на красное, словно залитое кровью, небо:

– Трудновато здесь. Змеи, Яжи, Смоки... Все огнем дышит, а Горынычи еще и летают. Тут большая секира Мрака не поможет! Даже из железа.

Мрак опустил ладонь на рукоять секиры, которой гордился, ответил уязвленно:

– Да, здесь лучше помогла бы магия. Таргитай, ты случаем не волхв?... Гм, я тоже... Нам бы сюда волхва, хоть завалищего!

Днем верхушки скал накаляло солнце, а ночью невры просыпались от холода. На камнях выступал узорный иней, невры утром жадно его слизывали, страдая от жажды. Костры жгли всю ночь напролет, если находили хворост.

Мрак поторапливал, покрикивал по-прежнему. Изгои казались себе такими же неуклюжими мешками, но Мрак замечал, как плечи раздаются, пояса затягиваются. Даже у волхва грудь начала вздуваться, хотя не замечает, пробует привычно горбиться. Считают себя такими же слабыми, ведь от него отстают, но Мрак помнил, что раньше он, щадя их, едва перебирал ногами, а сейчас бежит, прыгает, но оба почти не отстают, хотя языки на плечах...

– Ой, смотрите, – ворвался в его мысли голос Олега.

Тон был такой странный, что Мрак сперва выдернул из ременной петли секиру, лишь потом повернулся.

Одна из гор медленно двигалась в их сторону. Мрак тряхнул головой, взглянул снова. На этот раз увидел одну гору на другой. С третьего взгляда понял наконец, что по вершинам исполинских гор осторожно ступает чудовищно огромный конь, а на нем высится огромный, как скала, всадник. Странно и страшно блестят доспехи, шлем, нарукавники.

– Надо перехватить! – вскрикнул Мрак. – Он пройдет мимо...

Задышавшись от бешеного бега, они мчались по скалам, прыгали, расшибались о камни, перескакивали глубочайшие расщелины. Мрак подхватывал обоих, тащил, пинал, перебрасывал через провалы, заставлял лезть через гребни скал.

Наконец добежали, рухнули, хватая воздух, как рыбы на суше. Во все стороны тянулась каменная плита, из щелей выбивалась сухая трава и корявые кусты. На краю плато, над самым обрывом, росло с полдюжины огромных деревьев. Облака скользили над верхушками, иногда цеплялись, оставляя клочья белого тумана.

Конь Святогора брел медленно, опустив голову. Когда поравнялся с двумя лиственницами, достигавшими разве что груди, с хрустом сорвал с одной верхушку, другую выдернул с корнем. Так и двигался дальше, равнодушно двигая огромными, как валуны, зубами, а на землю падали щепки с руку человека размером.

Святогор сидел неподвижный, застывший. Голова и плечи иногда скрывались в облаках, на широких плечах лежал снег. С мясистого обвислого лица сумрачно смотрели полузакрытые веками выпуклые глаза. Огромный железный шлем размером с шатер блестел, спускаясь по самые насупленные брови, на которых тоже зацепился и не таял снег. Выгнутая стрела, пронзая козырь шлема, укрывала расплюснутый нос от ударов. Длинные вислые усы и длинная седая борода ниспадали на бронзовые пластины, наложенные поверх кольчуги. Богатырь был в кожаных портках, боевых рукавицах и тяжелых сапогах с огромными шпорами. На левом локте у него болтался щит с озером величиной, а исполинский прямой меч с резной рукоятью колыхался у бедра. Из-за плеча выглядывал колчан со стрелами – будь они поменьше, сошли бы за копья.

Мрак заставил себя встать на ноги, он впервые чувствовал свое полнейшее бессилие, замахал руками:

– Святогор!.. Святогор!!! Святогор, услышь нас!

Всадник не шевельнулся. Лицо его было неподвижно, шлем надвинут на брови, а глаза полузакрыты.

– Святогор! – надрывался Мрак.

Таргитай и Олег приподнялись на дрожащих руках, закричали сорванными голосами:

– Святогор!

Святогор не шевелился, но внезапно остановился богатырский конь. Потянувшись через головы невров, он с сочным хрустом сорвал верхушку сосны. Огромная, как пещера, пасть поглотила ветви, раздался ровный треск перемалываемого дерева. Святогор медленно-медленно открыл глаза. Он уже закрыл было их снова, но что-то удержало, он всмотрелся в каменистое неровное плато. Слышно было, как скрежетнул его доспех. Святогор впервые шелохнулся.

Огромная голова чуть наклонилась. Глаза были удивительно чистые, как у ребенка, серые, цвета хмурого неба.

Грянул, как гром, могучий оглушающий голос:

– Люди?.. Здесь?

Мрак невольно присел на корточки, а изгоев свалило громовым голосом, как подрубленные деревья.

– Люди! – закричал Мрак во весь голос. – Святогор!.. Мы забрались в Горы, чтобы увидеть именно тебя!

Святогор долго смотрел молча, потом голос прогремел уже тише, словно из удаляющейся тучи:

– Когда-то я не был дивом... Мельчает людье. Был народ – горы сдвигали, но придет время – всемером соломину не поднимут... Аль уже не поднимаете?

Мрак заорал, приставив ладони ко рту ковшиком:

– Святогор! Нам нужна твоя сила велета! Чужие пришли, зничтожают твой народ!

Святогор сидел молча, жутко хрустели ветви в огромной пасти коня. Конь сорвал верхушки еще двух деревьев, словно траву, на людей пахнуло влажным дыханием, когда чудовищные зубы начали крушить и перетирать стволы.

– Сколько веков минуло, – проронил Святогор гулким голосом. – Или тысячи лет? Горы все такие же... Только по вам, измельчавшим, можно угадать, что много воды утекло...

Мрак закричал во весь голос:

– Святогор! На твоих людей надвинулся чужой народ! Скоро не останется и тех, кто всемером соломину...

Святогор хранил молчание, слышен был лишь странный непрерывный хруст. Огромный конь, пользуясь остановкой, выдрал с корнем последнее дерево, жевал, устало прикрыв глаза.

– Прихлопнуть бы как мух, – пророкотали наконец над головами невров раскаты грома. – Ведь не держит мать сыра земля... Аль не ведаете? Из Леса вышли, что ли?.. Эх, все оставшиеся годы отдал бы, чтобы денек хоть промчаться по чистому полю, помериться силой с супротивником...

Его тяжелый вздох услышали, казалось, даже на Авзацких горах и острове Буяне. Мрак уронил голову, ощутив себя чуть ли не впервые в жизни виноватым. Таргитая отпустил страх, он смотрел на исполина с жалостью. Как тяжело, должно быть, если не с кем словом перемолвиться!

Голова и грудь Святогора скрылись в наплывающих облаках. Из белого тумана прогрехотали слова, полные муки:

– Нет на земле мне дела... Леса корчевал, но деревья для меня – трава... Горы ворочал, но кому надобно? Эх, найти бы тягу земную... Я бы в землю кольцо вогнал, привязал бы к нему цепь железную, притянул бы небо к земле, смешал бы с землей, как было в моей молодости!.. Истратил бы малость своей непомерной силушки. Да и вы увидели бы другой мир... Настоящий! Еще молодой.

Конь тихо всхрапнул. Мрака отшвырнуло, он перевернулся через голову, успел ухватиться за край трещины. Огромные, как тысячетлетние деревья, ноги коня шелохнулись. Камни подпрыгнули, сорвались в пропасть, внизу загревели лавины, набирая силу, грохоча, сметая все на пути. На втором шаге треснула под копытом каменная плита. Выбрызнула вода, вынесла грязь, камешки, затем тихо побежала ровная и чистая как слеза струйка.

Святогор тяжело повернулся, его чистые страдальческие глаза нашли Мрака.

– Поговорите с Горынычем. Помоложе меня на тысчонку лет, помельче... Да и драчливее по молодости. Его земля еще держит.

– Горыныч? Это Змей? – закричал Мрак.

Святогор вслушался, приложив огромную ладонь к уху. Его мясистое лицо недовольно искривилось:

– Все, кто живет в Горах, – Горынычи. Можете звать его Горыней.

– А где он?

– Здесь, в Горах... Видите трехглавую гору, словно из древней Славии?... С правого бока – пещера. Если не на охоте... не за дровами...

Конь медленно уносил богатыря, бухая копытами с кузницу размером. Земля вздрагивала, каменная гора трещала, разбегались трещины.

Мрак заорал вдогонку, срывая голос:

– Какая гора?... Какая Славия?

– Эх, короткоживущие... – прогрохотало снова из наплывающих облаков. Теперь тучи шли ниже, Святогора скрыло в белом до пояса. – Не помните, не знаете... Древняя Славия... Огромная страна среди окиян-моря, в середине трехглавая гора, моряки примечали издали... Затопило всего десять тысяч лет тому, а уже, как вижу, не помнят... В одну ночь затопило. Уцелели лишь те, кто, как я, в тот день отлучился в другие страны...

Конь понес дальше, Святогор опустил голову, тут же позабыв о мелких людишках. Гора вздрагивала, а камни подпрыгивали, когда тяжелое копыто со стуком било в землю. От скал откалывались целые глыбы, оставляя красные следы, словно отделялись от плоти, с грохотом летели в пропасть. За конем Святогора каменное плато осталось в глубоких трещинах, с глыбами торчком, вздыбленными скалами, где раньше было ровное место...

Мрак покачал головой, глядя вслед исполину. Потом зло набросился на изгоев:

– А где вы были? Языки в задницы повтягивало?

Таргитай умоляюще прижал ладони к груди, глаза были чистые, честные, Олег сказал виновато:

– Я занемел, Мрак... Я ведь трус, ты знаешь. Язык отнялся. Да и заговори я, все равно ничего путного не посоветовал бы. В голове с перепугу все перемешалось.

Мрак с досадой отмахнулся:

– Кому нужны твои советы! Ваши глотки – другое дело. Я на год вперед наорался, уже хриплю.

Таргитай пообещал с дрожью в голосе:

– Если Горыныч... или Горыня хоть чуть поменьше, я буду с тобой докрикиваться вместе.

– Ладно... Волхв, он сказал о трехглавой горе. Ты читал о такой?

– Трехглавая гора, – выговорил Олег все еще неустоявшимся голосом, – ты будешь смеяться, но в самом деле читал... о ней несколько раз... Трехглавая гора, трезубец... погоди, дай отойти от этого страха, все вспомню. Или хошь, посмотрю сейчас?

– В другой раз, – буркнул Мрак. – У тебя пальцы трясутся, не отыщешь. А сейчас к той горе. Да побыстрее, а то здесь темнеет быстро.

Таргитай со страхом глядел вслед исчезнувшему всаднику, откуда еще доносился гул, грохот.

– Малость передохнуть бы... У меня ноги трясутся, упаду в пропасть.

– Подумаешь, ноги, – отмахнулся Мрак. – Вон Олег весь трясется, но смотрит соколом. Верно, Олег? Отдохнем, когда чего-нибудь добьемся. А со Святогором... так, почесали языки.

Он тащил их через гребни скал, россыпи гигантских валунов, что сдвигались с места при любом сотрясении воздуха, заставлял подниматься по веревке, прыгать через широченные пропасти. Тени от Гор удлиннялись, в воздухе потянуло вечерней свежестью.

Трехглавая гора приближалась, но Мрак орал, заставлял бежать, прыгать, и Таргитай в панике думал, что вот-вот глазомер подведет оборотня, а ширина расщелины окажется такой, что одолеть ее удалось бы лишь в два прыжка...

Внезапно над ними прогремело:

– Здр-р-р-равствуйте!

Эхо заметалось от стены к стене. Таргитай завис на кончиках пальцев. Рядом пронесся громадный камень, обдав его ветром, и Таргитай сорвался следом. Он летел вдоль стены розового камня, а со дна пропасти злорадно поднялись остроклювые камни.

Вдруг нечто огромное перехватило его, как падающий орех. Бока сдавило, Таргитай, уже закрывший в страхе глаза, теперь распахнул их во всю ширь, но перед глазами замелькала стена розового камня.

Его поставило ногами на твердое, ладонь – это оказалась великанская ладонь! – разжалась. Таргитай шагнул навстречу белым как мел Олегу и Мраку. Мрак схватил его за плечи, с силой прижал к своей груди. Сердце оборотня стучало, как молот в кузнице. Ребра Таргитая затрещали, он задохнулся, выпучив глаза.

– Ты... что ты... – выдохнул Мрак. – Чур бы тебя... Вон Олег уже...

Страшный голос над их головами повторил:

– Здр-р-р-равствуйте...

Таргитай с трудом выдрался из железных рук Мрака. То, что выглядело гранитной скалой, оказалось великаном. Горыня сидел неподвижно, темный, как камень, грузный, на его груди курчавились длинные волосы. Руки свисали с коленей, одна лежала ладонью вверх рядом с неврами. Таргитай покосился на чудовищную ладонь, пальцы – что бревна. Как только не раздавили? Мрак и то вон ребра помял...

– Добр-р-р-ро жаловать... – проговорил Горыня, двигая губами с явным усилием. – Исполать гостям... Давно не видел людей... давно не глаголил...

Он был обнажен до пояса, портки из медвежьих шкур, что выглядели лоскутами, ступни босые, темные, мозолистая подошва толще дубовой коры. Меж колен стояла торчком, упершись в землю, огромная дубина из столетнего дуба. Голова Горыни блестела, чисто выбритая, с макушки свисал клочок длинных волос, небрежно завернутый за ухо.

Олег покосился на друзей. Только он, читавший книгу, знал значение этой пряди. Народ, в который Род вдохнул душу и дал солнечную кровь, заключил союз с этим главным богом и поклялся следовать его заветам. В знак союза с богом они носили клочок волос на макушке, чтобы во время огненного потопа, где сгорят все нечистые народы, Род вытащил своих за волосы.

Мрак потрясенно уставился на серьгу в левом ухе Горыни. Из желтого металла, небольшая для Горыни, размером с колесо. В серье ярко сверкает изумруд с голову быка.

– Мы – люди, – торопливо сказал Мрак. Голос его сорвался на хрип. – Мы пришли с добром.

– С добром? – удивился Горыня. От его грохочущего голоса сорвалась глыба и унеслась в пропасть. – А я думал, просить что-то явились... Идите в мою пещерку...

Он качнул головой, медленно сдвинулся. За его спиной открылась в горе черная нора, на входе которой поместилось бы дупло Боромира. Мрак кивнул изгоям, пошел вперед. Олег и Таргитай переглянулись, пошли следом.

Камень под ногами был ровный, словно вытертый. Невры сделали несколько шагов в полумраке, внезапно сзади тяжело грохнуло, под ногами качнулась земля, стало темно.

Таргитая схватили за плечо сильные пальцы, голос Мрака произнес торопливо:

– Где Олег?.. Я его не вижу!..

– Что случилось? – пролепетал Таргитай.

– Горыня загородил камнем выход. Олег, Чур тебя побери!.. Не отставай.

Рядом с Таргитаем в темноте зло ругался Мрак, мол, раньше в ловушки не попадался, что значит – покинул родной Лес, а в Степи да Горах...

Пискнул поблизости Олег, голоса в пещере отражались от стен, сталкивались, метались во тьме.

Позади вспыхнуло красное пламя. Быстро разгорелось, по стенам скользнули темные гигантские тени. Горыня двигался согнувшись, почти на четвереньках, в руке у него полыхал факел – смолистое бревно.

– Идите, – бухнул он гулким голосом. – Там пещера... А то здесь я вас по стенам размажу.

Невры бегом бросились по широкому тоннелю. Даже стены и потолок были ровными, словно Горыня сгладил и отшлифовал твердые камни своими боками и головой. Сзади слышалось тяжелое дыхание великана, похожее на рев огромного зверя.

Внезапно стены ушли в стороны, свод взмыл ввысь, растворился во тьме. Горыня вылез из тесного для него входа, встал во весь рост, с треском всадил факел в трещину на стене. Бревно полыхало ярко, но пещера была так велика, что невры видели только ближайшую стену розового с голубыми жилками камня и пол. На стыке стены и пола слабо блестела вода – подземная речушка прогрызла даже неглубокое ложе в камне. В пещере было чисто, пахло свежестью. Посередине, если то была середина, висела широченная гранитная плита, на ней что-то бугрилось, но что, Таргитай не разглядел.

Изгой жался к Мраку. Горыня отряхнул ладони, с кряхтением сел на пол. Таргитай смотрел со страхом, даже так его голова Горыне на уровне груди! Горыня был чудовищно тяжел в плечах, у него была огромная грудь, но возраст и огромный вес еще больше утяжеляли ноги – бедра вдвое шире плеч! – а живот был чересчур велик. Горыня оглядел их, его лицо оставалось в тени, а неврам факел светил в лицо, спросил грохочущим голосом:

– Ну... с коим добром пожаловали?

В пещере заметалось, словно летучая мышь в поисках выхода, насмерть перепуганное эхо. Мрак раскрыл рот, но оттуда вырвался лишь сип. Олег оттолкнул Таргитая, выступил вперед, заговорил дрожащим голосом:

– Ты прав, могучий... Мы пришли с добром в сердцах, но нам нужна помощь. В страну, что лежит у подножья Гор, вторглось жестокое племя. Очень жестокий народ...

Горыня не дослушал, махнул рукой, а его голос громыхнул, как сталкивающиеся горы:

– Опять ваши насекомые драчки... Никак не повзрослеете. Нет, я в таких делах не помощник.

Таргитай вскрикнул невольно, позабыв страх:

– Почему? Святогор сказал, что ты можешь подраться за справедливость...

Горыня повернул к нему огромную, как башня, голову. Глаза уставились с непониманием, голос громыхнул тише:

– Что есть справедливость?

– Справедливость – это... – начал Таргитай горячо. Он запнулся, подбирая слова.

Горыня подождал терпеливо, подсказал с явной насмешкой:

– То, что выгодно тебе?

– Нет, – отрезал Таргитай. От негодования он перестал страшиться великана. – Мне ничего не надо! Но этот дикий народ убивает мирных жителей, уничтожает посевы, разрушает дома...

Горыня не спускал с него глаз.

– Справедливость – это не только тебе... но и близким твоим, твоему племени, твоему народу... Верно?

– Не знаю, – ответил Таргитай честно. – Но степняки – звери! Они не должны так поступать.

Он орал, приподнимался на цыпочки, почти подпрыгивал, хотя Горыня, похоже, слышал его неплохо. Великан задрал голову к невидимому потолку, подумал. Голос стал еще тише, задумчивее:

– Степняки?... Гиксосы?... Нет, после них пришли савиры, как сейчас помню. Потом Анты Боевых Топоров... Ага, сейчас по Степи катится волна нового народа – киммеров. Тоже не дар

богов, но другие были не лучше... Эти, по крайней мере, приручили коней, благодаря которым их войско стало непобедимым. Тяжелые стрелы – тоже их выдумка. Этот народ изобрел якорь, гончарный круг, трут и огниво, дал великого мудреца Анахарсиса... Немного, но что со степняков возьмешь! Другие народы, что называли себя культурными, давали и того меньше.

Олег раскрыл и закрыл рот, шмыгнул за спину Мрака, торопливо достал из мешка книгу. Горыня нашел глазами Таргитая, спросил в упор:

– Это те самые? Киммеры?

– Не знаю, – ответил Таргитай неуверенно. – Киммеры, но насчет огнива...

– Не знаешь... Не знаешь, а берешься изничтожать. Да еще под корень!.. Не сумлевайся, огниво изобрели они. И первыми с колесниц пересели на спины коням. Ты и этого не знал?.. Они еще с египтянами спорили, кто из них самый древний народ. Египтяне проспорили... Ты считаешь себя правым, а киммеры – себя. Они кочевники, вспаханное поле для них – испорченная Степь. Испоганенная! Пшеница растет – это же корм для их кочующих стад! Они не строят домов, живут в крытых повозках и, разрушая дома полян, делают доброе дело – так считают. Молодых девок уводят в плен, ибо женщины должны брюхатить только от победителей, дабы Род людской не измелчал, не пресекся вовсе...

Говорил он медленно, подбирая слова. Речь была странная, старинная, Таргитай не все понимал, но уже не страшился горного великана, который говорил книжно, как Боромир. Тот тоже часто напоминал о здоровье племени, о праве на жизнь только сильных, чтобы слабых изгонять, дабы Род людской не погнали...

– Они не правы! – закричал Таргитай упрямо. – Ты отказываешься помочь, такой огромный, могучий?

– Такой могучий, что обязательно должен быть туп как камень, на котором сижу? – договорил за него Горыня. – Конечно, сила – уму могила, сила есть – ума не надо, где сила – там и правда... Всегда есть соблазн, на себе испытал, закончить спор кулаками, где последнее слово будет за мной... но я прожил сотни и сотни лет, понимаешь? Хотя не очень умен, пусть даже совсем дурак, но за это время и дурак чему-нибудь научится.

Он смотрел прямо в лицо Таргитая, тот ощутил неудобство. Горный великан как будто знал, что Таргитай заработал славу дурака. Пусть даже всего на час сплеховал, но в дураки попал навек.

Мрак тем временем обошел вокруг плиты, вытягивая шею. Непонятные бугры оказались набросанными в беспорядке тушами горных козлов. Огромные, с длинной шерстью и чудовищно тяжелыми рогами, загнутыми в кольца, они выглядели кроликами, если не мышами, на столе Горыни. Мрак оглянулся на гору сухих стволов, груды веток. Горыня протянул огромную руку, не вставая, выдернул факел и опустил к полу. Мрак умело поджег сухую ветку, а великан водрузил факел на прежнее место.

Мрак деловито развел костер, сдернул барана, в мгновение ока надрезал и содрал шкуру. Покосившись на огромный живот великана, теми же быстрыми движениями освежевал еще десятков, нанизал на огромные колья и укрепил над костром.

Горыня наблюдал за крохотным человечком с умильной улыбкой. Губы велета даже сложились трубочкой, будто собирался сюсюкнуть. Мрак почти бегал от гигантского костра к горе хвороста, где самая тонкая веточка была с его ногу, кормил ненасытное пламя, наконец заорал сердито:

– Эй, умные!.. Жрать небось не откажетесь?.. Так поработайте. У нас с Горыней кто не работает – не ест. Верно, хозяин?

– Хорошие слова, – одобрил Горыня. – В дикой общине – очень верные.

Олег насторожился, метнул непонимающий взгляд, но Таргитай уже тащил огромную ветку, уши пылали ярче факела велета. Олег начал перетаскивать хворост к костру, но напомнил себе, что надо разузнать, что неверно в краеугольной заповеди неврагов.

Пещеру начал наполнять вкусный запах. Мрак приглашающе указал Горыне на подрумяненные туши:

– Хозяин, готово!

Голос был сильным, негромким, но Горыня кивнул, сам приглашающе повел огромной рукой:

– Садитесь ближе. Яствуйте хорошо, что-то мелковаты больно... Авось подрастете, ха-ха!

Факел потрескивал, в залитой красным светом пещере бродили огромные жуткие тени, странно и причудливо ломались, переходя с пола на стены. Камень блистал голубыми жилками, синими и желтыми змейками. Воздух был сухой, быстро впитывал запах жареного мяса.

Горыня взял тушу двумя руками, грыз неторопливо, держал как молодого рябчика. Кости трещали, Горыня жевал козла целиком, череп звонко лопнул под огромными, как валуны, зубами.

– Набивайте пуза, – угрюмо посоветовал Мрак. – Надо двигать отсюда. Если велет выпустит, не сожрет.

– Не должен бы, – проговорил Олег неуверенно. Он перестал есть, побледнел.

Горыня с хрустом жевал третьего барана.

– Почему?

– Мы не враги... Не опасные по крайней мере. И говорит так книжно, умно.

– А умники воздухом питаются? Боромир молодого кабанчика за один присест ухмякивал. А мы – дичь редкая в этих горах.

– Молчи, – прошептал Олег настойчиво. – Не подсказывай! Сам авось не додумается.

Горыня даже наклонился, наблюдал, как маленькие человечки ели, пили, мыли в холодной воде его подземной речки жирные руки. Серьга в его ухе поблескивала зелеными искрами, в странных слюдяных глазах велета отражалось багровое пламя.

– Святогор не может, – проговорил он грохочуще, – а я – не хочу. Мне с Гор много видно, сверху все одинаковые... Меня степняки не обидели, верно?

– Нас тоже, – ответил Таргитай, потому что Мрак не нашелся что ответить да и сорвал голос, а Олег осторожничал, боялся рассердить велета. – Мы за Правду! Они наш народ обидели.

– Невров? – удивился Горыня.

– Поляне – потомки невра! Кочевники сгоняют их, жгут, уничтожают... Разве Правда не на нашей стороне?

– На вашей, – прогрохотало у него над головой. – На вашей... Хотя на их стороне – тоже. Мелковатых правд много... а большую раздробили, чтобы удобнее было пользоваться. Я родня вам, это правда, но родня и киммерам. Что хлебала растопырили?... Когда-то мы жили одним великим племенем. Люди племени ариев были покрупнее вас, нынешних, а я был подурнее и мельче. Ведь мы, велеты, растем всю жизнь. Не знаю, благословение это отца нашего – Велеса или проклятие... Ваше старичье тоже с годами меньше двигается, закостеневаает, а у нас в крови песка становится все больше, мясо твердеет, превращается в камень... Еще живые, но уже каменные горы, по которым черт-те что скачет, прыгает, а согнать не можешь...

Голос дрогнул, он тряхнул головой, словно что-то отгоняя. Черная тень странно и жутко заметалась по пещере, ломаясь и вытягиваясь в щелях и сталактитах. Олег спешно раскрыл на коленях книгу, отыскал чистую страницу.

– Что чудно, – проговорил Горыня тяжело, – что мы все идем от одного племени, а племя – от одного мужика. Сказывают, что до сих пор жив, бродит по свету! Вот бы повстречать...

– И что тогда? – спросил Мрак с интересом.

Горыня медленно сжал огромный кулак. Захрустело, меж пальцев стрельнули камешки, вниз посыпалась струйка песка – велет невзначай захватил пару валунов.

– Я бы взял его за душу, – ответил Горыня мечтательно, его тяжелые веки опустились, закрывая глаза, – я бы спросил дурня: зачем? за что так?

Изгои переглянулись, не поняв, только Мрак кивнул, бросил пару веток в затухающий костер.

Горыня поджег еще пару смолистых бревен, воткнул в щели, огромный корявый пенёк сунул краешком в огонь.

– Всю ночь гореть будет... Спите, с утра уйдете.

Он как сидел, так и отвалился навзничь, почти сразу мерное дыхание заполнило пещеру. Потом начался могучий храп, похожий на рев десятка разъяренных беров. Живот колыбался, в нем громко булькало, словно переливалось целое озеро.

В пещере воздух был с дымом, но вытягивало сквозь невидимую щель в потолке. Огонь по смоляным факелам сползал медленно, нагревая воздух. Возле каменной плиты пламенели темно-красные угли, от них несло жаром. Воздух наполнился запахами дыма, пота, свежеснятых шкур, крови...

Невры отошли как можно дальше от спящего велета. Зашибет во сне, не заметит. Или в горящие угли спихнет по нечаянности.

Таргитай лег посерединке между Мраком и Олегом, намерился обсудить то да се, велет уже не казался страшным, но только устроился поудобнее, наконец-то натруженные ноги отдохнут, как грубая рука Мрака ухватила за плечо, потрясла:

– Вставай!.. Вставай, лодырь!

Таргитай в испуге открыл глаза, вскочил как ошпаренный:

– Что? Что стряслось?

Мрак приблизил к нему бешеное лицо. Глаза горели, как у дикого зверя.

– Что стряслось! – перекинул он зло. – Олег тебя будил, я бужу, хотел уже Горыню просить, чтобы дубиной... Как только в тебя влазит столько сна!

Таргитай в недоумении огляделся. Олег, стоя на коленях, в неверном свете догорающих факелов запихивал в мешок жареную тушу барана. Горыня сидел, прислонившись к стене, дубина стояла между коленей, лицо велета было в тени.

– Уже утро... – понял Таргитай разочарованно. – Ну, всегда так... А утром мне завсегда есть хочется.

Мрак в ответ дал по шее. Таргитай, не удержавшись, слетел в ледяную воду и с диким воплем выбежал, где Олег уже ждал, тут же набросил ему на плечи мешок. С Таргитая текло, из сапог выплескивалась вода. Он упал на спину, в мешке хрустнуло, потряс ногами, выливая воду. Волчью шкуру снять не рискнул, Мрак вовсе озверев, пусть сохнет прямо на нем.

Горыня гулко спросил из своего угла:

– Все-таки будете ратоборствовать с киммерами?.. А как, если не тайна? Как думаете найти и утвердить Великую Правду?

Таргитай вздрогнул от громового голоса, за ночь подзабыл. Олег тоже смолчал, но Мрак, к которому вернулся его зычный голос, шагнул вперед.

– Вот чем! – Он похлопал по рукояти секиры. – Пока бьются наши сердца, пока есть кровь в жилах...

Ладонь была твердая, Таргिताю показалось, что Мрак стучал деревом по дереву. Горыня медленно кивнул, вытянул руку:

– Вон там колечко, видите?.. Подайте мне.

Олег вытянул шею, все трое осторожно пошли в ту сторону. Здесь свет от факелов едва достигал, в полумраке они увидели на полу диск из желтого металла. Кольцо было размером с огород, а на высоту от пола до пояса неврам. Таргитай и Олег смотрели потрясенно, не понимая, что это такое, а Мрак подошел вплотную, навалился плечом, с силой упираясь в пол

ногами, покраснел от натуги, хотя даже ему ясно, как видел Таргитай, что надо не меньше двух-трех сотен могучих быков впрячь в это странное кольцо, чтобы сдвинуть с места.

– Это серьга моего деда, – прогремел над неврами далекий и печальный гром. – Он тоже искал, надеясь только на силу...

Он поднялся, ушел, согнувшись в пояс. Вскоре загремело, в пещеру пахнуло свежим холодным воздухом. Невры, втягивая головы в плечи и стараясь не встречаться взглядами, заспешили из пещеры.

Глава 2

Обратно шли голодные. Мрак дал передохнуть только в полдень, тогда же съели целиком и обглодали косточки барана, которого захватил у Горыни запасливый волхв.

Не дав отдохнуть, Мрак погнал их по каменистому косогору. По его расчетам, Горы должны были кончиться через два дня, а там потянется бесконечная Степь с ее ковылем и неисчислимыми стадами скота, скачущими всадниками, что еще ищут их, троих людей Леса!

Таргитай почти не отставал от Мрака, нес два мешка: свой и волхва. Олег застревал, искал редкие травы, подбирал и прятал в пояс камешки. Мрак орал, но не свирепо, и Олег продолжал заглядывать в расщелины, переворачивать камни, а потом догонял, пыхтя и обливаясь потом.

Косогор перешел в цветущий склон, затем шли по ровному плато. Мрак двигался целеустремленный, присматриваясь и прислушиваясь к звукам, в рассуждении чего бы покушать, он даже натянул новую тетиву, а стрелы нес так, чтобы в любой момент мог выхватить, выстрелить по зверю или птице.

Олег догнал друзей, обеспокоенно тронул Мрака за локоть:

– Я чую странную мощь...

– Ты бы лучше почуял мясо!

– Какое?

– Любое. В шерсти, в перьях, можно даже в чешуе. Таргитай готов грызть камни, посмотри на его глаза!

– Потерпит, не околеет. По мясу ты знаток. А вот что-то странное... не чуешь?

– Не чую, – отозвался Мрак отстраненно. Его глаза постоянно шарили по камням, отвесным скалам, трещинам, замечали маленьких юрких ящериц, крупных бабочек, странных черных муравьев с огромными плоскими головами. – В Горах все иначе...

– Это верно, но... все-таки...

Мрак отмахнулся, и Олег отстал. Таргитай помогал волхву переворачивать камни, а тот быстро хватал юрких сороконожек, мокриц. Таргитай становился все нерешительнее, наконец вдруг выпустил тяжелый камень, едва не раздавив Олегу пальцы. Олег отпрыгнул с криком:

– Замечтался?.. Или песни складаешь, дурак?

Таргитай сунул пальцы в рот. Олег посмотрел ошалело, осторожно коснулся камня ладонью. Гладкая поверхность была горячей. Солнце висело над головой, затылок и плечи накалило, но камень был намного горячее!

Валуны присели к земле, странно приплюснутые, с оплавленными краями, словно на них дохнул пролетающий Змей Горыныч.

Таргитай прошел вперед, носком сапога, не решаясь коснуться руками, отвалил крупный валун. Вместо влажного пятна, прибежища мокриц и червей, там была черная обгорелая земля, пепел, зола. По всей земле, по которой шли, лежали оплывшие, словно из воска, огромные камни.

Олег догнал Мрака, тот шел медленно, прислушиваясь к сухому треску под сапогами. Мелкие камешки лопались, как комочки пересохшей глины.

– Здесь ничего не растет, – бросил Мрак, не поворачивая головы.

– Я же говорил! – вскрикнул Олег. – Уже исчезли ящерицы, жуки, бабочки... Никакой жизни!

Прибежал, пыхтя, Таргитай. За его спиной тяжело бухали по хребту два мешка. Он услышал, возразил с ходу:

– А мы – не жизнь?

– Жизнь, – отмахнулся Мрак, – но никчемная.

Изгои шли по черной, растрескавшейся земле, по-волчьи ступая след в след. Дважды Мрак по дороге откатывал валуны, но ни червяка, ни мокрицы – везде обугленная земля.

Из расщелин поднимались синеватые струйки дыма. Сухая земля потрескивала, покрытая странной сухой коркой, разломы и трещины встречались чаще. Сначала перешагивали, потом перепрыгивали, наконец одну, особенно жуткую, пришлось обойти. Из разлома несло гарью, оттуда поднимался сухой перегретый воздух, слышалось шипение.

За Мраком начало вздыматься черное облако хрустящего пепла. Таргитай закашлялся, выплюнул черную слюну, взмолился:

– Горят подошвы! Мрак, пойдем в обход!

– Проскочим, – бросил Мрак, оскалив зубы. – Должны проскочить...

– Да у меня горят пятки!.. Кто починит? Кроме Горыни...

– Не трусь, – сказал Мрак успокаивающе, – скоро встретим кого-нибудь пострашнее Горыни. Вон Олег уже чувствует, посмотри, как его трясет!

Олег смешно подпрыгивал, стараясь как можно больше находиться в воздухе. Лицо его дергалось, глаза прыгали из стороны в сторону.

– Ну-ка, волхв, – сказал Мрак напряженно, – чуй лучше... Что здесь, а?

Олег в муке помотал головой, не ответил. Губы его пересохли, покрылись такой же коркой, как и земля под ногами. Нижняя губа лопнула, подражая разломам, оттуда тонкой струйкой бежала кровь, склеивала кудрявую бородку в липкий коричневый клинышек.

Горло першило от сухого мертвого воздуха. Соленый пот жег глаза, тут же высыхал, оставляя белую корку. Олег шел с широко раскрытым ртом, весь красный, как свежесваренный рак. Душегрейку не сбросил, лишь расстегнул и теперь крепкими ногтями остервенело чесал грудь.

Мрак часто оглядывался, в темных глазах росла тревога. Изгои плелись полуживые, кашляли, выплевывали черные комки. Оплавленных валунов стало меньше, зато по обе стороны поднимались черные, растрескавшиеся от жары скалы. Верхушки и края оплавлены, словно у восковых свечей на жарком солнце.

Таргитай доковылял до массивной скалы, скорее – огромной плиты, вплавленной в землю торчком, присел под нею на корточки:

– Мрак!.. Я падаю. Давай малость переведем дух.

Мрак с сомнением покосился на странную скалу:

– Тень от нее есть, но воды нет близко. Крепись, Тарх. Надо идти.

Таргитай по-стариковски уперся ладонями в колени, поднялся со стоном. Камешки под ногами затрещали, разлетелись крупными черными зернами. Внезапно из высокой черной скалы, в тени которой стоял Таргитай, раздался протяжный странный голос, что, казалось, шел из самой глубины земли:

– Вода?... Вода есть.

Таргитай, не веря своим ушам, медленно развернулся к скале. Мрак бросил ладонь на рукоять секиры, рывкнул страшным голосом разъяренного бера:

– Кто здесь?

Ответ пришел не сразу, словно невидимка размышлял над вопросом. Потом из скалы словно дохнуло жаром:

– Здесь... хозяин.

– Какой такой хозяин? – потребовал Мрак подозрительно.

Он осторожно вытащил секиру, чуть пригнулся, раскорячившись. Его цепкие глаза прощупывали скалу, булыжники и даже близкую расщелину, из которой поднимался дымок и слышалось бульканье, словно кипела сама земля.

После паузы голос ответил так же замедленно:

– Зайдите... увидите. Вода. Тень...

Скала треснула, вниз посыпались камешки. Трещина раздвинула скалу на две половинки, взвился пепел, а каменные глыбы отползли, скрежеща, ширия трещину, в которой открылся темный проход.

Таргитай и Олег в испуге отпрянули. Мрак зло оскалил зубы, лицо его было красное, покрытое грязью из пота и черного пепла. Покачав секиру в руке, словно примеряясь, он внезапно нырнул в трещину. Изгой услышали удаляющиеся шаги, потом все стихло.

Олег медленно вытащил нож, и, глядя на него, Таргитай нерешительно вытащил свою секиру, вытянул шею, прислушиваясь. Скала стояла расколота на две половинки, трещина поднималась к вершине, но там смыкалась, а у земли Мраку явно пришлось двигаться бочком.

Олег вздрогнул, поднял ладонь. Таргитай услышал далекий голос:

– Тарх, Олег!.. Хозяин приглашает в его жилище.

Олег невольно отступил от страшной трещины – входа. Таргитай выставил секиру лезвием вперед, начал протискиваться, от неловкости обдирая плечи и бока о горячие острые камни. Ноги скользили как по льду, камень был оплавлен страшным жаром.

В небольшой пещере стоял Мрак, почти касаясь головой низкого потолка. Таргитай подошел на цыпочках, удивляясь, что могучие руки Мрака висят бессильно, голова опущена. Мрак стоял перед высоким каменным ложем, вырубленным прямо в стене, а там лежал, вытянувшись во весь рост, человек.

Таргитай невольно шагнул ближе, судорожно вздохнул. Человек был очень красив и очень стар. Он умирал тихо, как догорает лучина. Его глаза закрыты, лицо искажено странным страданием, более сильным, как показалось Таргिताю, чем просто боль. Длинная седая борода закрывала грудь и живот, на впалой груди он скрестил худые, восково-бледные пальцы. Лоб высок, вообще человек выглядит так, как должен был, по мнению Таргитая, выглядеть великий мудрец или даже бог...

Глаза старца закрыты. Таргитай остановился возле ложа. Тяжелые веки медленно, словно поднимая неимоверную тяжесть, поднялись. Глаза были совсем белые, выцветшие от старости, без радужной оболочки, без зрачка. Губы старца чуть шелохнулись:

– Спасибо... за сочувствие... Ты один такой...

Таргитай спросил невольно:

– Что-нибудь можем сделать для тебя? Скажи!

Губы старика чуть изогнулись, то ли в улыбке, то ли в оскале.

– Для меня – нет. Но благодарствую за сочувствие. Род все еще наказывает меня, являя доброту людей...

– Род? – переспросил от входа Олег. Он подошел ближе, всмотрелся в бескровное лицо. – Ты спорил с самими богами?

– Почему нет?.. Вы хотели пить... Вода под стеной. Жаждете есть – реките...

Мрак, хмурый как осенняя туча, обвел тяжелым взглядом каменные стены, свод и ровный отполированный пол. В пещере старца ни удавиться, ни зарезаться нечем.

Он проговорил угрюмо, бешено раздувая ноздри:

– Благодарствуем. Чего только не грызли, когда вышли из Леса, но камни... гм... А что в Горах есть, кроме камней?

Старик утомленно закрыл глаза. В пещере внезапно похолодало. Таргитай поворачивался к Олегу, вдруг в другой бок что-то толкнуло. На пол осела, раздвигаясь под своей тяжестью, корзина из толстых ивовых прутьев. Корзина сплетена грубо, наспех, ее стенки едва держали горку огромных краснощеких яблок, там же лежали сочные груши и разные диковинные плоды, которых невзрослые отродясь не видели.

Под дальней стеной зазвенело, зажурчало, из ровной стены побежал чистейший, почти невидимый ручеек. Он потек вдоль стены, нашел щель, с тихим журчанием начал переливаться туда, как бы впитываясь, исчезая среди красноватых прожилок камня.

Мрак смотрел с подозрением, его пальцы стиснули рукоять секиры, Олег шептал заклинания-обереги, а Таргитай, помня, что он – дурак и ему все можно, взял яблоко, что лежало на самом верху. Чародейски крупное, с его кулак, таких в Лесу никогда не встречали, но в их Лесу не было магии. Налитое соком, краснобокое, у самого черешка – круглая дырочка... На палец Таргитая посыпалась мокрая труха. Червяк, видать, не знал, что яблоко волшебное и у него могут быть неприятности.

Олег, закончив заклятие, опасливо потянулся к гигантской груше, глядя, однако, не на грушу – на Таргитая, который уже с хрустом вонзил зубы в сочную мякоть. Олег осторожно взял плод в ладонь, ощутил приятную тяжесть. Тонкокожая груша едва не лопалась, распираемая соком. Два рыжих муравья, поводя усиками-щеточками, припали к дырочке. Их брюшки на глазах раздувались, переполняемые сладким соком.

– Это же волшба, – прошептал он потрясенно, – чистейшая волшба...

Таргитай откусил снова, зажмурился от нежнейшего вкуса. Сочная мякоть таяла во рту.

– Волшба, – согласился он, жмурясь, как кот на солнце. – Ежели он волхв, а не наш...

Олег все еще ошалело держал грушу на ладони, где муравьи раздулись так, что сладкий сок едва не выплескивался из их ушей. Таргитай с хрустом догрызал яблоко, косил глазом на корзину. Мрак с разочарованным видом рылся в корзине, наконец воззвал к умирающему волхву:

– Батя... Это сосунки, но мы с тобой – мужики. Разве ты сидел здесь без мяса? Да ни в жизнь не поверю!

Даже не колыхнув воздух, посреди пещеры возникла широкая плита, из ниоткуда шлепнулись тяжелые ломти. Пещеру наполнили запахи жареного мяса, печеного. Мрак ухмыльнулся, блеснув клыками, порылся в ломтях, сдирая ногтями румяную корочку, пальцы покрылись жиром и соком. Он выхватил огромную печень тура, сырую, почти что выдранную из живого – по рукам побежала дымящаяся кровь.

– Спасибо, – гаркнул он довольным звериным голосом. – Ты волхв, каких еще поискать! Настоящего волхва сразу видно, верно?... Хозяин, а как для себя? Если чем можем, только свистни!

– Ешьте, – донесся тихий шепот.

Таргитай и Олег от груш и яблок перешли к заморским плодам, Мрак грыз только печень, кровь брызгала, острые зубы хищно блестели. Все трое не отводили глаз от древнего старца.

Волхв лежал такой же неподвижный, как тот камень, из которого вырублено ложе. Крупные ладони как сложил на груди много лет назад, так, казалось, с тех пор не расцеплял сухих желтых пальцев.

– Люди... – прошептали его обескровленные губы. – Все еще люди... Волхв, оборотень и певец... Или это знак? Я был когда-то волхвом, оборотнем и даже певцом... Правда, песни складывал хилые, в перевертничестве был чересчур горяч – обращался то в бера, то в рысь вместо благородного волка, а то и в коршуна... Зато волхвом был первым...

Голос внезапно оборвался. Глаза все еще смотрели в низкий свод. Олег низко поклонился, Таргитай попятился, отводя взгляд, – боялся мертвяков. Мрак повел носом, спросил недоверчиво:

– Неужто помер? А Боромир рек, что мудрецы и герои не мрут, не сказав последних слов мудрости!

Он навис над старцем, бесцеремонно дунул в раскрытые глаза. Очень медленно губы старца шелохнулись.

– Да, я еще в этом мире...

– Великий волхв, – сказал Мрак. Он с неудовольствием косился на изгоев, что, подхватив мешки, уже топтались возле выхода. – Ты и сейчас еще силен! Нам бы это очень кстати...

– Нет, – шепнули бескровные губы, – я давно уже... не мудрый... не великий... Берегитесь Ящера! Ему служит Тьма, а она в каждом из нас. Не выпускайте... Я возгордился, и Тьма одолела...

– Тьма?

– Она взяла личину лучшей из женщин... Я был, помню, в гневе... Нет, была всепожирающая ярость... Обманутый, я проклял весь мир и решил умереть... Но я решил взять весь мир с собой...

– Зачем? – не поверил Мрак. Он насторожился, отодвинулся.

– Чтобы в другой раз Род сотворил получше... Я умножал свою ярость тысячу лет. Скопил столько, что уже мог сжечь все... Но за это время переступил порог, когда разум берет верх... Долго думал, потом выпустил ярость под землю... Бурлит, пытается вырваться! Где пробивается выше, трясется земля, вздымаются огнедышащие горы, живое гибнет... Если же вырвется – погибнет весь мир.

– Такое может случиться?

– Если случится, то не скоро... Не хватило мудрости не копить ярость, но хватило осторожности... запрягать глубоко...

Старец помолчал, глаза его медленно закрылись. Мрак угрюмо проговорил:

– Такой могучий волхв как бы мог нам помочь!

– Увы, – услышал он слабый голос, – я всю мощь направил на то, чтобы отомстить миру... Всю жизнь! А сколько бы мог... Идите. Не дайте одолеть себя Тьме...

Олег и Таргитай, повинаясь неодолимой силе, заспешили из пещеры. Мрак шагнул было следом, но пересилил себя, обернулся. После долгой паузы старец прошептал в последнем усилии:

– Меч... Сила киммеров – в Мече...

Свет в пещере начал меркнуть. Мрак бегом бросился к щели, протиснулся ужом. Скала кряхтела, в трещине сухо трещали, лопаясь, мелкие камешки. Таргитай и Олег стояли на обугленной земле, щурились от яркого солнца.

– Отошел, – выдохнул Мрак. Он судорожно перевел дыхание. – Здоровенный был когда-то мужик... Надеюсь, если не в вирий, то хоть не к Ящеру угодит!

– Он что-то сказал еще? – спросил Олег с надеждой.

– Сказал. Боромир верно рек, что герои не уходят из жизни, не сказав великих слов.

– Что он рек?

– Мудрые слова. Только не знаю, что с ними делать.

Глава 3

Еще день спускались с Гор, потом потянулась Степь. Олег жалел, что скалы покинули в спешке, не успел оглядеть все камешки и редкие травы, но Мрак заявил, что от Гор взяли даже больше, чем ожидали. Союзников не отыскивали, верно, зато умирающий волхв сказал про таинственный Меч, в котором заключена вся мощь киммеров. А это уже победа. Пусть половинная, но других побед не бывает. Полные победы только в сказках, где дурни счастливы, лодыри побеждают, а царевны выходят замуж за страхолюдин.

Опять шли быстрым шагом, еще чаще – бежали. В недостижимо высоком небе звенели трели жаворонков, под ногами суетливо прыгали зеленые кобылки, стрекотали в траве. Порхали бабочки.

Вдруг Мрак насторожился, его руки мгновенно ухватили лук, стрела легла на тетиву. Высоко в небе слышались приближающиеся щемяще прекрасные звуки. Таргитай зачарованно поднял голову, а Мрак вскинул лук.

В яркой синеве плавно скользили огромные белые лебеди. Крылья мерно плескали по невидимым струнам, длинные шеи вытянуты. За ними плыла по воздуху узкая повозка. От нее шло сияние, словно в огне догорал кусок железа.

Олег повис на руке Мрака, не давая прицелиться. Мрак стряхнул волхва, но стрелять не стал, буркнул подозрительно:

– Странные лебеди. Орут непривычно.

Таргитай кивнул, ибо охотник попал в точку. Лебеди красивы лишь в воде, да и то пока молчат. На берег выходят безобразно, переваливаясь, как старые толстые бабы, волоча по земле мокрые зады. Байки про лебединые песни придумал тот, кто никогда их не слышал: голоса у них хуже, чем у несмазанных телег. А эти, что летят над головами, кричат совсем не лебедиными голосами, а летят красиво, хотя грузновато.

Олег вдруг вскрикнул, ткнул в небо трясущимся пальцем:

– Аполлон выглянул! Вон, смотрит на нас!

– Кто это? – спросил Мрак настороженно. Стрелу он опустил, но лук держал.

– Один из наших древних богов... От наших за что-то изгнали, так он стал главным... почти главным богом далеко-далеко на юге. Правда, на зиму всегда возвращается в наши Леса, но весной отправляется обратно.

– Не слыхал о таком, – проворчал Мрак.

– Это могучий бог, Мрак, поверь! У него четыре руки, он стреляет из лука даже лучше тебя. Наверное, лучше. Так что на всякий случай убери стрелу. Бьет, как и ты, без промаха, но стрелы не простые – огненные!

Упряжка уменьшилась, превратилась в точку, затем растворилась в синеве. Серебристые крики умолкли. Мрак уложил стрелу в колчан, спросил:

– Значит, жди наступления холодов?

– Нет, это там, на юге... Впрочем, еще лето не кончилось... Не знаю, Мрак! Ты всегда задаешь трудные вопросы. Может быть, полетел навестить родню.

– Гм, волхв должен знать. А как он очутился на юге? Аист сдуру заблудился, не туда ветром занесло?

– Не его, а его мать Лету, – объяснил Олег. Он напыжился, излагая то, что успел прочесть. – Она из нашего племени невров, а на юг бежала, перекинувшись волчицей! За что ее изгнали – в книге не сказано. Лишь добежав до Делоса, вернула себе человеческий облик – пришло время разрешиться от бремени... На свет принесла близнецов: мальчика и девочку. Их там называли Аполлоном и Артемидой. Но хоть и родились в чужом краю, но наша кровь сказала: девка стала богиней лесной охоты, хотя лесов там – с гулькинос, научилась стрелять из лука. Словом, вроде дочери Велеса, а парень стал лучшим стрелком из лука. Сначала он там занимался зверьми, вроде нашего Велеса, – голос крови, сами понимаете, потом стал еще и солнечным богом. Он да сеструха – лучшие стрелки, даже боги не могут выстоять против них!

Мрак задумчиво посмотрел в ту точку неба, где растворилась повозка Аполлона.

– Из лука – понятно, у нас с детства каждый... Кто стреляет плохо, мрет с голода. Но солнечным богом... гм...

Олег сказал гордо:

– А что? Если в Лесу родились, пням молились, так больше ничего не умеем? Мы вон тоже из Леса – и ничего! Как Аполлоны. Кстати, знаешь, кто был отцом Аполлона и Артемиды?

– Ну-ну, не дергай бера за хвост!

– Невр Опис. Твой прадед, а ты, говорят, весь в него как вылитый.

Мрак присвистнул, сощурил глаза, глядя в синее небо. Долго шли молча, посматривали по сторонам, замечали каждое пыльное облачко. Вдруг Мрак сказал сердито:

– А я бы ни за какие пряники не ушел из родного Леса! Даже сделай меня хоть сейчас вторым солнечным богом!.. А ты, Олег?

Волхв пожал плечами, потеревил бородку:

– Не знаю. И в своей деревне остаться хорошо бы, но и... Мрак, мы ведь столько узнали и увидели, когда вышли из Леса! У тебя вот железная секира и стрелы с бронзовыми наконечниками, каких ты не знал в Лесу. Мы много узнали, мы ездили... почти ездили на конях. Мы разговаривали с Горыней, Святогором, самым первым волхвом...

– Лес – наша родина! – объявил Мрак с негодованием.

– Да-да, конечно... Но стать богом в чужом краю – тоже терпимо. Недаром многие невры ушли. Одни раньше Леты, другие позже. Да и сейчас тоже...

– Что сейчас? – переспросил Мрак подозрительно. – Но-но! И не думай. Лес – это Лес. Все остальное хуже. Лучше быть последним невром в Лесу, чем солнечным богом на чужбине!

Изгои промолчали, отводя взгляды. Трава сухо трещала под сапогами. Долго бежали молча, наконец Олег не стерпел, сказал осторожно, чтобы не рассердить оборотня:

– В Лесу я так и жил бы у Боромира на побегушках. Даже Боромир волхв больше по кличке! А в этих краях вдруг да в самом деле стану волхвом!

Мрак фыркнул, повернулся к Таргитаю:

– А ты, дудошник?

Таргитай бежал, ровно дыша, ответил не сразу, уклончиво:

– Мрак... Здесь совсем другой мир!.. Я ничего не понимаю. Хочу сперва все понять, а судить буду потом.

Мрак люто сверкнул глазами:

– Эх... Пользу вам подавай! Что волхв, что певец. А честь, отвага, совесть? Какая от них польза? Мне вот сразу все понятно. Переметнулся к чужим, значит – враг. Аль мы не патриоты Леса?

Таргитай и Олег не спорили, но глазами с оборотнем старались не встречаться. Тот бежал гордый, непреклонный, но косился на обоих с подозрением. Только последний дурак считает, что если заставил замолчать, то победил. Или хотя бы переспорил. Нет, они всего лишь замолчали!

Вдруг он бросил хмуро:

– У нас появились попутчики.

Таргитай повертел головой, увидел только в синеве крохотного жаворонка. Тот кувыркался, смешно трепыхал крылышками, звонко и счастливо верещал свою нехитрую, но радостную песенку.

– Эта птичка?

– Да, она и еще десяток всадников, – ответил Мрак хмуро. – Кони быстрые, мечи острые... Да и колчан у каждого полон стрел с калеными наконечниками. Ну, славяне, покажем прыть...

Далекое желтое облачко пыли медленно ползло им наперерез. Попутчики – не сопутчики, это малость лучше. Но дальше дороги пересекаются, а пешие недалеко уйдут от конных.

Они бежали молча. На беду, кустарника почти нет, голая Степь с островками озверевшего от борьбы за выживание чертополоха, сухого, ошетилившегося колючками. Чаше земля тянется сухая, твердая, где не удастся зацепиться даже стелющейся лапчатке.

Мрак трижды валил изгоев, заставляя перебегать голые места на четвереньках. Таргитай быстро измучился, взмок. Мешок натирал хребет, как зверь прыгал на затылок.

– Мрак... Может, полежим здесь? Тут густо, не заметят.

– Быстрее, – поторопил Мрак. Изгои еще никогда не слышали от оборотня такого настоящего голоса. – Шевелитесь, если ваши шкуры чего-то стоят... в чем я сомневаюсь. Киммеры растянулись в цепь, едут не по дороге, как всегда, а по Степи... Просматривают все места, где можем спрятаться!

– Неужто за нами? – не поверил Таргитай. – Это же столько надо народу поднять, от делов оторвать!

– За нами, за нами, – ответил Мрак. – Ты же слышал, мы сорвали скуфью с самого Фагимасада, будь он не ладен.

– Это Таргитай помешал выстрелить, – напомнил Олег.

– Да, это наш дурень постарался... Эх, про вовка помовка, а он тут... Прямо в середине цепи тот смуглолицый, которому я стрелу в плечо... Фагимасад!

– Если бы только в плечо... А то и в задницу!

– Умолкни, – прервал Мрак люто. – Дыхание сбиваешь. Побыстрее! Ползете, как два раблика. Или чересчур храбрые?

Желтое облачко рассеялось, уже сверкали блески, прыгая по обнаженным лезвиям. Густая цепь всадников прочесывала густую траву, как частый гребень. Из-под копыт выскакивали перепела, зайцы. Мрак ругался злым хриплым голосом, его зоркие глаза уже различали даже оспины на лице Фагимасада.

– Хошь или не хошь, – сказал он наконец напряженно, – придется пробежать по открытому...

– Нас заметят!

– Если затаимся, обнаружат наверняка. Малость позже. Забыли, как потешились над Степаном? Но он для них никто, земляной червь, а вы так легко не отделаетесь!

Таргитай уже трясло, он помнил, как легко отделался Степан. Рядом привстал на руках Олег, заверил торопливо:

– Говори, Мрак. Все сделаем.

– Сейчас вскочите и, как зайцы, – вон в ту сторону. Там должен быть ярлок... Бегите, чтобы не услышали! Вскочите в яр, сразу на ту сторону. Опять бегом во всю прыть, аки зайцы... Увидите деревья. Роща, но тоже лесок... Пошли!

Он с силой подтолкнул их в спины. Таргитай от могучего толчка помчался, как стрела, ноги несли сами, а впереди маячила спина волхва – Мрак сумел забросить худого волхва еще дальше. Жесткая трава, откуда ни взялась, сразу начала хлестать по ногам, пыталась даже ухватить за пояс.

Не пробежал и десятка шагов, как услышал удивленный вопль. Сразу загремели по сухой земле конские копыта. Таргитай мчался так, что ветер свистел в ушах. Вдруг возле уха свистнуло, он успел увидеть мелькнувшее белое перо. Следом загремел яростный голос Фагимасада.

Топот нарастал, над головой мелькнула слабая тень. В тот же миг горло схватило железными пальцами. Его со страшной силой бросило на землю. Он схватился за горло, нащупал волосяную петлю...

– Вставай!

Могучая рука подхватила, он ощутил сильнейший удар ниже спины и побежал, волоча веревку по земле. Мимо пронесся обезумевший конь, глаза дико вытаращены, пена на губах, а в пыли волочился, застряв ногой в ременной петле, киммер с торчащим в груди пером.

– Быстрее! – донесся свирепый голос Мрака.

Дрожа от ужаса, Таргитай неся так, что догнал быстрого Олега. Тот мчался, как лось, напролом через заросли травы, закинув голову, ничего не видя и не слыша. Сзади гре-

мел яростный Фагимасад, трижды взвивались волосяные арканы, но теперь Таргитай прыгал в сторону. Тяжело грохались с коней всадники, их бросало по земле с такой силой, что один, дважды перекувыркнувшись, догнал и ударил по ногам бегущего Таргитая.

Внезапно под ним не оказалось земли, он камнем полетел по крутой дуге. В воздухе перевернулся, по спине больно ударило, что-то затрещало. Он зажмурился, успев заметить, как замелькало перед глазами зеленое. Его бросало, отшвыривало, наконец он так шарахнулся о твердое, что остался лежать, жадно хватая ртом воздух.

Рядом дрогнула земля от тяжелого удара. Таргитай со стоном отполз: конские копыта молотили воздух возле его головы. Конь остался вверх брюхом, под ним расплывалась лужа крови, высунулись ноги в мягких сапогах без подошвы.

Таргитай начал подниматься, в спину остро кольнуло. Охнул, поискал глазами Олега. Волхв, весь исцарапанный, взъерошенный, выбрался из зарослей, с ходу заорал:

- Чего разлегся? Быстрее, надо на ту сторону!
- У меня спина сломана! – жалобно всхлипнул Таргитай.
- Да? А когда я был тяжело ранен, ты что мне сказал?

Сверху затрещало, через заросли, как падающая скала, проломился Мрак. Руки были в крови, лук исчез, лишь секира все еще висела за поясом. Увидев Таргитая, гаркнул люто:

- Разлегся?.. Они не ушли, только в обход пустились! Быстрее, дурак!
- У меня спина сломана...

Мрак без слов грубо перевернул, Олег посмотрел, скорбно покачал головой.

Мрак медленно вытащил из петли секиру:

- Добьем, чтобы не мучился?
- Добьем, – согласился волхв. – Зачем ему страдать? К тому же попадет в руки Фагима-

сада...

Таргитай слабо повернул голову, слезы брызнули из чистых невинных глаз.

- Что у меня? Спасти уже никак нельзя?
- У тебя колючка в заднице, – ответил Мрак грубо. – Но если для тебя это такая невыносимая мука...

Он стал отводить руку для удара. Таргитай вскочил и, не помня себя, оказался на той стороне оврага. Олег на ходу выдернул у друга колючку, оказавшуюся, правда, целым сучком, даже кровь побежала. Они заспешили вверх, глина осыпалась, два раза сползли почти на дно. Сухие корешки обрывались с треском.

Мрак выкарабкался первым, выдернул за шивороты изгоев, дал пинка, крикнул вслед:

- Вон темнеют деревья! Успеете добежать, авось сегодня шкуры уцелеют!

До рощи оставалась половина пути, когда сзади послышался конский топот. Всадников оставалось семеро, но неслись, пригнувшись к толстым лошажьим шеям, с еще большей яростью.

Мрак выругался, бессильно похлопал ладонью по поясу. Ножей для бросания не осталось, а тяжелая секира лишь мешает бежать во всю прыть. Но без нее все равно гибель. Вон трус и лодырь бегут со всех ног, но мешки и секиры не роняют...

- Быстрее! – орал он, уже не скрываясь. – Молитвы позже! Быстрее,дохлые...

Деревья приближались, но нарастал и грохот конских копыт. Мрак бежал легко, оглядывался, мерил взглядом расстояние между всадниками и леском. Обогнав изгоев, крикнул:

- По моим следам, придурки!

Бежать стало намного легче, ибо Мрак иногда словно взлетал на воздух, и оба знали, что там пень или огромный валун, надо прыгать с разбегу, не раздумывая.

Сзади нарастали торжествующие крики. Грохот копыт оглушал. Таргитай уже чувствовал, как страшно впивается стрела между лопаток, с треском рвет кожу, крушит железным клювом хрупкие кости позвоночника... Напрасно твердил себе, что их возьмут живыми, чтобы

пытать, картинка вонзающейся стрелы налилась такими красками, что тело похолодело, ноги стали вялыми...

– Быстрее же! – стегнуло по ушам яростное. – Заснул, дурак?

С разбегу проломились в зеленые кусты. Таргитай упал, напоровшись на сухую валежину, раскровянил руку. Мрак ухватил за шиворот, швырнул дальше. Олег уже несясь впереди, петляя как заяц, прыгая через буреломы, валежины, сушины, вламывался в густые кусты. Таргитай побежал следом, чувствуя только оглушающие удары сердца и шум крови в висках.

По сторонам замелькали толстые стволы. Таргитай выскочил вслед за Олегом на широкую полянку, остановился, уткнувшись в толстое дерево, обхватил его обеими руками. Дыхание вырывалось с хрипами, сердце выскакивало.

Над ними зазвенел тихий смех. С трудом поднял залитое потом лицо, в густой листве мелькнуло юное девичье, почти детское личико. Зеленые глаза смеялись, длинные светло-зеленые волосы свешивались, как пряди мха.

– Мы люди Леса, – прохрипел он пересохшим горлом. – За нами гонятся люди Степи. Хотят убить. Помоги!

Юная берегиня посерьезнела, ее лицо стало почти торжественным. Глаза потемнели, она отбросила волосы за спину, сказала строго:

– Не двигайтесь!

Крики стали ближе, между деревьями замелькали киммеры. Оставив коней, чтобы в буреломах не поломали ноги, вшестером сновали по роще, блестя обнаженными мечами.

Фагимасад шел прямо на Таргитая, тот с содроганием смотрел на широкого в плечах врага с яростным лицом, жутким свежим шрамом на левой щеке. На голове была войлочная скуфья, украшенная металлическими пластинками так густо, что самого войлока не было видно. Крылья скуфьи падали на спину и плечи, оберегая от острых лезвий. Фагимасад был в тех же дорогах доспехах, на поясе болтался узкий кинжал, украшенный дорогими камнями.

Мрак всхрипнул, как конь, шире расставил ноги и перехватил секиру поудобнее. Олег молча перехватил оборотня за руку, а Таргитай корчил страшные рожи, умоляя держаться тише. Мрак не двигался, но секиру не опускал, острые глаза прощупывали противников, оценивающе перескакивали на изгоев. Киммеров осталось шестеро...

Фагимасад покрикивал, степняки двинулись быстрее. Каждое дерево огибали с двух сторон, настороженно зыркали по сторонам. Глаза блестели – черные, раскосые.

Таргитай попятился, Фагимасад шел на него. Олег схватил за локоть, другой рукой удерживал Мрака. Оборотень присел, изготовился к последней страшной схватке. Его зубы блестели, глаза зажглись безумным красным огнем. Руки потемнели, начали быстро покрываться густой серой шерстью.

Через листву падали прямые лучи солнца, внизу сгущались тени. Эти тени вдруг задвигались, расплылись, а воздух начал дрожать, силуэты деревьев тоже дрожали, подрагивали, словно на глаза набежали слезы...

Таргитай протер кулаком глаза, но деревья расплывались, передвигались с места на место. Киммеры были почти рядом, но все шли с оторопелыми лицами. Ему показалось, что их стало больше.

– Закройте глаза! – послышался свистящий шепот Олега. – Закройте глаза... и не двигайтесь!

Таргитай тут же с великой охотой зажмурился, еще и ладонями прикрылся. Мрак скрипнул зубами, чуть опустил голову, но глаза не закрыл, люто сверкал ими из-под мохнатых бровей. Олег зажмурился, заткнув пальцами уши, и присел у ног Мрака, как хомяк под деревом.

Сквозь шум крови в ушах Таргитай слышал раздраженные голоса, в которых был и страх. Потом раздались крики, треск, топот. На миг стало холодно, пахнуло ветром от огромных крыльев. Он тоже в страхе присел, коснувшись плечом Олега.

Свирепая властная рука ухватила его за плечо. Он испуганно дернулся, вскрикнул, но сильные пальцы держали крепко. Таргитай в ужасе раскрыл глаза. Брови Мрака сшиблись на переносице.

– Все... Можешь сменить портки.

– Что?

– Только снимай осторожненько.

На другой стороне поляны Олег выглядывал, схоронившись за деревом, махал им рукой:

– Ушли! Ушли кривоногие!

– За рощу? – спросил Мрак быстро.

– Да. Садятся на коней. Фагимасад хлещет их плетью прямо по рылам!

– Коней?

– Разве у коней рыла?

– И те, с рылом, не дают сдачи?

– Да жаль, нет. Фагимасад, хоть и царевич, любого сам в порошок сотрет.

Таргитай спросил, не веря самому себе:

– Как же они... Я здесь отыскал бы иголку!

– Это не простая роща, а гай, – объяснил Олег. – Когда-то здесь был настоящий Лес. Пришли поляне, погубили деревья, пустили пал, расчищая место для пашни... Этот клочок Леса уцелел.

– Но даже гай еще не Лес!

– Конечно, но деревья здесь старые, помнят древнее родство. Значит, мы им родня, они знают.

Мрак вмешался нетерпеливо:

– Волхв, не о том лепечешь. Киммеры вернутся или нет?

– Вряд ли... но оставаться здесь не стоит. Гай отвел им глаза, но сил у него маловато. Здесь не так уж много старых деревьев, Мрак. А молодые, что родились уже не в Лесу, такой мощи не имеют. Если киммеры вернутся...

– Понятно, – прервал Мрак снова. – Так чего расселись, как вороны на дохлой корове? Бегом отсюда!

Вверху зашелестело, на невров посыпались сосновые чешуйки. На нижней ветке сидела, болтая босыми ногами, худенькая девушка с бледным лицом и большими зелеными глазами. Теперь глаза словно бы светились изнутри. Таргитай застыл в изумлении, не в силах отвести взгляд, его нижняя челюсть отвисла. Девушка засмеялась, шаловливо бросила сосновой шишкой.

Таргитай поймал на лету, проговорил с большим чувством:

– Сохраню на память! Это будет моим оберегом в долгом и опасном пути!

Мрак кивнул Олегу, они медленно пошли между деревьями. Мрак оглянулся на Таргитай, сказал досадливо:

– Для него важнее соврать, чем поесть! А поесть любит. Олег, в мешке что-нибудь осталось?

– Корочка хлеба от ковриги мудреца.

– Ломай на двоих.

– А Таргитай?

– Таргитай и у мертвого выпросит. А уж девка ему все отдаст, себя – в первую очередь. Бабы всегда к нему липли, помнишь? Даже если у них рыбы хвосты вместо ног. Что в нем находят, как думаешь?

– Песни, – ответил Олег, подумав.

Мрак тоже поразмыслил, согласился:

– Да, песни в нем рождаются, как головастики в болоте.

Возле крайних деревьев опасливо выглянули в жаркую Степь. Здесь стволы были непри-
вычно голые, без толстых шкур мха. Под палящим солнцем через высокую траву удалялись
всадники. Фагимасад ехал замыкающим, часто оглядывался. Внезапно он неуловимо быстрым
движением выхватил лук.

Мрак отшатнулся, но стрела Фагимасада ушла прямо вверх. На миг сверкнуло блестящее
жало... Затем из синевы выпал крохотный небесный певец. Стрела просадила худое тельце
насквозь.

– Меткий, – сказал Мрак настороженно, – ничего не скажешь... Но птаху зашиб зазря.
Не по-мужски злость на детях да птахах... Свисти Тарху! Хватит язык с бабой чесать, хоть и
с берегиней. Что глаза дурням отвела – спасибо, но убегать все равно надо.

Они прокрались на другую сторону гая. Теперь между ними и степняками были деревья.
Таргитай догнал их, щеки горели как маков цвет, а губы покраснели и вздулись, как переспелые
вишни. Мрак осуждающе покачал головой, но смолчал.

Они бежали через Степь, часто ныряя в заросли высокой травы, однажды продрались
через колючие кусты. Таргитай и Олег бежали плечо в плечо, не оглядываясь. Мрак трусил за
ними следом, посматривал по сторонам и через плечо назад, вдруг выругался с какой-то непо-
нятной тоскливой злостью. Таргитай невольно перешел с бега на шаг, оглянулся, уже предчув-
ствуя беду.

Далеко позади в Степи полыхал жаркий огонь. Черный столб дыма поднимался до самого
неба, расплываясь багрово-сизым облаком. Вокруг исполинского костра по кругу носились едва
заметные всадники, без нужды метали в полыхающие деревья факелы.

– Фагимасад, – проронил Мрак со злостью. – Вернулся, гад степной... Отомстил дере-
вьям!

Таргитай повернулся к Мраку, закричал обвиняюще:

– Ты чуял!.. Потому так торопил уйти!

– Я разве волхв? Я не чуял, я знал. Этот горбоносый не терпит отпора ни от людей, ни
от деревьев. Серьезный вражина.

А Олег сказал печально:

– Я читал, что некий царь велел наказать плетями море, что не подчинилось ему...

Таргитай ощутил резкую боль в груди. Ладонь дернулась, накрыла левую сторону, там
стучало, словно задышалось в огне, его сердце.

– Берегиня! – вскрикнул он. – Она же... она погибнет!

– Уже, – бросил Мрак. Он развернул Таргитая и толкнул в спину. Тот пробежал несколько
шагов, круто развернулся. Его глаза с великой тоской смотрели на полыхающую рошу.

– Мрак... – произнес он решительно, – я должен вернуться. Она могла еще не погибнуть.

Олег обнял за плечи, повел силой. Таргитай тряс головой, слезы мешали видеть. Ноги не
чувствовали земли, зато видел, как в страшном жару задыхается нежная зеленоглазка, спасающая
им жизни.

– Нет! – вскрикнул он яростно. – Я так не могу! Пустите!

Мрак коротко кивнул волхву:

– Ладно, если у тебя не получится...

Он выдернул секиру, зловеще взвесил на руке, повернув обухом. Олег с силой сдвигал
плечи Таргитая, потащил вперед. Сзади трещала трава под сапогами Мрака. Тот нес, судя по
всему, секиру в руке, готовый оглушить, волочить беспамятного.

Наконец Таргитай вытер слезы, размазывая по лицу, всхлипнул в последний раз, судорожно
вдохнул, как после долгого плача.

Мрак снова кивнул Олегу, тот смотрел на певца с жалостью, а оборотень сказал с изде-
вательской благожелательностью:

– Ничо, ничо... Больше поплачет, меньше пописает... В гае он постеснялся перед берегиней, а здесь, в голой Степи... гм... ни деревца, ни забора...

– Да, – согласился Олег, подумав. – Слезы – великое решение.

Таргитай снова всхлипнул, уже от жестокости, несправедливости. Мрак жесток, бесчеловечен, он – зверь, но чтобы так говорил и Олег... Он заплакал, внезапно все поняв. Оба отвлекают его, принимают гнев на себя, только бы он не думал о горящем гае, не так страдал...

– Сами вы дураки, – сказал он сдавленно. – Человек, когда страдает... больше всего человек.

Глава 4

Они выбрели на дорогу, и Мрак сразу перешел на бег. Утоптанная земля звенела под ногами, ни травинки, ни камешка – копыта конницы вбили, втоптали, превратили в камень. Бежать легко, трава не цепляется за ноги, но с конными воинами Фагимасада позади – гибель. Тот не остановится и перед потерей половины коней, что поломают ноги в норках хомяков. Ни перед чем не остановится!

Ветер постоянно сдувал пыль, невры бежали по дороге легко, лишь косились на обочины, где трава шелестела жесткая, полумертвая. В Лесу любое растение, даже померев, не высыхает так жутко. А здесь еще вроде бы живое, но пробуравливает спекшуюся землю, как коловорот, стебли выпускает твердые, как древко секиры, и острые, как лезвие!

В полдень, когда солнце жгло особенно сильно, устроили привал. Таргитай попробовал выдрать куст для костра, приняв за мертвый. Измучился, пытаясь выдернуть из земли, потом попробовал перекрутить стебель, но тот, измочаленный, свертывался в узел, но держался, ни одно волоконец не лопнуло. Наконец, осатанев от обиды, Таргитай сбегал за секирой, двумя ударами срубил у самой земли, словно мстил за свои муки. Боялся, не загорится, ведь живое еще, но вспыхнуло жарким пламенем, бересте впору.

После обеда вышли на ту же дорогу. Едва дальнзоркий Мрак замечал скачущих всадников, тут же сходили, залегали в траве. Всякий раз спина Таргитая напрягалась, словно туда вонзались стрелы или же, с хрустом ломая позвонки, всаживалось лезвие копья. Трава высокая, но редкая, листья узкие, а если степняк остановит коня, чтобы на обочине сходить по нужде? Правда, волхв уверяет, что те проделывают это, не слезая с коней, на скаку, но Таргитай отказывался верить. Он сам однажды пробовал помочиться лежа, так взопрел от тщетных усилий, но ничего не получилось.

На привале и даже на дороге Олег заглядывал в книгу, мрачнел все больше. Таргитай все реже вынимал сопилку. Песни складывались печальные, тревожные, а прежние – веселые да шаловливые – не пелись вовсе. Он пытался, разевал рот, но веселье не шло, тужился зря. Лишь Мрак над умственными загадками голову не сушил – хватало забот с двумя неумехами, шныряющими степняками, редкой добычей, схованками на ночь...

Олег наконец сунул книгу в мешок, догнал Мрака – тот всегда шел на пару шагов впереди.

– Я чую, ошибку одну допустили... Тарх, иди сюда! Мы должны вернуться в Лес.

Таргитай раскрыл рот и удивленно захлопал глазами. Мрак ответил без всякого удивления:

– Иногда чуешь верно, хоть и запоздало. Но лучше поздно, чем... Кишка тонка?

– Тонка, – признался Олег печально.

Таргитай растерянно переводил взгляд с одного на другого.

– Что вы говорите?.. Подумайте! А растерзанная Зарина? Я не отступлюсь!

– А зеленоглазая берегиня? – в тон ему подсказал Мрак. – А еще сколько баб встретишь? Олег, ты прав. Без коней, могучего оружия... Прем прямо в стольный град киммеров? Да мы

сгинем на дальних подступах, и жаба за нами не кумкнет. Но если ты не придумал, как сделать лучше, то не раскрывай пасть вовсе! Без тебя знаем, что прем на рожон.

– Мрак, здесь мы в чужом краю, где даже зайцы и перепела лучше нас знают, как выжить. А в Лесу можем получить помощь. Сейчас ведь канун Купалы?

Темные глаза Мрака остро блеснули.

– Цвет Папоротника?

– И одолень-травя.

Мрак с сомнением двинул тяжелыми плечами.

– Хочешь сорвать? Храбрейшие из храбрых бежали так, что портки теряли... А кто не терял, то лучше бы потерял. Олег, ты вроде бы не самый храбрый на белом свете? Аль уже похрабрел?

Олег надулся, как озябшая сова, ответил неохотно:

– Да, но... я знаю, где искать. Боромир грозился, что плохо знаю орнаменты, зато когда дело о травах... И про разрыв-траву знаю, и одолень искал!

– От орнамента хоть какая-то польза, – бросил Мрак. – А кто из невров искал редкие травы? Говорят, дед Гоймир в молодости да еще Ивашко, что сгинул в Лесу на другой день...

– Мрак, мы не в деревне. Мы даже не невры. Орнаменты нам ни к чему, а трава сейчас бы кстати. Мы и так ходим по лезвию секиры, что теряем? Разве в Лесу опасности больше?

– Больше, – ответил Мрак серьезно. – Просто мы лучше знаем Лес, не лезем сами в петли. Тарх, что ты скажешь?

Таргитай очнулся от громкого голоса, захлопал веками. Глаза были непонимающими, испуганными.

– Что? О чем?

– Перестань ныть, – сказал Мрак с досадой. – Она же бессмертная, твоя берегиня! А если вила, то все одно прожила дольше нас, вместе взятых... Да и вилы, по-моему, тоже бессмертные. Олег, вилы мрут?

Олег недовольно скривился, злой, что перебили.

– Сие тайна велика есть. Я вилами не занимаюсь. Ни один волхв все не охватывает. Знаю травы, а все остальное – краешком. Тарх, мы с Мраком полагаем, что надо вернуться на время в Лес. Подошла пора цветения папоротника...

– А берегиня в Лесу – как сосновых шишек в урожайное лето, – добавил Мрак, – на каждом дереве! Бывает, целая дюжина на ветке качается. Сам видел.

– Не нужны мне другие берегини, – ответил Таргитай сурово. – Кто-нибудь из невров находил цвет? Не в древности, а среди наших?

– наших осталось только трое. Мы.

– Решайте сами, – ответил Таргитай уныло. – Олег умный, а ты – смелый. А что я? Куда иголка, туда и нитка.

Две ночи они крались через Степь. Не в свой Лес, от него ушли слишком далеко, туда пришлось бы идти половину лета, а взяли влево, где на виднокрае чернела полоса. Мрак пообещал, раздувая ноздри, что там не роща, не гай, а настоящий Лес. Его что-то беспокоило, глаза темнели, но изгоям не сказал ни слова, только заново наточил секиры. Лук был при нем, хотя колчан был пуст. В мешочке звенели тяжелые наконечники, но стрелы в Степи из бурьяна не выстругаешь.

Ночью на сухие стебли падала роса. Странно было видеть на мертвенно-жестких листьях крупные холодные капли, где зловеще-ярко сияло мертвое солнце ночи. Высоко в небе так же холодно и мертво блистали звезды. Над головой мелькали бесшумные тени.

Таргитай приободрился, подумав, что лесной филин летает охотиться даже сюда, в Степь, но одна из таких теней на миг закрыла луну и горсть звезд, и он содрогнулся, увидев растопы-

ренные мохнатые крылья с перепонками, на которых торчали острые когти. Огромный кожан, нетопырище, ночное чудище!

Мрак пихнул Олега в бок:

– Тебе не нужны их лапы, уши, когти? Боромир, бывало, заказывал...

– Я занимаюсь травами, – напомнил Олег поспешно. Он втягивал голову в плечи, когда над ним проносились невидимые крылья, обдавая опасным холодком.

– Травами? А я – охотой. Но здорово вы бы нажрались, если бы я умел стрелять, скажем, только по зайцам!

На третью ночь подошли к Лесу вплотную. Ночь была ясная, хоть на луну часто наплывали облачка, ровную Степь заливал тихий серебристый свет, а дальше из сухой прокаленной земли поднималась черная стена деревьев, упиралась в небо.

Невры остановились на опушке, уже различая родные запахи. За спиной оставалась злая Степь, безжизненная – несмотря на травы, зеленых кобылок, хомяков, зайцев и даже крупных дроф. В Степи все плоско, бедно, а Лес – многоповерховый, жизнь копошится не только под ногами, но и на всех уровнях, везде – своя жизнь, свои звери и птицы.

– Пошли, – сказал Мрак нетерпеливо.

Таргитай и Олег протиснулись за ним в черноту. Таргитай тут же завопил и свалился, запнувшись за корни, Олег с хрустом врезался лбом в дерево, что откуда ни возьмись выпрыгнуло навстречу. Мрак заворчал, спина его выгнулась горбом. Он повернул к изгибам темное лицо, жутко блеснули красные глаза, он прорычал:

– Ждите здесь...

Мягко шелестнули его шаги по опавшим листьям, тут же все стихло. Таргитай потерянно стоял, не двигаясь, привыкал к темноте. Ему вдруг стало страшно. Лес был не совсем Лес...

– Олег, – позвал он тихонько. – Ты еще здесь? Дай руку, я тебя не вижу.

Рядом хрустнуло, его плеча коснулись чужие пальцы. Голос Олега раздался совсем рядом:

– Тарх, что мы натворили!.. Мраку нельзя возвращаться в Лес!

– Поче... Ах, это же беда...

– Понял? Мрак не удержится. В Степи зов волчьей души затих, мы даже забыли, что Мраку осталось последнее превращение... Но теперь наши лесные души раскрываются, мы слышим зов Леса, а отказаться не в силах!

– Мрак не вернется? – спросил Таргитай. Он почувствовал на глазах слезы.

– Не знаю. Как я, дурак, не подумал! Все о травах, о папоротнике... А Мрака потеряем...

– Я тоже не подумал, – признался Таргитай горько. – Он нас так долго берег, что мы разучились заботиться о себе... да и никогда не умели. А уж о нем вообще не думали! А он беззащитнее нас.

Очень медленно в темноте начали прорисовываться силуэты могучих деревьев, зависшие над землей крючковые ветви. Проступали белесые корни, мшистые бугры, начали проясняться узорные листья папоротников, странные стебли хвоща. Таргитай часто и глубоко дышал, вживался, возвращаясь в Лес всеми чувствами, заново узнавая, отыскивая свое место.

– Пойдем в глубину? – предложил Олег. В его голосе прозвучало беспокойство. – А то в спину дует.

Сухое дыхание Степи проникало через передний ряд деревьев-исполинов. Олег уже сделал два осторожных шага, уходя от чужого воздуха, пригнулся, пролез под низкими ветвями.

– Мрак велел ждать здесь... – напомнил Таргитай.

– Да, – согласился Олег горько, – велел.

Таргитай неуверенно шагнул за волхвом, чувствуя пустоту в груди.

– Ищи поляну с сухостоем, – напомнил он.

– Знаю, – откликнулся чуть раздраженный голос.

Таргитай падал, вывалился в мокрой земле. Олег падал тоже, ругался вполголоса. Наконец выбрались на крохотную поляну, где поперек лежала валежина, а две сушины висели на раскоряченном дубе, скрестившись растопыренными ветвями.

Олег с облегчением сбросил мешок. Таргитай выдернул секиру, подрубил опорные ветки, обе сушины с грохотом повалились на землю. Таргитай спешно начал рубить сучки на костер, стараясь опередить Олега. Рубить легче, чем разводить костер, пусть даже из сухих веток. Правда, дело волхва – огонь, священный или не священный, дело Мрака – охрана, добыча, а ему, Таргитаю, работа попроще: подай да принеси, бери больше да бросай дальше, а пока летит – отдыхай вволю...

Олег умело разжег бересту, вверх взметнулось черное коптящее пламя. Сели рядышком, чувствуя себя без Мрака снова одинокими и заброшенными. Вроде бы Лес, но зловещий какой-то. Недобрый. Или отвыкли, блукая по Степи?

– Мрак вернется? – спросил Таргитай тихонько.

Олег дернулся, словно терзался той же мыслью, а Таргитай коснулся больного места. Огрызнулся:

– Скажи еще, что я волхв, должен чутать... Не знаю!

– Да не говорил я такого, – ответил Таргитай поспешно. – Не обижайся! Все знают, что ты ничего не чуешь и ничего не знаешь. И не умеешь.

Олег сердито сверкнул глазами, в которых уже плясали искры от костра, делая волхва похожим на оборотня. Таргитай сидел смирный, как овечка, печально хлопал длинными девичьими ресницами, тоскуя по Мраку, и Олег смолчал, проглотил оскорбление.

Костер горел ярко, освещая поляну и комли ближайших деревьев. Дальше шла кромешная тьма, там что-то постанывало, шуршало, потрескивало, щелкало невидимыми клювами и когтями. Воздух уже был привычно влажный, наполненный успокаивающе сырыми запахами.

Вдруг совершенно бесшумно в круг света ступил огромный человек. На землю тяжело бухнулась окровавленная тушка зайца. Оглядевшись, ночной великан сказал хмуро страшным голосом:

– Я же велел ждать!.. А вдруг бы вас сова вместо мышей сцапала?

– Мрак, – обрадовался Таргитай. – Мы так за тебя беспокоились, так беспокоились... что даже все забыли. Мрак, что это за Лес, ты узнал?

Мрак сел подле костра, разулся, озабоченно пошевелил перед огнем скрюченными пальцами ног. От них пошел пар и густой синий запах.

– Лес как Лес. Помельче нашего, погрязнее. Зверье хилое, нездоровое какое-то... Что-то гнетет их. Недоброе.

Он провел ладонью по лицу, стерев темное пятно вокруг губ. Таргитай похолодел, угадав, что на губах и подбородке Мрака была кровь, чужая кровь. Олег не заметил, спросил деловито:

– А как насчет разрыв-травы?

– Ни разрыв, ни одолень не унюхал. Да я и не унюхаю, пока не буду знать, какие они. Но папоротник поблизости есть роскошный! Зацветет через пару дней.

– Ты можешь учуять и срок?

– Хотя я и не волхв... Лес заброшенный, старый, даже дряхлый. Здесь папоротнику да всяким нечистым травам и место.

Таргитай спросил напряженным голосом:

– А люди... Людей не учуял?

– Их отродясь здесь не было. Или ушли очень давно. Степь чересчур близко! Наступает, теснит... Если и есть в этом Лесу людишки, то ушли в глубину. От полян, киммеров. Если пройти по этой ложбинке, выйдем на огромную поляну, там дремучие заросли черного папоротника. Чернее не бывает! Я не щупал, но, как говорит наш мудрый волхв, чую, подходящие...

Когда утром Таргитай проснулся, его кто-то сильно тряс. Раскрыл глаза, ожидая увидеть Мрака, но никого не узрел. Встревоженный, подхватился, не сразу понял, что трясся хорошо и без Мрака. Рядом стучал зубами Олег, но упорно не просыпался. Таргитай вспомнил, как ночью они сползлись, жались друг к другу, сохраняя остатки тепла, скрючивались, стараясь вобрать в себя руки и ноги, но такое удавалось разве что улиткам.

Посреди поляны горел малый костер. Мрак помешивал угли, в котле на перекладине аппетитно булькало. От костра вкусно пахло теплом, защищенностью. Мрак смотрел на изгоев с безгливой жалостью.

– Пошевеливайтесь, неумимые! Орлы! Я сбегал уже к папоротнику, проверил. Через два-три дня расцветет, точно. Но идти туда надо немедленно.

– Зачем? – спросил Таргитай жалко.

Трясаясь от холода, он на четвереньках подобрался к костру, почти влез, стараясь побыстрее согреться. Олег тоже зашевелился, подергал носом. Его рука скользнула за голенище, в ладони появилась расписная ложка. Волхв еще спал, но губы беспокойно двигались, плямкали.

– Птичьи следы, – ответил Мрак коротко.

Руки Таргитая подломились, он едва не ткнулся лицом в угли. Отпрянул, опалив брови, но все равно окатило ледяным холодом. Мрак не стал бы упоминать простых птиц!

Пшенная каша невыносимо горчила. То ли мудрец такую любил, то ли чуть ошибся в заклинании, но Таргитай подозревал, что это у него самого горько во рту. Встреча с чудовищами из мира мертвых страшила. Олег приковывал, он не слышал о навьях, но лицо волхва невыспавшееся, серое, словно ночью посещали недобрые видения.

Мрак поел быстро, нетерпеливо ерзал, пока изгои выскребывали стенки котелка. Наконец, забросав угли сырой землей, подхватили мешки, Мрак бегом повел вниз по ложбине.

Миновали березняк, продрались через густой орешник, дальше пошел светлый солнечный Лес. Навстречу степенно выходили уверенные в своей мощи дубы, толстые липы, приземистые клены...

Мрак замедлил шаг, прошел дальше один, внимательно шаря взглядом. Когда поманил друзей, лицо оборотня стало совсем невеселым.

– Опять следы, – обронил он. – Совсем свежие. И еще чьи-то...

Таргитай присел, потрогал вмятины в сырой земле. Не следопыт, но ребенку ясно – на землю опускалось что-то тяжелое, огромное, с острыми, как железо, когтями.

Олег спросил тревожно:

– Мрак, что это?

– Разве я волхв? – ответил Мрак едко. – Я знаю зверей только этого мира!

Олег сгорбился, словно его хватили палкой по шее. Таргитай спросил неуверенно:

– Переночуем здесь?

– Все ночи, – отрубил Мрак. – Сколько понадобится, столько и будем ночевать. Вон папоротник, видишь? Прямо на том конце поляны. Готовится расцвести.

Таргитай всмотрелся, ответил с сомнением:

– Но я не вижу бутонов!

– Чего восхотел! Папоротник прячет их, как гадюка ноги. А потом будто ниоткуда берется Цвет. Понял?

– Откуда ты знаешь? – пробормотал Таргитай.

– Чую, – ответил Мрак насмешливо. Он хлопнул Олега по спине. – Эй, не расслаживайтесь! Задницы промочите, аки лебеди. Сейчас утро, вернемся сюда к ночи.

– Ну да, – сказал Таргитай. – Хворосту приготовим на ночь!

Мрак посмотрел на молодого парня, помолчал, в глазах мелькнули странные огоньки. Таргитай набылчился, потребовал:

– Ну-ну, договаривай! Что ты хотел сказать?

Мрак внезапно широко улыбнулся, показав белые волчьи зубы.

– Ну нет! Лучше пожертвую острым словом, чем приятелем.

Конечно, искали не хворост, а одолень-траву. Хворост наберут на обратном пути, сказал Мрак. В его глазах все еще блестели искорки, а на губах играла двусмысленная усмешка.

Таргитай ежился, держался к Мраку поближе. К расцветающему папоротнику, как известно, стягивается вся нечисть. Папоротник – порождение подземного мира, недаром цветет только ночью, не зря прячет от солнца и людского глаза даже завязь будущих цветков. Папоротник – трава волхвов, акудников, кудесников, но также той ночной нечисти, с какой быются волхвы. Нечисть стережет свой Цветок, не отдаст! Уже сейчас слышен запах невидимой завязи, за две ночи станет еще мощнее. Если сейчас Мрак обнаружил следы навий и какого-то неведомого зверя, то вскоре сюда соберутся болотники, исчезники, лешие, сяжечники, слетятся остальные навьи, а то и появятся ужасные дочери самой Мары – жены Ящера, владыки подземного мира, любимой дочери Чернобога!

Скользя по косогору, сбежали к едва заметному лесному ручейку. Вода неслась быстро, прыгала по камушкам, из пены выступали крупные глыбы с острыми, неотглаженными краями, будто Род сотворил ручеек вчера. На камнях, что усеивали берега, пламенели пятна засохшей крови. Подойдя вплотную, Таргитай понял, что камни покрыты фиалковой плесенью, красноватым мхом, но ощущение пролитой крови осталось, даже усилилось.

Вода бежала темная, дна не углядишь, хотя неглубоко, если судить по бурунам и торчащим из воды камням. Настоящий ручей, не бегущая по Степи вода, что под нещадным оком солнца просматривается до самого дна, как бы далеко ни пряталось!

Вниз по ручью камни пошли крупнее, их закрывали листовые и печеночные мхи. Тоненькие зеленые усики мха шевелились, тянулись к неизвестным гостям.

Олег вдруг начал забирать круто влево. Мрак и Таргитай переглянулись, послушно пошли следом. Мрак лучше знал Лес, за версту видел добычу, а опасность – за две, но травы лучше знал Олег. Любый охотник ведает, даже Таргитай знал с детства, какую траву приложить к ране, какую пожевать, чтобы отбить жажду, а какую растереть в пальцах и нюхнуть, чтобы не спать ночь... Но простейшие травы знают все, но есть редкие, особо могучие – одолень-траву, разрыв-траву... Их знают только волхвы. Да и то не все.

Олег искал сперва в одиночку, потом с неохотой раскрыл секретные приметы нужных трав, и с той минуты Мрак и Таргитай то и дело дергали волхва, указывая с гордостью очередную находку. Олег снова повторял приметы, сердился, удивлялся человеческой тупости, намекал на тесание кола...

Притомившись, сели на землю, съели по горсти лесных ягод. Мрак нетерпеливо крутил шеей, вдруг сказал, пристально глядя Олегу под ноги:

– Мудрейший из волхвов, не крути гузном... Или пробуешь выдернуть им разрыв-траву? Так зацепляй да дергай, а то раздерет тебя надвое, на то она и разрыв...

Олег фыркнул, с негодованием пощупал под собой стебельки невзрачной травки:

– Это не она... Разрыв-траву потемнее, а зубчики по всему краю...

Мрак молчал, не сводил с него глаз. Таргитай подался вперед. Олег уже неуверенно всмотрелся, щеки его порозовели.

– Молодая шибко, что ли... Приметы не совсем сбегаются...

Он вскочил, торопливо выкопал стебель с луковицей, бережно отделил счетверенный стебель. Мрак откровенно скалил зубы. Олег в неловкости отводил глаза. Мрак будет придумывать веселые истории про волхва, который наловчился в рамках магического обряда дергать гузном чародейские травы. Ладно, стерпим. В деревне Мрак с самым серьезным видом рассказывал, что Громобой на спор ломал сучки на бревнах, а Старший Охотник терпел хохот молодежи, только натужно скалил зубы.

– Любят тебя боги, Мрак, – сказал он с вынужденной улыбкой. – Теперь бы еще одо-лень-траву найти, а?

– На следующем привале, – пообещал Мрак самым серьезным тоном. Таргитай не утерпел, расхохотался. Смех у него был чистый, светлый, почти детский. Глядя на него, заулыбался и Олег.

– Только не забудь напомнить, – сказал он Мраку. – Я сяду куда скажешь! Только бы найти.

К вечеру отыскиали еще один кустик разрыв-травы. Пока Олег бережно подрывал землю вокруг корешков, стараясь не повредить луковичу, Мрак тревожно всматривался в сгущающиеся сумерки. Что-то тревожило, но молчал, лишь суетился без особых причин, раздражался, торопил изгоев.

Возвращались почти бегом. Деревья уже опускали хищно ветви к самой земле, чуя пришельцев, хватали за ноги, за волосы, цеплялись за одежду. Корни выползали из темных глубин, почти не прикрываясь мхом. Таргитай часто падал, расшибал лицо о твердые, как камень-голыш, корни, хотя падал вроде бы на мягкий мох.

– Места древние, дикие, – слышал он за спиной довольный голос Олега. – Всего можно найти!

– Еще и сверх того, – ответил Таргитай, со стоном хватаясь за голову.

– В первый же день нашли разрыв-траву! А что этот Лес еще даст? – рассуждал Олег.

– Не знаю, – ответил Таргитай зло. – Но догонит и еще даст – это точно.

На поляну вернулись в кромешной тьме. Таргитай и Олег растерялись, но Мрак высек огонь, быстро развел костер. Оказалось, он всегда помнил, с кем его связала злая судьба, и хвороста собрал на рассвете, пока изгой еще похрапывали.

Олег сразу подсел к огню, без нужды протянул к пламени руки, словно среди зимы, хотя распаренное лицо блестело от пота.

– Добро... А то чую что-то недоброе... Вроде бы кто-то близко...

Мрак зло оскалил зубы, на них запрыгали красные блики, и показалось, что изо рта каплет свежая кровь.

– Он чует!.. Да за нами гнались всю дорогу!.. Прямо от дурацкой разрыв-травы! Эх, волхв... Как тебя Боромир учил? Кол на голове тесал или орехи колот? А надо бы мордой об стол...

Олег окаменел возле огня. Теперь ощутил, даже увидел неясные мелькающие тени, горящие глаза, белесые лапы с острыми когтями... В неверном призрачном свете костра на миг возникли оскаленные пасти, огромные клювы, блеснула чешуя на толстых боках, сухо стукнули костяные наросты...

Огонь часто испуганно припадал к земле, затем красные языки взмывали, отшвыривая чудовищные тени, но за ярко освещенным кругом тьма двигалась, сгущалась, обретала массу, иногда словно бы растворялась, но тут же еще больше уплотнялась на другом краю поляны. Трепещущий красный свет пока что удерживал натиск ночи, но тьма наваливалась черной тяжестью.

Из-за светлого круга начал доноситься слабый приглушенный вой, скрежет огромных зубов, шелест чудовищных кожаных крыльев, скрип, змеиное шипение. Мрак подбросил в огонь пару толстых хворостин. Тьма отпрянула, но рев, писк и вой стали раздраженнее, громче. Таргитай и Олег сидели, как два валуна, боясь шелохнуться. Мрак сказал громовым голосом:

– Только не дайте угаснуть костру!.. Нечисть боится огня и света. Удержите костер во что бы то ни стало.

Таргитай в ужасе жался к костру так, что запахло паленой волчьей шерстью. Олег косился на хворост, что заготовил Мрак, побледнел. Как летняя ночь ни коротка, но хворосту не хватит!

Мрак сидел перед костром, скрестив ноги и упершись ладонями в колени. В темных глазах плясали красные огоньки. Он сбросил душегрейку, и языки огня прыгали по широкой груди, выпуклым плечам. Лицо было неподвижно, как камень, он смотрел в огонь неотрывно, не реагируя на жуткий вой, хриплые крики, треск ломаемых костей.

Таргитай вздрогнул. Плечо Мрака, к которому он прижимался, как и вся широкая спина оборотня, очень медленно покрывалось волчьей шерстью. Мрак по-прежнему смотрел неотрывно в очищающий от нечисти огонь, челюсти сжал, как капкан, желваки вздулись, но его тело чувало запахи, слышало вопли...

– Мрак! – закричал Таргитай в страхе. Он потряс Мрака за литое плечо, с ужасом чувствуя под пальцами густую шерсть. – Мрак, держись! Мы без тебя пропадем! Мы ж ничего не умеем...

Мрак содрогнулся. По телу пробежала судорога, затихла где-то у кончиков пальцев, ушла в землю. Он еще ниже наклонил голову, смотрел не в огонь, а себе под ноги. Спина круто выгнулась, плечи сузились, уши заострились и покрылись шерстью.

– Держись, – попросил Таргитай, едва не плача. – Олег, если ты волхв, скажи нужные слова!

– Подскажи их, – свирепо потребовал Олег.

Олег схватил Мрака за плечи, его пальцы погрузились в густую шерсть. Мрак повернул голову, странно взглянул на Олега. Лицо оборотня вытянулось, тоже покрывалось шерстью. Блеснули длинные, как ножи, клыки. Глаза оставались прежними, хотя уже налились дурной кровью.

– Не могу! – вскрикнул Олег. – Ускользает! Он уже не человек...

– Мрак! – закричал Таргитай. – Мрак, не уходи! Мрак, ты человек!

– Мрак...

Оборотень резко припал на передние лапы, пальцы изгоев соскользнули с волчьей шерсти. Огромное звериное тело взвилось в прыжке. Не через костер – оборотни боятся огня, сбил Олега, пропал во тьме. Там раздался ликующий рев, хохот, визг. Таргитай присел к земле и зажал ладонями уши.

Олег бросил в огонь охапку веток. Шум, треск и вой отодвинулись, но вернулись скоро, к ним добавились странные квакающие и хлюпающие звуки. Глухо ухнуло, вздрогнула земля, словно вблизи рухнуло дерево.

Чья-то когтистая лапа коснулась затылка Таргитая. Он отшатнулся, едва не упал в огонь. Олег подхватил его, вдвоем перебежали на другую сторону костра. Пламя колыхалось, высвечивало дальние углы поляны. Таргитай успевал увидеть мохнатые когтистые лапы, выпученные глаза, черные кожаные крылья...

Запахло гарью, пальцы на ноге обожгло. Он отдернул ногу – подошва дымилась, толстая кожа растрескалась. Пока он тыкал сапогом в мокрую землю, Олег спешно подкладывал в огонь хвороста. Таргитай выхватил остаток, сел на него. Ночь едва началась, а половины дров как не бывало!

Голова раскалывалась от жара и дыма. За костром во тьме проступали огромные хари, а в глазах замелькали пятна и цветные тени. Навалилась усталость. Таргитай сидел, опустив руки, смотрел безучастно, как рассыпалась на ярко-красные угольки последняя ветка в костре. Она вспыхнула напоследок, и Таргитай машинально выдернул из-под себя другую ветку, сунул в огонь.

Пламя вспыхнуло сразу. Позади шумно вздохнуло, Таргитай заметил краем глаза длинные костлявые пальцы, что нехотя втянулись обратно во тьму. Напротив сидел оцепенелый Олег. Глаза его были широко открыты и не двигались, по красному лицу катился пот, высыхал, оставляя грязные дорожки.

Таргитай с трудом повернул голову, взглянул по сторонам. Отвратительные хари, оскаленные зубы, огненные глаза, когтистые лапы, гребни, рога... В странном отупении видел щелкающие зубы, желтую пену на змеиных губах, а когда одна пасть стремительно бросилась на него, словно собираясь клюнуть, не отодвинулся, не моргнул. Но костер еще горел, и пасть исчезла, будто растворилась.

Земля вокруг костра высохла от жара. Таргитай пересел с хвороста, начал ломать каждую веточку на мелкие части, бросал в гаснущий огонь. Пламя радостно вспыхивало, тут же приседало, словно придавленное незримой тяжестью. Олег трясся возле Таргитая, глаза он зажимывал, а ладонями зажимал уши.

Над головой среди корявых ветвей что-то ухало, жутко щелкало клювом и когтями. В костер летели клочья шерсти, куски коры, черные перья. Листва казалась багровой, словно залитой кровью, из глубины выглядывали оскаленные пасти. Однажды в огонь шлепнулось мохнатое, забилося, расшвыривая горящие угли, заверещало. Таргитай, сцепив зубы, бросил сверху растопыренную ветку.

Олег сидел на корточках, закрыв глаза и уши. Когда на него падала тень лесного чудища, дергался, едва не падал лицом в костер. Таргитай набросил свою душегрейку волхву на голову, похлопал по спине. Волхв внезапно перестал дрожать, хотя со всех сторон высывались жуткие звериные пасти, там верещало, визжало, орало, хрюкало, свистело. Таргитай пересчитал оставшиеся веточки, для верности тыкая в каждую пальцем, посмотрел наверх, откуда еще сыпалась древесная труха, и снова начал ломать хворостинки, скупно подкармливая огонь.

Тьма надвигалась – догорела последняя веточка. Таргитай наклонился, с силой подул в красные уголья. Взвился пепел, затрещало, яркие сполохи ударили во тьму, как раскаленные до красного жара мечи. Когти, что схватили Таргитая сзади, разжались. За спиной раздался раздраженный рев, словно огромный ящер опалил лапы. В воздухе повис запах горелого мяса.

Костлявая лапа дотянулась до Олега, зацепила когтями за пояс. Волхв беспомощно опрокинулся на спину. Таргитай перехватил его за ноги, потащил обратно, но голова и руки Олега были в темноте, оттуда дернули так, что едва не разорвали жертву надвое.

– Олег! – заорал Таргитай. – Да очнись же!

Волхв вяло задергался, вдруг с силой лягнул Таргитая по лицу. Вырвавшись из тьмы, упал, горящие угли под ним с жутким хрустом рассыпались во все стороны, но вспыхнули напоследок, тьма отпрянула, однако угли тут же начали покрываться серым пеплом.

Таргитай в отчаянии огляделся. Первым погиб Мрак, не одолев звериного клича, теперь гибнут они под натиском порождений Тьмы...

За шею схватили холодные липкие пальцы. Он ударил ногой, целясь в невидимое ему туловище, промахнулся, сзади схватили за одежду, руки. Упал, укусил что-то скользкое. Его тащили в темноту, он пытался ухватиться. Пальцы вдруг ожгло. Сцепив зубы, захватил горящий уголь, быстро ткнул им в мокрого жаборотого упыря.

Зашипело, упырь с визгом отпрянул. Таргитай выбрался из скользких рук, на четвереньках отбежал к остаткам костра. Мокрые спины упырей колыхались, вместе с огромными кожами они навалились на Олега. Волхв не сопротивлялся, его утаскивали за деревья.

Таргитай схватил в пригоршни горящих углей, с воплем швырнул на чудовищ. Угли разгорались на лету, оставляли дымные следы. Первый упал на спину крупного упыря, между лопаток взвился пар и желтый дым. Уголь с шипением погружался в упыря, а тот сразу осел, мертвенно-желтое тело расплылось, как плевок на горячем камне.

Остальные упыри отпрянули с визгом, двое уже корчились, расплываясь в желтоватые лужи слизи. Таргитай рывком подтянул Олега к себе, ударил ногой в бок:

– Вставай, трус! Уже светает!

Упырей видел отчетливо, над вершинками деревьев серело небо. Таргитай сжал кулаки, изготовившись к последнему бою. Силы на исходе, в голове звон, а перед глазами кровавые пятна... но отвратительные твари отступают, закрывают глаза лапами, отворачиваются от света!

В ушах Таргитая все еще стоял звон. Внезапно он понял, что это от внезапно наступившей тишины. Упыри ушли в глубь Леса, оттуда тьма уходит медленнее, а на поляну через прожженную костром дыру в низких зеленых ветвях падает слабый свет утра. За деревьями медленно отступала тьма.

Глава 5

Ветки зашумели, колыхнулись под утренним ветерком. Спросонья вскрикнула птица, увидев страшный сон. В ответ звонко и радостно чирикнула другая, успевшая продрать глазки.

Таргитай без сил опустился на землю. Ноги тряслись, на сердце было горько и пусто. Он сказал хриплым от ночного крика голосом:

– Мрак говорил, что надо драться до последнего... И победа придет!

Олег лежал, уткнувшись в землю, испещренную следами, клоками шерсти, чудовищного размера перьями, загаженную пометом. Таргитай ткнул волхва в плечо:

– Эй, славянин! Как говорил Мрак...

Олег дернулся, повернул голову. Щека его была в крови, глубокие царапины тянулись от уха до подбородка. Он прошептал:

– Мрак... теперь часто будем вспоминать Мрака.

– Без него мы даже сейчас... не удержались бы. Верно, волхв?

Олег с трудом сел, потряс головой. Крупные красные капли сорвались со щеки. Олег равнодушно растер их ладонью.

– Верно... Мрак кое-что передал нам. Кое-что, но ценное!

Они посидели молча, глядя друг на друга. Таргитай не хотел думать о том, в каком виде он сам, если Олег посматривает с брезгливым ужасом. Он пошарил за пазухой, выловил родную сопилку.

Олег смотрел неверяще, Таргитай сам не очень верил, что получится, трижды пробовал заиграть, но отказывали и пальцы, и губы, все-таки пересилил себя, заставил играть как надо, песня пошла, пошла почти сама. Он играл, постепенно теряя контроль над пальцами, над всем телом. Он стал лишь послушным инструментом, сам как бы со стороны слушал грустные мелодии, полные гордой печали, светлого плача.

Олег со стоном дотянулся до мешка. На свет появились ломти мяса. Передохнув, начал вяло жевать, посматривая на Таргитая с великим удивлением. Раньше тот, завидев еду, бросал все.

– Слушай, – сказал он внезапно, дождавшись, когда Таргитай закончил одну песню и набрал в грудь воздуха для другой, – у нас есть секиры, ножи, но мы даже не подумали их выхватить! Со степняками – да, а вот с упырями...

– Кто из нас волхв? – ответил Таргитай.

Олег покачал головой, сказал печально:

– Как много в тебе от Мрака...

Таргитай неохотно отложил сопилку, но не спрятал и взялся за еду. Какие бы упыри ни были мерзкие, но он не обрадует их тем, что откажется от еды.

Ели в молчании, не глядя друг на друга. Внезапно в кустах затрещало. Разбросав прошлогоднюю листву, на поляну гигантским прыжком выметнулся исполинский волк. Глаза горели желтым огнем, из пасти капала кровь. На всех четырех толстых лапах были огромные когти, покрытые засохшей кровью, шерсть висела кровавыми сосульками.

Олег упал на спину. Если этот волк был в прошлом Мраком, то сейчас это волк, который ничего не помнит о прошлом. И никого не узнает!

Волк свирепо зарычал, взглянул на Таргитая, разом припал к земле. Олег вскочил позади волка, выхватил секиру, широко замахнулся над головой. Волк словно оттолкнулся от земли, взмыл, встряхиваясь, во все стороны полетели комья грязи, ступки крови, сучки... и на поляне вырос, широко расставив ноги, Мрак. Он с усилием разогнул спину, повел могучими плечами. Сплюнул, ощутив во рту кровь. Волчьим чутьем уловил опасность, мгновенно обернулся, перехватил руку с секирой. Потрясенный Олег вскрикнул, выронил оружие и закрыл глаза.

Мрак дал ему опуститься на землю мокрой тряпкой, посмотрел удивленно, повернулся к Таргитая:

– Что-то у вас нагажено, разбросано... Не поделили чего?

Таргитай открыл и закрыл рот, наконец с трудом отыскал голос, убежавший на другую сторону Леса:

– Ты... ты говоришь!

– Ты тоже вроде бы, – ответил Мрак.

Таргитай бросился Мраку на шею, прижался.

– Мрак!.. Я боялся, что теперь уже навсегда! Даже печальную песнь о тебе сложил!

– Значит, буду жить долго, – буркнул Мрак. Он озирался, лицо его было бледное, усталое и совсем не такое каменное, каким Мрак держал его всегда. – Видать, я покрепче, чем считали. Старая кость, не то что нынешняя молодежь.

– Как ты нашел нас? Да еще в этой... личине!

– Ума не приложу, – ответил Мрак с беспокойством. Подумал. – Наверное, услышал дуду, решил сожрать дударя. А то и теленка или овцу, ведь на дудках чаще всего пастухи от безделья маются, если Степан ничего не напутал... Ладно, теперь неважно, как нашел. Буди Олега, пора идти за одолень-травой. Он что, плохо спал ночь?

Они оба смотрели на распростертого волхва, потом Мрак сказал с неодобрением:

– Видать, ты всю ночь на дуде играл? До чего человека довел! Редкий трус, а как разъярился, с секирой кинулся!

Он прошелся по поляне, с недоумением рассматривая следы ночной схватки. Таргитай участливо наклонился к волхву, тихонько перевернул его на спину. Лицо Олега перекошилось, рот распахнулся, из горла вырвался странный хрип. Таргитай в панике потряс волхва. Хрип разом оборвался, Таргитай с несказанным облегчением понял, что это был не хрип, а храп.

– Буди, буди, – посоветовал Мрак. – Я думал, только ты здоров спать. Месяца два как ушли из деревни, а как меняетесь!.. Буди. Если всю ночь бесились, то сами виноваты.

Олег вскочил, ошалело хлопая глазами. Рука спросонья метнулась к секире, Мрак довольно улыбнулся. Оперяются птенчики!

– Кончай ночевать, – проревел он, – а то у Таргитая корм отбиваешь! Пора идти за одолень-травой. По росе сподручнее.

Олег протер глаза, потрясенно оглянулся на Таргитая. Тот пожал плечами: Мрак храбрее, а волхв – умнее. А он всего лишь дудошник. Надо дуду разыскать, выронил, когда бросился Мраку на шею. А то подберут мокролапые, чешуйчатые, мохнатокрылые... Такое сыграют! Да еще соплями забьют дырочки.

Олег проговорил осторожно:

– Мрак, дай прийти в себя. Ты снова сумел вернуться! Это чудо.

– Тебе виднее, ты – волхв, – ухмыльнулся Мрак.

Олег смотрел очень серьезно.

– Мрак, в Лес тебе нельзя. Нам вообще надо убегать отсюда.

– Почему?

Олег отвел взгляд, помялся, ответил очень неохотно:

– Ты ничего не помнишь... Ты вернулся к нам чудом, понимаешь? А чудо не повторяется. Само не повторяется. Чтобы повторить, надо знать, как это делается. Я не знаю, и никто не знает. В другой раз ты уже не вернешь себе человечью личину... Мрак, нам не нужен ни Цвет, ни разрыв-трава, ни одолень-трава, если мы потеряем тебя. Конечно, ты – свинья редкостная, но мы с Тархом к тебе привыкли.

Мрак кивнул, глаза были понимающими.

– Спасибо на добром слове. А теперь поднимайтесь! Нечего свою лень прикрывать заботой о моем здравии.

– Мрак...

– Нам нужен Цвет Папоротника, – отрезал Мрак. – И одолень-трава.

Олег начал собирать в мешок разбросанные обереги. Затрещали кусты, кто-то проламывался к поляне, нутужно рычал. Олег выронил мешок, выхватил из петли секиру, мгновенно присел на полусогнутых, растопылив по-боевому руки.

Пятясь, из кустов выбрался на четвереньках Таргитай. В зубах была свирель. Мрак довольно улыбался, блестел зубами. Тарх молодец, держит руки свободными, а Олег и того лучше: чуть что – уже за секиру хватается!

Олег бросил секиру в петлю, попал, как получалось у Мрака, сказал строго:

– Сперва надо собрать побольше хвороста. В запас.

Таргитай тоже совал секиру в петлю, но та не лезла, цеплялась. Таргитай начал суетиться, потеть, пихал двумя руками. Мрак окинул поляну взглядом, сказал хмуро:

– Порезвились... Потому и сонные, как осенние мухи. Рожи вытянулись, как у коней. В другой раз умнее будете. Ладно, хвороста насобирайте. Все одно расходовать не умеете.

– И еще одно, – заявил Олег твердым голосом. Он оглянулся на Таргитая за поддержкой. – Вечером мы свяжем тебя, Мрак. Самой крепкой веревкой!

Мрак хмыкнул с сомнением. Таргитай закричал горячо:

– Мрак, Олег прав! Он умный. Мы прямо сейчас надерем лыка! А хворост соберем потом. На тебя лыка понадобится, как на самого крупного лося.

Он потыкал Мрака в тугие мышцы спины, пощупал твердые, как валуны, плечи. Раскинув руки, измерил вдоль и поперек, закончил со вздохом:

– Нет, как на тура. Здоровенный бугай!

Вдвоем с Олегом они собирали хворост, а Мрак сам надрал лыка, признав все-таки мудрость волхва. Правда, он заявил, что волхв не сам додумался, а вычитал в краденой книге. Ну, пусть не совсем краденой, но все-таки никто ему не дарил. А не сам додумался, потому что научился за секиру хвататься. Либо храбрый, либо умный...

Надранное лыко Мрак сунул под собранный хворост, чтобы не высохло до вечера.

Травы искали весь день. Мрак, дважды отыскав прошлый раз чародейскую травку, рыскал неутомимо, раздвигал кусты, лез напролом через буреломы. Все бы ничего, но приходилось идти за ним, а на оборотня никак не повлияла бурная ночь, когда он невесть где бегал, а вернулся с чужой кровью на морде.

Однажды видели исчезника, тенью промелькнул чугайстырь. Станный был Лес, странные и существа – скрылись, будто не они хозяева. Олег начал судорожно перебирать обереги, он первым догадался, кто в этом Лесу владыка.

По верхушкам деревьев, где светило солнце, пробежали маленькие вихри. Таргитай махал руками, свистел, но вихри опуститься вниз в лесной полумрак не решились. А потом солнце начало уходить и с вершинок, внизу стало тихо и застойно, как в могиле.

Олег сказал решительно:

– Мрак, быстро уходим назад. Я не знаю, как далеко мы ушли, но надо успеть вернуться пораньше!

– Успеем, – отмахнулся Мрак. – Посмотрим вон за теми буреломами...

Олег бросил выразительный взгляд на Таргитая, тот заорал во весь голос:

– Я уже ног не волочу!.. Возвращаемся, не то вам придется меня тащить на своих спинах.

Мрак, мы ж не такие быстрые!..

Мрак оглянулся с отвращением, буркнул неохотно:

– Чур с вами, улитки. Но ушли мы в самом деле далековато. Бегом! Я поведу по прямой.

Так короче.

Зря Таргитай обрадовался: Мрак повел в самом деле коротким путем по прямой – через буреломы, заросли терновника, дряговище, с разбегу прыгали через валежины, такие огромнейшие, что Таргитай предпочел бы обойти их, если бы успевал остановиться в бешеном беге за Мраком.

Олег видел, что шерсть на руках Мрака стоит дыбом. Перебежали ручей со скользкими камнями на дне, понеслись по кособогу, а дальше за стеной деревьев откроется их поляна, где растут черные папоротники. Таргитай чувствовал мурашки по коже. В детстве так он чуял лесного зверя, что зимними ночами ходил вокруг дома, откуда несло теплом, терся о ставни, оставляя клочья шерсти...

Олег бежал с перекошенным лицом. Жилы на шее и висках страшно вздулись, крупные капли пота выступили на лбу, ползли по багровому лицу. Он чувствовал больше, чем Таргитай, он – волхв.

Солнце только опустилось за овид, но Лес – не бескрайняя Степь, здесь сумерки сгущаются намного раньше. Мрак уже судорожно дергался, скрежетал зубами. Глаза налились кровью, обезумели. С бега перешел на шаг, брел с усилием, наткнулся на деревья. Таргитай ухватил за руку, Олег крепко держал оборотня за пояс.

Они вывалились на поляну, Таргитай тут же нырнул под хворост, вытащил ремни, веревку и лыко. Мрак упал, его руки дергались, пальцы впивались в землю. Таргитай быстро опутал ему ноги, затянул потуже, выдохнул с облегчением:

– Успели...

– Руки вяжи, дурак! – завизжал Олег. Он перехватил правую руку Мрака, боролся, пытаясь завернуть ее за спину оборотня. – побыстрее!

– Сейчас, сейчас...

Вдвоем заломили руки, стянули ремнями. Для верности еще раз перепоясали веревками грудь и живот Мрака. Тот открыл глаза, в них была невыносимая боль, прохрипел:

– Горло...

– Что с ним? – не понял Таргитай.

– Горло, дурачье... перетяните...

Олег торопливо набросил ему на шею ременную петлю, затянул узел, что пришелся на яблочко, за которым живет душа. Таргिताю бросил, задыхаясь:

– Так надо... Начнет оборачиваться, а удавка придушит... У волка шея толще.

Мрак дернулся, темное лицо исказилось зверской гримасой:

– Еще туже... На горло, живот... Туже!

Таргитай неумело лупил кресалом по огниву. За деревьями слышался вой, пока далекий, затем рев пошел со всех сторон. Приближалось нечто тяжелое, земля подрагивала, с треском лопалась зеленая шкура мха, выпуская толстые белые корни. На поляну пахнуло смрадом, а огонь все не разгорался. И сухого мха нащипал, и бересту изодрал в тонкие ленточки...

Будь Олег настоящим волхвом, подумал он зло, только бы вылупил бешено глаза да резко разжал кулаки, как делал Боромир, сырые поленья вспыхнули бы жарким пламенем! А тут уже в затылок сопит нечисть, слюни роняет, тянет из-за деревьев мертвецкие лапы...

Из-за плеча потянулась темная рука,хватила огниво. Таргитай, обмерев, повалился лицом вниз, а Олег двумя ударами выбил огонь, дунул, береста вспыхнула, поляна озарилась радостным светом.

– Вот и все волшебство. Неча на волхвование уповать, когда надо руки приложить!

– Я говорил вслух? – проблеял Таргитай смущенно.

– У тебя всегда по глупой роже все видно. Ты куда это? Или на тебя огонь действует как на нечисть, что во-о-он выглядывает?

– Никто там не выглядывает, – огрызнулся Таргитай зло. – Что-то расхрабрился. То дрожишь как заячий хвост, то на рожон прешь. Заболел?

– Не знаю, – ответил Олег.

Ночь упала, как секира Мрака на голову степняка. Языки пламени стали ослепительно яркими, а за поляной сгустилась жуткая могильная тьма. Там двигались сгущения мрака, слышался хруст, топот. Запахи нечистот и гниющего болота усилились, доносилось тяжелое надсадное дыхание. Что-то шлепалось, словно брюхо огромной жабы поднималось и падало оземь при дыхании.

– Теперь поборемся, – заявил Таргитай с решимостью. Он швырнул в огонь охапку хвороста. – Нечисть, вылезай! Угостим.

Подумав, он сунул в бушующее пламя пару толстых палок, чтобы сразу выхватить, швырнуть. Олег жмурился, отодвигался под натиском жара.

– Тарх, умерь огонь! На ночь не хватит.

– Теперь хватит, – ответил Таргитай уверенно.

За деревьями гукало, верещало, рычало на разные голоса. Костер трещал, гудел, даже рычал, почти заглушая нечисть. Яркое пламя держало ее за деревьями. Вой, писк и кваканье были слышны, но жуткой мощи не чувствовал даже Олег.

Приободрившись, он начал рассказывать про древних, про времена, когда не было даже богов, а эта нечисть уже была, как всегда были мухи, пауки, жабы, упыри... Да-да, пауки и мухи раньше жили в Болоте, уже потом выбрались на берег, чтобы вредить людям. Болото дряхлело, островки твердой земли ширились, пока не слились в один огромный Лес... А от Великого Всемирного Болота остались лишь маленькие лужи, которые мы называем Болотами.

– А как же Степь? – спросил Таргитай.

Он выждал, когда костер почти прогорел, на поляну стали вылезать чудища, швырнул на россыпь углей вязанку. Огонь взметнулся с торжествующим ревом. Мокрые чудища, топча друг друга, шарахнулись обратно, сослепу натыкаясь на деревья.

– Сам видишь, – сказал Олег дрожащим голосом. Он побледнел как смерть, но глаз не отводил, упорно смотрел в исчезающие слизистые спины. – Они глупее жаб... Глупее мух. Они самые древние, а древним боги ума не дали. Впрочем, книги говорят, что тогда богов еще не было... Так вот, Степь пришла после Леса. Хищные люди рубили деревья, расчищая и даже выжигая места для жилья, обороны, пашен. Так на теле Леса появились болезненные проплешины. Начала расплзаться Степь...

– Степняки моложе нас, – сказал Таргитай, он загнул палец, словно запоминая. Бросив новую охапку хвороста, проследил за убегающей нечистью. – Значит ли, что и умнее?

Олег долго думал, Таргитай успел еще разок пугнуть нечисть, сказал неуверенно:

– Не знаю. Поляне, например, умеют гораздо больше, чем мы. Их волхвы мудрее нашего Боромира. Киммеры тоже умеют и знают больше. Железное оружие, кони, повозки... Да мало ли еще чего! Но значит ли, будто они лучше?.. Не знаю. Может быть, умнее, но зато – подлее, злее, вероломнее.

– Все-таки киммеры умеют очень многое, – сказал Таргитай задумчиво.

Глухой стон заставил подпрыгнуть обоих. Мрак катался по земле, скрипел зубами. Олег быстро свернул вчетверо толстый лоскут кожи, вбил Мраку в рот.

Таргитай бросил хворостины в пламя, затем, желая похвастаться перед волхвом, выхватил горящую головню, сделал два быстрых шага к деревьям, ткнул в пасть зеленого чудовища. Вместо зубов у зверя белели толстые роговые пластинки, похожие на ребра, а язык дергался длинный, с раздвоенным концом.

Чудовище тупо сжало челюсти, головешка захрустела, палку выдернуло. Чудовище продолжало жевать, потом нижняя челюсть отвалилась, из пасти пошел дым и пар, запахло горелым мясом. Чудовище взвыло, Таргитай отпрянул к спасительному костру.

Олег вскочил, глаза были сумасшедшие.

– Ты что творишь? А если оно покатится сюда?

Чудовище тяжело рухнуло, земля загудела. Зверь катался, оставляя липкие следы, страшно ревел, совал короткие лапы в широко распахнутую пасть, где дергался скрючившийся язык. В красной пасти почернело, из трещин текла желтая сукровица.

– Перегнул, – признался Таргитай. – Хотелось дать сдачи! За все наши страхи и муки.

Из тьмы высунулись огромные мохнатые лапы, похожие на паучьи, схватили зверя и поволокли во тьму. Между деревьями застряло, но тянули, не догадываясь повернуть, дерево тряслось, наконец с треском обломился толстый слой коры, и зеленое чудовище исчезло. За ним тянулся след желтой слизи, трава на глазах жухла, чернела и расплывалась в грязь.

Олег пощупал веревки, стягивающие Мрака. Руки и ноги оборотня посинели, вспухли. Таргитай торопливо сказал, захлебываясь от жалости к беспомощному Мраку:

– Давай ослабим!.. Ему больно... Кровь не ходит, все тело пережали...

– Тарх, он тут же обернется, если хоть чуть послабим. Смотри, шерсть уже волчья.

Мрак стонал, дергался. Все тело уже покрылось густой волчьей шерстью, даже лицо вытянулось, челюсти выдвинулись, обнажая клыки. Глаза остались прежние, лишь налились кровью, но зубы уже были как ножи, а клыки – как киммерийские акинаки. Мрак рычал, верхняя губа подрагивала, красные блики костра прыгали по клыкам.

– Скорее бы утро, – выдавил Олег с мукой.

Он смотрел на Мрака, лицо волхва дергалось, повторяя все движения оборотня. Казалось, у него даже руки начали вспухать от невидимых веревок.

Таргитай молча швырял в огонь хворост. Пламя высвечивало заросли черного папоротника на краю поляны. Там двигались тени, узорные листья шевелились в потоке теплого воздуха, что накатывал волнами от костра. Сколько Таргитай ни всматривался, созревающих бутонов не видел.

– Светает, – сказал Олег с надеждой.

Таргитай всмотрелся до боли в глазах, покачал головой. Со всех сторон не умолкал злобный вой, рычание. Но даже рычание было не звериное, а... дозвериное, что ли? Как если бы жаба стала с лося ростом, а ящерка доросла до бера. Рычание какое-то болотное, подземное!

– Светает, – повторил Олег.

Таргитай посмотрел наверх, ответил тяжело:

– Нет еще... Потерпи, Олег. Мрак как-то терпит.

– Его корчит, суставы трещат! Боюсь за него.

Он сам принялся швырять в огонь хворост, разряжая злость. Тьма отступала, яркое пламя высвечивало стволы деревьев. Голоса стали глуше. Наконец Таргитай прислушался, сказал торопливо:

– Рискнем ослабить путы... Только не все сразу! Сперва на ногах, а руки пусть связаны. И горло!.. В самом деле светает.

Олег с недоверием посмотрел в черное небо. Звезды сияли, как и прежде. Зато менялись голоса нечисти, слышались нотки злости, разочарования. Перетянутые ремнями ноги Мрака

распухли безобразно. Чуть не плача, Олег с трудом распустил узлы, сбросил ремни – Чур бы их побрал! – начал оттирать ноги, щипать, шлепать, разгоняя застоявшуюся кровь. Опухшие места приняли синюшный оттенок. Еще немного, подумал Олег в страхе, Мрак остался бы без ног!

Мрак стонал сквозь стиснутые зубы, тряс головой. Таргитай прислушался, отстранил Олега, его железный нож легко взрезал лыко, которым стянули руки.

– Теперь можно! Отступают.

Небо медленно серело, в ветвях начали перекликаться ранние пташки. Мрак тяжело перевалился на живот, попытался подняться, но руки подломились, он рухнул лицом вниз.

– Трудно быть человеком, – сказал вдруг Олег.

Таргитай даже не стал напрягать мозги, пытаясь понять волхва. Пока тот занимался Мраком, Таргитай сгреб остатки хвороста, вколотил по краям костра колья, повесил на перекладине котел. Когда Мрак с помощью Олега доковылял до костра, в котле аппетитно булькало, запахи расплзались по всей поляне.

Мрак потянул носом, сказал устало:

– Тарх, тебя надо беречь... У тебя дар!

– К песням?

– Что песни! Такого повара жаль потерять.

Олег огляделся, вытягивая шею, бросил взгляд за дальние деревья, предположил:

– Считаешь, приходили за ним?

Мрак подумал, сказал с некоторым колебанием:

– Полагаешь, стоит отдать Тарха? Чтобы нас оставили в покое?

– Почему нет? А мы тем временем оборвем все папоротники.

Мрак вытащил ложку, поболтал в котле:

– Далеко глядишь, волхв!

– Цвет и все прочее унесем, – продолжал Олег, – а наш Тарх...

– Ну-ну! Останется у них поваром?

– Он им такого наварит! Все передохнут, а он догонит нас.

Таргитай переводил взгляд с одного серьезного лица на другое, еще более серьезное, возмущился:

– Кто судит по запаху? Отведайте! Может быть, сами задерете копыта.

Мрак зачерпнул по самому краю, подул в жидкую кашу, отхлебнул. Запасливый волхв ухитрился сохранить узелок с зернами, но Таргитай, который ничего не хранил, зато многое замечал, сварил наваристую кашу, пока Олег возился с оборотнем. Посмеиваясь, Мрак с неприглядным видом черпнул снова, зачерпнул еще. Проголодавшийся за ночь Олег зачерпнул из глубины, хапанул полным ртом, замер, глаза его стали выпученными, как у молодого упыря. Лицо стало цвета солнечного заката, уши засветились так, что от них можно было зажигать бересту. Пересилив себя, с трудом проглотил, сказал хрипло:

– Ох и дуб же...

Таргитай, ничего не заметив, зачерпнул полную ложку, отправил в рот. Точно так же вспыхнул, раздулся, прожигая волхва убийственным взглядом. С усилием проглотил, ответил сиплым голосом:

– Дуб, да еще зеленый...

Мрак нагло посмеивался, хватал кашу по краям котелка, там остывала быстрее. Изгой сидели, сжимая пустые ложки, не решаясь шелохнуть обожженными языками, что уже еле помещались во рту. Насытившись, Мрак сказал довольно:

– Спасибо, Таргитай! Молодец, что упыренка тоже в котел бросил. Все-таки мясо, хоть и лягушачье. Обед не обед, ежели без мяса.

Таргитай побледнел, уронил ложку. Олег, выпучив глаза, медленно вытаскивал на ложке жалкие косточки. То ли летучий кожан шлепнулся, ослепленный костром, то ли древесная лягушка свалилась с ветки в котел, но Мрак громко нахваливал, мол, голодному и жук – мясо, а здесь целый упырь! Хоть и мелкий.

Олег вспискнул, как полузадушенный поросенок, опрометью бросился в кусты. Там затрещало, словно Горыня спустился с гор и крушил деревья.

– Нечисть разбежится точно! – заметил Мрак, прислушиваясь с довольным видом.

– Мог бы и промолчать, – сказал Таргитай обидчиво. – Я ж не нарочно!

– Да? Гм, я о тебе думал лучше.

Из котелка все еще вкусно пахло кашей. Мрак покачал головой, снова запустил ложку.

– Все-таки ты дурень, Тарх. Иногда думал, что у тебя на час ума не стало, а навек в дурни попал, ан нет! Не понимаешь, что боги велели есть все, кроме себе подобных, да и то с оговоркой: в бою и на охоте врага есть можно. Это уж мы сами придумываем: то нельзя, это не нужно, а это лишь по особым дням... Зажрались! Хвост за мясо не считаем... Кликни волхва. Не хочет есть, пойдет голодным.

– Куда?

– За одолень-травой, куда еще? – удивился Мрак.

Глава 6

В этот день измучились еще больше, ибо Мрак таскал по всем колдобинам. Олег обмолвился, что одолень-трава любит укромные места. Мрак тут же велел растаскивать буреломы, убирать валежины, раздвигать камни.

Изгои роптали, но Мрак был свиреп, неумолим. Сегодня – последний день, заявил он резко. Именно в эту ночь расцветает папоротник, об этом знает весь Лес. Нужно сорвать Цвет и сразу уходить. Два дня уже сидят в Лесу, больше им делать здесь нечего...

В Лесу часто мелькали призрачные тени. Олег вздрагивал, оглядывался. Таргитай, более толстокожий, заметил только, что исчезли певчие пташки, у которых перенимал трели и коленца, а еще пропали муравьи, которым бросал на их коричневые кучи больших жуков, жаб, ящериц.

На обед Мрак остановиться не дал – последний день, не сдохнете. По горсти ягод сорвали на бегу – и ладно. У Таргитая рябило в глазах от сухих стволов, что растаскивал из бурелома, а руки по плечи были в жиже от трухлявых валежин, что разваливались, едва пытался сдвинуть. Олег выглядел еще гаже, труха и мокрицы у него были в волосах и даже в бородке.

Наконец Мрак опустился на колени перед приземистой травкой, что росла на самом солнцепеке, спросил:

– Волхв, взгляни-ка! Приметы совпадают.

Олег посмотрел, обошел вокруг, сказал сердито:

– Она. Не понимаю, зачем мы с Тархом мучились? Я сто берлог голыми руками приготавливал для зверья!

Мрак оскалил зубы, начал бережно изымать желтый с красными прожилками стебель. Таргитай набросился на Олега:

– Это укромное место? Ах ты ж...

Олег бережно принял у Мрака драгоценный стебель с корнем и всеми листьями, увязал в чистую тряпицу.

– Все! Теперь у нас есть и одолень и разрыв-трава. Ребята, а ведь никто из деревни на нашей памяти не находил!

Мрак внезапно прервал злым голосом:

– Бахвалиться будешь потом. Надо еще сорвать Цвет, а это труднее. Бегом! Уже смеркается.

Таргитай сцепил зубы, молча бежал, перепрыгивал, подлезал, продирался. Когда показалась полянка, он был без сил, но сердце стучало радостно. Нечисть шалела, чувствуя запах распускающегося папоротника, и не сторожила одолень-траву и разрыв-траву, такие же колдовские зелья. Теперь бы отстоять Цвет Папоротника, сорвать, не убояться, и тогда увидеть бы рожи Боромира и Громобоя, всех охотников, кои чли себя храбрыми да умелыми!

Костер развели быстро, хвороста не жалели. Мрака связали крепко, но, наученные страхом, не слишком туго. Таргитай приволок сухой пень, подложил Мраку под спину, дабы мог сидеть даже туго связанный.

Тьма сгустилась быстро, Олег с книгой в руках подвигался к огню, водил пальцем по знакам:

– Папоротник – знак из семьи тайнобрачных, ибо ни человек, ни зверь не видывали его цвета или семян... Слышь, Тарх? А мы узрим, если не... тьфу-тьфу!.. Тайное имя папоротника – полиподиофита, известно лишь волхвам, помогает отыскать в ряду странных и чудесных... это пропустим... Ага, вот! Цвет Папоротника указывает клады, зарытые в землю, спрятанные в дуплах, заключенные в камнях...

Мрак вздрогнул, вскинул голову, страшно оскалив зубы, вдруг повалился на бок. Олег быстро сунул ему меж зубов заготовленный клочок кожи, вдвоем оттащили от жаркого костра. Таргитай суетливо таскал пень, стараясь установить так, чтобы Мрак и в костер не упал, и не выкатился за пределы яркого света.

– Уже воют, – сказал Олег тревожно. – Сегодня стянется вся нечисть! Вчера были цветочки...

– Если это цветок зла, – спросил Таргитай тревожно, – то как обратим во благо? Не войдем ли мы в одну стаю с нечистью?

– Цветок из мира зла, верно. Он может служить злу. Может – добру. Может просто отцвести и завянуть, не принеся ни вреда, ни пользы. Понял?

– Понял, – ответил Таргитай неуверенно.

– Древний пророк Заря Утра, – проговорил Олег громким голосом, но поглядывая на деревья большими глазами, – рек, что где наибольшее Добро, там рядом наибольшее Зло. Самые опасные места – возле праведников! Возле них всегда толпятся полчища демонов, толкают под локти, отвлекают, мешают святым людям творить добро...

– Ну, ты еще не самый святой на свете.

– Тарх, позавчера сюда сбрелась местная нечисть, вчера явилась из дальних мест, краев, а сегодня... сегодня сюда стягивается вся мразь, все Зло из всего этого обреченного Леса. Невиданное Зло, неслыханное! Чародейские силы чуют друг друга издали.

– Горой, значит, друг за дружку.

Воздух застыл над поляной тяжелый и неподвижный, как снулая рыба. Таргитай дергал плечами, что-то незримое давило, старалось пригнуть к земле. За чертой огня в темноте начали мелькать в отсветах пламени жуткие формы, костяные гребни, оскаленные клыки, рога, длинные, как ножи, когти.

– Не смотри, – предупредил Олег. – Это самая страшная ночь! Опусть глаза в землю.

– А как увидим Цвет?.. Надо сорвать раньше, чем сорвут упыри!

– Они не рвут...

Олег был бледным, даже желтым, как покойник, под глазами висели тяжелые складки, похожие на сети с рыбой. Он едва сидел, раскачивался, а рядом хрипел в путах Мрак. Глаза оборотня закатились под веки, на белых яблоках страшно прыгали красные блики.

Внезапно похолодало, Таргитай с изумлением и страхом увидел в черном небе крупные хлопья снега! Языки пламени подпрыгивали, но снег сразу обращался в пар, даже не в воду.

Тепло уходило из воздуха, Таргитаю в спину подуло ледяным сквозняком. Руки его покраснели, чуя морозец. Он придвинулся к огню ближе.

Пламя металось из стороны в сторону, словно пыталось уйти из-под удара, вдруг начало редеть, пугливо жаться к едва пылающему хворосту.

Таргитай услышал стонущий голос Олега:

– Мрак, ты уж подержись... Ты самый сильный, Мрак!.. Без тебя мы враз сгинем...

Жилы на лбу Мрака вздулись, как насосавшиеся крови пиявки. Таргитай, борясь со звоном в ушах, бросил в огонь сухую веточку. Упала в серединку пламени, но... не загорелась. Таргитай дотянулся прутиком, пошевелил. Угли рассыпались... к темному небу взвились багровые искорки, но сухая хворостинка осталась незатронутой ленивыми язычками огня, что гасли один за другим.

Таргитай напрягся, пытаясь наклониться, расшевелить угли... Тело не слушалось. Рядом неподвижно сидел, похожий на вытесанный из пня чурбан, Олег. Глаза волхва бездумно уставились в затухающий костер, руки бессильно висели. Таргитай скосил глаза, вздрогнул. Между ним и волхвом корчился в путах огромный мохнатый зверь. Волчья пасть оскалена, желтая пена падает с острых клыков, а толстые волчьи лапы скребут землю!

Олег очень медленно, напрягаясь изо всех сил, повернул голову к Мраку. Лицо исказилось, рука начала опускаться на оборотня. Звериное тело выгнулось, будто стремилось коснуться его руки, ремни лопнули со злым сухим звуком. Таргитай отшатнулся, страшные челюсти лязгнули возле лица, пахнуло густым волчьим запахом, оборотень с шумом обрушился в темноту. Затрещали невидимые кусты, зашелестело, и снова настала жуткая тишина, тьма приближалась, сжимала круг вокруг костра, звериные пасти мелькали все ближе.

На лице Олега застыла гримаса, он походил на замороженную в лед лягушку. Таргитай, борясь с оцепенением, дотянулся до мешка. Да, на этот раз Тьма победила, он сейчас умрет. Погиб Мрак, погибает Олег, а он, Таргитай, совсем не боец, не ратоборец...

Сопилка коснулась замерзших губ. Слабый хрип, похожий на собачий вой, потом дудочка тихо-тихо заплакала, пошла жаловаться. Тьма начала надвигаться быстрыми толчками, в кваканье нечисти слышалось нетерпение. Пламя прижалось к земле, словно пес, на которого грозно топнули.

Таргитай играл, ничего не видя и не желая видеть. Он не почувствовал, как воздух внезапно потеплел, но песня сама собой стала громче. Рядом зашевелился Олег, с его пересохших губ сорвался хриплый вопль.

По ту сторону угасающего костра разгорался невиданный сиреневый свет. Черные, будто вырезанные из жести листья папоротника освещались сверху, а там на тонком прутике сыпал искрами оранжевый комочек! Свет победно рвался через щели темного, словно покрытого грязью бутона. Толстая шкурка бутона на глазах скручивалась трубочками, опадала, а наверху остался, теперь открытый всему миру, яркий лиловый бутон. Он разбухал, наливался светом, лепестки раздвигались, отслаивались, лиловый свет уступил место красному, тот сменился оранжевым, засиял ярко, слепяще. Во все стороны пошел странный трепещущий свет.

Таргитай играл, потому что свирель словно сама собой играла, а он всего лишь помогал песне родиться, оформиться. Костер уже затух, дым вжался в землю под тяжелой пятой тьмы, угли рассыпались, будто их растоптали грузные толстые ноги.

Олег начал подниматься, его шатало. Руки болтались как плети. Неверными шагами двинулся на заросли папоротника, выставив перед собой руки, как слепой. Под ногами злобно зашипел, вжимаемый в землю, последний горящий уголек, но на поляне было светло как днем – Цвет пылал, сыпал искрами.

Пальцы Таргитая бегали по дырочкам сопилки, глазами он следил за волхвом. Тот брел через поляну, его шатало, но шел прямо на папоротник. Перед узорчатыми листьями остано-

вился, вытянул руки. Пальцы правой руки сомкнулись на стебле, левой ухватил ниже, дернул, пытаюсь с ходу перекрутить стебель, как простой, но Цвет лишь слабо шелохнулся.

– Играй! – прошипел Олег. – Играй громче...

Темнота отступила за края трепещущего света Цвета, но теперь вся Тьма была месивом огромных извивающихся тел, оскаленных пастей, когтистых лап. Иногда такая лапа рывком пыталась дотянуться до волхва, но, словно ожегшись о колдовской свет, поспешно втягивалась обратно.

Олег кое-как перетер стебель, сорвал Цвет, оставив торчать прут с разлохмаченными белесыми волокнами. Медленно потек ядовито-белый сок, капал на землю, белые точки поспешно зарывались, на ходу превращаясь в отвратительных червей.

Цветок слабо потрескивал в руке волхва, словно фыркал, от него летели во все стороны странные искры, что не гасли и не падали на землю. Олег с бледным лицом и безумными глазами пятился обратно. Под ногами шипели, рассыпались тусклыми искрами угли.

– Мы получили... – произнес он деревянными губами, – Тарх, никогда раньше...

Таргитай отнял сопилку от губ, чувствуя страшную пустоту, сказал охрипшим голосом:

– Но что теперь? Без Мрака мы не сможем сражаться... А Цвет был нужен для борьбы.

Олег потемнел, опустил Цветок, держа на уровне груди.

– Клады искать... но зачем нам клады?.. Мы без Мрака не жилицы, ты прав... Но он и так нас вытаскивал дольше, чем думал... чем мы этого стоили!

За стеной колдовского света резко затрещало. Накатила волна зловония, оранжевый свет заколебался, словно пытаюсь убежать, потом сузил круг света, будто втянулся в бутон.

Надвинулись сухие удары костяных панцирей, хлопанье крыльев. Олег обхватил Таргитая за плечи, вскинул Цвет. Свет распространялся трепещущий, словно вокруг бутона порхала, трепеща крыльями, огромная бабочка. Тьма сдвигалась, плотная, сырая, холодная как могила, – живой свет дрожал, как лучина на ледяном ветру.

Из тьмы появились, уже не исчезая при ярком свете, зеленовато-бледные когтистые лапы. Таргитая трясло, эти лапы не видели света! Из глубин древнего Болота, из глубин ли земли, из самого подземного мира, где правит чудовищный Ящер, владыка загробного мира, сын Чернобога? Упыри, что надвигались на поляну со всех сторон, не простые болотные, пахнущие тиной и гнилью, а с роговыми панцирями на спинах и чешуйками на вислых животах. На головах – мох и плесень, с нижних челюстей свисают клочья сине-зеленых водорослей. Глаза немигающие, смотрят с лютой злобой.

Олег в страхе отвернул голову, зажмурился. Таргитай же, напротив, не мог оторвать широко распахнутых глаз от чудовищ, от их чешуйчатых лап. Они медленно тянулись к его горлу, а он как замороженный рассматривал трехпалую лапу, три желтых ногтя – один сорван, болтается на ниточке, сочится странная зеленая кровь... Под другими ногтями – грязь, тина...

Наконец он понял, что лапы скребут когтями воздух, не дотягиваются! Чудовище ревели от боли, оно боялось света, отворачивало голову. Другие держались еще дальше, ревели от ярости, но не переступали черту света.

Олег приоткрыл один глаз, ойкнул громче упыря, отшатнулся, и тут же длинная тонкая лапа дотянулась до его ворота, зацепила когтями. Олег дико заорал, в панике выронил Цвет.

Круг света разом сократился. Таргитай подхватил Цвет на лету. Лапы вцепились в его душегрейку, волосы, ухватили за локти, ноги. С трудом выпрямился, поднимая на себе повисших упырей, вскинул Цвет над головой.

Упырь, что тащил неподвижного Олега, взвизгнул, словно на него сверху обрушились угли из кузнечного горна, на четвереньках убежал в темноту. Таргитай ударил волхва ногой в бок:

– Закрой глаза, если их хари не нравятся!.. Только не шевелись. Они сюда не дотягиваются!

Олег проговорил полумертвым голосом, выдавливая слова:

– Держи крепче, надо уйти сейчас...

– Ночью?

– Да... У нас Цвет, осветит...

– Здесь поляна. А идти через Лес – цапнут из-за деревьев.

– За тонкими не спрячутся, – прохрипел Олег. Он открыл глаза, поднялся, шатаясь, ухватился за Таргитая. – Толстые обойдем... если сможем. Тарх, здесь мы скоро умрем.

Он шатался, в глазах стояли мутные слезы, но лицо словно застыло в отчаянной решимости. Таргитай молча сунул ему Цвет, обнял за плечи. Они пошли через поляну. Таргитай задержался лишь на миг, подхватил мешки и секиру Мрака. Упыри не перехватили сразу, а потом Таргитай и Олег тщательно выбирали поляны, перебежали от одной к другой, иногда попадали в тупики, возвращались, искали другие пути. Рев стоял оглушающий, добавился сумасшедший хохот, от которого мурашки бежали по спине и немели ноги, из темноты без устали высывались когтистые лапы.

Они шли через ночь, а ночь растянулась как смолистый клей. Огибали толстые деревья, обходили буреломы, завалы, передавали друг другу Цвет, чтобы все время держать над головой.

Таргитай почти тащил Олега, когда впереди забрезжил желтоватый мертвенный свет. Он поволок Олега, едва не угодил в лапы упырей, но деревья внезапно расступились!

Крупная безжизненная луна, солнце мертвецов и упырей, висела над ровной, как жертвенный стол, Степью. На черную землю и неподвижную траву падал неживой желтый свет. Таргитай и Олег, напрягая силы, отбежали, часто падая в траву, оглянулись.

На фоне звездного неба чернела высокая стена деревьев. Там проглядывали белесые тела, мелькали, как огромные черви, бескостные руки упырей, доносился визг...

– Они не идут в Степь! – прошептал Таргитай, он едва верил своим глазам.

– Да... что-то держит.

– Меня уже ничто не держит.

Он повалился в траву. Олег без сил опустился рядом, всхлипнул. Горячие слезы бежали по щекам. Даже прячась за широкой спиной Мрака, приходилось трудно, иной раз – невыносимо. А на что способны без Мрака?

Таргитай перевернулся на спину, раскинув руки. Его глаза смотрели в яркое звездное небо. В его руке Цвет горел темным красноватым светом. Олег осторожно взял из его ладони стебель, покачал Цветом в холодном ночном воздухе. В самой середине чашечки горело маленькое оранжевое солнце, а лепестки были уже красными, словно металл, разогретый до вишневого цвета.

– Что будем делать? – прошептал Олег.

– Ты волхв, – ответил Таргитай. Его голос дрогнул, Таргитай помолчал, сказал снова: – Ты волхв!.. Знаешь больше.

Олег положил Цвет в правую ладонь, накрыл левой. Пальцы ощутили ласковое тепло, Цвет просвечивал, сквозь розовую плоть видны были тонкие темные кости, полупрозрачные хрящи и темноватые жилы.

– Знание не дает ответа, – сказал он медленно.

– А что дает?

– Не знаю. Может быть, та безмерная дурь, что в тебе.

Таргитай взял Цвет, задумчиво повертел в пальцах. На его лицо падал странный красноватый свет.

– Тогда пойдем на киммеров вдвоем, – сказал он. – Боги решают за нас, Олег. Мы не можем отказаться от схватки лишь из-за того, что борьба за Правду тяжела!

Жаркие лучи солнца вогнали их в пот раньше, чем оба проснулись. Цвет увял, сник, перестал светиться. Таргитай с недоверием рассматривал невзрачный комочек на коротком огрызке стебля. Олег заботливо упрятал его в узелок, там уже хранились чародейские травы. Теперь Цвет засветится снова, объяснил он, лишь когда пройдут близ клада. Своя сила кончилась, теперь будет светить лишь отраженной.

Таргитай повесил секиру Мрака за спину, а содержимое мешка разделил с Олегом. Бронзовых наконечников было три десятка, но Мрак стрел не настрогал, а в Степи во все стороны тянулась только трава, иногда густая, чаще – чахлая, мелкая.

Жирные зайцы прыскали из-под ног, толстые дрофы выскакивали из зарослей ковыля. Однажды Таргитай успел хватануть за жесткие прямые перья, но дрофа зло ударила клювом, умчалась, высоко вскидывая голенастые ноги.

Весь день шли через Степь, не останавливались даже на обед. Небо затянуло тучами, накрапывал дождь, дул холодный ветер, нечто непривычное для изгоев, ибо в Лесу ветер – это то, что шумит лишь по верхушкам деревьев.

Спать легли голодными. Во сне Таргитай трудился за накрытым столом, Зарина ставила миску наваристого борща, тут же ловил и жарил на углях огромную жирную рыбу, вытаскивал из петли толстых рябчиков, ел постное мясо лося и жирное – молодого поросенка...

На второй день Таргитаю взбрело в голову ползть напрямик через разросшийся куст чертополоха, вступил сапогом в середину птичьего гнезда... Уцелевшие два яйца выпили, потом долго шарили по всем кустам, исцарапались, но гнезд больше не отыскиали.

К вечеру Олегу удалось догнать и схватить какого-то птенчика, съели и его. Перед сном Таргитай подшиб камнем ящерицу, съел еще живую. Ночью, когда тепло из воздуха быстро ушло, на стеблях зависли застывшие до первых лучей солнца насекомые, а шмели забрались в чашечки цветов. Таргитай ползал на четвереньках, снимал с листьев сонных кузнечиков. Желудок голодно урчал, требовал еды, и Таргитай быстро глотал, почти не разжевывал. Некоторые были крупные, как стручки, хрустели на зубах.

На третье утро Таргитай проснулся, когда заря еще едва-едва окрасила овид. Слышались странные вздохи, сопение. Он осторожно приоткрыл глаза.

В сторонке стоял, широко расставив ноги, Олег. Глухо вжикнула тетива, и волхв, выронив лук, потащился к одинокому приземистому деревцу. В стволе торчала стрела, но Олег пал на колени, ползал, шлепая ладонями по траве, словно ловил неповоротливых лягух. Так ползал долго, а когда встал на ноги, в руках у него было с десятков стрел.

Вздыхнув, Таргитай поспешно закрыл глаза. В желудке снова рычало и ворочалось. Волхв – молодец, тоже не спит с голоду, но наделал стрел из кривых веточек, стреляет, пробует заменить Мрака. А он, Таргитай, здоровее и крепче в плечах, лежит мертвой колодой, не может вылезти из тепла. Вчера укутывался в шкуру, как червяк в кокон, всю ночь не шевелился, чтобы не раскрыться, сберегал тепло, но все равно замерз и проголодался. Если бы не кузнечики, вообще бы замерз – здесь, в Степи, ночи холодные. Говорят, пустынные одними кузнечиками питаются. Правда, с медом.

Олег собрал стрелы, повернулся лицом к дереву. Таргитай торопливо закрыл глаза: не так совестно.

Когда солнце пригрело, он проснулся снова. Молодой волхв все еще метал корявые стрелы. Лицо волхва осунулось, глаза запали, кожа на скулах натянулась до сухого блеска. Стрел осталось три, остальные растерял в густой траве.

Таргитай протер кулаками глаза:

– Олег?.. Ты всегда встаешь рано.

– Кто рано встает, тому бог дает, – ответил Олег. – Надо бы и тебе поменять привычки.

– Стараюсь, – ответил Таргитай пристыженно. – Побежали? Согреемся на ходу.

Они побежали бок о бок, локоть к локтю. Птицы вспархивали из кустов, рука Олега дергалась к луку, но те успевали скрыться раньше, чем он вытаскивал стрелу. Однажды удалось всадить стрелу в промчавшуюся совсем рядом глупую молодую козу. Коза унеслась со стрелой в бок, на земле долго виднелись капли крови. Долго бежали по следу, но козу не нашли.

Таргитай поймал змею, схватил за хвост и, раскрутив над головой, чтобы не успела всадить отравленные зубы, хрястнул головой о твердую землю. На этот раз и Олег ел бледное постное мясо, похожее на рыбье, только без костей. Кожу он бережно спрятал к своим берегам.

Полуденный зной переживали в густой траве, пробовали жевать горькие корешки. Наконец Олег поднялся, чуть опередив Таргитая, предложил:

– Побежали?

С места пошли трусцой, потом разогрелись, побежали мощно, заставив себя забыть о голоде. Олег часто зыркал по сторонам, подражая Мраку. Таргитай тоже посматривал: Олег – это Олег, не Мрак, может просмотреть все, что угодно.

Вдруг Олег оглянулся, вскрикнул. Его рука выхватила из-за плеча лук, другая мгновенно наложила стрелу. Таргитай расставил ноги пошире, взял в обе руки секиру Мрака.

Через огромное поле сухой травы, что колыхалась как волны, стремительно катилось за ними что-то непонятное, страшное, словно велел швырнул вдогонку изгоям огромный камень.

Ковыль расшарахнулся, на невров выметнулся гигантский волк. Пасть его была оскалена, глаза горели яростью, на белых клыках кипела желтая пена.

Волк подпрыгнул, ударился о землю и мгновенно превратился в распростертого человека. Он с трудом поднял голову, Таргитай с ужасом и ликованием узнал Мрака. Лицо оборотня было сведено судорогой, из левой брови сочилась алая кровь, верхняя губа рассечена. Он был худ, изможден, а когда с трудом перевернулся на спину, на груди пламенели глубокие царапины, из-под корки еще сочилась кровь.

Мрак глядел измученно:

– Вот уж не думал... что так далеко... оба ж никудышные...

Таргитай с воплем бросился к Мраку, секиру швырнул в траву. Мрак встал, грудь его все еще часто вздымалась. Дыхание вырывалось со свистом. Широкие ребра при каждом вздохе резко выпирали сквозь кожу.

– Мяса, – потребовал он хрипло. – Побольше, умираю с голоду!

Таргитай еще обнимал Мрака, визжал, но визг как-то сразу изменился, поблек. Мрак похлопал его по спине, кивнул Олегу, проворчал:

– Так дадут мне здесь поесть аль нет?

– Дадут, дадут, – заверил Таргитай. Он смотрел влюбленными глазами. – Только сейчас как раз у нас ничего... Путешествовать лучше налегке, сам говорил! Но на привале Олег собирался поохотиться.

Глаза Олега не отрывались от Мрака.

– Как тебе удалось? Не понимаю...

– Сам не понимаю, – ответил Мрак. – Видать, я покрепче, чем даже сам о себе думал. И покрепче, чем думал Боромир.

Олег потряс головой:

– Нет, Мрак. Здесь что-то другое. Но что – я пока не знаю.

– Трое суток искал, – сказал Мрак с недоверием в голосе. – Далеко ж уперли! За это время маковой росинки во рту не было. Лишь сегодня не утерпел, что-то подхватил на бегу. С костями и перьями целиком. Потом, правда, что-то с костями и шерстью...

– А еще с костями и чешуей, – засмеялся Таргитай звонко, радостно. – А мы-то убивались, что останешься волком...

– Дурни. Нашли из-за чего убиваться! Как будто волком жить худо. Что меня заставило покинуть родной Лес и пойти за двумя калеками?..

– Я тоже ума не приложу, – сказал Олег. Он пристально смотрел на оборотня, что-то прикидывал, глаза у него были размышляющие.

Мрак отступил, разом исчез в густой траве, словно превратился в ящерицу. Таргитай и Олег торопливо собрали сухие стебли, обломали терновник, что на свою беду вырос поблизости, спешно развели костер.

Вернулся Мрак с парой молодых жирных перепелов, в руках держал большое гнездо с крупными пятнистыми яйцами. Таргитай выхватил птиц, сказал услужливо:

– Мрак, теперь отдохни! Мы все сделаем сами.

– Отдохну, отдохну... С вами отдохнешь!

Он выпотрошил перепелов, хотел обмазать глиной, но земля была серая, спекшаяся от зноя – порезал и насадил на длинные прутики. Олег суетливо собирал хворостинки, но глаза его были на костре. В какую бы сторону ни зашел, повсюду настигали запахи жареного мяса.

Мрак пробовал на готовность, Таргитай всякий раз шумно сглатывал слюну. Наконец оборотень крикнул:

– Эй, великий чародей! Топай сюда. Обед готов.

– Завтрак, – невольно уточнил Олег, ибо Боромир приучал к точности.

– Я уже три раза сегодня завтракал, – буркнул Мрак. Он жадно вонзил острые волчьи зубы в сочное мясо. – Или четыре, не помню. Мое брюхо старого добра не помнит. Чем бы ни потчевал вчера, сегодня делает вид, что вовсе не кормил!

Однако ел так, словно от завтрака до обеда прошло суток четверо. Тонкие птичьи кости трещали под мощными зубами, челюсти легко и безостановочно мололи мясо. Лицо светлело, голодный блеск сменился угрюмым весельем. Изгои налегали на яйца, оставив перепелов Мраку.

– Цвет не потеряли? – спросил он. – Я утром прибежал, смотрю – измочаленный стебель, а кругом следы, следы... Зубами грыз, что ли? Надо же так озвереть! Ну, думаю, крутые парни. Только бы не растеряли по дороге, раззявы.

– Олег, покажи, – попросил Таргитай.

Мрак отмахнулся:

– В другой раз. Не мужское это дело – волхвование, чары, колдовские цветы... Добрый удар секиры – вот главное! Ты хоть ворона редкостная, дивная, но мою секиру захватил, хвалю. А вот мешок бросили зря.

– Мрак, – сказал Таргитай неуверенно, – кто же знал, что ты какой-то необыкновенный оборотень? Мы ж думали, ты уже...

– Не рад? – спросил Мрак насмешливо.

Таргитай подпрыгнул, уши запылали, а голос задрожал от обиды:

– Как ты можешь...

– Не лопни, – буркнул Мрак. Он потянулся, с хрустом расправил плечи. – Волхва спрашивай, что да почему. Он, если сам не сообразит, в книгу одним глазом подглянет. Мол, своя голова хорошо, а умная – лучше... Олег, железки еще остались?... Это все?... Вместо орехов погрыз, что ли? Ладно, я выстругаю стрелы, а то твои на тетиву класть опасно – в себя можно поцелить!

Он ушел, захватив наконечники. Изгои переглянулись. Мрак говорит чересчур громко, размахивает руками. Потрясен, видно издали. Ведь по всем законам должен остаться волком!

Глава 7

Мрак вернулся с новыми стрелами почти сразу. Таргитай только-только разлегся, достал сопилку, как грозный голос рывкнул:

– Эй, птахи небесные! Пора.

По дороге Олег порывался показать Цвет, натерпелись, но Мрак торопил, словно изголодался по бегу. Когда выскакивали на голую землю, неслись как лоси, земля гудела под сапогами.

Бежали весь день, а когда Мрак разрешил перевести дух, изгои без сил повалились на землю. Мрак взял лук, ушел, а едва изгои сползлись ближе, чтобы пожаловаться на сумасшедший бег, Мрак уже появился с другой стороны. На поясе висели неизменные перепела, за уши нес крупного зайца. По заячьей шкуре сочилась кровь, вытекала из одинаковых отверстий на шее. Таргитай быстро взглянул на рот Мрака. В левом углу еще виднелась кровь.

– Давай я освежую, – предложил Таргитай.

– Я сам, – ответил Мрак резко. Он отвел глаза. – Ты долго возишься, протухнуть успеет.

Он содрал шкуру и выпотрошил зверька, все время держа его так, чтобы Таргитай не видел сломанной шеи и двух дыр от его клыков. Олег, разложив мешки, перекладывал травы, змеиную шкуру. Он вытащил Цвет, но солнце еще светило, и Олег делал ладонями шалашик, заглядывал в щелочку, стараясь понять, светится ли Цвет хоть малость или перестал вовсе.

Зажаренного зайца Мрак ел вяло, без охоты. Сорвал зубами пару волоконцев мяса с задней лапы, поморщился, зашвырнул в кусты. Глаза были сытые, будто за время охоты задавил что-то получше, прокусил горло, напился свежей крови, поел мяса еще горячего, дергающегося, живого...

– Мрак, – взмолился Таргитай, голос дрогнул, – ешь жареное! Хочешь, испечем для тебя в золе? Или сварим... Вот только отыщем ручей. Не ешь сырого!

Мрак снова отвел взгляд, буркнул:

– Это тебе опасно, Олегу... Мне – нет.

– Разве ты уже не человек?

– Люди все разные.

– Но заветы для всех одни!

Мрак сердито огрызнулся:

– Когда я волк, я – волк! Давай оставим эти трудные вопросы волхвам. Да не Олегу, а самым старым и ленивым, которые не бегут через Степь, не плывут через моря, не карабкаются по Горам. В тепле да уюте, не отрывая жирного зада от медвежьих шкур... чего только не придумаешь!

Он поднял изгоев, не дав улечься обеду. Таргитай бежал рядом с Мраком, несчастливо косился, сопел жалостливо. Мрак слишком охотно оборачивается волком... Даже среди бела дня не утерпел, дал взять верх в себе звериности, лютости. Мог бы сшибить зайца стрелой, наверняка мог! Но волчья кровь ударила в голову, зарычал, уже и сам не заметил, как помчался не на двух – на четырех, как в челюстях сладко хрустнула шея зверька, а рот наполнился горячей кровью!

Они бежали на восток, прятались от киммеров, теперь по дорогам скакали не только всадники, но медленно тащились крытые повозки, запряженные могучими волами. Всадники рыскали как волки, а повозки двигались неспешно, ибо Степь бесконечна, спеша не спеши – и за сто тысяч жизней не обойдешь...

Затаившись в густой траве, подолгу наблюдали за караванами. Повозки легкие, но колеса огромнейшие, с такими легче перебираться через рытвины, борозды, мелкие ручейки. У Степана, как помнили невры, на повозке колеса махонькие, ездил по накатанной дороге, а эти за всю жизнь дважды в одном месте не бывают. Волы мелковаты, если сравнивать с полянскими, хотя поляне – не скотари, как киммеры. Правда, от полянских быков остались на пожарище одни черепа, но неврам, людям Леса, стоит показать одну косточку, чтобы увидели зверя целиком.

За повозками обычно гнали коров. Табуны низкорослых лошадок перегоняли всадники, стада коров степенно держались от них в стороне.

Невры упорно двигались на восток. Степь была такой однообразной, что иногда Таргитаю казалось, что они бегут на месте. С этим ощущением покорно бежал за Мраком день за днем, потом сухой горячий воздух посвежел.

Впереди показались редкой цепью деревья: огромные, сытые, с пышными кронами. Чем ближе невры подходили, тем прохладнее становился воздух. Мрак выбежал далеко вперед, остановился, вскинул руки к небу. Изгои догнали, а возле Мрака словно налетели на каменную стену.

Перед ними была немыслимая ширь воды. Не река, которую знали в Лесу, не большая река, что текла у полян, а немыслимо огромная, великанская! До другого берега не то что камень – стрела не долетит, даже пущенная рукой могучего Мрака. Огромная масса воды движется медленно, но зато ее столько, что... Таргитай потряс головой, стряхивая наваждение. Такой реки не могло быть в природе, но она несет воды прямо перед ними, продавливая землю, рушит крутые берега, наполняет сухой воздух Степи холодной свежестью!

– Это же поперек! – вскрикнул Таргитай, наконец сообразив. – Река идет с севера на юг, а нам на восток!

Мрак прогудел тяжелым голосом:

– Да, только и остается что назад...

Олег не уловил иронию, сказал поспешно:

– Почему назад? Давайте думать. Через нашу реку, я видел, перебралась мышь прямо у меня на глазах...

– Перепрыгнула? – предположил Мрак. – Или даже перешла вброд. Эх, это не наша река, что выходит из берегов, когда в нее мочится Таргитай... Ты плавать умеешь?.. И я нет. Никто из невров не умеет.

Олег опустился к самой воде, присел на корточки. Течение было не сильным, но масса воды двигалась ровно, мощно.

– А если найти упавшее дерево? Или срубить?

Мрак быстро окинул взглядом деревья вдоль берега:

– Ну и что? Занесет по течению на тысячи верст. А нам нужно на ту сторону.

Таргитай тоже спустился к ним, сунул пальцы в холодную воду:

– Бр-р-р!.. А кто знает, какие чудовища водятся в этой великой реке?

Олег поежился под их взглядами, ответил неуверенно:

– Я не слышал о водяных чудовищах... И в книге не встречал. Правда, еще не всю прочел.

– Как тебя учили? – пробурчал Мрак. – По складам еле разбираешь. Вон Боромир как чешет! Правда, всегда одно и то же... А как насчет чутья? Мне кажется, ты уже чуешь, как перейти? Ну-ну?

Олег корчился, его никогда так грубо не подталкивали, наконец промямлил неуверенно:

– Чую... надо пройти по течению.

– Ну и?..

– Наткнемся на ответ, – ответил Олег сердито.

– Или напоремся.

Они пошли быстрым шагом вдоль берега, Таргитай шлепался брюхом, заглядевшись. В реке вскидывалась рыба, хватала мошек, бабочек. В редких камышах возле берега шуршало, крикали утки, слышался жуткий вопль водяного быка – выпи. Под ветерком камыши гнулись, по воде пробегала рябь, а утки переполоханно крикали.

Таргитай начал отставать, он пробовал идти по щиколотку в воде, охлаждая разогретые ступни. Мрак рывкнул, выгнал на берег. Олег покачал головой, поймав жалобный взгляд Таргитая.

Внезапно Мрак прошипел:

– В Степь! Быстро!

Таргитай замешкался, Мрак дал пинка, и Таргитай пролетел как птица, едва перебирая ногами, вломился в заросли травы. Почти сразу рядом затрещало, шумно обрушился, ломая хрустящие стебли, Олег. Наступила долгая тишина, неслышно приблизился Мрак, сообщил тем же приглушенным голосом:

– Они еще далеко. Но осторожность в задницу не клюет и есть не просит.

– Так чего так суетиться? – спросил Таргитай сердито. – Быстрота хороша при ловле блох, а тут одни комары да слепни. Олег, ты не знаешь заклинаний против комаров?

Олег почесывал то место, где спина называется по-другому, и сопел, как довольно крупный смок, к счастью – без дыма.

– Тихо, – цыкнул Мрак.

Земля начала подрагивать. Таргитай раздвинул стебли, прижался ухом к земле. Доносились гул, стон, потом в ухе внезапно зашуршало, зачесалось, и Таргитай подпрыгнул, затряс головой, пытаясь вытряхнуть муравья или жучка, что заполз сдуру или по великой хитрости в темную норку уха.

Мрак осторожно раздвинул стебли. Темная масса медленно надвигалась из Степи. Небо пожелтело, а из пыльной тучи начали появляться скачущие всадники. Темная масса оказалась огромным стадом, а всадники носились по бокам, направляя движение.

Постепенно стали различимы коровы, массивные быки, тонконогие телята. Зачув воду, передние ряды ускорили шаг, за ними потянулось стадо, переходя на бег. Всадники носились с гиком и свистом, звонко щелкали длинными бичами, удерживая стадо.

Мрак тихонько ругнулся, изгои заспешили за ним, пригибаясь, переползая открытые места на брюхе.

– Быстрее же! – прошипел Мрак зло. – Вобьют в землю по уши!

Земля гремела под десятками тысяч копыт. Стадо лавиной переваливалось через берег. Слышно было, как передние коровы с шумом плюхались в воду. От реки несся рев, жалобное мычание, лязгали рога сцепившихся быков.

– Кровавая жертва водяным богам? – шепнул Таргитай.

– Видать, могучие боги, – сказал Мрак оценивающе. – Такое стадо пригнать из глубин Степи, где никакие водяные боги не страшны!

Он прислушался к реву, щелканью бичей, потом лицо его просветлело. Он больно ткнул Таргитая в бок, сказал хитро:

– Глянь на волхва! Он о чем-то уже догадался, видишь?

Олег, судя по его виду, соображал еще меньше, чем Таргитай, но в ответ на похвалу усиленно закивал, вытянул шею, всматриваясь в стадо, что неудержимыми волнами катило из Степи, исчезало из виду.

Лежали так долго, что у Таргитая занемела спина. Воздух был пропитан запахом кож, пота и скота, а земля все еще вздрагивала, но уже легче, словно переводила дух. Мрак привстал, всмотрелся. Таргитай и Олег лежали почти не дыша, не шевеля и пальцем. Наконец Мрак шепнул:

– Ползком, но тихо! – как ящерица быстро добрался до берега.

Таргитай задержался, раздумывая, как это можно ползком и тихо, выждал, пока Олег двинулся за Мраком, пополз следом.

Стадо было уже на том берегу, едва видимое отсюда. Последние коровы медленно выби-
рались на пологий берег. Всадники были на середине реки, один вылавливал обессилевшего теленка, другие нещадно нахлестывали отставших коров, видны были их разинутые в крике рты. Вода всадникам поднималась не выше брюха лошадей.

– Все понятно? – спросил Мрак. Его глаза блестели весело. – Вон Олег уже догадался.

Таргитай смотрел с недоверием:

– Такая мелкая?... Быть не может.

– Брод, – пояснил Мрак. – Ясно, в других местах поглубже. Те дуры-коровы, что оступились, попали в жертву водяным богам. Их унесло уже, я насчитал с десятков. Вон Олег уже догадался, хоть и волхв!

Он выждал, пока на дальнем берегу стадо стало удаляться, сбежал к воде. Воздух еще подрагивал, наполненный ревом, запахами, стуком копыт, песок на дне медленно оседал, взбитый копытами.

Мрак осторожно вошел по колено, всмотрелся в мутную воду, помахал рукой:

– Эй, хомяки! Давайте сюда. Авось не утопнете. А утопнете...

Изгои осторожно вошли вслед за Мраком. Мрак брел уверенно, резал волны, как могучий тур. Вода долго держалась на уровне коленей, изгои повеселели. Однажды Мрак ухнул вниз до плеч, но вскоре нащупал место повыше. Олег подал голос, что надо бы выждать, пока осядет муть, поднятая стадом. Мрак напомнил, что Фагимасаду только и надо, чтобы они подольше задержались на голом берегу, где даже трава вбита в землю.

Дважды вода поднималась почти до подбородка, изгои перетрусили, их начало сносить, ноги отрывались от дна, но всякий раз Мрак был на мелком, и они спешили за ним, даже забегали вперед.

Берег оказался пологий, песчаный. Копыта втоптали землю так, словно Святогор здесь вытащил из воды каменную гору, проутюжив берег. Продрогшие изгои почти выбежали, поспешно начали выливать воду из сапог, вытряхивать душегрейки.

Мрак пощупал почву, задумчиво покачал головой. Из камня под ногами торчал засохший стебелек, обломок. Землю вбивали копытами так долго, что стала камнем. А странная выемка на берегу в полверсты шириной не зря – унесли пылью на копытах.

– В самом деле, – сказал он медленно, – древний народ. Это же сколько надо лет...

Он потряс головой, не находя слов, Олег возразил книжным голосом:

– До киммеров здесь бродили тернопольцы. Такие же степняки. У них стада были еще больше. Так говорится в моей книге мудрости...

– Уже твоей? – буркнул Мрак. – Ворюга, грабитель... А где найти сегодня поесть, там сказано?

Олег поспешно выставил обе ладони:

– Мрак! В этом благородном деле ни одна книга мудрости с тобой не сравнится.

Мрак оглядел его подозрительно, но волхв смотрел чисто, искренне. Таргитай уже умирал с голоду, глаза были жалобные, умоляющие. Румяные, как яблоки, щеки поблекли.

– Как прикидываться научились! – восхитился Мрак. – Прямо в глаза брешут. Сыграй сперва. Обед тоже нужно заработать.

Таргитай вздохнул притворно, но пальцы уже с радостной дрожью нащупывали сопилку.

Они двигались через Степь большей частью ночами. Для Мрака что ночь, что день – все едино, но изгои страдали, увязали в траве, проваливались в норы, стукались с разбегу лбами. В ясные лунные ночи бежали, разогреваясь на ходу, в безлунные двигались шагом, а то и вовсе спали. Таргитай сам не мог решить, когда идти лучше: днем по жаре, ночью в темноте или вечером, когда комары лютуют особенно.

Для Мрака вопроса не было: двигаться тогда, когда безопасно. Безопаснее всего было днем спать, отыскав густые заросли травы или кустарника. Чуткое ухо Мрака даже во сне сообщало о степняках. Не высываясь, он решал, остаться ли на месте, убираться ли с пути.

Еще через две недели пути снова ощутили могучее дыхание большой воды. Мрак ускорил бег, изгои бежали, сцепив зубы. Воздух становился все насыщеннее водяным паром. Мрак озадаченно крутил головой, но река не появлялась.

Они увидели берег лишь на другой день. Мрак взбежал на крутой вал, застыл. Изгой покарабкался к нему, ноги скользили по непривычно сочной мясистой траве с толстыми стеблями. Мрак почему-то застыл, даже не помахал им рукой.

Таргитай взбежал к нему и тоже застыл. Перед ним была не река. Даже не Река, а что-то непонятное. Воды настолько много, что не видно конца-края. По ней сами по себе ходят тяжелые волны, будто бродит невидимый великан. Нет, даже великан не смог бы потревожить эти воды!..

Олег сказал дрожащим голосом, в котором странно смешивались ужас и удовлетворение от своей правоты:

– Я ж говорил... Край Мира и должен идти по воде!.. А вы двое: Степь, Степь...

Все трое долго молчали, боясь взглянуть друг на друга. Даже Мрак не хотел бы, чтобы увидели его потрясенное лицо. Река немыслима, еще шире предыдущей. Таких рек просто не могло быть на свете. Эти массы воды куда-то еще двигаются, волны почти в рост человека. На вершинках, как от ярости, белеют гребешки пены.

Наконец Мрак первый нарушил благоговейное молчание:

– Да, но что во-о-он там за водой?..

– А что там? – насторожился Олег.

– Полоска земли.

Олег долго двигал бровями, складками на лбу, даже уши шевелились от натуги.

– Там остров мертвых, – сказал он наконец. – Туда уходят души умерших... Ну, тех, кто перестал превращаться в зверей. Там и живут. А эта река – граница между миром живых и миром мертвых. Иначе великая неразбериха и непотребство учинились бы...

Мрак пристально всматривался:

– Леса не видать... А какой же вирий без леса? Где им охотиться?.. Или то не вирий, а то, другое? Олег, загляни в свою книгу. Я думаю, что мы дошли до края земли.

Олег оторопело сел, прижал локтем мешок. Его глаза не отрывались от чудовищной реки, лицо побледнело. Таргитай тоже опустился на землю, ноги не держали.

– Похоже на то, – проговорил наконец он. Его глаза со страхом смотрели в необозримую водную гладь. – Я слышал, что вокруг земли течет Мировой Океан. В середине Океана лежит дивный остров Буян. Там великие чудеса, но туда не попасть смертному!

Мрак вытащил из-за плеча лук, натянул тетиву, потрогал пальцем. Тетива запела.

– А жрать все равно надо, – вздохнул он. – Даже на краю земли. Соберите хворост.

Он пошел, затем побежал вдоль берега. Таргитай и Олег переглянулись. Странно, есть хотелось даже в таком чародейском месте, как край белого света.

Костер развели прямо на берегу. Мрак сам подкладывал хворост, следил, чтобы огонь был хорош, а дыма – ни-ни, ибо земля истоптана копытами, вдоль берега тянутся исхоженные дороги, все пропитано чужими запахами. Киммеры освоили и край света, могут заметить дым, а от коней в Степи не уйдешь... Это их земля, земля кочевников, огромных стад, даже почва держит запахи крови, сыромятных кож!

Сам Мрак поел сырого мяса, уговаривал изгоев вести себя по-мужски – костер далеко заметен, сырое мясо здоровее, но оба уперлись, отказались наотрез, еще и на нем висели, уговаривали. Он догадывался, что стараются ради него: мол, поест сырого – скорее останется волком навеки.

Таргитай потянулся к дудочке, после обеда играется лучше, но Мрак вдруг замер, сжал руку в кулак. Изгой услышали далекие голоса. Таргитай ощутил леденящий озноб. Голоса слышал ясно, но на берегу пусто. Духи воздуха, прячась в невидимости, играют злые шутки?

Мрак выругался, указал рукой на необозримую водяную гладь. Далеко, в двух-трех полях стрелы, плыли плотно сбитые в ряд бревна. Ровный квадрат, словно половодьем выломало бревенчатую стену дома, на бревнах – шалаш из зеленых веток, из него торчат голые ноги.

Один мужик, угрюмый и лохматый, налегал грудью на странного вида длинное тонкое бревно с широкой лопастью, что пенило воду за плотом, рядом с ним на корточках сидел другой – полу-голый, загорелый. Он резал на куски большую рыбу. Еще один сидел на краю бревен, свесив ноги в воду, чинил плотную рубаху. Завидев на берегу невров, он отложил лохмотья, оскалил страшно зубы, поднял левую руку кулаком вверх, а правой стукнул по бицепсу. Мрак засопел, приставил большой палец к виску и помахал остальными. Мужик радостно вскочил на ноги, приставил растопыренные пальцы к носу, потом к ушам, почесал между большими пальцами ног, сделал жест, что, мол, ручки – вот они.

Невры провожали их взглядами, пока плот не скрылся из глаз. Мрак, красный, как после бани, сказал зло:

– На богов рожами не походят.

– Но Мировой Океан... – заикнулся Олег.

Мрак пристально всматривался в темнеющую полосу:

– А что, ежели то не Буян-остров, а просто противоположный берег?

Олег ахнул:

– Мрак, окстись! Такой широкой реки быть не может!

– Сам знаю, – огрызнулся Мрак. Его кулаки сжимались и разжимались, а пальцы словно сами по себе складывались в оскорбительные комбинации. – Но это жалкие оборванцы... Это не степняки, ясно. Похожи на полян. Или на славов. Могут быть и антами – рожи больно нашенские. Тот, что за веслом, вылитый Тарх, только почище...

– У них вода рядом, – сказал Таргитай с обидой.

– Не о том речь, – отмахнулся Мрак. – Степан гутарил, пусть ему тепло будет в вирии и много баб, что ежели секрет волшебства становится известен, то перестает быть волшебством. Нет, перестает зваться волшебством, а величается отныне умением. Верно, волхв?

Олег сказал медленно, в его глазах все еще было безмерное удивление:

– Если четверо на таком плывут, то поплывем и втроем... А вода движется на юго-восток.

Не знаю, что вы успели рассмотреть, но я понял, как связать бревна и сделать так, чтобы можно было то подгонять плот к берегу, то уводить.

– Берешься сделать? – спросил Мрак в упор.

– С вашей помощью, – ответил Олег, скромно опуская глаза.

Еще два дня шли вдоль берега, прочесывая мелкие кустарники, рощи. Деревья росли над водой часто, но так далеко одно от другого, что Мрак бегом вел изгоев дальше. Подходящие деревья встретил к концу второго дня, изгой возроптали, ибо до берега было с версту. Мрак зарычал, принялся яростно рубить ближайшее дерево, и они смирились.

Работали втроем: Олег указывал пальчиком, Мрак рубил, а Таргитай стесывал сучья. Затем Олег с Таргитаем спешно таскали бревна через Степь к берегу, а Мрак рубил новые. Потом Мрак вытесывал по указке Олега огромное весло-руль, Таргитай надрал гору лыка, а Олег за все это время надумал, как закрепить руль и связать бревна, чтобы не рассыпались.

Работали всю ночь в дикой спешке. Мрак орал, гонял нещадно, тревожно оглядывался. Летние ночи, как назло, коротки, а эти два олуха ползают будто осенние мухи. В ровной Степи под нещадным звездным небом ни укрыться, ни спрятаться. Рассветет – ничто не спасет от степняцких стрел. Берег тоже чист, открыт с любой стороны...

– Да быстрее же, – рычал он в отвращении. – Потом отдохнете, улитки!

– Всегда потом, – стонал Таргитай сквозь сжатые зубы. – Всю жизнь слышу одно и то же – потом... Где найти страну, чтобы сперва отдохнуть, а уж потом...

С разбегу вытащили последнее бревно на мелководье, не удержались, от изнеможения упали. Вода, казалось, зашипела и пошла паром от их тел. Мрак стягивал бревна в плотный пакет, выравнивал, начал спешно вколачивать держалку для огромной лопасти руля.

- Быстрее, – покрикивал он, не оглядываясь. – Быстрее, олухи.
- Мрак, если дунул-плюнул и все, то развалится! Надо добротнo.
- Добротнo можно и быстро!

Резкими ударами он вогнал тяжелый кол, с шумом опустил длинное весло в воду. Таргитай и Олег, стоя по колени в воде, привязывали последнее бревно. Мрак соскочил, отпихнул обоих:

– Марш на берег! Здесь я сам. Вон там кустарник, нарубите ветвей. Кто знает, вдруг эта волшебная штука без шалаша не поплывет?

Таргитай поспешно, пока Мрак не передумал, на четвереньках вылез на берег. Кустарник не ахти, ветки редкие, но если сплести умело, а потом наловчиться ловить рыбу прямо с плота... Это же вирий наяву: не надо бежать через Степь, поднимать тучи удушливой пыли, от воды в любую жару прохладно...

Он потихоньку тюкал секирой, складывал тонкие ветки в ровную кучку, в голове сами собой складывались слова новой песни, как вдруг слух резанул истошный вопль:

– Киммеры! Тарх, быстрее назад!

Таргитай с недоумением поднял голову, с трудом выныривая из привычного мира в этот, грубый и неудобный, повертел головой. Олег, не переставая верещать, уже мчался с берега к воде. На плоту Мрак на миг замер, тут же соскочил в реку, присел, уперся плечом в бревна. Олег кубарем скатился в воду, с разбегу ударился о плот рядом с Мраком.

По Степи во весь опор неслись всадники. Отряд человек в сто, остолбеневшего Таргитая заметили, начали нахлестывать коней. Лошади понеслись как птицы, стелясь над самой землей, вытянулись в струнки.

Таргитай вздрогнул, ноги затряслись. Налетят эти дикие люди, блеснет меч, его сшибут конем, а срубленную голову кто-нибудь на скаку подденет пикой...

Под ним замелькала земля, камни, затем он полетел по воздуху, с шумным плеском обрушился в воду.

– Толкай! – прохрипел Мрак.

Лицо его перекашивалось нечеловеческим усилием. Рядом рычал Олег, устрашающе багровый, он упирался спиной в мокрые бревна, а ноги медленно погружались в речной песок.

Таргитай ударился о бревна, нажал, в который раз чувствуя страшный свист тяжелых стрел, чувствуя, как железные клювы с хрустом пробивают спину, ломают позвонки, лопатки...

Песок поскрипывал, вода начала плескаться о бревна громче. Мрак хрипел, жилы на шее вздувались как толстые веревки, готовые лопнуть. Зубы оскалились, он был страшен.

Внезапно он выпрыгнул из воды, обрушившись грудью на плот, крикнул люто:

– Толкайте! Толкайте, жабы! Изо всех сил, если хотите сохранить шкуры!

Плот полз от берега медленно, песок скрипел тише, внезапно скрип исчез. Плот пошел быстрее, разгоняясь, но Мрак орал, из колчана сыпались на бревна стрелы. Мрак хватал их, бросал на тетиву, стрелял, дико визжал.

Таргитай и Олег бежали, разгоняя тяжелый плот. Дно постепенно понижалось, вода плескалась намного выше коленей, но оба толкали, бежали, вздымая горы брызг, толкали...

Внезапно дно исчезло. Холодная вода злорадно ударила в лицо. Таргитай ахнул, глотнул воду. Пальцы еще держались за мокрое ошкуренное бревно, но плот стремительно уходил, вода из-под бревен отшвыривала Таргитая, и пальцы не удержались, соскользнули, он окунулся с головой, хлебнул воды снова.

Его больно дернули за волосы, затем еще больнее ударило головой о твердое. Совсем рядом мелькнуло мокрое красное лицо Олега.

– Хватайся за бревна! За бревна, дурак!

Таргитай выбросил руки повыше, попытался вытащить себя из воды. Сильным течением из-под бревен отшвыривало, но Олег тянул за волосы, перехватил за шиворот, орал, помог всползти на бревно.

Таргитай упал лицом на мокрое бревно, ухватился за живот, выплевывая воду. Над головой звонко щелкнула тетива, страшный голос проревел:

– На руль!.. На руль, жабы!

Олег перепрыгнул через Таргитая, лягнул сапогом по затылку, исчез. Таргитай со стоном поднялся, едва не вылетел с плота в воду. Олег, перекосившись, с огромным усилием пытался ворочать тяжелой лопастью весла. Таргитай ухватился с другой стороны, навалились вместе.

– Держите на середину! – хрипло рявкнул сзади страшный голос.

Снова сухо щелкнула тетива. Десяток всадников уже съезжали по круче к воде, остальные неслись поверху. Две лошади бежали по кромке воды с опустевшими попонами. Одна волочила степняка, что не успел выдернуть ноги из ременной петли. Еще один качался взад-вперед, пытаясь выдернуть стрелу из груди.

– А как на середину? – закричал Олег.

– Кто из нас волхв? – крикнул Мрак. Он отпустил тетиву, а на берегу раздался гортанный вскрик.

Плот начало разворачивать, а на берегу двое молниеносно натянули луки. Таргитай замер, едва не выпустил руль. Стрелы прочертили воздух, шлепнулись в двух шагах от плота.

– Нажимай, нажимай, лодырь, – прошептал Олег сквозь искривленные губы. – Нажимай, дурак...

Плот медленно, неповоротливо, но уходил от берега. Пятерка всадников, что скакали по колену в воде, разом, как по команде, подняли луки. Таргитай опять напрягся, руки онемели. Над головой свистнула стрела, один из киммеров выронил лук, ухватился за плечо с торчавшей стрелой.

Четыре стрелы со змеиным шипением метнулись к плоту. Одна ударила в край бревна, вторая пронеслась рядом с Таргитаем, едва не оторвав ухо, третья вонзилась в руль, выбрав место возле пальцев Таргитая, четвертая...

Таргитай вскрикнул. Рядом Олег, едва не лопаясь от страшных усилий, медленно ворочал веслом, и Таргитай нажал всем телом, лишь скосил глаза. Чуть ниже плеча колыхались речным ветерком два гусиных пера. Они торчали из расщепленного конца деревянного прутика...

– Тарх, – просипел Олег, – продержись чуть-чуть...

– Держусь, – ответил Таргитай бодро. Поразился, что кровь течет, больно, а он не цепенеет от ужаса. Страшнее ожидать, видеть, как в тебя целятся из лука. – Не трись!

На другом конце плота орал Мрак, жутко звенела тетива. Второй раз вдогонку за плотом полетели стрелы: три упали в воду, последняя клюнула Олега ниже колена. Он закричал в страхе, выронил весло. Таргитай молча налегал на тяжелое древко, из плеча бежала струйка крови, стрела торчала страшно. Олег сцепил зубы, бледный и весь дрожащий, снова ухватился за весло.

– Держите руль! – напомнил Мрак. – Отпустите, пропадем все.

Он выпускал стрелу за стрелой, но плот качало, еще один степняк ухватился за простреленную кисть, другой с воплем попытался вытащить стрелу из шеи коня. Но стрелы киммеров уже не долетали вовсе, плюхались в воду, а плот уходил от берега.

– Держите руль крепче! – напомнил Мрак. Он метнулся к мешку волхва, вытряхнул на середину плота ворох тряпок, пучки травы, обереги, баклажки с деревянными затычками. – Которая? Быстрее думай, волхв!

Олег с трудом повернул голову, прошептал:

– Сизые листья с раздвоенными кончиками... Торопись. У Таргитая яд пошел к сердцу.

Мрак разгреб связки травы, прыгнул к изгибам, грубо сунул по целому пучку в рот каждому. Таргитай вяло сдавил зубами, челюсти стали вялыми, непослушными. Рот вдруг наполнился горькой слюной, зубы заломило, как от ледяной воды. Затем во рту так же внезапно стало горячо, словно сдуру хватанул горячей каши.

Мрак начал орать на волхва, схватил его за нижнюю челюсть, другой рукой – за волосы, начал трясти, заставляя жевать. Плот медленно развернуло, начало потихоньку сносить к берегу. Мрак выругался, отшвырнул волхва, ухватился за рулевое весло. Таргитай, задыхаясь от горячего кома в горле, подхватил Олега, что лежал возле края, даже свесил руку в воду. У волхва по губам текла зеленая слюна, смешиваясь с кровью из прокушенной губы.

Мрак в одиночку боролся с течением, уводя плот. Таргитай попытался улыбнуться дрожащими губами:

– Я думал, ты бросишь нас на берегу...

– Это приходило в голову, – проворчал Мрак. Он с натугой ворочал веслом, не отрывая взгляда от берега. Степняки скакали вдоль берега, трясли оружием, орали. Следом бежали лошади с опустевшими попонами, где расплывались пятна крови.

– За мной должок, – сказал Таргитай, стараясь не морщиться и не коситься на белые перья.

– Я напомню, напомню, – пообещал Мрак.

Внезапно плот дернулся, его начало сносить к берегу. Течение бурлило, клочья пены полетели на бревна. Мрак навалился на весло, глаза стали страшными. Таргитай вскричал с мукой:

– О боги! Только не сейчас! Мы ж почти вырвались...

– Эх, – проговорил Мрак с натугой, в его сдавленном голосе проскользнули завистливые нотки, – ты хоть успел всех баб, даже по дороге...

Глава 8

Внезапно подводное течение оставило плот, тот попал в другую струю, его понесло от берега. Степняки разом повернули коней, с разбегу нырнули под раскидистые ветви огромных яворов. Таргитай смотрел им вслед раскрыв рот, а Мрак оставил весло, наклонился над Олегом. Таргитай сам ухватил весло, плот слушался, как ребенок. Волны начали стучать с одного бока, забрасывая пену на бревна.

Олег лежал как труп, но глаза смотрели ясно и без привычного страха. Мрак кивнул с одобрением. Волхв прокусил губу, противоядие тут же пошло в кровь. Молодец! Для него укусить самого себя за губу – что для Мрака сразиться со Змеем Горынычем, а для Таргитая – рано встать и не евши работать целый день.

Таргитай сидел посреди плота, осторожно трогал перья на древке. Мрак быстро осмотрел рану, утешил:

– Кость цела, а мышцы заживут, как на поганой собаке...

– Почему на поганой?

– На поганных лучше заживает, чем на породных. А шрамы мужчин украшают!

– Не хвались, – прошептал Таргитай. Он сцепил зубы, потому что Мрак начал осторожно тянуть стрелу. – Ой... Да дерни сразу, чтобы не мучиться!

– Наконечник соскочит. Терпи, оборотнем станешь...

Вытащив стрелу из ноги Олега, быстро и безжалостно перевязал обоим раны, сказал грубым голосом, в котором было удивление:

– Эй, а вы еще крепкие парни, оказывается. Много визгу было до драки, но когда до нее дошло, вы держались.

– Да где там держались, – сказал Таргитай, только теперь почувствовав боль. – Все ты сделал...

А волхв произнес мудрым голосом:

– Воображаемая опасность страшнее.

Мрак разложил на бревнах нехитрое имущество, рассматривал, ворчал. Еды маловато. Трое здоровых мужиков на плоту! А рыбу ловить нечем. Да и какая рыба водится в Мировом Океане? Вдруг такая, что ей самой этот плот на один кутний зуб?

Олег с трудом перевалился на бок, смотрел на далекий берег. Отсюда, с плота, он казался просто немыслимо далеко. Бревна слегка покачивались, поскрипывали. Волны стучали в торцы, всплескивали. Олег ежился от ужаса, Таргитай и Мрак сидят на толстых бревнах, чувствуют прочную тяжесть, а он, волхв, всеми частичками души ощущает, что под бревнами только вода, везде вода. Если на дно поставить Мрака, на плечи – Таргитая, а им на плечи еще нескольких человек, то и тогда верхний не достанет рукой проплывающий над ним плот! А ведь плавать не умеем, на реке никогда не были. И кто знает, что за чудища здесь живут, в этих глубинах?

– Мрак, – спросил он слабым голосом, не открывая глаз, – мы пристанем к берегу?

– Зачем?

– Нарубим веток, сплетем шалаш. От воды зябко, а солнце печет. Мы так долго не продержимся. В Степи и то укрывались в траве!

– Думаешь, степняки отстали? Народ мелкий, но пузатый. Значит – злопамятный.

– Я не видел с ними Фагимасада...

– Тот бы вовсе в воду кинулся!

Олег перевернулся на другой бок, поморщился от боли в ноге. Долго смотрел в необъятный водный простор, сказал внезапно:

– Насчет богов на плоту мы уже выяснили. Сами такие же боги. А что, если в той стороне не остров Буян виднеется, а всего лишь другой берег?

Таргитай встал рядом с Мраком, зачарованно смотрел на едва темнеющую полоску. Если там берег, то это не Мировой Океан? Просто исполинская река, что делит мир пополам? Но тогда, возможно, и на той стороне живут люди... или причудливые звери...

Весь день по очереди держали весло, сдвигая плот к неведомому берегу. Чем ближе приближался к нему плот, тем возбужденнее становился Олег и разочарованнее – Таргитай. Берег чудес оказался таким же точно берегом, от которого отплыли. Лишь Мрак с непроницаемым лицом точил секиру, оценивающе поглядывал на вырастающие в размерах деревья на берегу, обрывистые кручи, мелкий кустарник.

Когда подплыли совсем близко, у Таргитая от обиды вытянулось лицо до пояса.

– Это же яворы!.. Обыкновенные яворы...

– Хорошее дерево, – возразил Мрак. – Что тебе не так?

– Да, но... какой же это берег чудес?

– Говорят, и в вирии собаки водятся. Почему бы не расти там и яворам?

Втроем налегли на весло, плот с разбегу вышел на мелководе, проехал по речному песку. Мрак нахмурился, в прошлый раз едва успели вытолкать на чистую воду.

Чтобы не рисковать, ночевали на плоту. Река пыталась утащить, но лыковая веревка держала надежно, а другим концом привязали к огромному явору, что рос прямо над водой.

На рассвете Мрак разбудил, погнал рубить ветки. Шалаш соорудили просторный, заняв им половину плота. Мрак похваливал, заявил, что удобно укрываться от стрел. Конечно, хороший стрелок прошибет насквозь, но надо знать, где именно прячется враг, а из шалаша можно бить прицельно из-за любой ветки.

Перед отплытием Мрак исчез на берегу. Таргитай и Олег сидели на плоту, держа наготове секиру и нож, Мрак велел при опасности рубить веревку. Таргитай не выпускал из рук длинный шест, им можно толкнуться от берега. Оттуда несло жарким сухим ветром, вилась в воздухе пыль, поверх воды катили едкие степные запахи.

– Что он пытается заполевать? – спросил Олег напряженно. – Если это страна, что лежит в Мировом Океане...

– Это же просто другой берег, – сказал Таргитай горько.

– Другой, – согласился Олег. – Здесь все может быть другое!

Мрак неслышно появился на высоком берегу. Мгновение стоял, раскорячившись на фоне синего неба, помахал рукой изгоям, крикнул мощным голосом:

– Отвязывай!

Таргитай соскользнул в воду, а Мрак сбежал с берега, подняв тучи ярких брызг. На бревна шлепнулись три окровавленные птичьи тушки. Он взобрался на плот, широко заулыбался во весь рот.

Таргитай собрал веревку, вскарабкался на плот, что уже начал освобожденно двигаться от берега. Олег вертел птицу во все стороны, расправлял крылья, раздвигал клюв, надеясь увидеть зубы, щупал перья, но все гнулись, железных не встречалось, даже кожица была обыкновенная – без чешуи и роговых пластинок.

– Зажарим? – спросил Таргитай быстро. Он осторожно поскреб ногтем пятнышко крови. – Вдруг это такая птица, что... отведав ее, начнем понимать язык зверей и птиц? Или еще что-нибудь случится?

Улыбка Мрака стала еще шире.

– Зажарим, – согласился он сразу. – А вот как, сами думайте.

Он вытащил из мешка точильный камень, взял секиру и полез в шалаш. Вскоре оттуда донеслось шарканье по металлу. Изгой переглянулись, Таргитай сказал несчастливо:

– Олег, думай! Ты у нас умный. Мраку что – он сыт. Наверняка живьем что-нибудь поймал и слопал.

Полдня Олег листал книгу, шлепал губами, поднимал глаза к небу, снова шептал и листал, из шалаша слышалось неумолимое шарканье точильного камня, так что Таргитай в одиночку боролся с тяжким рулем, лавировал по течению, глотал слюни. Все три птицы лежали почти у его ног. Измучившись их видом, Таргитай пинками зашвырнул их в шалаш.

Олег оторвался от книги, с укоризной оглянулся на Таргитая. Затем полез в шалаш, шарканье оборвалось, а после паузы громкий голос проревел:

– Эй, жрун! Правь к берегу.

– К какому?

– К этому. Если тут и есть чудеса, то в глубине.

Пока Таргитай удерживал плот у берега, Олег с помощью Мрака спешно ковырял ножом землю в обрыве. Глина оказалась красной, липла к пальцам и пачкала шкуры. Таргитай пожалел друзей, сманеврировал плот и подогнал поближе, чтобы не мучились, таская сырую глину по пояс в воде. Мрак не похвалил – наорал, люто сверкая глазами. Правда, плот сел на песок плотно, втроем еле спихнули, но все-таки зачем орать, будто на лютого врага?

– Да какой ты враг, – объяснил Мрак, когда отплыли. – Дурак сам себе враг. Эх, Таргитай!.. Помнишь, дед Тарас бил тебя по голове ложкой, а ты спрашивал: где, где это стучат? Говорят, когда в деревне решили перебить дураков, ты тоже выбрал палку побольше?

– Да не выбирал я, – отбивался Таргитай. – Я не такой злой, Мрак! Пусть и дураки живут.

– Ладно, пусть, – согласился Мрак безнадежно. – А то некому будет на дудке играть. Олег, показывай свое умение!

– Не мое, – отметил Олег скромно, – а мудрость пращуров!

Мудрость пращуров воплотилась в простейшую печь. Даже Мрак был разочарован: впрочем, пращуры были великанами, так что с мудростью было все ясно: сила есть – ума не надо.

– Подсохнет – попробуем, – сказал Мрак с сомнением. Он поковырял пальцем сырую глину. – Но даю голову на отрез, что пращуры не гнушались сырым мясом. Еще как не гнушались!

– Мрак...

– Зато здоровыми были, – упрямо продолжал Мрак. – Горами трясли, как вениками.

Он замолчал, прислушался. Олег и Таргитай вытянули шеи, превратились в слух. Донесся неясный шум, приглушенный рев. Невры напряженно прислушивались, рев не умолкал – глухой, словно огромный, как гора, зверь был далеко, однако постепенно становился громче и громче.

– Нас несет в ту сторону, – произнес Мрак быстро. – На каком берегу оно сидит? Нам нужно заранее отогнать плот к противоположному берегу.

Олег прислушался, сказал неуверенно:

– Не соображу... По мне, так оно сидит посреди реки.

– По мне тоже, – угрюмо признался Мрак. – Но такое разве может быть? Оно ж утопнет. Или размером с гору?

Таргитай заметил осторожно:

– Святогор перешел бы эту реку вброд... И Горыня.

– Боюсь, что и Горыныч, – сказал Мрак невесело. – Я имею в виду Змея... Держи посредине. Захочет сожрать, пусть лезет в воду.

Рев нарастал, в нем гремело грозное торжество. Зверь видел плот, что несло по течению, и понимал, что жертвам не уйти. Воздух похолодал, сильный порыв ветра принес мельчайшую водяную пыль. Волны застучали о бревна резче, злее.

Таргитай с Олегом держали весло уже с трудом. Плот несло посередине, но ветер и течение упорно сносили его к правому берегу. Мрак выложил на бревна две оставшиеся стрелы, взял лук. Лицо оборотня окаменело.

Рев усилился, приходилось кричать друг другу. Вдруг Мрак изменился в лице, сказал страшным голосом:

– Там... река кончается!

– Уходит в подземный мир? – ахнул Олег.

– Н-нет... перепад воды.

– По всей реке? Такого не может быть!..

Мрак зло оскалил зубы:

– Сам же доказывал, что здесь край света, что здесь возможно все... Либо в твоей книге выдраны страницы, либо те мудрецы здесь не побывали!

Таргитай молча удерживал руль, не позволяя плоту разворачиваться. Пусть бесполезно, но не так страшно, когда борется, что-то делает.

Плот трясло, бросало, вода неслась стремительно. Рядом возникали водяные ямы, вода бежала по кругу, ввинчиваясь в глубины. Мрак не удержался на ногах, грохнулся на колени, не выпустил лук. Олег давно лежал, уцепившись за веревки, которыми связаны бревна. На ногах оставался лишь Таргитай, он цепко держался за рулевое колесо.

Вдруг ровная гладь воды оборвалась. Там поднималась дымящаяся стена водяной пыли, седой, как туман, но плотной. Оттуда несся страшный неумолчный рев. Таргитая швыряло, он цеплялся за руль. Грохот стоял в ушах, и все-таки сквозь страх просочилось безмерное удивление: как это зверь ревет не умолкая? Должен же набрать воздуха, на миг прервать рев...

Мрак выругался, обреченно опустил лук. Из тумана вынырнули черные блестящие спины. Звери перегородили реку, прохода почти не оставалось. Вода, стиснутая их боками,

протискивалась тугими струями. Рев стоял страшный, оглушающий, уже превратившийся в грохот падающей воды.

Таргитай с силой налег на руль, увидев справа две темных спины, поверх которых перекатывалась вода. Рядом прятался еще зверь, спина просвечивала сквозь бурлящую воду. Плот несло со страшной силой. Мрак крикнул, глаза горели дико:

– Увидимся у Ящера!.. Кто попадет туда раньше, пусть подождет остальных.

– Возьмемся за руки, друзья? – предложил Олег дрожащим голосом, но за ревом воды его не услышали.

Плот вынесло на край, на котором река странно обрывалась, справа и слева мелькнули каменные спины. Снизу в плот грохнуло, бревна затрещали. Ноги Таргитая взлетели в воздух, мелькнуло перекошенное лицо Олега – тот падал плашмя на края плота. Таргитай пытался перехватить волхва, но больно ударился грудью о руль, дыхание вышибло. Он упал на мокрые бревна, потащило волной. Растопырив руки, зацепился за тугие веревки, стягивающие бревна, стиснул зубы, выдерживая рев, грохот, свирепые толчки.

Плот прыгал под ним, как конь, снизу в бревна били тяжелые кулаки. Несколько раз сверху обрушилась такая масса воды, что Таргитай считал себя на дне реки, потом снова чувствовал ветер, слышал тонкий заячий крик волхва.

Внезапно удары прекратились. Плот бешено кружило, Таргитай ощутил тошноту, но грохот уже удалялся, уходил, оставаясь позади. Прямо перед ним цеплялись за веревку окровавленные пальцы – его пальцы. На мокрых бревнах шипела, быстро оседая, пышная пена. На другом конце плота пыхтел Мрак, он вытаскивал из воды неподвижного Олега. Таргитай смутно удивился, что он видит весь плот, потом сообразил, что шалаш исчез.

Мрак вытащил волхва на бревна, упал рядом, тяжело дыша. Повязка на ноге Олега исчезла, кровь текла тонкой струйкой, размывалась водой. Он не открыл глаз, но грудь ходила ходуном. Мрак пощупал его сердце, успокаивающе кивнул Таргитаю:

– Проскочили...

Темные спины каменных зверей быстро удалялись. Вода успокаивалась, хотя струи еще сшибались, бурлили, закручивались водоворотами. Мерный грохот быстро слабел.

Олег шелохнулся, проговорил, не открывая глаз:

– Каменные чудовища... Боги наказали, велев всю жизнь сидеть в воде...

– Я бы таких богов, – проворчал Мрак. – Ишь, наказали! Им хоть бы хны, а каково нам? Спасибо, Тарх.

– За что? – не понял Таргитай.

– Правил бы я, разбились. Если бы руль взял Олег, нас разнесло бы в щепы. Но когда за руль берется такой... гм... то ни чудовище, ни мудрец, ни даже бог не сообразит, куда направит плот ты...

Таргитай неуверенно заулыбался, но Олег открыл глаза, ехидно заулыбался, а Мрак и вовсе хохотнул и похлопал Таргитая по спине, как доброго, но глупого пса.

Бревно под Таргитаем крутнулось, он взмахнул руками, нога внезапно проскользнула между бревен. Он задержался, уперся обеими руками, вытащил ногу, содрал кожу на косточке. Веревки растрепались, размочалились, два бревна потеряли на камнях, еще одно постепенно отодвигалось, истертые веревки почти не держали. К счастью, все три мешка были крепко-накрепко привязаны в самой середине плота.

– Правь к берегу, – сказал Мрак. Потом посмотрел на Таргитая внимательнее, сказал мягче: – Поменяй тряпку на плече... А к берегу я подгоню сам.

Балансируя на раздвигающихся бревнах, Мрак добрался до рулевого весла. Опорный столб трещал и шатался. Таргитай с Олегом перевязывали раны, а Мрак мощно работал веслом, направляя плот к ближнему берегу. Правда, на этом – степняки, но до противоположного не доплыть, бревна рассыплется раньше.

Мешки уцелели, но последние две стрелы смыло. Когда плот приблизился к берегу, Таргитай и Олег нарубили веток, сплели шалаш. Куцый, не такой роскошный, но от солнца прячет. Олег натаскал глины, восстановил печь. Успели заново стянуть бревна, добавили веревок. Мрак долго не появлялся, изгой издергался, подпрыгивая при каждом вороньем карканье. Плот держали на мели в десятке шагов от берега, но волны пытались вытолкнуть его подальше. Изгой упирался шестью, вытаскивали на глубокую воду.

Мрак принес только два птичьих гнезда. Ужинали бедно, спать легли голодными. Утром Таргитай проснулся от плеска воды. Плот шел посреди реки, Мрак стоял за рулем.

– Доброе утро, Мрак, – сказал Таргитай, не поднимаясь. – Тебе бы обращаться в жаворонка!

Мрак недовольно хмыкнул:

– Все распределено. Один червяк обращается в стрекозу, другой – в бабочку. Головастик перекидывается только в жабу, а птицей – кишка тонка. То ли боги так велели, то ли червяк не знает, как перекидываться иначе... Ты просыпайся, вон на берегу какое диво, а ты спишь.

На левом берегу во весь опор неслись странные полукони-полулюди! Скакали на четырех копытах, но от груди и выше был мощный торс человека. В руках блестели длинные луки, у некоторых были простые палки.

– Олег! – закричал Таргитай, срывая голос. – Олег, вылезай!

Из шалаша на четвереньках выбежал Олег. Всмотрелся, сказал потрясенно:

– Это же полканы!

– Кто-кто?

– Полканы! Полконя-полчеловека...

Мрак кивнул, тут же потерял к полканам интерес. В чистой воде то и дело мелькали рыбы спины. Мрак жалел, что нет у них острог, как у дрягвы... Рядом Таргитай едва не падал в воду, жадно всматриваясь в берег. Олег нырнул в шалаш, вернулся с книгой, начал листать, бормоча:

– Амазонки, аримаспы, агрипеи, алазоны, аводник, акудник, аларес... Авзацкие горы... Где же полканы?.. Ага, в третьей части. Полканы – древнее племя, родственное киммерийцам и тернопольцам. Ведет начало от Рода, который в облике жеребца однажды... гм, пропустим. Отличаются диким нравом, прекрасные стрелки из лука. Известны южным народам, которые кличут их кентаврами, то есть конями Таврии. Их буйный нрав можно усмирить только игрой на свирели...

Он покосился на Таргитая, раскрывшего рот от восторга, безнадежно махнул рукой:

– Смотря как играть... А то раздражишь вовсе. Так... живут охотой! Хотя кто-то в этом сумасшедшем мире живет как люди, то есть как невры – охотятся...

Полигамия... Что бы это значило?.. Книга мудрости есть, а словаря к ней нет...

Полканы внезапно ускорили бег, Таргитай ахнул, показалось, что у полканов шесть ног – неслись как выпущенные из лука стрелы. Земля гремела, над головами взлетали черные галки. Не сразу понял – комья земли, выброшенные копытами. Каждый полкан почти вдвое крупнее лошадок киммеров, под ярким солнцем играют тугие мышцы, золотистая шерсть блестит, а человеческие тела покрыты плотным загаром!

Один из полканов, коричневатый гигант, увидев плот, вскинул лук над головой, мгновенно пустил стрелу на всем скаку. Таргитай бросил быстрый взгляд на Мрака, тот широко оскалится, поднял вверх большой палец. Только он со своими острыми глазами увидел, как стрела взвилась в небо, описала круглую дугу, а полкан в бешеной скачке подхватил ее на лету.

Полканы пронесли по берегу, далеко обогнав плот, на полном скаку скрылись в Степи.

Солнце нещадно палило головы, даже Мрак часто прятался в шалаше. Река так широка, что проходило полдня, прежде чем замечали, что их сносит течением к берегу. Олег старался

первым взять весло в руки, умело отводил плот на середину. Он загорел и облез, как ящерица, но плечи продолжали раздаваться, обрастать мясом.

Однажды, когда все трое лежали в шалаше, снизу в бревно страшно ударило. Таргитай вылетел, проломив плетеную стенку, упал на края бревен, больно ушиб раненое плечо. Мрак выскочил взъерошенный, готовый к драке, с горящими глазами. Плот медленно несло дальше, только теперь его разворачивало вокруг оси.

Мрак посмотрел на рулевое весло, сжал кулаки. Держак покосился, от весла остался обломок, что едва доставал до воды. Таргитай поднялся, морщась, пощупал плечо:

– Что стряслось?

– На камень налетели, – ответил Мрак зло. – Или какая-то подводная зверюка хватанула зубами, дура.

– Чтоб она подавилась!

Плот медленно крутился, правый и левый берег уже трижды поменялись местами. Правый берег был в двух полетах стрелы, а левый едва виднелся на обрії, но плот медленно несло к нему. Олег нырнул в шалаш, выполз с веревкой в зубах, подбежал к Мраку:

– Надо сейчас же плыть к берегу! Оттуда тащить плот. Без руля нас занесет к Ящери, а мы ничего не сделаем!..

Мрак, суровый и собранный, быстро пощупал веревку, подергал, проверяя на крепость, сунул Олегу в ладонь:

– Молодец! Действуй!

Олег мгновенно побледнел, спросил осевшим голосом:

– Я?

– Разве ты не волхв?.. Торопись, плот уходит от берега. Поклон водяному зверю.

Он мощно шлепнул Олега по спине, тот как перышко слетел с бревен. Таргитай вскрикнул, бросил на Мрака негодующий взгляд. Голова Олега скрылась под водой, несколько долгих мгновений везде были только волны, наконец голова волхва вынырнула, как клочок коры, мелькнула рука.

Мрак следил за волхвом немигающими глазами. Его глаза сузились, а руки будто сами по себе привязывали конец веревки к держаку. Голова Олега дважды скрывалась под волнами, потом он приловчился, начал сдвигаться в сторону берега.

– А если не доплывет? – спросил Таргитай шепотом.

– Тогда мы все не доплывем, – бросил Мрак коротко. – Наше положение безнадежно... Тарх, мы все не умеем плавать! Но волхв хоть знает или должен знать, как это делается. А я вообще воды боюсь.

– И я, – признался Таргитай несчастливо. – Нет, я боюсь только глубокой. А так умываюсь каждое лето.

Голова волхва мелькала между волнами, его сносило, тянуло за плотом на веревке. Наконец он добрался до берега, встал на ноги, но веревка дернула, он упал навзничь, его потащило. Кое-как поднявшись, забежал по ходу вперед, выбирая запас веревки, пытался набросить петлю на прибрежные камни, наконец успел до огромного явора, что наклонился к воде, обвил веревку вокруг ствола.

Таргитай от внезапной остановки плота слетел в воду. Мрак даже не подал руки, он с усилием тянул за туго натянутую веревку. Таргитай, захлебываясь, бил по воде руками, врезался головой в твердое, с закрытыми глазами выбросил вперед руки, кое-как выбрался на бревно. Когда он наконец ухватился за веревку, Мрак уже почти подтащил плот к берегу.

Едва плот оказался на мелком, Мрак прыгнул с секирой, побежал по мокрому песку, выискивая подходящие деревья. Таргитай добрался до Олега, тот обхватил обеими руками ствол явора, содрогался в конвульсиях. Из него хлестала вода, как из дырявого мешка.

– Ты нас спас, – проговорил Таргитай с огромным уважением. – Я бы не решился, а ты вон как смело в воду прыгнул! Как жаба с берега. Ты герой, Олег.

Олега трясло, вода выплескивалась, уже не такая чистая, как в реке, но ее было много. Таргитай оставил волхва, бросился разводить костер. Когда насобирал хворосту и разжег огонь, Мрак притащил два срубленных ствола сосенки, люто обломал вершинки, зашвырнул с берега на плот.

– Сделаем два весла. Запас, как говорит наш волхв, в темя не клюет и есть не просит. Олег, хвалю! Ты плавал как лебедь.

Волхв сидел возле костра, его все еще трясло. Таргитай заботливо набросил ему на плечи и свою душегрейку. Олег стучал зубами, придвигался к огню поближе.

– Неужто вода холодная? – удивился Мрак. – Ты гляди, а? А с виду вроде лето. Тарх, ты ему хотя бы рыбку поджарил.

– Только раки, – сообщил Таргитай. Он показал Мраку котелок, на дне шебуршилось и скреблось. – Да и то мелкие, недавно вывелись. Или порода здесь такая.

– Даже мелкий рак лучше крупного таракана, – сказал Мрак с некоторым колебанием. – Хотя кто знает вкусы волхвов... У них все не как у людей. Ты видел, как он плыл?

– Где я ему наловлю тараканов? – возмутился Таргитай. – Пусть ест раков!

Вода еще не закипела, а Мрак уже обтесал первую лопасть и закрепил в стояке. Изгоем пришлось спешно перебираться на плот. Мрак видел пыль, замечал блеск оружия, а когда ветер подул в их сторону, ощутил запах конского пота и свежeproлитой крови.

Плот отвели от берега и плыли на расстоянии двух полетов стрелы. И безопасно, и в случае нужды легко вернуться на твердую землю. Однажды видели с дюжину кибиток, что тянулись по берегу, но степняки на них не обратили внимания. Когда проплывали мимо высокого крутого берега, из широких темных нор вылетали странные звери. Размером с крупных собак, но летающих собак негры звали кожанами, те летали только ночами, этим же яркое солнце нипочем, скользят на страшных когтистых крыльях над самой водой, хватают огромными когтями рыбу прямо из реки.

Один крылатый зверь увидел людей на бревнах, быстро помчался над водой, возле плота резко взмыл вверх, по неврам ударила волна зловония. Мелькнули горящие красные глаза нетопыря, мелкие острые зубы были свирепо оскалены.

Мрак мгновенно наложил на тетиву стрелу. Зверь завизжал яростно, понесся зигзагом, не сводя с негров нечеловеческих глаз, взмыл и растворился в синем небе.

– Понимает? – удивился Мрак. – Добро, что в Лесу зверье подурнее. А то бы наголодались наши охотники, особенно Громобой...

Он не договорил, что Громобой и так ненамного умнее зверей, на которых охотится, ибо в небе мелькнули уже три кожана – пронеслись над плотом. Таргитай подпрыгнул, когда у ног звучно что-то ляпнулось. Волна смрада стала сильнее. Он с омерзением смотрел на зеленоватое пятно, что разбрызгивалось на бревне, но в следующий момент услышал испуганный вопль Олега:

– Мрак, стреляй! Их сотни!..

Из нор вылетали все новые кожаны, воздух зарядил от множества крылатых тел. Все как один устремились к плоту, на бревна посыпались жидкие экскременты. Олег упал на колени, его выворачивало, а Мрак зло опустил лук. Стрела, которую накладывал на тетиву, без накопника, и подшибить кожана на лету нечего и думать.

– Тарх, – крикнул он, – отводи плот от берега! Здесь утопят в дерьме.

Таргитай и сам видел, что высокая круча тянется на версты и везде источена норами. Он бросился к рулевому веслу, налег, задерживая дыхание, спросил только:

– А если опять пороги?

– Ты совсем дурак? – заорал Мрак. – Лучше разбиться, чем утонуть в дерьме!

Таргитай отчаянно заработал веслом, Мрак ухватился за древко рядом. Олег поднялся, бледный и сразу похудевший, прохрипел:

– Мы погибнем, если... Мы отравимся...

– Не надо нажираться, – прохрипел Мрак. Он свирепо орудовал веслом, тяжелый плот рывками отодвигался от берега. Над головой стоял неумолчный крик, словно сотни ножей скребли сковороды. На бревна, на головы и плечи невров беспрерывно шлепались горячие жидкие экскременты. Воздух стал плотный и удушливый.

Тело жгло, невыносимо зудело. Таргитай услышал стон, но это стонал он сам. Совсем близко дергалось лицо Мрака с оскаленными зубами. Весло шумно било по воде. Мрак прохрипел:

– Волхв, несмелому взяться негде?.. Помогай, а то в дерьме сам утоплю!

Таргитай яростно рвал весло на себя, стараясь не запрокидывать лицо, Мрак ругался, грозил кожанам, небу и земле, верещал Олег, но постепенно визг ослабел. Таргитай рискнул поднять голову, перед глазами мелькнули горящие глаза. Он ощутил слабый удар по голове, едкая вонь перехватила дыхание. Он упал, ухватившись за обожженное лицо.

– Лезь в воду, – услышал он хриплый голос. – Смой подарочки...

Он открыл глаза, успел увидеть Мрака, тот оставил руль, смотрел вслед кожанам. Плот был уже на середине реки, берег едва-едва виднелся. Тут же острая боль ожгла глаза, Таргитай взвыл, пополз на четвереньках сам не зная куда. Потом оказался в холодной воде, его трясли, волочили, больно терли, в конце концов вышвырнули вверх, где Таргитай ударился о твердое.

Он раскрыл глаза. Мрак еще плескался в воде, вцепился в веревку, его волочило за плотом. Мрак высоко вскидывал голову, скалил зубы ободряюще, набирал воздуха и рывком опускался под воду. Таргитай замер, восхищаясь оборотнем. Рядом всхлипывал Олег. Таргитай посмотрел на него, ахнул, потом не выдержал, рассмеялся.

– На себя посмотри, – огрызнулся Олег. – Это Мрак тебя отмыл! Но ты снова... Свинья дерьмо найдет.

Бревна были забрызганы зелеными, едко пахнущими экскрементами. Таргитай снова ощутил тошноту. Олег лег животом на край плота, смывал лицо. Таргитай хотел предложить вымыть плот, услышал странный шум, насторожился.

С другой стороны на плот вскарабкался Мрак. Лицо его было хмурым, в глазах – злость и отчаяние.

– Что совой о пень, – сказал он медленно, – что пнем о сову... а все сове как-то не по себе.

– Что стряслось?

– Еще не понял? Счастливец. Зря тебя отмывал, сейчас снова мыться. Начиная со штанов.

Таргитай прислушался, наконец поднял к Мраку побледневшее лицо:

– Пороги?

– Да. Эти твари нарочно отогнали нас от берега. Теперь прем посередке.

– Не успеем?

Слабый шум быстро превращался в рев. Олег наконец перестал плескаться, поднялся. Мрак развел руками, показывая, что ревет не он, даже не Таргитай играет на сопилке, кивнул. В той стороне, куда несло плот, поднималось белое облачко водяной пыли.

Мрак бросился в шалаш, спешно закрепил мешки. От оглушительного рева трясся воздух, в голове гудело, в ушах стало больно. Мрак швырнул веревку Таргитаю, сам лег на бревна и крепко ухватился за лыковую связку. Таргитай спохватился, пропустил конец веревки Олегу под пояс, привязал к бревну, а плот нырнул в гигантское облако водяной пыли. Снизу страшно ударило, Таргитай взлетел в воздух, затем его бросило плашмя на бревна. Пальцы ожгло, веревка начала выskalывать, сдирая кожу. Таргитай стиснул зубы, вцепился покрепче.

Плот под ним прыгал, как взбесившийся конь. Раненое плечо кололо, словно там появилась стрела.

Плот подбросило, затем вдруг раскололо прямо в воздухе. Мрак лежал на той половине. Таргитая окатило с головой, он задержал дыхание, слыша только рев, грохот, чувствуя ледяные струи воды.

Вдруг рев начал удаляться. Таргитай открыл глаза, увидел рядом плещущуюся воду. Плот кружило в белой пене, стена пыли удалялась. Кто-то пнул его в ребра. Таргитай увидел Мрака.

– Вставай, – сказал Мрак настойчиво. – Дома отсыпаться будешь.

– Мрак, – пролепетал Таргитай, – я сам видел, как ты на той половинке...

– Перепрыгнул, чего проще? Быстро собирайся. Олег, перестань играть в жука-притворяшку. Плот рассыпается.

Таргитай подхватился, пополз по бревнам к мешкам, но там было пусто. Мешки остались на той половинке плота. Олег полз навстречу, губы его тряслись:

– Все пропало... Мои обереги!.. Книга была в мешке... лечебные травы... Я же теперь совсем беспомощен! Я теперь никто!

Таргитай пощупал за пазухой сопилку, только ее и сохранил, спросил участливо:

– А Цвет... тоже?

Олег покачал головой:

– Я же не совсем дурак, как некоторые из нас. Цветок, одолень и разрыв у меня в узелке за пазухой. Но книга пропала, ты можешь это понять?

– Я неграмотный, – ответил Таргитай. – У Мрака пропала большая секира, и то жив. Ты лучше подумай, что делать. Рулевого весла нет. Как доберемся до берега?

Олег посмотрел на край плота. Держак торчал с обломком весла. Вокруг было пусто. Мрак сидел, свесив ноги в воду. Поймав взгляд волхва, он криво улыбнулся, сказал:

– Добро, что я второе весло не выстругал. Все одно бы пропало.

– И мыть плот не пришлось, – добавил Таргитай. – Все само получилось.

– А где нас не отмыло, – сказал Мрак, – то очень скоро отмоемся... Еще как отмоемся! Бревна уже разъезжаются.

Таргитай сел, вытянув ноги вдоль бревен. Хлюпала вода, между бревен плавали кусочки содранной коры. Попадет туда нога, будут плавать лохмотья кожи, а то и раздробленные кости – Мрак рубил на плот могучие стволы. И тяжелые, у Таргитая до сих пор ноют от них плечи.

– Неужто придется в воду? – прошептал Олег в ужасе.

– Тебе-то чего страшиться? – удивился Мрак. – Уже плавал!

– Потому-то и боюсь!

Бревна разъехались к полудню, когда солнце стояло над головой. Мрак пробовал удерживать, изгой помогали, но руки быстро занемели. Мрак соскользнул в воду, пробовал связать два последних бревна, но лыковая веревка истерлась, волоконца лопались под его пальцами.

– Лезьте сюда, – буркнул он, – жабы вон всю жизнь в воде – и ничо.

– Так то жабы!

– Жабы хоть дождь умеют выпрашивать.

Он отпустил бревна, Таргитай кувыркнулся в воду. Олег некоторое время ехал на бревне верхом, даже ноги начал поджимать, вытаскивая из воды, но тут бревно крутнулось, волхв с шумом обрушился в реку. Мрак ухватил, не дал скрыться в глубине.

– Цепляйтесь за бревно. Слава богам, не зима...

Ноги зябли, но голову и плечи пекло. Таргитай намотал на кисть обрывок веревки, что свисала с бревна. Мрак и Олег держались за бревно с другой стороны, так плыло ровно, не крутилось.

Мрак цедил проклятия, бревно упорно плыло посреди реки, не сдвигаясь ни к правому, ни к левому берегу, а сколько приходилось трудиться, чтобы удерживать плот посредине?

Мимо сновали рыбы, пощипывали за ноги. В глубине скользили крупные тени, вода от них сворачивалась коловоротами. Бревно иной раз разворачивало то одним боком, то другим, но чаще несло комлем вперед. Таргитай быстро устал, замерз. Волны плескали в лицо, попадали в рот, нос. Олег больше не пробовал взобраться на бревно, как пытался Таргитай, и не окунался весь.

– А если никогда не прибьет к берегу? – спросил он тревожно.

– Узнаем, в самом ли деле течет прямо в пасть Ящера, – ответил Мрак. – Как в твоей книге записано?

Олег в ответ простонал, закрыл глаза. Холод сковывал тело, Таргитай уже не помнил, сколько плывут, куда плывут. Пальцы прочно сомкнулись на измочаленном лыке, несет вместе с бревном, к Ящеру так к Ящеру, а в подземный мир так в подземный...

Рядом послышался слабый прерывающийся голос:

– Светлые боги... услышьте меня... слабого и неудавшегося волхва... Я жил неправильно... Я лгал, бездельничал... думал о себе, потакал себе... Если мне позволено будет спастись, я клянусь, что буду жить только для людей, никогда больше не...

– Стой! – рявкнул рядом сиплый голос. – погоди, еще не клянись. Мне кажется, нас несет прямо на землю!

– Подходим к берегу? – прошептал Олег неверяще.

– Не... совсем. Посреди реки остров. Огромный! Держись, скоро все узнаем.

Дальше Таргитай помнил смутно, урывками. Тело сводило судорогами, зубы стучали, его всего трясло. Как сквозь туман видел свои посиневшие бескровные пальцы, похожие на лапы упыря. Они медленно соскальзывали с толстой коры бревна, а веревка совсем изодралась, разлезлась в воде.

Потом его ноги поволоклись по твердому. Он упал, выпустил бревно. Волна накрыла с головой. Он встал, от слабости упал на четвереньки, прошел так, потом поднялся, двинулся к берегу.

Мрак и Олег уже выходили из воды. Дальше был пологий берег, навстречу бежали крепкие загорелые мужчины. Все в лохмотьях, но на каждом оружия больше, чем одежды. Боевые секиры, ножи на поясах, мечи, акинаки – все из прекрасного железа, а на рукоятях сверкают драгоценные камни!

Таргитай остановился по колено в воде, не в силах двигаться. Оборванцы стояли теперь плотной цепочкой, загораживая выход на сушу. С жесткими лицами, обожженными солнцем и ветром. Почти все обнажены до пояса, ни капли жира на сухих жилистых телах. Крутоплечие, с рельефными мышцами, часто помеченными белыми и сизыми шрамами, – смотрели жестоко, хищно, зубы блестели на темных от жгучего солнца лицах.

Глава 9

Раздвинув вооруженных людей, к берегу спустился огромный, жестоко ухмыляющийся человек. Почти на голову выше других, с мощной, как наковальня, грудью, а плечи были так широки, что Таргитай невольно повертел головой, чтобы увидеть оба. Под загорелой кожей мышцы даже не играли, он был словно вырублен из старого дуба. На темном лице ярко блестели удивительно синие глаза.

Он был обнажен до пояса. На широком ремне висела тяжелая секира с расплуснутым концом, а на поясе – швыряльный нож.

– Я Конан, – сказал он ясным мужественным голосом, – гетман этих казаков¹. Кто вы?

¹ В России мало кто знает, что легендарный Конан – родом из Хортицы, сердца Запорожской Сечи, он же основатель запорожского казачества. Так по Роберту Говарду, создателю образа Конана. «On the broad steppes between the Sea of Vilayet and the borders of the easternmost Hyborian kingdoms, a new race had sprung up in the past half-century, formed originally of fleeing

Он внимательно рассматривал Мрака, который был одинакового с ним роста, так же широк в плечах, но если Конан был золотоволосый и синеглазый, как ясный день, то темноглазый и черный, как ворон, Мрак выглядел темной ночью.

Олег шагнул вперед, сказал осторожно, взвешивая слова:

– Мы изгой... Я волхв, это вот наш охотник Мрак, а позади стоит Таргитай, игрок на дуде. Мы попали в беду на порогах...

Конан скупно улыбнулся, показав на миг ослепительные зубы:

– В беду? Вам неслыханно повезло!.. Редко кто остается на порогах цел. А уж доплыть сюда никому не удавалось. Из крепкого дерева вас тесали, парни. Идите в лагерь, там согреетесь у костра. Вам дадут поесть.

Он ушел, потеряв к ним интерес, а оборванцы со смехом и шуточками помогли выбрести из воды Таргитаю. Кто-то похлопал ободряюще по спине, другой дал хлебнуть из баклажки. Таргитай жадно хлебнул, по гортани будто прокатился огненный еж, раздирая иголками горло. Таргитай с воплем бросился в воду.

Оборванцы – казаки, как их назвал Конан, – весело ржали. Один хлопнул Мрака по мощному плечу, подбодрил:

– Уцелели, чего еще? Казак не без доли. Если рожден для виселицы, то не утонешь!

– Да уж, – пробормотал Мрак. Он осторожно оглядывался, его рука хваталась за пустой пояс.

Казак заметил, сказал мирно:

– Брось. Мы казаки Конана, понял? Над нами никто не властен. Даже богам не кланяемся, понял? Так что особенно не прыгай, здесь собрались самые умелые и лютые бойцы. Со всего света собрались!

На берегу в сотне шагов горели костры, между ними стояли врытые в землю длинные столы из грубо отесанных дубовых досок. Виднелись бревенчатые дома, сараи, загоны для скота. У коновязей жевали сено кони – высокие, тонконогие, с сухими мускулами и огненными глазами. Еще дальше темнел лес, на опушке пасся табун коней. Все крупнее, мощнее низкорослых лошадок степняков.

За столами пировали оборванцы. Орали лихие песни, хвастались, обнимались, клялись в вечной дружбе, двое между столов рубились на мечах. У одного со лба бежала красная струйка, у другого рубашка намочла от крови, но рядом пили, смеялись грохочуще, на схватку никто не повел и глазом.

Один из казаков мощно влупил Таргитаю по спине широкой, как лопата, ладонью, расхохотался, словно взревел. Таргитай с разбегу наткнулся на стол, где стояли кувшины с вином, на неструганых досках лежали жареные куски мяса, рыба, зайчатина, птица.

– Лопайте, – велел казак. – Потом решим, что с вами делать.

Мрак проводил хмурым взглядом его громадную широкую спину, что разучилась гнаться даже перед богами, буркнул:

– Налегайте, ребята. Кто знает, что нас ждет? Сытому и смерть не так страшна.

Он опустился на лавку, подгрел обеими руками к себе еду, освободив сразу две трети стола. Таргитай и Олег подсели на другую сторону, но ели вяло. Устали, промерзли, а тут еще вблизи весело орали, жутко звякали огромные ножи. Лица дикие, еще свирепее, чем у степняков, острые вызывающие взгляды, смуглые мускулистые тела, сплошь в белых и сизых шрамах,

criminals, broken men, escaped slaves, and deserting soldiers. They were men of many crimes and countries, some born on the steppes, some fleeing from the kingdoms in the west. They were called kozak, which means wastrel. Dwelling on the wild, open steppes, owning no law but their own peculiar code, they had become a people capable even of defying the Grand Monarch. «We must lure Conan away from the kozak», said the counsellor abruptly. «Their war camp is at present pitched somewhere on the lower reaches of the Zaporoska River...» «Who are you?» «I am a Conan, hetman among the kozaks». (Robert E. Howard. *The Devil in Iron*, p. 18–19, Berkley Publishing Corporation, 1967.)

развешанные на всех крючьях секиры, мечи, кинжалы, копья, щиты, швыряльные ножи, луки и колчаны со стрелами.

Мрак ел быстро, куски мяса исчезали мгновенно, кости хрустели. Он выплевывал разгрызенные кости на середину стола, откуда Олег пугливо отгребал к себе поближе пучки травы, потом смахнул их под стол, где уже нетерпеливо повизгивал худой пес. Пес понюхал разгрызенные кости, где не осталось и капли мозга, укоризненно посмотрел на Мрака, помчался под другие столы, заматавая след хвостом.

Мрак хмуро усмехнулся:

– Псу с волком не тягаться! Ешьте, а я поищу Конана.

Олег, что сидел напротив, сказал тихонько, не поднимая глаз:

– Про волка помолвка... Он идет сюда.

Сзади упала громадная тень. Конан приблизился, огромный, в самом деле похожий на коня, вставшего на дыбы. Он придвинул ногой дубовую лавку, сел, не спуская с неврах испытующего взгляда. Синие глаза оценивающе задержались на крупных телах Таргитая и Олега, остановились на Мраке.

– Неплохо живем? – спросил он усмешливо. – Теперь рассказывайте.

– Что рассказывать? – спросил Олег осторожно.

– Все. Кто вы, откуда, почему свалились сюда.

– Это долгий рассказ, – сказал Олег. – Мы уже и сами всего не упомянем...

Конан холодно усмехнулся:

– Мы можем помочь вспомнить. Мы не любим кого-то заставлять, сами от этого сбежали.

Но в этом мире надо уметь давать сдачи. Верно?

– Верно, – пробормотал Олег.

– Так вот мы умеем давать сдачи. Даже... гм... заранее.

– Мы все-все расскажем! – вскрикнул Олег.

Конан широко улыбнулся:

– Не сомневаюсь. Лазутчиков распознаем быстро, насобачились. К нам пытались засылать жрецов, оборванцев, беглых князей, даже женщин.

Таргитая проговорил быстро, пытаясь снять опасную тему:

– Я не видел здесь женщин.

– Казачий лагерь, – напомнил Конан. Синие глаза стали холодными, как две льдинки. –

Мне не надо, чтобы из-за баб передрались... Правда, одна все-таки есть. Ее заслал Джахангир Арха, каган Кхаваризма. Дурак пытался заманить меня на соседний островок, где спрятал отряд головорезов!

Странный диковатый огонек блеснул в его глазах. Угол верхней губы чуть приподнялся, обнажив белые острые зубы.

– Не удалось? – спросил Олег вежливо.

Конан усмехнулся, разгадав невинную хитрость, поймал за пояс проходившего казака:

– Тарас, не в службу, а в дружбу... принеси вина! И мяса.

В глазах уже плясали веселые искорки. Казак вернулся, поставил на стол огромный кувшин и кружку из красной обожженной глины. Конан налил, выпил, тут же налил до краев снова.

– Едва-едва не удалось, – признался он. – Джахангир – тьфу, но вмешалась еще и третья сила, Ящер бы ее побрал!.. Здесь в древности были города, жили странные народы. С вами, я слышал, волхв – расскажет вам подробнее. Словом, какая-то сила подняла из подземного мира Кхосатрала Кхеля, древнейшего бога Дагонии... Нет, сейчас об этой Дагонии никто и не слыхивал, я даже не знаю, когда она была здесь. Так вот, не знаю, как этот Кхель вырвался от Ящера, то ли уговорил, то ли рога свернул и смылся, но не только сам вылез из тьмы на белый свет, но поднял весь свой древний город!

– Город – это что? – спросил Олег.

– Город... гм... от слова «городить», «огород» – словом, огромное село, вокруг которого поставлена ограда. Но этот город был весь из древнего камня, из таких глыб только древние велеты складывали для себя терема. Да и Святогор тогда еще ходил здесь... Представляете, иду я по этому острову, голому, если не считать деревьев, и вдруг из утреннего тумана поднимаются башни, высочайшие стены, дворцы, крепости!.. Народ странный и чужой как ни в чем не бывало шастает по улицам!

Олег прошептал, расширив глаза от ужаса:

– Но что за мощь вернула столько людей из подземного мира? Даже боги не возвращают жизнь мертвым!

Конан сделал мощный глоток, вытер губы тыльной стороной ладони:

– Остались мертвяками, что противно. Вообрази: за мною по пятам бегут головорезы Джахангира, а навстречу как раз поднялся древний бог – это зверюга повыше меня ростом, в плечах пошире... Ладно, не таким мордоротам рога сшибали, но этот бог оказался из лучшего железа! Представляете?

Мрак вспомнил свою секиру, которую выковал Степан, вздохнул тяжело:

– Представляю.

Конан небрежно отмахнулся:

– Ничего не представляешь. Головорезы, древний бог – это не все. На руках у меня оказалась самая красивая женщина на свете! Ее прислали как приманку, но я все равно не мог ее бросить. Конечно же, она сомлела в самый опасный момент. Мне надо держать топор, а она на ногах не стоит!..

Мрак спросил с интересом:

– Что такое топор?

Конан отмахнулся снова:

– Боевая секира. Так зовут ее киммерийцы, тернопольцы... ну и мы иной раз. Иной раз даже коня назовешь лошадью, пса – собакой, а путь – дорогой, так привыкли слышать у киммеров. Кстати, мы – казаки, что значит вольные люди. Принимаем даже киммерийцев, если дадут обет вольности. Два киммера живут в лагере, оказались...

Мрак прервал:

– Доскажи, как тебе удалось уцелеть. Вдруг да самому придется когда...

Конан отпил вина, щеки его покраснелись.

– Уцелеть?.. Ах да... Древнего бога сбросил обратно к Ящеру, откуда поднялся.

– Как? – ахнули невры в один голос.

– Выпустил кишки его же собственным зачарованным ножом. Магия побивается только магией. Помните, неуязвимых нет ни людей, ни богов. Род мудро сделал так, что у каждого есть слабое место... У каждого! Словом, головорезов, что наконец догнали меня, я сам побил половину, остальных прикончили подоспевшие казаки. Самого Джахангира, что сдуру взялся ловить меня лично, я сразил в поединке на том конце острова.

Он замолчал, налил себе остатки вина. Глаза его сияли удалью. Таргитай огляделся с недоумением:

– Но где же древний город?

Конан допил вино, ответил сожалеюще:

– Когда я Кхеля пырнул ножом, город начал таять, как туман на солнце. Замки, дворцы, фонтаны, яркие вельможи, жрецы, кони... А жаль! Я бы поселил там Октавию. Она из благородной семьи, дочь немидианского султана. Не виновата, что использовали для моей поимки... Это мы, мужчины, всегда виноваты перед женщинами. Пользуемся как конями, ножами, любимыми псами!

Мрак поморщился, сказал грубо:

– А вот у нас нет перед ними чувства вины. Мы вообще с бабами не связываемся.

Конан снова засмеялся, но в смехе чувствовалась горечь:

– Оно само связывается. Даже в самых богами забытых местах находятся мухи и женщины! А где нет, туда шлют, как послали Октавию. Где-то женщины – это радость, это смех, цветы, а здесь – оружие.

Таргитай оглянулся по сторонам, спросил шепотом:

– Каково ей здесь?

Конан потряс кувшин, прислушиваясь, не булькнет ли, сказал со вздохом:

– Как тебе сказать... Если бы я был уверен, что переберетесь через следующие пороги...

Олег ахнул, подпрыгнул, едва не подняв с собой весь стол:

– Еще пороги?

– Много, – заверил Конан. – Вы одолели два ряда, самых простеньких. Осталось еще семь. Один другого хуже. Если бы вы сумели перебраться до самого низа, я бы послал Октавию с вами. Хоть я и гетман, но казаки роняют слюни, бурчат, что я их на бабу променял! Здесь не место для женщин.

– Мы видели неподалеку амазонок, – вставил Таргитай.

Конан с безнадежностью махнул рукой:

– Разве то женщины? Я... гм... бывал у них. В лучшем случае – боевые подруги. Женщина – это...

Лицо его стало мечтательным. Он пошевелил пальцами, наморщил лоб, даже раздвинул губы в широчайшей улыбке от уха до уха, но губами шлепал напрасно, слов не находилось. Таргитай вытащил сопилку, тихонько заиграл.

Конан слушал, не замечая, что притихли и гуляки за соседними столами, и пробежавшие мимо шумные казаки, и даже ветер утих, забившись между веток деревьев. Таргитай играл негромко, печально. Когда оторвал сопилку от губ, Конан вздохнул, словно нес на плечах огромную гору, протянул через стол широкую ладонь:

– Спасибо. Ты понимаешь женщин, казаче.

Мрак хмыкнул:

– Зато бабы-дуры ничего не понимают. Иначе с чего бы вешались ему на шею? Он всегда ими облеплен, куда ни сунься. А рядом такие парни, как мы с Олегом!

Конан пожал плечами, заметил меланхолично:

– Женщины мудрее в таких вопросах. Смотрят не на пышную крону, а в корень.

Мрак заворчал, начал медленно вылезать из-за стола:

– Говорят, хилое дерево в сук растет... Конан, мы твои пленники аль как?

Конан покосился на Таргिताя, что бережно прятал сопилку.

– Здесь не бывает пленников. Раб, добравшийся сюда сам или даже приведенный на аркане, становится свободным. Вы мне нравитесь, казаки. Если хотите остаться, примем.

Олег с шумом перевел дыхание, его плечи опали. Таргитай заулыбался, словно солнце после дождя. Мрак кивнул, а Олег, уже справившись с новизной, сказал вежливо:

– Спасибо, Конан. Пусть боги не помешают тебе создать здесь новый народ, новое государство. Ты будешь лучшим королем, какой может быть на этой забытой богами земле.

Мрак медленно опустился на лавку. Конан помахал казакам, один принес и поставил перед гетманом другой кувшин, побольше. Конан разлил вино по кружкам. Олег спросил с живейшим интересом:

– Здесь уже создается новое государство? Новый народ? Место здесь удобное, богатое, неприступное!

Конан расхохотался так зычно, что у далекой коновязи испуганно заржали и присели кони.

– Хорошо бы! Здесь, на острове Хортица, место такое удачное, что сюда всегда собирались свободные, беглые, разбигаки... Возникали казачьи республики, громили соседние цар-

ства. Затем, когда угроза исчезала, исчезали и эти Запорожские Сечи. Сколько их было до великого похода в Индию? Сколько после?

– Жаль, – сказал Таргитай искренне. – Мне здесь нравится.

Конан посмотрел сочувствующе. В синих, как небо, глазах мелькнуло понимание, жестокое лицо смягчилось:

– Да, здесь самые независимые люди на свете... Не подчиняются ни царю, ни кагану, ни богам, а лишь закону, который сами же устанавливают на сходке. С ними трудно, но достойнее быть гетманом Запорожской Сечи, чем монархом огромного царства рабов!.. Какие планы у вас? За вашими шкурами охотятся киммеры, верно? Иначе кто в своем уме попрется через пороги? По берегу безопаснее. Парни вы крепкие, а сюда степняки не доберутся...

Олег молчал, опустив голову. Мрак жевал губы, выискивая слова. Таргитай сказал своим мягким ласковым голосом:

– Мы бы остались с великой радостью... Здесь хорошо, спокойно. Вон птички поют, кузнечики скачут, бабочки... Но ты убил Джахангира, так что теперь на трон сел Джадурхан, его двоюродный брат. А у Джадурхана сын – Фагимасад, которому мы должны надрать уши. Когда дождемся, чтобы сам пришел сюда? Придется идти в Экзампей, дать ему трепку в его же доме.

Конан смотрел с великим изумлением. Перевел взгляд на серьезные лица невра, распахнул глаза еще шире. Потом тряхнул головой, голос прозвучал неверяще:

– Ну, казаки... Крутые парни! Сегодня отдохайте, а я сейчас же велю сколотить вам плот. Не ту собачью будку, в которой вы плыли, а настоящий.

До вечера невра отъедались, ночь спали мертвецки, а с утра Мрак уже скрупулезно исследовал новый плот. Казаки сделали умело, прочно, с надежным рулевым веслом, шалашом, бросили на бревна широкую сеть для рыбной ловли. Мрак вместе с Конаном перебрали груды захваченного у Джахангира оружия, Мрак отобрал для себя и изгоев три тяжелые секиры, два лука, запас стрел и ножей.

– Возьми меч, – предложил Конан. – Смотри, этот я отнял у самого Джахангира!

Мрак сказал с великим презрением:

– Оружие мужчин – боевая секира! А мечи... Рано или поздно их вытеснят степняцкие акинаки, помянешь мое слово. Легче, намного удобнее.

– Но они удобнее и секиры!

– Секиру я могу метнуть, а меч? Или акинак?

В глазах Конана вспыхнул живой интерес.

– Я сам больше люблю секиру, но метать... гм... В моем племени секиру из рук не выпускали.

– Ты из полулесных невра, что ли? Было бы во что метать... Хошь, покажу?

Они захватили охапку секир, ушли в рощу. Таргитай проводил их взглядом, вытащил сопилку. Он тоже при деле – сочинил новую песню, обтесывает старые!

Мрак и Конан вернулись к вечеру. Усталые, исцарапанные, голодные. Стол заставили жареными поросятами, птицей, рыбой, но еда стала исчезать перед ними будто в лесном пожаре. Конан с набитым ртом промышал:

– Здорово!.. Швыряльные ножи – еще понимаю, сам мастак, но секиру... Такие трюки надо иметь в рукаве.

Мрак промышал нечленораздельно, прожевал, ответил хрипло:

– Я еще не видел, чтобы с первого же дня так наловчились метать тяжелую секиру!

Конан засмеялся польщенно:

– У меня дар к оружию. Но до тебя еще далеко!

– Я швыряю секиры с детства. У нас все швыряют. Ты бросай каждый день! В деревья, стены домов, пни. На один трюк будет больше, чем у супротивника.

Оба заржали так, что на столе зазвенели кувшины, а на версту все испуганно примолкло. Уже трое казаков, посмеиваясь, таскали им горы вареных раков, рыбу, зайчатину, жареные кабаны бока.

Два гиганта быстро очищали стол, запивая мясо водопадами вина, снова раздирали добычу могучими руками. Наконец их челюсти задвигались медленнее, пока оба, довольно порывивая, не перестали жевать, сонно глядя друг на друга, как два огромных вепря, сожравших гору желудей.

– Останешься? – предложил Конан. – Я люблю тебя, Мрак.

– Надо двигаться, – ответил Мрак с неохотой. – А то бы я с радостью. Мы бы таких дров здесь наломали!

Рано утром вместе с Конаном к берегу спустились десятка три казаков. Плот качался на волнах, надежно привязанный к вбитым в берег кольям. На толстых бревнах стоял шалаш, лежали связки пеньковых веревок, сеть, два длинных запасных весла с широкими лопастями.

Ежась от утреннего холода, Таргитай первым вошел в воду, взобрался на плот. Мрак залез последним, до этого обнимались с Конаном, шлепали друг друга по широким спинам, одинаково бугристым от массы мускулов, что-то говорили.

Конан вошел в воду, рывком наклонился, ухватился за угловое бревно. Его руки едва ли были тоньше этого бревна, а шары плеч блестели, как кольцевые наплывы столетнего дуба.

Песок под бревнами заскрипел, плот медленно пошел от берега. Конан, покраснев от натуги, толкал с такой силой, что побежал, разбрызгивая воду, пока не оказался в реке по пояс, лишь тогда выпустил бревно.

Плот быстро пошел от берега Хортицы. Конан поднял над головой мускулистую руку, грянул мощным голосом:

– Прощайте, други!.. Попутного ветра!

– Прощай, Конан! – закричали Таргитай и Олег в один голос. – Спасибо!!!

Мрак стоял молча, лишь поднял кверху кулак. Плот попал в быструю струю, пробовал завертеться, но Таргитай удержал руль. Остров с фигурками казаков и мощным Конаном начал быстро уменьшаться.

Невры махали руками, пока остров не скрылся из виду. Олег вздохнул, полез в шалаш, куда по приказу Конана сложили провизию, оружие, одеяла, необходимую мелочь.

Мрак подошел к Таргитаю, что держал руль.

– Конан говорил о новом ряде порогов!

– Но он сам велел сбить этот плот.

– А почему, смекаешь?.. На порогах нас просто разотрет о камни. Зато на берегу степняки сперва заживо сдерут шкуры, выпустят кишки, будут жечь на медленном огне.

Таргитай зябко передернул плечами:

– Тебе бы только детям баить на ночь. Что ты предлагаешь?

– Что предложишь? Что совой о пень, что пнем о сову... Возьми к берегу поближе.

– Зачем?

– Когда зачует пороги – чтобы можно было выкинуться на берег. Не всегда же там ким-мерийцы?

Покинув Хортицу, они плыли трое суток, почти не выходя на берег. Чем ниже спускались по течению, тем островки попадались чаще, но все – голые, песчаные. Вода несла на них деревья, сучья, мусор, часто невры видели разбухшие от воды трупы. Олег дрожащим голосом предположил, что это – жертвы наводнения, утопленники, рыбаки-неудачники, но Мрак под-

вел плот ближе, молча указал. От выброшенных на берег трупов шло зловоние, раки и пиявки обседали разлагающееся мясо. Олег отвернулся, но Мрак насильно повернул его голову:

– Смотри, волхв, смотри! Вон у того содрана шкура от пяток до темени, а вон у той женщины срезаны... нет, заживо сгрызены груди, разорван живот... Вон у того вырваны фаланги всех пальцев – на руках и ногах.

– Да-да, – сказал Таргитай у руля. – Звери так не сделают. Отпусти волхва, он и так по ночам кричит!

Мрак выпустил шею волхва из ладони, лицо оборотня было хмурым.

– Пусть знает, что его ждет, если попадется в руки этих нелюдей. А то вроде тебя – боится смотреть правде в глаза.

Олег сел на бревна, закрыл лицо ладонями. Плечи его тряслись.

– Идет Великая Охота. Люди охотятся на людей, кто останется на земле? Только дикие звери?

– Люди, – буркнул Мрак. – Самые свирепые, самые лютые.

– Люди? – переспросил Таргитай от руля. – Все еще будут зваться людьми?

Мрак долго всматривался в водную ширь, наконец бросил коротко:

– Бери левее! Там островок.

– Такой же?

– Зеленый, чистенький. Там переночуем.

Таргитай навалился на руль, понуждая плот сдвигаться вбок. Толстое древко задрожало, одолевая мощную струю воды. Мрак привычно проверил секиру, поправил ножи и натянул на лук новую тетиву.

Островок медленно появился из водяной глади, поплыл навстречу. Таргитай перевел дыхание. Маленький, чистый, зеленый. И как раз посреди реки – незамеченным не подберешься. Во всяком случае, на степняцких конях, то бишь лошадях.

Вода звонко била в торцы бревен. Островок набегал быстро, под днищем внезапно закрипел песок, но плот разогнало течением так, что не остановился, пока не уперся в берег. Мрак выпрыгнул, весь взъерошенный, оскаленный, секира наготове, а ноздри бешено раздуваются, собирая запахи.

– Вроде бы тихо, – неуверенно сказал Таргитай с плота.

– То-то и пугает, – огрызнулся Мрак. – Где в этом проклятом мире есть тишина? Только там, где ждут тебя в засаде.

Островок просматривался весь, если не считать кучки деревьев на той стороне да еще приземистой скалы оранжево-красного камня. Вокруг скалы поднимались яркие, как бабочки, цветы, качали головками. Из-под камня целеустремленно бежал крохотный ручеек, спешил к реке, спотыкался, прыгал по камешкам, словно та без него пропадет или высохнет.

Таргитай закрепил плот, с удовольствием выбрался на твердую землю. Олег уже бегал по острову, гремел котелком, искал место для костра. От дальних деревьев донесся стук секиры – Мрак готовил дрова.

Солнце медленно опускалось за край, по реке побежала багровая дорожка. Едва слышно повизгивали странные птицы с узкими острыми крыльями. Они задевали воду в полете, за ними бежала по воде частая рябь.

Таргитай медленно брел вдоль острова, ступая по щиколотку в воде. Впервые за все дни, что покинул Лес, на душе было покойно и мирно. Песчаная коса уперлась в каменистую кручу, он сел на огромный, отполированный волнами камень, вытащил сопилку.

Песня начала рождаться не сразу, но затем, высвободившись из месива писка, хрипа, свиста, пошла литься серебристой струйкой, похожая на призрачную рыбку, что мельтешит в бурном, но чистом ручье.

Играл медленно, на ощупь, но мелодия вычленялась без труда. Когда начал подбирать слова, удивился – складываются сами. Не сразу сообразил, что уже несколько дней прилаживал одно к другому, даже не понимал, что неродившаяся песня уже живет, зреет, стучит ножками в чреве сердца.

Он сыграл, прислушался к затихающим звукам. Вырублено секирой, но – из хорошего дерева, к тому же вырублено неплохо. Тронуть острым ножичком, подскоблить, заострить слова в концовке, сгладить в середине...

Песня удалась, он чуял, и сыграл дважды, проверяя на разные голоса. Для сравнения спел три последние песни, что сложил в пути, придирчиво сопоставил, подчистил, убрал лишние слова – умному достаточно и без них.

Наконец отнял сопилку от губ, прислушиваясь к последнему тающему звуку в теплом вечернем воздухе.

Сзади легонько вздохнуло. Таргитай в страхе обернулся, выронив сопилку, а ладонь безуспешно щупала на поясе секиру.

Глава 10

В трех шагах за спиной сидела на высоком пне молодая женщина. Голова была открыта, длинные золотистые волосы струились по плечам, падали на высокую грудь. Лицо было бледным, нетронутое солнцем, а глаза огромные, зеленые.

– Сыграй еще, – попросила она тихим голосом, в котором звенел ручеек. – Я никогда еще не слыхала, чтобы так чародейски играли.

– Да уж, – пробормотал он, рассматривая ее во все глаза. – Так, учусь еще...

– Учишься? Очень хорошим песням учишься.

– Где там, – он поспешно отвел взгляд, ибо женщина глубоко вздохнула, полные молочно-белые груди едва не выпали из низкого выреза сарафана. – Это я так... сам складываю.

– Сам? – повторила она удивленно. Глаза расширились, рот приоткрылся. – То-то гляжу, отродясь не слыхивала... А слышать довелось многое.

Она медленно встала, величаво подошла к нему ближе, села на соседний камень. Таргитай поспешно поднес сопилку к губам. Мрак возводил напраслину, он никогда с девками не был удал, это все песни, которые играл даже не для девок, а просто потому, что не мог не играть. И сейчас заиграл весенние хороводные, плясовые – что еще может хотеть эта молодуха? – но таких песен раз-два и обчелся, так что перешел на грустные о своем родном Лесе, о великой Реке, что оказалась крохотной лесной речушкой, о могучем Мраке, который пошел за ним, непутевым лодырем, в изгнание. Пел о любви, которой у них троих теперь не будет, ибо их удел – вечная пыль странствий на сапогах!

Когда губы онемели, а горло начало издавать звуки, похожие на собачий кашель, женщина проговорила медленно и печально:

– Я даже не знала, что песнями можно творить такое...

Громадные глаза блеснули, удерживая целые озера слез, на щеках блеснули мокрые дорожки, но губы странно и печально улыбались.

– Не плачь! – вскрикнул Таргитай. – Я... разобью сопилку! Не плачь, это всего лишь песня. Это я придумал. На самом деле все хорошо.

Женщина медленно покачала головой. Ее губы продолжали улыбаться, глаза потеплели.

– Жизнь – всего лишь жизнь, блеклая тень песен. А песни – настоящее... Кто ты, играющий так чародейски?

Ее голос был мягким, как шерсть новорожденного рысенка. Глаза смотрели грустно, однако женщина сидела спокойно – одна, рядом с незнакомым парнем, простоволосая, в сарафане с низким вырезом и коротким подолом. У нее было нежное лицо, не видевшее жгучих

лучей солнца, нежные руки, не знавшие тяжелой работы, крупная высокая грудь и широкие бедра, но на пояс ей подошел бы браслет, который Таргитай носил на предплечье.

– Я Таргитай, – ответил он в замешательстве. – Меня турнули из родной деревни. Я лентяй, ничего не умею делать. Да и не хочу, если честно. Со мной изгнали молодого волхва Олега, он не помнил заклинаний, путался в обрядах... С нами пошел могучий охотник Мрак.

– По своей воле? – не поверила она.

– Да. Я отговаривал, клянусь! Он стал изгоем по своей воле. Он заботится о нас! Если бы не Мрак...

Она внимательно посмотрела в его смущенное лицо, медленно кивнула. Таргитай рассматривал ее то украдкой, то во все глаза, наконец не утерпел:

– А кто ты? Здесь дикий край, не место для молодой девки. Правда, с меня защита слабая, но лучше такая, чем никакой! Ты попала с разбитого плота? Мне это знакомо... Утром отплываем дальше, тебя возьмем с собой.

Она внимательно заглянула ему в глаза, словно читала в душе. Ее полные сочные губы раздвинулись в загадочной улыбке.

– Спасибо на добром слове. Я живу здесь давно, добрый молодец.

– Одна?

– Враг мне не страшен. Хочешь взглянуть на мое жилище?

Таргитай пробормотал в великом смущении:

– Для мужчины плохо быть любопытным, но я такой слабак... что уже и не борюсь с собой.

Она поднялась, подала ему руку. Таргитая опалило жаром. Ее пальцы были тонкие, как ивовые прутики, очень нежные, прохладные, словно он опустил руку в бегущий по равнине ручеек.

Они сделали всего несколько шагов, когда подошли к приземистой скале. От кучки деревьев еще доносился стук секиры, на другом конце острова что-то кричал Олег, похоже – звал ужинать.

В самом низу скалы темнел вход. Таргитай решил, что придется опускаться на четвереньки, но вход странным образом стал больше, они рука об руку шагнули в темноту. Он успел дважды стукнуться головой, под ногами хрустели рыбы кости, панцири раков, как вдруг впереди забрезжил свет.

Таинственная хозяйка ввела Таргитая в просторную пещеру, залитую мертвенно-зеленоватым светом. Сердце Таргитая дрогнуло от жалости, он сказал быстро:

– Беденькая, как же тебе пришлось здесь мучиться... Ничего, теперь все кончилось. Хочешь, я хворосту принесу? Разожжем костер, согреешься. Ты ж прозябла здесь. В такой сырости захворать недолго!

Она даже отшатнулась с удивлением. В крупных зеленых глазах разгоралось удивительное зеленое пламя. Она вдруг расхохоталась, в тусклом свете блеснули ровные красивые зубы:

– Спасибо, Таргитай! Ты удивительный. Никто обо мне еще не заботился.

Таргитай стоял столбом. Она вдруг зябко передернула плечами, сказала внезапно изменившимся голосом:

– В самом деле становится зябко... Ты великий чародей, Таргитай! Нет, костра не надо. Обними меня крепко-крепко. У тебя должны быть нежные руки и огненное сердце.

Когда он выбрался из зеленой пещеры, в глаза ударил яркий солнечный свет. Сзади скрипнул песок под сдвигающимися глыбами, что закрыли выход. Солнце уже загло облака, золотило верхушки деревьев. Огненные лучи скользили по острову, трава вспыхивала зелеными искрами.

Олег встретил его бледный от ярости.

– Где ты... был? – заорал он бешено. Его трясло, он заикался, брызгал слюной. – Мы ночь не спали, искали!.. Мрак и сейчас бежит, каждый камешек уже перевернул, в мышиные норки заглядывает!

Таргитай виновато развел руками:

– Сам не знаю, что стряслось... Задремал на бережку, что ли?

Земля дрожала, от рожицы бежал Мрак, тяжелый и грозный, как тур. На поясе блестели швыряльные ножи, из-за плеча высовывалась ручка тяжелой секиры. Мрак был изнурен, лицо перекошено. Глаза налились кровью, под ними висели темные мешки. Он похудел за ночь, на суставах пламенили кровавые ссадины, а пальцы стали черными, словно оборотень раскапывал землю голыми руками.

– Где ты был? – гаркнул Мрак страшным голосом.

Олег вскочил навстречу, сорвал с перекладки котел с парующей кашей:

– Мрак, я твой любимый кулеш сварил! Со старым салом, что Конан дал. Давай поедим, а за едой он все расскажет.

Мрак сердито сверкнул глазами, в горле словно прокатились тяжелые глыбы. Он тяжело дышал, широкая грудь часто вздымалась. Не говоря ни слова, он сел к костру, взял ложку. Олег, пританцовывая, торопливо снял крышку, ароматный пар вырвался на волю. У Таргитая защипало в носу. Мрак заворчал, но его ложка умело прошлась по краям, снимая остывающую кашу.

Торопливо, чувствуя себя виноватым, Таргитай рассказал все-все. Слушали молча, только сопели над горячей кашей. Деревянные ложки мелькали, каша быстро убавлялась. Сжалились, оставили и Таргिताю на доньшке – тот и раньше быстро есть не умел, к тому же боялся горячего.

Пока он выскребывал остатки, Мрак хмуро бросил Олегу:

– Ему даже снится такое, что потом становится песней.

Олег охотно кивнул:

– Да, он певец по рождению. Зря из него тесали охотника, бортника...

Таргитай оближал ложку, вяло удивился:

– Не верите?

Олег пожал плечами, сказал с насмешкой в голосе:

– Тут вовсе не надо быть волхвом, чтобы увидеть, что к чему. Даже Мрак понял, кто эта женщина. Она сказала, как ее зовут?

– Н-нет... Но нужды не было! Имя для того, чтобы отличаться от других, а мы все время были вдвоем.

– Ладно, умник, – прервал Олег в манере бесцеремонного Мрака. – Тебе явилась во сне Дана, понял? Все еще не соображаешь? Люди, плюйте на него! Он все еще не понимает. Дана – главная богиня этой реки.

Таргитай смотрел то на одного, то на другого. Мрак и Олег странно переглядывались, ухмылялись. Наконец Олег сказал тем тоном, как всегда говорили с Таргитаем в деревне, признавая за первого дурака:

– Тебе повезло, что она не явилась наяву!.. Вот уже сотни лет ее никто не видывал. Дана – древнейшая богиня, она полюбила эту реку, все лето живет в ней, а на зиму улетает в вирий. Эту реку поляне так и зовут по ней: Дана-апр, река Даны.

– А киммерийцы? – спросил Мрак.

Застигнутый врасплох, Олег поднял глаза к небу, словно боги только и ждали, чтобы подсказать, помыслил, сказал уверенно:

– Э... просто Северная река. По-ихнему, Борисфен. Борис, Борей, бор – это все холодное у них, северное. Так вот, Тарх, Дана сильнее многих богов. Может быть, сильнее всех. В ней мощь этой реки, что несет громадные камни, как песок, крушит берега, а в половодье зали-

вает целые страны! В древности находились богатыри, пытались отыскать, завоевать красавицу богиню... Сказывают, к самым настойчивым сама выходила навстречу...

Он умолк, пряча улыбку в кудрявой бороде. Таргитай подтолкнул:

– Ну-ну, телись быстрее!

– Летели от ее пинка ниже облака ходячего, но выше дерева стоячего. Тебя еще не лягал конь? Жаль. Мог бы сравнить... Если даст пинка богиня, то лучше бы тебя лягнуло сто тысяч коней. А Дана не просто богиня, самая могучая!

Мрак хмыкнул, он почти не слушал, его глаза обшаривали необозримую водную гладь. Мыслями он был уже на плоту, благо дурень отыскался.

– Разве она так со всеми? – спросил Таргитай неверяще. – Или только с теми, кто хотел взять ее силком, кто похвастается? А ведь говорят же: не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати... А вот ежели бы кто сказал доброе слово!

Олег даже подскочил от такого кощунства:

– Доброе слово богине? Тарх, ты говоришь о богине или о кошке?

Таргитай пробормотал, опуская глаза в землю:

– А чо? Чем богиня хуже?..

Мрак сунул ложку за голенище, поднялся. Голос его посуровел:

– В путь! Добро, что все обошлось. А ты, Тарх, хоть и приснилось такое, а песню сделай.

Понял? Зря я бегал всю ночь, обшаривал остров?

На второй день, как покинули маленький островок, река заметно сузилась. Берега сошлись ближе, вода неслась стремительно, бурно. Мрак все чаще бросался к рулю, помогая Таргитаю.

Над головой неслись холодные темные громады. Солнце выглядывало быстро, пугливо, тут же скрывалось за тучами. На землю падал неровный, быстро убегаящий свет. Олег всматривался вперед со страхом, он запоздало вспомнил, что вскользь прочел о чудовище Рух, которое живет за самым страшным порогом на Дананге, но тогда искал другую запись, про чудовище пропустил мимо сознания, а теперь дергался, пытаясь вспомнить подробности, и чем больше вспоминал, тем сильнее цепенели руки и ноги.

Берега постепенно сузились настолько, что, появившись степняки хоть на правом, хоть на левом – стрелы достали бы до плота. Правда, луки короткие, далеко не бьют, но стрелы отравленные, довольно царапины... А не появятся киммеры, напомнил себе Мрак невесело, то на порогах разобьются наверняка. Конан сказал, что ни один плот, ни одна лодка, ни один герой не миновали порогов, где живет лютый зверь Рух!

Солнце висело высоко, жгло спины. Мрак обливался потом, ползал по бревнам, затягивал веревки. Таргитаю заорал:

– К берегу держи, я же сказал!

Таргитай повернул перекошенное лицо, багровое от натуги, исполосованное струйками пота:

– Плот не слушается!

Мрак оглянулся на пенистые струи за плотом. Олег подбежал к краю бревен, в глазах волхва отразился дикий ужас. Мрак крикнул:

– Сносит на середину!.. Наляжем втроем!

Втроем вцепились в рулевое весло. Мышцы едва не рвались от усилий. Таргитай слышал хриплые вскрики Олега, тот греб изо всех сил, глаза вспучились, вываливались из орбит. Внезапно поскользнулся, упал лицом на мокрые бревна. Мрак, не прерывая греблю, безжалостно пнул в ребра:

– Вставай, греб!

Пальцы слабели, дыхание вырывалось с хрипами, а воздух стал мокрым. Впереди медленно нарастал торжествующий рев. Мрак выругался, оставил весло. Тотчас плот выволокло на самую середину, понесло с большой скоростью по высоким волнам.

– На берег не удастся, – сказал Мрак зло. – Кто-то держит плот снизу!

– Чудовище Рух, – прошептал Олег.

Берега мелькали, словно мчались не на плоту, а на бешено скачущем коне. Далекий рев порогов стал громче. Впереди поднялось белесое облако водяной пыли, превратилось в непроницаемую стену, что поднималась к небесам.

– Да, это пороги, – прошептал Олег.

Таргитай все еще цеплялся за бесполезное рулевое весло. Мрак и Олег стояли посреди плота, держась друг за друга. Между бревнами перекатывался котел, налетел на Олега, боднул в ногу, но хозяйственный волхв на этот раз не бросился спасать имущество, как Мрак не обращал внимания на брошенные лук и стрелы, нехитрое снаряжение для рыбной ловли.

Воздух стал холодным и плотным, целиком из водяной пыли. Таргитай сражался с веслом, только бы не видеть, как плот разлетается в щепы, как он летит в пучину. Погибнуть бы от удара о камни, а то за камнями ждет с раскрытой пастью огромный лютый зверь, начнет жрать еще живого, на зубах затрещат кости, успеет увидеть свое изуродованное тело...

Мрак что-то кричал Олегу, стараясь переорать рев падающей воды, волхв кричал в ответ. Впереди внезапно выросла белая полоса пены, перегораживающая реку, понеслась навстречу. Плот стремительно несло в эту яростную пену, и вскоре невры увидели торчащие из пены каменные зубья – острые, частые, где не каждая рыба протиснется.

– Ну, хлопцы, – крикнул Мрак во всю мощь легких, – не поминайте лихом!

Олег всмотрелся в шевелящиеся губы Мрака, крикнул:

– Меня простите!

– Меня! – закричал Таргитай.

Грохот стоял такой, что в голове загремело, как от ударов молота. Мрак вдруг присел, глаза его вылезали из орбит. Плот резко дернуло. Олег шлепнулся на задницу, Таргитай упал лицом вниз. Мрак с проклятием нагнулся, а когда выпрямился, в его руке блестела секира.

Таргитай приподнял голову. Он лежал на краю плота, торцы мокрых бревен мерно колыхались, скребли по зеленым чешуйкам, каждая с лопату размером. Огромная лапа держала плот, Таргитай торопливо пополз назад, уперся в Олега, тот пятился ему навстречу. С той стороны плота виднелась вторая лапа.

Огромное зеленое чудовище, держа плот, двигалось к порогам. Кипящий поток хлестал зверю по груди, пытался сбить с ног. Голова у зверя была как башня, с виду лягушачья, но когда распахнула пасть, блеснули три ряда острейших зубов. На плот обрушилась волна зловония, пахнуло сырой рыбой, гнилью.

Зверь остановился среди порогов, брюхо оперлось о каменную скалу, шлепнуло. Вода бешено брызнула в другую сторону, ища свободный ход. Плот наклонился, чудовищные лапы крепко держали его с двух сторон.

Таргитай набрал в грудь воздуха, изготавившись лететь в бездну. Вдруг с той стороны порогов, где бешено крутились пенистые водовороты, поднялся еще один огромный, как гора, зеленый зверь. Он был покрыт зелеными костяными пластинками, вдоль спины опускался в воду широкий серо-зеленый гребень. На широкой треугольной морде глаза смотрели тупо и бессмысленно. Зверь раскрыл пасть, ревнул, протянул вверх толстые лапы, покрытые чешуйками.

Мрак едва успел отпрыгнуть от края, как три огромных желтых когтя впились в бревна. Из сырого дерева брызнула желтая вода. Зверь взревел, первый зверь зарычал еще громче, несколько мгновений держали плот вместе, дергая из стороны в сторону, потом вдруг плот резко пошел вниз.

Со страшным плеском бревна ударились о воду. Невры лежали, держась за веревки, но от толчка едва не разлетелись в стороны. В неумолчном реве и грохоте на плот летели клочья пены, их кружило в водовороте, потом быстро понесло вниз по течению. Таргитай лежал, упершись лбом в бревно, часто дышал, в груди всхлипывало. В голове еще с грохотом сыпались камни, и, только увидев Мрака с секирой в руке, он понял, что пороги остались позади.

Мрак стоял ошалелый, секиру держал обеими руками, глаза горели жадной убийства. Олег со стоном сел, очумело мотал головой. Таргитай кое-как встал на колени, щупал распухший нос. Кровь бежала из обеих ноздрей, капала с подбородка.

– Два зверя, – прошептал Олег потрясенно. – Два зверя Рух... Я о таком не читал... Почему не сожрали?

– Дураки! – гаркнул Мрак. – Еще дурнее нашего Тарха... Одно передало другому. Как свадебный дар! А баба, понятно, дура, упустила. Вон ревет!

– Я не читал, что есть и Рух-бабы...

– Еще один дурень, – сказал Мрак яростно. – Откуда тогда берутся? Передохли бы давно. Там, если пошуровать, целый змеюшник!

Рев и грохот быстро удалялись. Плот несло среди густой пены. Клочья белых кружев зашвыривало ветром и бурными волнами, но пена быстро уходила между бревен.

– Не догонят? – предположил Олег со страстной надеждой. – Для них это в два взмаха...

– Если опомнятся, – ответил Мрак напряженно. – У дураков так: с глаз долой – из памяти вон. Могли уже забыть. Мужик сейчас лупит бабу, а сам уже забыл за что. А вот если бы не забыл...

Таргитай сидел, расставив ноги, щупал шею. Позвонки хрустели. Плот несло посреди реки, берега начали медленно отодвигаться. Сзади еще слышался шум падающей воды. В монотонном шуме ему почудился тихий женский смех.

– А что, – сказал он робко, – если не собирались нас сожрать? Наоборот, спасли от порогов?

Оба посмотрели так, словно у него отросли оленьи рога. Мрак сплюнул в белую пену, а волхв укоризненно повертел пальцем возле виска.

– Тарх, – сказал Мрак мягко, не поворачиваясь, – ты бы сначала подумал.

– Пробовал, – ответил Таргитай уныло, – получается еще хуже.

Разделись, сушили одежду. Странно, на плоту все уцелело, даже разбросанные стрелы не смыло водой. Мрак дивился, Олег говорил о диковинных совпадениях. Таргитай начал готовить есть, как вдруг из воды выпрыгнуло несколько крупных рыб. Одна за другой шлепались на бревна, подпрыгивали. Одна успела соскользнуть обратно, но тут же вылетела снова, словно выброшенная невидимой рукой. Вслед за ней на плот грузно шлепнулось еще с полдюжины крупных рыб. Мрак опомнился первым, начал их лупить обухом, сгребать на середину плота.

Олег позеленел, как чудовище Рух, сказал шепотом:

– Неспроста... Рыба спасается! За ней гонится что-то настолько... настолько жуткое, что ей лучше попасть на плот, чем чудовищу в лапы.

Мрак быстро и умело чистил рыбу, внутренности швырял обратно в воду. Вся рыба как на подбор – толстая, жирная, нагулянная. Хоть уху, хоть жарь, хоть испеки, а он и сырую съест в охотку...

– Дева Дана к нам милостива, – сказал он удовлетворенно. – Слава ей! Сегодня обедаем в ее честь.

Из глубин реки раздался ясный, чистый и очень женственный голос:

– И тебе слава, могучий и благородный Мрак! Рада, что мои слуги не отбили у тебя охотки поесть.

Мрак мгновенно выронил рыбину, одним движением швырнул Таргитая себе за спину. Его ладонь упала на рукоять секиры.

– Кто говорит?

Голос прозвучал сильнее, в нем звенели смех и легкая насмешка:

– Дана говорит с тобой, Мрак. Отныне ты всегда желанный гость. Как и добрый волхв Олег...

Голос начал быстро удаляться. Мрак убрал руку с секиры, голос его был потрясенным:

– Дана?.. Великая богиня Дана?.. Но почему добра к нам?

Голос уходил вверх по течению, последние слова были едва слышны:

– Потому что вы с Таргитаем...

Мрак круто развернулся. Олег уже уставился на Таргитая с великим изумлением. Тот сидел жалкий, мокрый, кривился. Кровь остановилась, он дышал ртом, нос распух, стал похож на безобразную сосновую шишку, расклеванную птицами.

– Что пялитесь? – буркнул он с неловкостью. – Я же говорил! А вы: сон, сон...

Глава 11

Теперь каждый день рыба сама прыгала на плот, а к рулю невры не притрагивались. Однако на четвертый день после встречи с водяным зверем Олег сказал тоскливо:

– Пора покидать плот. Иначе вынесет в море. А стольный град киммерийцев Экзампей останется в сторонке.

Мрак выбрал место, Таргитай причалил. Мгновенно расхватили приготовленные мешки, попрыгали в мелкую воду. Мрак с силой отпихнул плот:

– Плыви в море, дар Конана! Поклон водяницам Океана Мирового.

Они бегом пробежали через истоптанный копытами голый берег. Когда нырнули в сухой ковыль, потянулась высокая трава и редкие кустарники. Чуть перевели дух, но бежали по-прежнему настороженные, поглядывая по сторонам, в небо. В Лесу все подсказывает, куда идти, где полакомиться ягодами, за много верст укажет, в какой сторонке Болото, где сушняк, где муравьиные города. Здесь же ровная, как выскобленный стол, Степь – поди угадай! Правда, Олег уверял, что даже в Степи можно узнать многое, но книги с ним больше не было, а сам понять не мог. Мрак понимал все, но не мог объяснить, в сердцах обозвал обоих дурнями, велел сопеть в две дырочки и помалкивать.

Олег щупал в мешочке за пазухой пучки трав, что добыли в чужом лесу. За это время ссохлись, и Олег часто развязывал узелок, проверял – не исчезли ли вовсе.

Таргитай так же бережно щупал дудочку, вспоминал Дану, улыбался своим мыслям. Лишь Мрак постоянно щупал взглядом дрожащее от зноя видноколо. От малых отрядов степняков прятались в траве, крупных не попадалось.

Однажды Мрак начал оглядываться чаще обычного, наконец сказал с досадой:

– Всем племенем прут, что ли?

Таргитай и Олег оглянулись, но виднокрай везде был чист. Мрак припустил шибче, и невры умолкли, стиснули зубы. На оборотне все как влитое: мешок, секира, лук и колчан стрел, а тут как ни затягивай ремни, мешок ерзает, секира подпрыгивает, швыряльные ножи едва не выскакивают из гнезд.

– Что там, Мрак? – не утерпел Таргитай.

– Большая полоса пыли, – бросил Мрак. – Словно переселяются всей деревней. Да и деревень таких огромных нет!

– Ищут новую траву, – объяснил Олег. Он бежал красный, распаренный, пот катился градом, но дыхание волхв научился держать. – Сожрали на одном месте, прут на другое. Они же не строят ни деревень, ни весей, ни сел.

– Как же город отгрохали? – спросил Мрак недоверчиво. – Экзампей?

– Сие загадка великая есть...

Пыльное облако ползло медленно, невры далеко отрывались, но оно неуклонно догоняло. На пятые сутки уже даже Таргитай различал в пыльном облаке остrokонечные шатры, повозки, скачущих всадников. Мрак рассказывал, кто как вооружен, какие под степняками кони.

Впереди племени часто выезжали легкие всадники. Дважды невры едва не попадали под копыта. К счастью, глаза киммеров скользили поверх трав и кустов, выискивая признаки ручья, озера, а невры успевали отползти в заросли.

Множество одиноких всадников рыскали впереди огромного племени со стадом, неслись вскачь к любому зеленому пятнышку на виднокрае, будь то роща, гай или одинокое деревце.

– Воду ищут, – понял Мрак. – А деревья, гады ползучие, рубят на костры!

Его кулаки сжались так, что затрещали суставы. Таргитай ощутил боль в сердце. Люди могут погибнуть, но деревья должны жить. Деревья – это святое, это лучшее. Человек может дать сдачи, защититься, убежать – дерево не может. Человек пусть защищается сам, а дерево должны защищать все.

Олег все чаще смотрел на солнце, слюнявил палец, щупал ветер, рвал траву и нюхал, растирая в пальцах. Лицо его стало несчастным.

– Надо сворачивать, – сказал он испуганно. – Мы прем в Долину Битвы Волхвов.

– Волхвов? – переспросил Мрак с недоверием. – Шуткуешь? Волхвы – трусоватый народ, за примерами далеко ходить не надо. Лаяться – еще так-сяк, но чтобы подраться...

Таргитай посмотрел на Олега, что бежал рядом насупленный, дыша как смок, пояснил:

– Волхв гуторит о древних... То были крутые хлопцы. Чуть не так – в рыло!

Олег на бегу повернул к ним страдальческое лицо:

– Дурачье, скалите зубы! Мы в беде. Степняки пройдут по краю Долины, а нам, чтобы не попасть им на арканы, придется отступить. Прямо в Долину!

Мрак бежал легко, сухой, поджарый, хоть на пару пудов тяжелее Таргитая и на три – Олега. Он беспечно оскалил зубы:

– Нужно бежать быстрее, и проскочим мимо.

– Мы с Тархом уже почти летим!

– А как тогда, по-вашему, ползти?

Олег пугливо оглянулся на растущее сзади облако пыли, откуда уже доносилось конское ржание, рев скота, сказал с отчаянием:

– В Долину нельзя!.. Живыми оттуда не выходят. Судя по книге, там подстерегает жуткая смерть всякого, кто войдет.

– А что ждет у степняков? – ответил Мрак. Он жутко оскалил зубы. – Вспомни, как развлекаются наши приятели!

Он ускорил бег, и невры умолкли. Земля гудела под их сапогами. От перегрева в голове Таргитая загудело, и он поспешно сорвал с пояса баклажку, кляня себя, что забывает пить. В Лесу никогда пить не приходилось столько, а здесь надо, иначе свалится от внутреннего жара.

Мрак приглушенно вскрикнул:

– Ложись!

Таргитай послушно плюхнулся, сверху накрыли огромные и прохладные листья лопуха. Он опустил горячий лоб на прохладную землю, как только лопух ее сохранил, тут же сверху рывкнуло безжалостное:

– Вставай, лодырь! Олег припустил как заяц... Видать, в Долину спешит.

– Ноги отваливаются, – простонал Таргитай.

Мощная рука вздернула, сильный пинок в зад – и Таргитай, чтобы не растянуться с разбегу, понесся так резво, что догнал и боднул в спину волхва.

Олег изнемогал. Лицо было скрыто толстым слоем грязи. Дышал с хрипами, в груди клокотало, сипело, но все-таки мчался быстро, как лось, крушил мелкий кустарник, высокую траву.

Мрак догнал, сдернул мешок с плеч волхва, затем на ходу отобрал и секиру. Он несясь рядом с волхвом почти бесшумно, словно скользил поверх земли, после него не оставалось примятой травы, а за тощим Олегом тянулся след, будто промчался табун диких коней.

– Ложись! – прогремело снова.

Таргитай рухнул как подкошенный. Сердце молило богов, чтобы те задержали киммеров подольше. Рядом рухнул Олег, раскинул руки крестом. Таргитаю послышался глухой стук щелкнувших зубов. Над их головами жутко просвистела секира, на спины изгоям упали, пряча их от чужих взоров, срезанные стебли высокой травы. Мрак шепотом велел замереть, как мыши под лавкой, сам прополз вперед.

Таргитай долго сражался с разбушевавшимся сердцем, что едва не подбрасывало его над Степью, но в конце концов унял, уговорил отдохнуть. Вдруг захотелось есть, и лишь тогда в испуге понял, что Мрак не возвращается чересчур долго.

В зарослях неподалеку начало шуршать. Таргитай шикнул, в траве испуганно затихло. Он даже не увидел, волхв ли шебуршился, хомяк или полевая мышь.

Мрак появился неожиданно, словно возник из воздуха. Упал на землю, проговорил зло: – Не уходят, короеды проклятые... С коней послезали. Мясо варят, что ли?

Спина Таргитая отчаянно зудела, чесалась. Он скосил глаза – крупные черные муравьи выбегали цепочкой из зарослей ковыля, ихнего леса. В челюстях держали зерна, брюшки у всех раздуты. Не колеблясь, протоптали новую тропу через гору, неожиданно завалившую им путь. Каждый из муравьев был похож на Мрака – черный, уверенный, бесстрашный. Чтобы не тащиться через густую волчью шерсть, они бежали под душегрейкой, как под навесом, прячась от солнца, немилосердно щекотали потную кожу крошечными лапками.

Таргитай скосил глаза в другую сторону. Оттуда бежали муравьи поджарые, с пустыми брюшками. Челюсти у всех угрожающе раздвинуты, как руки Мрака, готовые в любой момент ухватиться за секиру.

Он тихонько застонал, закрыл глаза. Зуд был невыносимым. Из зарослей донесся приглушенный голос:

– На этот раз влипли, как жуки в смолу. Скот и повозки близко, скоро нас растопчут. А эти гады сидят, задницы греют! Не уходят.

– А проползти? – спросил Таргитай дрожащим голосом.

– Дальше место голое как ладонь. Там либо погибать, либо прорываться!

Зашелестело, и Таргитай понял, что Мрак снимает со спины колчан со стрелами. Шелестуло робко справа, подполз Олег.

– А где дозорные? – спросил он. – Можно поднять голову?

– Нельзя, – отрезал Мрак. – Их семеро. Бежать придется на них, сзади напирает скот и повозки. Если не сейчас, то нас вот-вот растопчут. Поняли? Сзади – это откуда дует ветер. Хоть в этом повезло, а то бы учуяли... Разом вскакивайте, бегите. Рубите на ходу, если понадобится, но не останавливайтесь! Ни в коем случае!

– Куда бежать? – спросил Олег тихим, как у мышонка, голосом.

– Прямо, – отрезал Мрак. – В твою Долину Волхвов, куда еще? Другого пути нет. Разве что киммерам в лапы... Бегите!

Его лютый вопль подбросил Таргитая. Он заорал, понесся огромными прыжками. Степняки сидели возле костра, разговаривали. Один ставил на треногу котел. Все как один были огромные, звероватые, со свирепыми лицами. Таргитай похолодел от ужаса, но мчался, орал, размахивал секирой.

Киммеры остолбенели, Степь на сотни верст была пустой, лишь бабочки да кузнечики... Двое наконец схватились за оружие, один тут же рухнул навзничь – из горла торчала стрела, второй выронил меч и схватился за древко, торчащее из груди.

Таргитай махнул секирой, лезвие ушло в сторону, но череп разлетелся вдрезг. Перепрыгнув с разбегу костер, опрокинул котел, сшиб повара. Рядом появился бегущий во всю мочь Олег. Волосы волхва развевались, глаза были безумные. В руке держал секиру. У Таргитая ослабели ноги – на лезвие налипли волосы, обух по рукоять в крови.

Они добежали до края долины. Дальше тянулась странная, черная, абсолютно голая, без травы земля, торчали высокие оплавленные камни. Сзади загремел конский топот. Таргитай бежал изо всех сил, но топот становился громче, земля уже гудела. Донеслись гортанные крики.

Сотни две конников быстро настигали, кое-кто уже размахивал над головой арканами. Мрак остановился, быстро выстрелил. Один из всадников откинулся назад, конь дико завизжал, почуяв кровь, понесся наискось, мешая другим. Трое лихих конников вырвались вперед, в их руках блестели острые клинки.

– Быстрее! – хлестнул по ушам яростный вопль Мрака. – Быстрее, клешаногие!

С разбегу они вылетели из травы, под ногами загремела сухая черная земля. Послышался хруст, будто бежали по птичьим яйцам, воздух внезапно задрожал. Таргитай со страхом увидел, как у волхва голова сдвинулась, оказалась на правом плече, а все тело начало размываться, словно глина в горячей воде.

Олег замедлил бег, с ужасом покосился на Таргитая, закричал сорванным голосом:

– Мы потеряемся! Надо взяться за руки!

Мрак налетел сзади, сшиб, потащил дальше. Воздух дрожал, превращаясь в странный туман – вроде прозрачный, но в котором все исчезало. Голос Мрака донесся злой, напряженный:

– Это еще не смерть с содранной шкурой... Стойте смирно!

Таргитай ощутил, что его сильно дергают, даже увидел что-то размытое, яркое. Поднес к лицу ладонь, но не увидел. Невидимые руки Мрака привязали к его поясу веревку, подергали, где-то вспискнул Олег, затем послышался сердитый голос оборотня:

– Сгинете, так разом. Не буду бегать по пеклу, спрашивать у смоков!

Голос истончился, пропал. Таргитай ощутил, что его тащат, пошел, как коза на веревке. Странный туман иногда прорывался, под ногами плыла черная земля, сверху падал немыслимо яркий свет. Таргитай закрывал ладонями глаза, потом сразу наступала чернейшая тьма, он шел оглохший и ослепший, даже ноги словно отнимались, он переставлял их, как деревянные колоды.

Тьма стала вязкой, словно плыли в ночном болоте. Вдруг земля вовсе ушла из-под ног, и Таргитай вяло перебирал ими лишь потому, что веревка больно дергала, понуждая куда-то идти, двигаться. Не чувствовалось ни камней, ни травы, ни песка, ни воды...

Как сквозь наброшенные на голову шкуры услышал потрясенный голос:

– Аль уже померли?

Из немыслимого далека донесся искаженный голос:

– Подземный мир другой... Иначе...

– Много твои книги знают! Еще никто не вернулся, не рассказал.

Голос стал громче, яснее. Впереди сразу в трех местах блеснул свет. Яркие точки двигались, словно сквозь тьму летели горящие птицы. Свет разросся, слился, невры увидели перед собой мертвую выжженную Степь. Где-то страшно кричали неведомые звери.

Мрак вздохнул, потянул веревку, и все трое пошли через поле битвы древних волхвов. Небо над их головами было белым, на нем не было солнца.

Мрак шел впереди, он первым начал подгибать колени, затем тяжесть навалилась и на Таргитая. Мрак еще шел, лицо побагровело, но Олег упал на колени. Таргитай сделал два шага дальше, немыслимая тяжесть пригнула, опустила на землю. Он постоял на четвереньках, с тру-

дом поднял голову. Мрак еще держался на ногах, щеки обвисли, под нижней челюстью повис кожаный мешок, как у крупной жабы. Глаза переполнились кровью, дышал тяжело, сипло.

Внезапно он рухнул плашмя. Земля дрогнула, словно упала скала. Взвилась черная пыль. Из рта Мрака побежала струйка крови, он прошептал хрипло:

– Все равно... назад нет дороги! Поползу, обламывая ногти...

Веревка дернула Таргитая, он с невероятным трудом потащил себя по земле. Он не мог поднять голову, терся щекой о прокаленную спекшуюся глину, та раздирала лицо в кровь. На миг он сомлел, а когда очнулся, веревка дергала уже с двух сторон.

Устыдившись, сжал зубы и, постанывая, изо всех сил заработал руками и ногами, крохотными рывками продвигал отяжелевшее тело. Он снова терял сознание, в голове была только боль, когда сообразил, что ползти стало легче. Его потянули за пояс сильнее. Он поднял голову, в трех шагах впереди стоял Мрак. Олег сидел у его ног, сжимая ладонями голову, словно вдруг невзлюбил ее и решил забросить подальше.

Таргитай приподнялся, хотел встать, но руки подломились. Он ударился лицом о землю так, что в глазах потемнело.

Очнулся с трудом, в голове гудело, во рту была кровь. Он открыл глаза, огляделся. Он лежал под торчащим из черной земли таким же черным как уголь камнем. Мрак и Олег сидели, прислонившись к такому же камню, разговаривали.

– Где мы? – прохрипел Таргитай.

Мрак оглянулся, кивнул успокаивающе:

– Лежи, очухивайся. Все там же, в петле, не беспокойся.

Таргитай застонал, плотно зажмурился. Под опущенными веками прыгали красные факелы, с диким грохотом мелькали огненные колеса, со змеиным свистом пронеслись горящие стрелы. Упал с разрубленной головой, страшно крича, Степан. Степняки схватили девушку, загоготали, сорвали платице...

Таргитай застонал, открыл глаза. Крики утихли, перед глазами тянулась выжженная пустыня. Тишина стояла мертвая, ледяная. В Лесу даже в глухих местах стрекочут белки, верещат сороки, на Реке прыгает рыба, орут лягушки. Здесь даже комар не звякнет, муха не пролетит!

– Вдруг мы незаметненько спустились в преисподнюю? – спросил он вяло. Язык распух, еле ворочался, во рту все еще была кровь.

Мрак отмахнулся:

– Лежи, не умничай. Умнее тебя в Болоте утопли.

Олег добросовестно пояснил:

– Туда надо через Дупло. Дупло в Мировом Дереве, где на вершинке спит Род в личине сокола... Да и сухо тут для подземного. Ящер любит болото, сырь, гниение.

Мрак поднялся на ноги, поправил секиру. Лицо его было злым, решительным.

– Много вы, волхвы, знаете, – проворчал он. – Убивать таких пора. Подземный или не подземный, а идти надо.

Он замолчал на полуслове. Прямо на них по воздуху шла крупная женщина. Ее огненно-рыжие волосы падали на спину, глаза смеялись, а яркие и спелые, как вишни, губы дрожали от неслышного смеха. Она двигалась медленно, словно плыла по теплой воде, нежное лицо было повернуто к ним.

Олег с размаху лапнул оберег на шее, пробормотал заклятие. Мрак подал правое плечо, ладонь бросил на рукоять секиры. Глаза женщины встретились с восторженным взглядом Таргитая, она улыбнулась ему шире всех, в ее глазах блеснули искорки, словно она намекала на какое-то общее прошлое с ним, Таргитаем...

Таргитай увидел за алыми губами, что раздвинулись в торжествующей усмешке, острые, как ножи, клыки, но шевельнуться не мог, даже не мог оторвать глаз от нечеловечески прекрасного лица.

Она подошла вплотную, прижалась всем телом. Таргитай закашлялся, ее пальцы стиснули его горло так, что затрещало. Он ощутил, что его поднимают над землей... Затем вдруг свалился, ударился о твердое. Женщина уходила тем же неслышным шагом, коснулась черной скалы, беззвучно вошла в камень.

Олег стоял в гордой позе барса – на четвереньках, бормотал хрипло:

– Это... я отогнал! Заклятиями... У меня обереги!

Мрак все еще стоял с секирой в руке, другой рукой щупал свое горло.

– Чихала она на твои обереги. Просто это тень... Одного не пойму: как, имея две руки, сдавила три глотки?

Таргитай с трудом поднялся, постоял, ожидая, пока земля перестанет раскачиваться. На плоту среди бушующей реки было устойчивее. Олег спешно собрал мешок, откуда вылетели обереги, сунул в петлю секиру. Мрак нетерпеливо притопывал, поднимая черную пыль.

– Хорошо, что от нее одна тень, – прошептал Таргитай потрясенно.

– Да, – согласился Мрак, – с бабами завсегда трудно. По крайней мере мне.

Олег собрал мешок, подбежал.

– Что будем делать?

– Надо идти, – сказал Мрак. – Только запомни: позади не болтайся, вперед не суйся, в середине не оставайся. Понял? Иначе крышка.

Он пошел, хрустя черной спекшейся корочкой под сапогами. Изгой поплелся за ним. Олег усиленно пытался выполнить наказ, тыкался в Таргитая, шарахался, наконец взмолился:

– А куда идем? Что впереди?

– Какая разница? – ответил Мрак хладнокровно. – Не видишь, здесь нет ни севера, ни юга. Здесь вообще солнца нет. А у нас нет теней! Иди, не скули. Было бы болото, а жабы будут.

Они шли, настороженно посматривая по сторонам. Олег долго крепился, наконец заговорил снова:

– Мрак, мне кажется, мы повернули... Можем выйти снова к тем же степнякам!

– Тех уже черти унесли, – ответил Мрак отстраненно. – Они кочуют, не заметил?... Добро, тогда сам скажи. В какую сторону?

Олег поколебался, сказал, отводя глаза:

– Ты прав. Веди, я не уверен вообще, что это я, а не лесная кикимора.

– То-то. Это не Лес, а заклитое место. Мы с Тархом должны терзать тебя, чтобы вывел на волюшку. Но ты сопишь в две дырки, а Тарх вообще в шесть... Или в его палке их семь? Надо идти, Олег. Если останемся, сгинем наверняка, и жаба за нами не кумкнет.

– Он прав, Олег, – сказал Таргитай со вздохом. – Положимся на нашенское «авось».

Над головами потянуло черным дымом, пахнуло гарью. В белесом небе полыхнула огромная ветвистая молния, ослепительно белая, за ней еще – прямые как стрелы, изогнутые, с отростками... Невры напряглись, пригибали головы, ожидая страшного грохота. Небо вот-вот расколется, посыплются, грохоча, огромные глыбы, целые скалы...

– Не молнии, – тихо сказал Олег. – Эхо молний. Но если такие сейчас, то какие были тысячи лет назад?

Внезапно накатил холод. Под ногами потянулась земля, покрытая инеем. Кое-где чернели трещины, земля лопалась от мороза. Таргитай похлопал смерзающимися ресницами, увидел на лбу Олега замерзшие капли пота. Кудрявая борода и уши волхва побелели от инея. Из колодца рта с хрипами вырывались плотные облачка, в воздухе звенели крохотные льдинки.

Мрак шагнул быстро, густые волосы на руках и груди вздыбились, сохраняя тепло. Таргитай чувствовал себя рядом с Мраком как худой ощипанный гусь подле мохнатого бера. Воздух похрустывал, Таргитаю казалось, что если упадет, то рассыплется, как сосулька.

Земля вздрогнула раз, другой. Из морозного тумана далеко впереди вынырнули гигантские звери. Коротколапые, со свирепыми пастьми, покрытые толстыми костяными плитами. На спинах тяжело колыхались острые гребни, морды защищены рогами и шипами.

Один из зверей тупо двигался с распахнутой пастью. Нижняя челюсть скребла промерзшую землю, подпрыгивала. В огромной пасти поместились бы трое невра, если бы не мешал лес острых как ножи зубов, что усеивали рот и спускались, казалось, в ярко-красную глотку.

Чудовище коротко ревнуло, Таргитай рухнул, словно в лоб угодил тяжелый кулак. Воздух дрожал, дергался, потрескивал, словно его раздирали, как ветхую шкуру. Земля качалась, будто плот перед порогами.

– Каменные звери! – вскрикнул Олег в ужасе. – Я читал... не верил... дурак...

– Признался, – прохрипел Таргитай, его щеку жгло, он лежал на мерзлой земле, – а то все меня: дурак да дурак...

Земля с хрустом лопалась, разбегалась из-под лап паутинками трещин, словно звери шли по тонкому льду. Таргитай привстал, снова рухнул лицом вниз, зажал уши ладонями. В сознании мутилось от рева, грохота, треска промерзлой земли.

Над ним взревело, Таргитая вскинуло в воздух, он с размаху грохнулся на твердую как камень землю, тут же его потащило с ревом. В сторонке страшно закричал Олег. Таргитай еще лежал, ожидая смерти, но грохот стал удаляться. Он повернул голову, рядом топорщилась неузнаваемая земля: промерзшие пласты стояли торчком, как льдины.

Олег шагнул из тумана, опустился возле Таргитая на колени. Лицо волхва было бледнее его заиндеветой бороды. Он вытащил из узелка стебельки травы:

– Пожуй, все пройдет.

– Скоро все пройдет, – прохрипел Таргитай. – Мы пройдем... Что за звери?

Олег тыкал ему в зубы травку, Таргитай мотал головой. Мрак шагнул к ним, бросил хмуро:

– Волхв глаголет, это каменные звери, не слышал? Ему виднее. Видать, в прошлой жизни охотился на них. Голыми руками ловил!.. Вставай, задницу отморозишь.

Таргитай поднялся на ноги, огляделся:

– Как не тронули? Меня одно уже схватило, волокно! Я еле отбился.

– Это я волок, – объяснил Мрак. – С дороги. Растоптали бы, как лягушек.

Чудовищные звери уже почти скрылись в тумане, за ними тянулись длинные толстые хвосты, усеянные гребнями, прикрытые толстыми плитами, а на самых кончиках болтались усеянные острыми шипами булавы размером с бычьей головы.

– Теперь таких нет, – сказал Олег. – Давно нет. Пращуры бы запомнили, рассказали!

– А вдруг пращуры такую мелочь просто не замечали? – хмыкнул Мрак. – Мол, горные хребты сдвигали, горами как вениками трясли... Ты лучше скажи: в какую сторону идти?

Олег жалобно посмотрел на грозного Мрака, втянул голову в плечи, как напуганная черепашка:

– Ты сам говорил, что здесь ни юга, ни севера...

– Ни севера? А здесь что? Отсюда куда ни правь стопы, попадешь на юг.

Они пошли, ежась от холода. Таргитай добавил невесело:

– Хорошо бы восточной дорогой!

Небо медленно потемнело. По-прежнему без луны, без звезд – но наступала ночь. Мрак часто поглядывал вверх обеспокоенно:

– Ну, герои, здесь не разгуляешься. Даже я ничего не увижу, если не будет луны. Придется заночевать!

– Страшновато, – признался Таргитай.

– Ночью идти страшнее. Добро, что потеплело малость.

Они даже не пробовали искать хворост, просто легли, тесно прижавшись друг к другу. Небо стало совсем темным, но не черным. Мрак, к своему облегчению, понял, что различает силуэты скал, круглые камни, глубокие трещины.

Таргитай и Олег заснули быстро, прижавшись друг к другу, как щенята. Мрак лежал без сна – не устал, как эти двое, к тому же для мужчины – порок, если спит много.

Таргитай всхлипывал во сне, бормотал, из-под плотно закрытых век выступили слезы. Мрак погладил его по голове, Таргитай потянулся к нему щекой, не просыпаясь, лицо посветлело. Мрак покачал головой, чувствуя непривычную нежность к этому незащищенному дураку, что уже раз сто сгинул бы в этом жестоком мире. Однако без таких дураков белый свет что-то теряет.

Мрак не успел додумать мысль, ибо Таргитай довольно разбросал руки, начал похрапывать. Рот расслабленно раскрылся, Мрак увидел за белыми зубами темный вход в глотку. Олег, заслышав храп, подергал плечом, отвернулся, а Таргитай захрапел сильнее.

Мрак протянул руку, собираясь повернуть Таргитая на бок, вдруг во рту Таргитая что-то шелохнулось. Мрак замер. Через мгновение высунулась голова белого мышонка. Нос задержался, темные глазки дико сверкнули. Мышонок осторожно выполз изо рта, он был маленький, весь белый, с коротким хвостиком. Он дрожал от холода, а когда приподнялся на задних лапках, судорожно нюхал воздух, передние, прижатые к груди, мелко-мелко тряслись.

Мрак приподнялся, наблюдал. Мышонок оглянулся на раскрытый рот, колебался, затем вдруг сбежал с груди спящего. Оказавшись на холодной земле, подскочил в воздух от неожиданности, снова оглянулся на спящего, затем неуверенно побежал между камней. Крохотные лапки соскальзывали с гладких оплавленных камней, мышонок часто падал. Мрак бесшумно поднялся, пошел вслед. Нагнав, занес сапог, намереваясь раздавить мерзкую тварь, но оглянулся на спящего Таргитая, заколебался.

Крохотный живой комочек несясь целеустремленно, не оглядывался. Даже не смотрел по сторонам, а бежал и бежал, смешно перебирая короткими лапками. Мрак шел в двух шагах сзади, не теряя зверька из виду.

Миновали крупные оплавленные камни, прошли по черному песку, затем мышонок резво помчался вниз по крутому косоугору. Мрак едва успевал, стараясь не обрушить вместе с собой лавину камней.

Внезапно повеяло холодком и свежестью. Мрак пробежал за мышонком еще полсотни шагов, и вдруг мышонок остановился, встал на задние лапки. Впереди между черными камнями бежал черный как деготь ручей. В темном небе не было ни блески, вода казалась неподвижной и плотной, как черные камни берега.

Мышонок побежал вдоль берега, остановился, помчался обратно. Нос судорожно дергался. Мрак застыл, стараясь даже не дышать. Мышонок метался, подпрыгивал, начал попискивать в непонятном страхе. Один раз даже взобрался на носок сапога Мрака, пытаясь заглянуть на ту сторону ручья, часто вставал на задние лапки, застывал столбиком, не спуская глаз с противоположного берега. Ручей был неширок, но катил мощно, даже всплескивал о каменные берега.

Мрак осторожно вытащил секиру, опустил ее поперек ручья. Мышонок вздрогнул, даже подпрыгнул на всех четырех лапках, но вскарабкался на деревянную ручку и, цепляясь коготками, быстро перебежал над страшной рекой. На том берегу соскочил, побежал дальше, а Мрак перешагнул ручей и подхватил секиру.

Мышонок несясь через выжженную долину по прямой, дорогу загораживали огромные камни. Мышонок карабкался, протискивался, обегал стороной, но с пути не сбивался. Мрак чуть отстал: дальше потянулся белый песок, мышонка видел издали.

Он уже начал колебаться, стоит ли идти дальше, что за наваждение со странным мышонок, не прихлопнуть ли да и вернуться, как вдруг впереди из тьмы выступили огромные глыбы. Мышонок со всех ног неся к ним. Мрак различил, что глыбы вовсе не простые глыбы, а остатки древних строений. Крепость ли, дворец или конюшня – не угадаешь, одни оплавленные и спекшиеся камни, но мышонок ходу не сбавлял, словно вид развалин придавал силы.

С разбегу протиснулся между камнями. Мрак пытался перехватить, но перед глазами лишь мелькнул короткий хвостик. Мрак постоял над развалинами, потом шагнул в сторону и сел. В ночи ходили сгущенные тени, из темноты слышались протяжные голоса странных зверей. Призрачных или настоящих – Мрак по голосам не различал.

Ночь становилась холоднее, Мрак зябко поводил плечами. Без него остались Таргитай и Олег, оба вдвоем от воробья не отобьются, а вдруг под одежду на спящих заползет погреться ящерка или уж – помрут же с перепугу!

Он поднялся, сердясь за свой промах. Уже шагнув обратно, увидел, как из той же самой щели выскользнул белый комочек, со всех ног помчался обратно.

Мрак медленно потащил из петли секиру. Если прихлопнуть сейчас, то все тайны будут решены самым надежным способом... Мышонок добежал до ручья, заметался, и Мрак снова опустил секиру, соединив берега. Мышонок без колебаний вскарабкался, стремглав перебежал по деревянной рукояти, соскочил на холодную землю и понесся со всех крохотных ног.

Мрак шел следом, держа секиру в руке, раздираемый противоречиями. Мышонок домчался до их стоянки, с разбегу вскарабкался на спящего Таргитая и, не успев Мрак схватить его в ладонь, юркнул в раскрытый рот Таргитая. Тот потревоженно заворочался, почесал нос и, не просыпаясь, повернулся на бок, поджав колени.

– Аль я сам сплю? – сказал Мрак громко. Он щипнул себя, скривился. – Ладно, утро вечера мудренее.

Заснуть не мог долго, а когда начал проваливаться в сон, тьма на небе уже заменялась молочно-белым светом.

Когда он раскрыл глаза, Таргитай и Олег сидели рядышком, прижавшись плечами, как голодные мокрые птенцы, с тоской смотрели на черные камни – те усеивали всю долину.

– Мрак, – сказал Таргитай поспешно, – заметь, я сегодня проснулся раньше тебя!

– Хороший сон видел, – буркнул Мрак. Он потянулся, громко и с наслаждением зевнул. – Да и место здесь уютное, тихое. Даже комаров нет.

– Уютное? – переспросил Олег. Он зябко передернул плечами, в глазах был страх.

Таргитай вдруг сказал, вспомнив:

– Постой... мне тоже снилось... Помню, бежал через огромное поле, где всюду стояли черные горы. Мне было холодно и жутко, но я бежал, пока вдруг не выскочил на берег широкой страшной реки. Вода была черная как смола, но кипела и била о крутые каменные берега. Я бежал в страхе, потому что неясный голос властно требовал, чтобы я шел дальше, дальше... Я собирался уже броситься в эту страшную реку, а там будь что будет...

– Дурень, – сказал Мрак, – а если бы утоп?

Олег сказал с кислым видом:

– Мрак, это же сон. Тарх, рассказывай дальше.

– Когда уже собирался кинуться в реку, как вдруг прямо с неба опустился огромный мост! Я даже видел могучую руку бога, что перекинул мост с одного берега на другой. Я жутко трусил, но все-таки вскарабкался на небесный мост, побежал на другой берег страшной реки...

– Ну-ну, что дальше? – поторопил Олег.

– Потом опять бежал... Бежал, бежал... Холодно и очень страшно. Над головой летали ночные чудовища, за горами прятались большие звери. Но я добежал до развалин своего

дворца, нашел тайный ход, потом долго спускался в подземелье, удивляясь разрушениям... Смутно помнил, что стены должны быть из белого мрамора, а ступени – из красного...

– Что такое мрамор? – спросил Мрак.

Таргитай в смущении пожал плечами:

– Такой камень... очень красивый. Во сне все иначе! Я спустился в зал, где не видно было ни потолка, ни стен. На огромных столах, которым нет числа, высились кувшины с золотыми монетами, сундуки с драгоценными камнями... Там же лежали золотые украшения, магические обереги, разные непонятные штуки... Я побегал по громаднейшему залу, вдруг мне стало легче, страх прошел. Я побежал обратно. Возвращался той же дорогой, а когда добежал до бушующей реки, то рука бога снова перебросила для меня сверкающий мост из сплошного куска дерева!

Он замолчал, а Олег сказал восхищенно:

– Красивый сон! Мрак, а ты говоришь, что ему только бабы снятся.

Мрак поднялся на ноги, пожал плечами:

– Баб ему наяву хватает. Не удивлюсь, если сейчас прямо вон из-за той скалы выйдет...

Вокруг скалы, в которую ткнул пальцем, прошло движение, на миг сгустился воздух. Невры задержали дыхание. Олег громко произнес заклинание, потряс оберегами. Воздух разределся, стал прозрачным. Олег расправил плечи, орлом посмотрел на друзей.

– Зря, – сказал Мрак укоряюще. – Хотя бы дорогу спросили! Впрочем, я сам знаю.

Изгои переглянулись, но Мрак уже ушел вперед. Когда показался ручеек, Мрак не спускал глаз с Таргитая, но тот и бровью не повел. Глазел по сторонам, спотыкался, а ручей просто перешагнул.

Воздух часто сгущался, принимал разные формы. Таргитай шепнул Олегу:

– Жуткое место. Мы сами еще не призраки?

Олег бросил пугливый взгляд на колышущиеся струи, ответил еще тише:

– Кто тут разберется...

Мрак шагал тяжело, утратив крадущуюся походку, как только понял, что подкрадываться не к кому. Он хмыкнул:

– Вы как хотите, я не призрак. Я хочу есть как волк.

Таргитай обернулся к Олегу, признавая его как знатока по призракам:

– А призраки едят?

– Не в нашем смысле, – ответил Олег в затруднении, – может быть, призрачных зайцев, перепелок... Жареных кабанов, вареную рыбу, супчик из перепелок... Рябчиков...

– Призрачных ешьте сами, – бросил Мрак. – А я даже призраком буду грызть настоящее мясо.

Днем руины не казались огромными, но неведомый жар расплавил их, как весеннее солнце топит лед, – каменные волны растеклись по окрестностям, застыли. Из расплавленного озера торчали крупные глыбы, похожие на прижатые к земле грибы.

– Посидите здесь, – велел Мрак.

Орудя железным лезвием, он выломал пару глыб, пинком откатил. Олег и Таргитай смотрели на Мрака во все глаза, но тот будто знал, что делает: работал споро, уверенно, словно на своем охотничьем участке. Выломав еще глыбу, заглянул в темный провал, прислушался, потянул носом. Снизу тянуло влажным, затхлым воздухом.

– Там ход внутрь, – объявил он. – То ли колодец, то ли еще что. Помню как-то... Полезу проверю.

Он обмотал веревку вокруг груди, затянул узел. Олег смотрел внимательно, и Мрак чувствовал, что позднее придется как-то объяснить неглупому волхву, почему вдруг свернул к развалинам, каким образом сразу нашел подземный ход.

Глава 12

Таргитай держал конец веревки обеими руками, пугливо косился на черный провал:

– Мрак, а если не вернешься?

– Сорок дней ликовать будете, – ответил Мрак. Глаза у Таргитая были печальные, укоряющие, и Мрак утешил: – Не грусти, у Ящера увидимся снова!

Он перебросил ноги через край, начал опускаться. Таргитай подавал веревку, настороженно прислушивался к шороху. Вережка тянулась долго, потом безжизненно застыла. Таргитай отчаянно посмотрел на волхва. Оба упали на край и, стукаясь головами, пытались рассмотреть что-нибудь в черноте подземелья.

Внезапно снизу донеслось злое:

– Эй, вороны!.. Прочь от света. А еще лучше – лезьте следом. Колодец кончился, дальше вход внаклонку.

Таргитай спешно привязал веревку за могучий валун. Олег для верности подергал, Таргитай первым полез в черную нору.

Олег заглядывал, упершись ладонями в края. Шепнул тревожно:

– Может быть, лучше подождать его здесь?

Вережка раскачивалась, Таргитая стучало о гладкие стены узкого колодца. Сверху падал слабый свет, освещал наплывы красного камня. Тот когда-то стекал вниз, застывая, как сосульки.

На голову ему внезапно опустился сапог, Таргитай сердито крикнул:

– Куда спешишь поперед... Мрака уже едят!

Олег мгновенно взвился наверх, Таргитай дальше опускался без помех. Вдруг за бока что-то схватило. Таргитай от страха разжал пальцы, рухнул на каменный пол с высоты мышинного роста.

Мрак, все еще придерживая, пояснил:

– Вон туда ход. Ступеньки, все как у людей... Олег, спускайся! Семеро одного не ждут, а Таргитай дюжины стоит.

Не дожидаясь Олега, он отпустил Таргитая, пошел в темноту. Таргитай выставил руки, заспешил следом. Он втягивал голову в плечи, заранее кривился, ожидая хряпнуться головой о выступы.

Мрак нарочно топал, шаркал, указывая дорогу. В темноте его голос прозвучал непривычно громко:

– Великаны были эти волхвы, что ли... Или коней водили?

Впереди разгорался красный ровный свет. Мрак ускорил шаг. Тоннель превратился в ровный коридор, пол выложен разноцветными плитами, на стенах что-то намалевано, но в сумраке Таргитай рассмотреть не успевал, к тому же Мрак почти бежал.

Они вышли в огромную пещеру... нет, прекрасный подземный зал. На стенах горели шаровые молнии, освещая ровным мощным светом. Зал уходил вдаль, у стен тянулись, насколько доставал глаз, огромные тяжелые скрини. Посреди зала были широкие столы, где высились кувшины, которые, как уже предсказывал Таргитай, должны быть доверху заполнены золотыми монетами и драгоценными камнями. На стенах висели секиры, мечи, акинаки, щиты, копья, кинжалы, булавы, палицы, разные луки – большие и малые, колчаны со стрелами. Железо сверкало, в рукоятях блестели драгоценные камни. Многие мечи и секиры были отделаны золотом.

Мрак медленно шел вдоль ряда скринь, сундуков, ящиков. Ко всему присматривался, но руки держал за спиной. Таргитай робко двигался следом, Мрак поставил его рядом, крепко обняв за плечи, повел по залу, быстро посматривал то на вещь, то на лицо Таргитая.

Олег стоял бледный перед странными факелами, что горели, не сгорая, много тысячелетий. Спohватившись, он побежал за друзьями, боясь оставаться один, но остановился, зачарованный, возле следующего факела.

Мрак снял руку с плеча Таргитая, когда подошли к груде оружия, сваленной в углу. Мечи в полтора человеческих роста, копья с наконечниками с двух сторон, железные сдвоенные шлемы, ручные пращи для камней с человеческую голову, хищно выглядят усеянные острыми шипами шары на цепях... Красный свет отражался на лезвиях странного оружия, похожего на большие тарелки с острыми краями. Его лежало целые груды. Мрак смотрел с недоумением, а Таргитай с застывшей улыбкой просунул руку в отверстие посредине, осмотрел задумчиво, вдруг с силой метнул. Железный диск со свистом пронесся через пещеру, на миг исчез в темном углу. Там грохнуло, на мраморный пол обрушилась каменная колонна, срубленная странным оружием.

– Чакра... – проговорил Таргитай медленно. – Во сне, кажется... Прыгал, летал, метал ее в противника... нет, больше не помню...

Мрак посмотрел странно, сказал настойчиво:

– Больше ничего не трогай, понял? Не все позволено Таргитаю, что было дано его пращуру.

Вдруг вдали вскрикнул Олег, со всех ног бросился к столу. Мрак выхватил секиру, бросился на помощь. Когда увидел, куда бежит волхв, сердито сплюнул, отвернулся.

А Олег жадно щупал серебряные переплеты старинных книг. Некоторые прикованы железными цепями к стене, словно могли улететь, другие лежали горкой между столов, под столами.

– Веды, – прошептал Олег. Его руки тряслись. – Я ведун, а это Веды Прародины. Здесь все знания Мира, все заветы Белого Света... Кто знает их, тот равен богам по мощи...

Он поспешно развернул первую книгу, закусил губу. Символы странно знакомы, Боромир начал учить древнему языку, но сам не знал толком, к тому же Олег не хотел терять времени на ритуал, смысл которого не понимал... Боромир, почему ты не порол, почему жалел, не бил?

Мрак оставил волхва, повел Таргитая, по-прежнему держа за плечи, поглядывая искоса. Зал был огромный, Таргитай видел, понимал, что очень древний.

Наконец Мрак сказал:

– Парни, пора перекусить. Займитесь.

Он смотрел на Таргитая, игнорируя Олега, что уткнул нос в книги. Таргитай нехотя начал развязывать мешки. Мрак осмотрелся – волхв закопался в книги, Таргитаю надолго хватит возиться с едой, все заняты, ничего не натворят в этом чужом опасном месте.

Он пошел вдоль стен, рассматривая оружие, заглядывая в кувшины, скрини, сундуки, часто оглядываясь на Таргитая, который выкладывал на стол рыбу и ломти мяса, сдвинув кувшины и шкатулки с драгоценностями на самый край. Таргитай живет своими песнями, даже не удивился тому, как он, Мрак, отыскал эту пещеру с сокровищами. Даже сам забыл сразу, как умело воспользовался оружием древних!

Чем ближе Мрак подходил к торцевой стене, богато разукрашенной дивными цветами, тем богаче становились скрини. Но когда открыл последнюю, самую маленькую, удивился еще больше. Почти все наполнены монетами из желтого металла, много сверкающих камешков, искусных изделий из металла и камней, а здесь – пусто, если не считать простого пояса, что лежит на самом дне.

Мрак взял пояс, повертел в руках. Тяжелый, умело склепан из широких пластин металла. Кольца, крючки, бывший хозяин, похоже, цеплял десяток швыряльных ножей.

Он с трудом понял, как пользоваться хитроумной пряжкой, примерил на себя. Пояс пришелся впору. Мрак защелкнул пряжку, напряг живот, испытывая странное чувство защищен-

ности. Пояс широк, пряжка размером почти с тарелку – защищает от удара в живот. И не тяжело, пластины тонкие, но крепкие: пробовал сломать одну – едва не порвал жилы от натуги.

Когда он вернулся, Таргитай едва лишь закончил резать мясо на длинные тонкие ломтики, как он любил. Олега оторвали от книг едва не силой, глаза у него были затуманенные, словно у сочиняющего песню Таргитая.

– С обновкой, – сказал Таргитай. – Ты в нем еще краше!

– Дурень, – ответил Мрак с отвращением. – Это бабы думают о красе, а мы, мужчины, – о надежности. Здесь я поцепляю и ножи, и баклажки, и еще десяток петель и крючков останется. Понял?

Олег ел стоя, не решаясь сдвинуть странные шкатулки с лавки.

Он сказал медленно:

– Мрак, эти крючки не для швыряльных ножей и баклажек...

– А для чего еще?

– Не знаю, – ответил Олег так же медленно, словно возле стола стояло лишь его тело, а душа лихорадочно листала страницы. – Но не для баклажек...

– Еще один дурень, – огрызнулся Мрак. Он с удовольствием провел ладонью по животу, ощутил надежные металлические пластины. – Что еще надо в пути? Ножи да баклажки!

– Древние не всегда бегали по свету высунув языки.

– Дома вовсе можно ходить голым, – отпарировал Мрак. – Ежели надел пояс, секира должна быть за плечами.

Он быстро расправился со своей порцией, пошарил в мешках. Дело худо, ибо еда кончилась, воды в обрез, а в этом роскошном зале много из того, чем лишить жизни, и ничего такого, чтобы ее продлить.

– Надо выбираться отсель, – решил он. – Прямо сейчас!

Таргитай и Олег подпрыгнули, уставились на него раскрытыми глазами. Таргитай не находил слов, а Олег завопил тонким возмущенным голосом:

– Мрак, да ты понимаешь!.. Здесь сокровища! Жизни не хватит, чтобы осмотреть!

– А жрать что? – жестко спросил Мрак. – Книги грызть, как крыса?.. Но ты скорее сдохнешь, чем попортишь книгу. Тогда что? Лапу сосать?

Олег в затруднении промолчал, а Таргитай неуверенно предположил:

– Может быть, Олег с помощью магии... Здесь всякие штуки волхвов... Как тот древний мудрец в горах...

Он покосился на Олега, быстро отвел глаза. Мрак кивнул, сказал угрюмо:

– Сам понял? Достаточно взглянуть на волхва, чтобы понять, на что он годен... Жаль, что ты на себя не можешь посмотреть. Удавился бы вовсе! Быстренько пробежите, если кто хочет какую мелочь – хапайте на память, но такую, чтобы полегче. Чтобы бежали как олени!

Таргитай раскрыл рот, готовый спорить, но Мрак люто сверкал очами, орал. Олег понимал, даже Таргитай чувствовал, что оборотень зол и на себя – хотелось все унести, хотя бы пожить здесь с недельку, но Мрак – единственный, кто всегда помнит, где находится. Все-таки дураки, подумал Таргитай успокаивающе, счастливее!

Олег засунул в мешок книги, Мрак изъял безжалостно, но Олег все же ухитрился одну припрятать на дне мешка. Таргитай набрал безделушек, Мрак вытряхнул все. Удалось спрятать от его зоркого ока лишь пару красивых камушков.

– В путь!

Он вытолкал их из зала, подогнал к веревке. Изгой покарабкались вверх по колодцу. Таргитай выбрался первым, тяжело перевалился через край, отполз на четвереньках. Вокруг была мертвая земля, выжженная, черная, воздух тоже был сухой, мертвый.

Олег вывалился следом, тяжело дыша. Покрутил головой, проговорил с отвращением:

– Я бы там всю жизнь просидел!

Над краем показалась голова Мрака. Он посмотрел подозрительно, выпрыгнул, словно его снизу подбросили могучие руки. Втроем сдвинули оплавленные глыбы, закрыли щель. Мрак осмотрел, ткнул несколько мелких камней, вбил ногой. Отступил на пару шагов, осмотрел критически:

– Все. Надо идти, ребята. Понимаю... но идти надо.

Пошли третьи сутки, как они шли через долину. Над головой висело все то же белесое, как рыбье мясо, небо, под ногами трещала корка сторовшей земли. Таргитай затягивал пояс потуже, уже не бежал, брел за Мраком, волоча ноги. Живот прилип к спине, но урчало в нем так громко, что Таргитай в страхе оглядывался: не услышали бы чудовища долины!

На поясах болтались пустые баклажки. Последнюю воду выпили вчера, сегодня пришлось довольствоваться мочой. Мрак подгонял изгоев, поглядывал на небо. Сегодня пили мочу, но уже завтра она станет ядовитой – боги запрещают прогонять ее через организм трижды.

На четвертые сутки, когда изгой едва тащил ноги, поверх белесого занавеса начало проглядывать синее небо. Мрак вздохнул с облегчением, еще больше торопил изнемогающих друзей, подгонял, подталкивал. Шли, страдая от жажды, наступившая ночь не принесла облегчения.

Однако на пятые сутки небо очистилось, впервые среди туч проглянуло солнце. Мрак толкнул Олега, сказал хрипло:

– Выползем из этого проклятого места, верно?

За их спинами простонал Таргитай:

– Уже не верю...

– Терпи, казак, Конаном будешь!

– Гетманом, – поправил педантичный волхв.

– Гетманом, – согласился Мрак. – Скоро увидишь своих степняков. На той стороне долины их как муравьев. Верно, Олег?

– Не знаю, – ответил Олег. Его шатало от усталости. – А откуда знаешь ты?

– Добрый нос за версту кулак чует. Верно, Тарх?

– Верно, – прошептал Тарх. – Я его все время чую...

На горелой земле проступили первые проплешины травы. Сухие былинки упорно цеплялись корешками, поднимали к небу жесткие стебельки, теснились, медленно наступая на черную гарь. Невры тащились, глядя перед собой остекленевшими глазами, сами иссохшие, как земля под ногами. Таргитай несколько раз падал. Поднимал и тащил Мрак, потом Мрак изнемог, к его удивлению, с другой стороны Таргитая подхватил Олег.

Постепенно проплешины раздвинулись, слились, выжженные пятна стали редкостью. Потянулась ровная Степь, где стеной торчали озверевшие от борьбы за жизнь будяки, колючки, чурьи рога, молочаи. Мрак заметил проشمывнувшую мышь, а Таргитай первым услышал в небе песню жаворонка.

К вечеру травы стали выше, в одном месте видели чахлый кустик терна. Мрак нес мешки изгоев, оставив им только секиры. Оба тащились далеко позади, глядя под ноги. Мрак видел шныряющих крыс, достаточно крупных, чтобы жрать собак, а при случае – сожрать и человека вместе с подошвами его сапог. Стуча копытами, пронесся заяц – с матерого волка, на спине блестел костяной гребень. Из зарослей ковыля высунул рыло полосатый свиненок, оглядел изгоев. Мрак мгновенно натянул тетиву, но Олег оказался рядом, удержал оборотня. Мрак заколебался, опустил лук. Поросенок, потеряв к людям интерес, с хрустом отхватил угол гранитной глыбы, побежал мимо, роняя из пасти каменные крошки.

Пересекли поле ломкого ковыля, вступили на странную оранжевую траву. Прошли несколько шагов, как из травы молча выметнулась свора огромных тощих собак. Мрак молниеносно выпустил две стрелы, уронил лук и выхватил секиру:

– В круг!

Они встали спинами друг к другу. Пара псов молча бросилась на сраженных стрелами, те катались по земле, рычали, зубами хватали стрелы, возникла короткая схватка, но остальные псы с низким рычанием окружили невров. Таргитай встретился взглядом с псом, присевшим на земле напротив, передернулся. Пес смотрел так, как глядел бы оживший камень.

– Бить наверняка! – велел Мрак.

Пес, не отрывая взгляда от глаз Таргитая, внезапно прыгнул. Огромное тело взвилось в воздух, пронеслось по дуге... Блеснуло, страшно хрястнуло, и пес с разрубленной головой упал Таргитаю под ноги.

Таргитай с трудом оторвал от него взгляд, прошептал:

– Мрак, опять ты меня спасаешь!

– Все в долг, все в долг, – оскалил зубы Мрак. – Не зевай, ворона заморская.

Его секира коротко и страшно блеснула снова, другой пес с перешибленной спиной упал под ноги Олега. Внезапно псы бросились со всех сторон, на Мрака – сразу два. Он коротко и быстро ударил дважды, третьего схватил руками, ударил о землю, а секира Таргитая рассекла воздух впустую, едва не отхватив Мраку пальцы.

Мрак ухмыльнулся, заметив отчаянные глаза Таргитая, перехватил нового пса на острый крюк секиры. Слышалось рычание, хриплые вскрики, тяжелое дыхание. Тупо и страшно врубалось железо в мясо и кости. Олег всадил лезвие секиры по обух в пасть страшного рыжего пса. Зверь яростно сомкнул челюсти, ухватил лезвие, грыз, не замечая, что пасть становится шире и шире. Со свистом брызнула темная кровь, пахнуло зловонием.

Таргитай смотрел как зачарованный, но вдруг подскочил, заорал. Ему в икру вонзил зубы мелкий пес с зеленой шерстью. Таргитай с воплем обрушил секиру, перерубил пса пополам. Подышающий пес в агонии так стиснул челюсти, что Таргитай со слезами повалился.

– Терпи! – крикнул Мрак. – Скоро обед!

Перед ним шевелился вал из лап и голов – залитый кровью, воющий, хрипящий. Одним движением срубив передние лапы псу, он бросился к Таргитаю. Два пса с тихим воем уползали в густую траву, волоча задние лапы, остальные корчились по всей поляне.

Олег торопливо расшнуровывал мешочек с травами. Мрак с усилием разжал сомкнутые челюсти мертвого пса. Кровь текла густо, хлюпала в сапоге. Олег быстро наложил жгут, очистил рану, сказал с облегчением:

– Дурной пес, не знал, куда кусать... Жилу не задел, кость цела. А мясо нарастет.

– Дурной пес? – переспросил Таргитай с обидой. Его мутило, хотелось умереть. – Умный тот, который бы ногу оттяпал?

– Будешь жить, – заявил Олег. – Говорю как волхв.

– И по бабам бегать будешь, – добавил Мрак мирно. – Говорю как охотник. А теперь полежи, отдохни. Теперь тихо.

Он стоял перед ним улыбающийся, весь залитый чужой кровью. Трава была вытоптана и залита кровью, стоял запах смерти. Подыхая, псы жутко скулили, а один тоскливо выл, уткнув кровавую морду в землю. Его глаза смотрели на Таргитая с немим укором, в них стояли слезы.

– Тихое место? – повторил Таргитай. – Полежать?... Да я поползу на брюхе, обламывая ногти, только бы выбраться отсюда!

Мрак бросил хладнокровно:

– Наконец-то слышу голос мужчины... А то все полежать да полежать! Нас зовет дорога странствий, как говорил Странник. Олег, затяни еще ту же, чтобы ни капли не потерял зря.

Олег наложил лекарственные травы, те приглушили боль, замотал чистой тряпичей. Глаза счастливо блестели, трупов не замечал, а во взгляде мелькало сожаление, что рана у Таргитая только одна, и та легкая, не удастся показать умение лечить и врачевать.

Мрак уже ходил с ножом, переворачивал псов кверху брюхом. Изгои отворачивались, запах от псов шел страшный, потом донесся треск костра и аромат жареного мяса. Таргитай глотнул слюну, сказал сердито:

– А где сказано, что зеленых псов нельзя есть... Какую гадость мы только не жрали за время странствий! Даже вино пили... Мрак, отрежь кусочек!

Мрак сидел сытый, довольный, глаза смеялись. В руках у него был ароматно пахнущий ломоть.

– Опоздал. Осталось малость на ребрах. Будешь?

– Буду, – сказал Таргитай торопливо. – Еще как буду!

Он дополз до костра, а Олег сердито встал, ушел. Таргитай догладывал остатки мяса на тощих ребрах, когда слышались шаги и к костру подошел волхв. Руки его по плечи были в крови, на сапоги налипла слизь. Таргитай с ужасом увидел кровь на губах и подбородке Олега. В руках он держал три крупные печенки.

– Я волхв, – сказал он хмуро. – А псы очень странные... Волхвы должны все знать!

Мрак посмотрел на Олега с уважением, поспешно разгреб угли, подул, бросил сухих веточек.

– Теперь вижу, что в волхвовании что-то есть! Ты и того разделал, что больше похож на большую ящерицу?

– Да. У него печень была совсем в другом месте.

– Знаю. Сам искал. А тот, что с гребнем на спине? Там печенка держалась хитро, нужно обеими руками держать за схлопывающиеся ребра...

– Я так и сделал, – сообщил Олег. – А печенку выдрал зубами.

Мрак поспешно разложил добытые куски лакомой еды на горячие угли, принялся переворачивать, обжаривая со всех сторон, усердно хвалил знание, которое, оказывается, иногда и кормит, клялся, что и сам примется изучать внутренности этих странных псов, вот только пусть хорошо прожарится, чтобы сверху была корочка, а внутри чтоб брызгало кровью.

Таргитай грустно смотрел на друзей, внезапно чувствуя себя потерянным. Ныла раненая нога, тело плакало от усталости. Даже Олег чуть отдалился, стал чужим, когда так бестрепетно копался во внутренностях убитых псов... или это не псы, а собаки, если верить Конану? Неужели страсть к волхвованию так сильна, что заставляет труса забыть о трусости?

Он бережно вытащил сопилку.

Часть III

Глава 1

Миновав Долину Битвы Волхвов, они сразу вышли на широкую утоптанную дорогу. Дальнозоркий Мрак углядел в стороне укатанную, протоптанную колею, озадаченно присвистнул:

– Тут их как муравьев... Вон еще едут!

Прячась в траве, проводили глазами ряд крытых повозок, вокруг которых гарцевали всадники. Едва Таргитай начал подниматься, Мрак хлопнул по спине:

– Лежи!.. Еще целый обоз прет следом...

Таргитай без звука рухнул лицом в траву. Со стороны дороги донесся скрип колес, рев скота. Таргитай лежал долго, слушая, как мимо тянется нескончаемый обоз, наконец прошептал:

– Скоро разучимся по-человечьи ходить!.. Все на карачках. Брюхо стало в полоску, как у бурундука спина. Олег, что про бурундуков в книге написано?

– У меня нет книги, – огрызнулся Олег.

– Все равно ты – волхв! Значит, самый знающий.

Олег смолчал, он жадно смотрел из-за стеблей на скачущих по дороге. Одеты лучше, чем простые степняки, кони укрыты цветными попонами, меч у каждого!

– Стольный град близко, – шепнул он, повернув голову к Мраку. – Совсем как локоть, который вчера пытался укусить Тарх...

– Когда это я пытался кусать локоть? – прошипел Таргитай. – Я тебя укусил за ногу, когда ты наступил на меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.